

Сборник

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

ЖЗЛ

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

Сборник

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК 13

(638)

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

Сборник

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1983

Рецензент — доктор исторических наук В. Ф. БОРЗУНОВ

Первопроходцы: Сборник /Сост. Л. Демин. —
П26 М.: Мол. гвардия, 1983. — 352 с., ил. — (Жизнь
замечат. людей. Сер. биограф. Вып. 13(638)).

В пер.: 1 р. 60 к. 150 000 экз.

Герои этого сборника посвятили свою жизнь, свой труд Сибири. Они пришли в Сибирь много позже Ермака, С. Дежнева, но по духу, по смыслу своей деятельности принадлежат к первопроходцам. Таковы В. Римский-Корсаков и Н. Муравьев-Амурский, Г. Сарычев и наш современник — академик А. Окладников.

П 4702010200—274 191—83
078(02)—83

ББК 26.89(2P5)
91(C18)

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Богатство России прирастать будет Сибирью» — так более двух столетий назад прозорливо сказал Михайло Васильевич Ломоносов. Можно было бы прибавить — и Дальним Востоком тоже, но ведь великий ученый имел в виду и этот далекий край нашего Отечества: до недавнего времени прилегающие к Тихому океану земли еще не выделялись отдельным именем. Поразительна глубина пророчества Ломоносова. И с особенной отчетливостью это проявилось уже в наши дни. Невиданные, бесчисленные богатства земли и ее недр, огромные природные ресурсы, широчайшие возможности для дальнейшего развития производительных сил страны — вот что такое сегодня Сибирь и Дальний Восток. На восток обращены ныне взгляды советских людей, с дальнейшим его освоением связаны перспективы социалистической экономики. Достаточно сказать, что в настоящее время осуществляется межведомственная программа «Сибирь», в разработке которой приняли участие шестьдесят академических и более двухсот других научных учреждений и организаций. И неудивительно поэтому, что образы тех, кто первыми шел по еще неисследованным просторам тех краев, привлекают внимание самых широких кругов нашей общественности.

Сборник «Первопроходцы» как раз и отвечает общественной потребности оценить вклад в открытие и первоначальное освоение Сибири и Дальнего Востока выдающихся географов, мореплавателей и ученых России. О подобных людях написано немало книг — и специально научных монографий, и популярных очерков, и чисто художественных произведений. Не обходила своим вниманием их деятельность и серия «Жизнь замечательных людей». В этот раз героями сборника стали не столь широко известные массовому читателю деятели героической эпопеи превращения далеких, почти сказочных земель в «край нашенокский», как выразительно охарактеризовал Дальний Восток В. И. Ленин (Ленин В. И. Соч., т. 45, с. 303). Широки не только географические, но и хроно-

логические рамки сборника. В них книга дает достаточно отчетливое представление об общей картине изучения и освоения Сибири, Дальнего Востока, а также тихоокеанского побережья Североамериканского континента — Аляски и Алеутских островов, вошедших в историю под названием Русской Америки (как известно, близорукая политика царского правительства привела к тому, что эти владения России были утрачены ею в 1867 году).

Открывает сборник очерк о Семене Ульяновиче Ремезове. Этот живший в XVII — начале XVIII века человек, обладая поистине энциклопедическим кругозором, оставил яркий след как картограф Сибири, ее летописец и историк. Отделенный не слишком большим числом поколений от времени первого знакомства русских людей с Сибирью, Ремезов дал много поистине бесценного материала для позднейших исследователей. А его картографическое наследие еще и сегодня привлекает внимание не только историков, но и географов, и даже геологов. Ремезов получил известность и как архитектор, градостроитель и художник. Его личность — это яркая иллюстрация своевременности и внутренней обоснованности реформ Петра Первого, современником и участником которых был этот незаурядный человек.

Второй очерк посвящен Гавриилу Андреевичу Сарычеву. Мореплаватель, гидрограф, картограф второй половины XVIII — начала XIX века, он в конце жизни занимал высокий пост в морском ведомстве и в большой мере способствовал исследованиям русских моряков, уходивших в первые в истории страны «кругоземельные вояжи», предпринявших беспрецедентное комплексное изучение арктических побережий Евразийского материка.

Талантливым ученым — самоучкой, этнографом, лингвистом и естествоиспытателем был Иннокентий Вениаминов (Иван Евсеевич Попов) — герой следующего очерка. Главный интерес в наше время представляют собранные им материалы о происхождении, языке и культуре народов Аляски и Алеутских островов, жителей которых он застал в переломный период их истории, когда исконные обычаи, навыки и привычки вступили в соприкосновение и с положительными, и с теневыми сторонами европейской цивилизации.

Отчасти особняком в ряду героев книги стоит фигура Николая Николаевича Муравьева-Амурского. Не будучи ученым исследователем в прямом смысле сло-

ва, он, тем не менее, активно способствовал и географическим исследованиям Восточной Сибири, Приамурья и Сахалина, и их освоению, занимая в течение целого десятилетия высокий пост генерал-губернатора Восточной Сибири. Его разносторонняя деятельность способствовала героическим усилиям прославленного мореплавателя Г. И. Невельского, открывшего для России низовья Амура и Сахалин. Н. Н. Муравьев-Амурский покровительствовал географическим исследованиям декабристов и, кроме того, сам путешествовал — и немало: помимо предпринятой им поездки через всю Якутию к берегам Охотского моря, что по тем временам представляло собой предприятие трудное и опасное, он непосредственно руководил в 1854—1855 годах экспедициями по Амуру и выполнил ответственную дипломатическую миссию по установлению государственной границы по этой реке.

Следующий очерк — о Воине Андреевиче Римском-Корсакове. Отважный мореход и ученый-гидрограф, он, продолжая исследования Г. И. Невельского, показал проходимость Татарского пролива для морских судов, исследовал амурское устье, обнаружил на сахалинском побережье богатые залежи каменного угля и положил начало их разработке. В. А. Римский-Корсаков интересен еще и тем, что под его влиянием формировалась в значительной степени личность его младшего брата Николая Андреевича — гениального русского композитора. Наконец В. А. Римский-Корсаков, руководя впоследствии Морским корпусом, осуществил ряд прогрессивных реформ военно-морского образования.

Общей чертой всех перечисленных очерков является то, что их герои были искренними патриотами своего Отечества, верно служили Родине, способствовали ее процветанию и могуществу. Отсюда вполне понятная «влюбленность» в них авторов. В то же время авторам не изменяет объективность в оценке обстановки, людей и изображаемых событий. Книге в целом и каждому очерку в отдельности чужда апологетика в какой бы то ни было форме. Достоверность, не чуждающаяся в необходимых случаях показа тех или иных негативных моментов в жизненных обстоятельствах, а иной раз — и в личных чертах героя, определяет позицию авторов.

Когда книга «Первопроходцы» готовилась к печати, скорострительно скончался один из ее авторов, академик Алексей Павлович Окладников. Редакция и коллектив авторов решили посвятить сборник памяти А. П. Оклад-

никова и пополнить его заключительным очерком о самом Алексее Павловиче, подлинном продолжателе славных традиций первопроходцев наших восточных окраин. Очерк был написан одним из ближайших учеников и сподвижников ученого членом-корреспондентом АН СССР А. П. Деревянко.

Несколько слов о других авторах сборника. О С. У. Ремезове написал ленинградский историк и географ, кандидат исторических наук Б. П. Полевой, большой знаток истории географических открытий наших соотечественников на Дальнем Востоке. Доктор исторических наук В. М. Пасецкий, хорошо известный своими книгами об открытиях русских исследователей в Арктике, создал очерк о Г. А. Сарычеве — по существу, первый, потому что сведения об этом замечательном гидрографе и картографе до сих пор содержались в мало доступных широкому читателю изданиях. О Н. Н. Муравьеве-Амурском рассказал доктор исторических наук А. И. Алексеев, автор целой серии книг и статей о первооткрывателях Дальнего Востока, в прошлом военный моряк, служивший на Тихом океане и своими глазами видевший те края, в которых разворачивалась деятельность его героя. Не понаслышке знает далекие окраины страны и Л. М. Демин, автор очерка о В. А. Римском-Корсакове. Туда привели его фронтовые дороги. Кандидат исторических наук Л. М. Демин, ученый-востоковед и литератор, взял на себя и труд составителя всего сборника.

Думается, что выход в свет сборника «Первопроходцы» не останется незамеченным нашей общественностью: книга отчетливо показывает малоизвестные эпизоды славного прошлого нашего Отечества и верно послужит делу патриотического воспитания ее молодых читателей подобно тому, как делают это на протяжении долгих лет выпуски любимой народом молодогвардейской серии «Жизнь замечательных людей».

Академик А. ЯНШИН

СЕМЕН УЛЬЯНОВИЧ РЕМЕЗОВ

Открытие крупных нефтеносных месторождений Западной Сибири чудодейственно повлияло на судьбу старинного города Тобольска. Очнулся он от длительной латаргии, в которую впал еще в XIX веке, когда оказался в стороне от основных путей, идущих в Сибирь. Впервые дошла до города железная дорога, а главное — развернулось в нем и его окрестностях доселе невиданное по своим масштабам строительство. Стал Тобольск стремительно заселяться, притом преимущественно молодежью. Потому с каждым годом он молодеет. Казалось, новое здесь безжалостно расправится со стариной. Но, строя небывалую повесть, тоболяки с великим уважением относятся к памятникам истории. Они не забывают о громком прошлом своего города: ведь длительное время он был «град-столицей» всей обширной Сибири. Здесь когда-то решались многие дела государственной важности. Рассылались отсюда во все концы Сибири различные «наказные памяти». Из Тобольска часто уходили «встречь солнца» русские землепроходцы на поиски «новых землиц» и «новых народов». Отсюда же отправлялись богатые купеческие караваны в разные страны Востока: и в «Туркестан», и в «Бухары», и в «Мугалы» (Монголию), и в дальний Пекин — «Камбалык» («город хана»). В Тобольске бывали и иностранцы, которые потом в других странах мира рассказывали о Сибири не только диковинную правду, но и всевозможные небылицы.

А сколько жило в Тобольске различных замечательных людей: удивительный сказочник Петр Ершов, автор бессмертного «Конька-Горбунка», выдающийся русский художник Василий Суриков, композитор Александр Алябьев, автор незабываемого «Соловья». Наконец, здесь начинал свою необычайную жизнь великий ученый России Дмитрий Менделеев, потомок калмыцкого мальчика, привезенного в Тобольск еще в XVII веке.

Перечисляя своих замечательных людей в хронологическом порядке, тоболяки теперь уже неизменно первым называют Семена Ульяновича Ремезова. Это он еще в XVII веке создавал хвалу великой Сибири, которую в короткий срок освоили «словено-российцы многими тысячами» и которая «изобильна во здравии воздуха и ужиточных вод, богата рыбами и птицами, к питанию зверьми и на одежду». Это он смог первым собрать наибольшее количество сведений по географии ее необозримых просторов.

В обширной плеяде замечательных людей Сибири Семен Ульянович Ремезов занимает действительно совершенно особое место: его можно по праву назвать первым сибирским энциклопедистом, ибо был он мастером на все руки: живописец, зодчий, инженер, писатель, летописец, автор географических и этнографических сочинений и, наконец, выдающийся картограф. Не много ли профессий для одного лица в далекой Сибири, да еще в XVII веке, задолго до возникновения в России Академии наук и даже до рождения Михаила Ломоносова? Как же появился в Тобольске столь необыкновенный талант? Вопрос этот уже давно волнует пытливых историков русской культуры и исследователей Сибири. Благодаря кропотливым изысканиям многих ученых теперь удалось достаточно подробно воссоздать биографию этого замечательного сибиряка.

ОТКУДА И КОГДА В СИБИРИ ПОЯВИЛИСЬ РЕМЕЗОВЫ?

Начнем с фамилии: РЕМЕЗОВ. На первый взгляд тут все очень просто: ремез — это вид синицы. Значит, фамилия Ремезовы образовалась по образцу других русских «птичьих» фамилий — Воробьевых, Синицыных, Лебедевых, Орловых и так далее. Это, казалось бы, должно говорить о русском происхождении фамилии Ремезовых. Однако уже тут нас подстерегает первая неожиданность: при изучении архивных документов XVII века обнаружилось, что дед и отец Семена Ремезова в окладных книгах Тобольска были вписаны в так называемый «литовский список», то есть в список, в который обычно вносились имена служилых людей — выходцев из Польско-Литовского государства. Поэтому сразу возникла догадка, уж не были ли тобольские Ремезовы потомками тех поляков, которые в пору Смутного времени во множестве попали на Русь. В первой половине XVII века в Западной Сибири осели сотни, если не тысячи поляков. Притом в тру-

дах Ремезова нередко встречаются различные полонизмы, а некоторые слова даже просто написаны по-польски. Быть может, Ремезовы действительно ведут свой род от поляков? Правда, до сих пор этого никто не смог доказать документально. Но как бы то ни было, одно бесспорно: судьбы деда и отца Семена Ремезова были уже прочно связаны с Сибирью.

Первым в Тобольск прибыл дед Семена — Мосей (Моисей) Лукьянов Ремезов Меньшой. За какую-то провинность он был выслан из Москвы. Мосей прибыл в «стольный град» Сибири 2 декабря 1628 года. Здесь он смог быстро сделать неплохую карьеру — сразу получил высший чин сибирского казачества: сына боярского с двойным годовым жалованьем «20 рублей, 20 четей ржи, 20 четей овса и 3 пуда соли». В те времена двойное жалованье давалось лишь по специальному решению Москвы, так что, видимо, невелика была провинность Мосея Лукьяновича. Ему стали поручать дела весьма ответственные. Так, в 1640—1641 годах он был послан к джунгарскому правителю (контайше) с дипломатическим поручением, доставил ему от тобольского воеводы богатые подарки — серебряную посуду, сукна, шелковую материю и др. За это контайша должен был положить конец грабегам на юге Сибири.

В 1647 году во время поездки в Москву Мосей Ремезов умер. Вместо него на государеву службу был «поверстан» (принят) его сын Ульян (Юлиан), о котором современники отзывались с большой похвалой: был-де он «снискателен... и хитр о делах». Достоверно известно, что он умел делать географические чертежи и успешно справлялся со всеми поручениями, которые ему давали тобольские воеводы.

НЕОЖИДАННОЕ О РОЖДЕНИИ СЕМЕНА

Долгое время историкам не было известно, когда же именно в семье Ульяна Ремезова родился его замечательный сын. Полвека назад советский историк А. И. Андреев высказал предположение, что Семен Ремезов родился около 1660 года. Доводы Андреева казались весьма убедительными, и поэтому в эту дату поверили многие... Другие возможной датой рождения Семена считали 1662 год. Однако в конце 50-х годов московский историк Алексей Николаевич Копылов в Центральном государственном архиве древних актов обнаружил документ

1688—1689 годов, который содержал послужной список Семена Ремезова. В нем в хронологическом порядке перечислялись все его «службы». А в конце списка была приписка: «А от роду ему, Семену, 47 лет». Так выяснилось, что Семен Ремезов родился либо в 1641-м, либо в 1642 году, то есть на 18—20 лет раньше, чем это до тех пор считалось. Позднее удалось установить подлинный год рождения Ремезова — 1642 год. Согласитесь, что такого рода радикальное уточнение биографии знаменитости случается довольно редко. И оно сразу же многое поменяло.

Например, еще недавно историки нисколько не сомневались в том, что детство Семена Ремезова прошло в Тобольске. Но как раз в год его рождения дед Семена Мосей переехал вместе с семьей в уральскую Нижнюю Ницинскую слободу (она же — Красная или Красноеланская), стал ее «начальным человеком» — приказным и жил там до 1646 года. При нем находился еще неверстаный сын Ульян. Поэтому весьма вероятно, что именно здесь и провел первые детские годы Семен Ремезов (по меньшей мере до четырех лет).

Второй пример. Еще недавно многие полагали, что Семен Ремезов родился в тот самый год, когда его отцу — Ульяну Ремезову доверили выполнить одно необычное дипломатическое поручение: доставить калмыцкому (ойратскому) тайше (тайджэ) Аблаю в верховья Иртыша от русского правительства в качестве подарка... панцирь Ермака! А выходит, что в тот год Семену уже было 18—19 лет. Значит, он сам мог видеть панцирь, доставленный Аблаю. И его сообщение, что панцирь был в пять колец, длиной в два аршина, и плечах — «с четью аршин», на груди меж колец «печати царские — златые орлы», а по подолу и рукавам «опушка медная на 3 вершка» — это сообщение очевидца! Впрочем, о панцире Ермака речь пойдет впереди.

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ СЕМЕНА

В середине XVII века в Тобольске еще не было никаких школ. Образование тоболяки получали только дома. Поэтому всеми своими первыми знаниями — грамотой и историческими сведениями — Семен Ремезов был скорее всего обязан своему отцу Ульяну: по-видимому, он учил сына всему, что знал сам. По самому стилю сочинений Семена Ремезова видно, что он обучался преимуществен-

но по духовной литературе. Ему свойствен язык книжника-начетчика, стремящегося излагать свои мысли выспренно и мудрено, хотя и в его трудах иногда появлялись яркие образы и афоризмы, народные речения.

Рассказы о трагической гибели Ермака, о его двух «волшебных» панцирях, о доблестных сражениях дружины Ермака — все это не могло не зажечь в сердце отрока живого интереса к минувшим дням. Так было брошено семя, породившее впоследствии летописца Сибири Семена Ремезова. И нет ничего удивительного, что в знаменитой ремезовской летописи главным ее героем стал Ермак. Опросы стариков и чтение Есиповской летописи позволили Семену Ремезову довольно зримо представить весь облик Ермака. Ермак, по словам Семена Ремезова, был «вельми мужествен и разумен и человекен и зрачен и всякой мудрости доволен, плосколиц, черн бородою и власы прикудряв, возраст средней и плоск, плечист». Именно таким и изображал Ермака Семен Ремезов на своих многочисленных рисунках. И тут мы прервем свое повествование о самом Ремезове и расскажем об удивительной истории панцирей покорителя Сибири.

ПАНЦИРИ ЕРМАКА

Существует легенда, документами, впрочем, не подтвержденная, что за свою великую услугу России — присоединение Сибири — Ермак будто бы был награжден самим Иваном Грозным царской шубой, кубком и двумя панцирями. По словам Семена Ремезова, от этого подарка Ермак, которому еще недавно за «шалость» на Волге грозила суровая кара, «вельми возвесилися». Современные историки взяли под сомнение этот рассказ. Но одно известно достоверно: Ермак имел какие-то особенные замечательные панцири. Он надевал их, отправляясь в походы. Так было и в начале августа 1584 года, когда он, получив весть о хане Кучуме, пошел «наскоре» вверх по Иртышу к реке Вагаю, где злодействовал Кучум. От быстрого и тяжелого перехода славный атаман и его товарищи «сильно притомлися». Ночь с 5 на 6 августа Ермак решил проспать, не выставив караула, потому что начался проливной дождь. Этой оплошностью и воспользовался Кучум, который расположился на другом берегу Вагая.

Незадолго перед тем один из татар за какой-то тяжкий проступок был приговорен к смерти. Он молил о пощаде. И тогда Кучум объявил, что сохранит ему жизнь,

если тот переплывет Вагай и соберет сведения о русских. Татарин вернулся с радостной для Кучума вестью: русские спят — раздается богатырский храп. Это было так непохоже на казаков, что Кучум не поверил своему лазутчику. Он потребовал, чтобы лазутчик выкрал бы у спящих что-нибудь ценное. Тогда татарин во второй раз перешел Вагай и принес обратно из русского лагеря целых три пищали и три ладунки (патронташи). Лишь после этого хан решился глубокой ночью «как тать» (вор) неожиданно напасть на стан Ермака. Почти все казаки были убиты. Бежать удалось только одному. А Ермака от смерти будто бы спасли его панцири, но ненадолго — всего лишь на несколько минут. Бросился атаман к берегу Иртыша, где стоял его струг. И тут произошла трагедия. В ремезовской летописи сказано: «Ермак же видя своих убиение и помощи ни откуду животу своему, бежа в струг свой и не може скочити: бе одян двема царскими пансыри, струг же отплы от берега, и не дошед, утопе месяца августа в 6 день».

Так, будто бы из-за двух панцирей Ермак утонул в Иртыше недалеко от впадения Вагай. Поэт-декабрист Кондратий Федорович Рылеев посвятил его гибели свои знаменитые стихи, которые в несколько измененном виде стали любимой народом песней. Вспомним последние строки рылеевской баллады:

...И закипев страшной, река
Героя с шумом поглотила.
Лишивши сил богатыря
Бороться с ярою волною,
Тяжелый панцирь — дар царя —
Стал гибели его виною...

Долгое время считалось, что у Рылеева только одна неточность: Ермак не мог плыть в панцирях. Он просто сорвался с борта судна при попытке сесть в него.

Песня живет и будет жить своей жизнью. Но теперь историки и остальное берут под сомнение. Так, приведем мнение советского ученого Р. Г. Скрынникова. В своей статье «Сибирская экспедиция Ермака», опубликованной в 1980 году, он пишет: «Подробности насчет двух панцирей (в другом варианте кольчуги) вряд ли достоверны. Даже во время походов воины надевали тяжелые панцири лишь перед боем. Никогда никто из них не спал в доспехах. Казаки же подверглись на Вагае внезапному почному нападению, и у Ермака едва ли было время на-

деть на себя панцирь. Кроме того, известно, что он не получил такового в подарок от царя».

Далее приводится запись татарской легенды. По ней Ермак был убит татаринном по имени Кучугай во время схватки в стругах на Иртыше. У Ермака будто бы во время боя развязался ремень шлема и обнажилось горло. И тогда Кучугай «прободил в гортань» Ермака.

О дальнейших событиях мы узнаем из летописи, составленной Ремезовым: неделю спустя на Иртыше недалеко от Епанчиных юрт в 12 верстах выше Абалака татарин Яныш, внук Бегиша, ловил рыбу на перемет. Вдруг он заметил, что из воды торчат две человеческих ноги. С великим трудом он вытащил утопленника на берег. По лицу и одежде он убедился, что перед ним был русский, а по богатым панцирям понял, что перед ним человек необыкновенный. Яныш побежал в свою деревню и призвал соседей. Скоро Ермак был опознан. Знатный татарин Кайдал спял оба панциря, и все собравшиеся застыли в удивлении: из ран хлынула алая кровь. Казалось, что кровоточило живое тело. Татары были охвачены суеверным страхом. Отойдя в сторону, они стали расстреливать тело стрелами. И каждый раз, когда стрела попадала в тело, из него начинала снова течь кровь. В страхе перед невиданным чудом татары оставили тело на лабазе с тем, чтобы его расклевали птицы и разодрали собаки. Но никто не тронул тело Ермака: оно почему-то оказалось не подверженным гниению.

Хан Кучум собственной персоной приезжал посмотреть на поверженного врага и радовался безмерно. А потом татары будто бы шесть недель глумились над телом атамана и были поражены, что оно не разлагалось — быть может, этому способствовали осенние холода. Но татарам это показалось странным. Они воображали, что и тут русскому богатырю потворствуют какие-то потусторонние силы. Некоторых из них охватил суеверный страх. Иных начали мучить ночные видения, кошмары, кое-кто будто бы даже повредился в уме. И тогда было решено похоронить Ермака с надлежащими почестями. Устроили погребальный пир, на котором съели 30 быков и 10 баранов. Тело тайно предали земле на Байшевом кладбище под кудрявою сосною. Посвященные в тайну дали торжественную клятву: «Про него русакам не вещать». И более полувек русские не знали, где покоится тело похоронителя Сибири.

Несмотря на строжайший запрет не только указывать

место, где погребен Ермак, но даже и упоминать его имя, среди татар быстро распространились слухи, что на могиле происходят всякие чудеса: то будто бы над ней вспыхивает какой-то таинственный свет, то временами возникает огненный столп в виде горящей свечи. Эти слухи дошли до местного князя Аблая-тайши, того самого, от имени которого получила свое наименование современная Аблакетка, промышленный поселок вблизи Усть-Каменогорска (прежнее название его «Аблакит», что означает «Дом Аблая»).

Однажды Аблай серьезно заболел. Кто-то дал ему щепотку земли с могилы Ермака. Аблай ее съел и быстро выздоровел. С тех пор он уверовал в чудодейственную силу талисмана. Другая щепотка сопровождала его в походах и, по мнению тайши, приносила ему победы над врагами. Тогда-то Аблай и решил, что если у него окажется еще и панцирь Ермака, то вообще забудет о поражениях. И князь стал настойчиво просить русских подарить ему этот панцирь...

В течение длительного времени Аблай-тайша был для России весьма полезным южным союзником. Поэтому в Москве решили удовлетворить его прихоть. И в Западной Сибири начались розыски легендарных панцирей...

Между тем их судьба сложилась по-разному. Один панцирь оставил себе снимавший их татарин Кайдал или Кайдаул (по другим документам Чайдаул) и берег как святыню. Некий Байбагиш-тайша предлагал за него целое состояние: 50 верблюдов, 500 лошадей, 200 быков и коров, 1000 овец и в придачу 10 семейств невольников. Но Кайдал наотрез отказался расстаться со своим сокровищем. Умирая, он завещал своим детям беречь его как зеницу ока.

Второй панцирь татары решили принести в дар главному обскому «шайтану», который стоял на высоком берегу Оби напротив устья Иртыша. Здесь было главное святилище многих обских народов. Сюда, на Белые горы, приносили они свои дары и клали к стопам большого идола. Находился там панцирь недолго — только два года...

В 1586 году на Оби у устья Иртыша на берегу расположился лагерь воевода Иван Мансуров. Там возник недолго существовавший русский — «Обский городок». Однажды воевода решил лихим ударом раз и навсегда покончить с языческим святилищем. Чуть ли не первым ядром пушки он разбил в щепы белогорского «балвана». На некоторое время святилище, находившееся вблизи со-

временного Ханты-Мансийска, перестало существовать. А панцирь Ермака забрал к себе влиятельный обский «князь» Алач.

Когда по приказу Москвы начались поиски панцирей Ермака для Аблая, тобольские власти прежде всего обратились к потомкам Алача, но те не знали, куда делась реликвия. Стали разыскивать детей Кайдаула. Оказалось, что у Мамета Кайдаулова есть панцирь. Предложили за него 30 рублей. Мамет отказался. Тогда тобольский воевода приказал приставу взять панцирь «неволею», то есть насильно. Долгое время считалось, что именно этот панцирь и попал в дом Ульяна Ремезова для передачи Аблаю. Сам Аблай-тайша не очень надеялся на то, что его просьба будет уважена. Когда посольство Ремезова прибыло в ставку тайши, тот осторожно спросил, удалось ли русским достать знаменитый панцирь и прислали ли его к нему. Ульян торжественно ответил: «Послали!» И тогда Аблай весь задрожал от нетерпения: «Подайте ми пансырь».

Аблай так был благодарен русским за бесценный дар, что решил отблагодарить их необычайным способом: он раскрыл им тайну захоронения Ермака. Именно тогда у Ремезовых впервые появился чертеж, на котором было изображено Бегишево кладбище и отмечена могила покорителя Сибири. Позже, в 1697 году, Семен Ульянович Ремезов сделал еще один чертеж этого места. В пояснении к изображению было сказано, что находится могила «выше погоста Бегишевского на горе на мысу под большой сосной близ юрт Баишевых при речке Башкурию(?) по течению на левой стороне на мысу горы». Несомненно, на этом месте следовало бы воздвигнуть новый памятник Ермаку!

Геолог Дмитрий Николаевич Фиалков из Омска как-то посетил место захоронения Ермака и пытался у местных татар добыть какие-нибудь дополнительные сведения. Самые упорные расспросы ничего не дали. Не обошлось и без курьеза. Прибыв вторично в Бегишево, Фиалков вдруг услышал, что один старый татарин знает «тайну» могилы Ермака. Геолог разыскал этого татарина и из его уст услышал пересказ сообщения Ремезова. С огромным волнением он спросил своего информатора: «Вам это, наверно, рассказывали ваши родители или старые люди?» На что старый татарин улыбнулся и ответил: «Зачем? Вот читай. В районной газете сказано: «Омский геолог Д. Н. Фпалков установил...»

Аблай-тайша впоследствии пожалел о том, что он вы-

дал тайну, Ульяна Ремезова стал считать обманщиком. Почему? Вот что удалось узнать историкам.

Однажды тайша встретил Мамета Кайдаулова и похвастался ему, что стал хозяином «панциря Ермака». Он показал свое сокровище. И тут вдруг Мамет неожиданно заявил, что показанный Аблаем панцирь... совсем не тот, который был у него насильно отобран. Мамет утверждал, что подлинный панцирь Ермака был «длиннее и около грудей напереды кольца часты, напереды ж ниже пояса прострелено, испорчено одно кольцо». Следовательно, кто-то в Тобольске подменил реликвию. Но кто мог это сделать? Пристав, который был послан к Мамету, едва ли осмелился бы на такое. Может быть, тобольский воевода И. А. Хилков или кто-нибудь из его окружения? Это наиболее вероятно — ведь всякому хотелось бы иметь у себя такой чудодейственный талисман, о котором ходили самые необыкновенные рассказы. Как свидетельствует сам Семен Ремезов, панцирю приписывали поистине магические свойства: «чудотворение, болезненным исцеление, родильницам и младенцам отогнание недугов, на войне и на промыслах удача».

В ремезовской летописи нет ни слова о подмене панциря Ермака. Быть может, Семен Ремезов ничего не знал об обмане, невольным соучастником которого был его отец. Впрочем, Мамет Кайдаулов мог сознательно сказать неправду Аблаю, поскольку сожалел о своей потере. Во всяком случае, Аблай-тайша поверил Мамету, огорчился и даже снарядил новое посольство, требуя передачи ему подлинного панциря Ермака. Но вскоре тайша был разбит знаменитым калмыцким Аюка-ханом и попал к нему в плен. Благодаря вмешательству русской дипломатии Аюка выдал пленника московским посланцам. Вскоре Аблай-тайша умер в Москве. Его сын Чаган-тайша в 1670 году снова обратился с просьбой, чтобы ему передали легендарный панцирь. До сих пор остается неизвестным, как ответила Москва на эту просьбу. Возможно, ответа вообще не последовало, так как вскоре «княжество» верхнеиртышского Аблая вообще перестало существовать...

В ДОМЕ ОТЦА

Семен Ремезов весьма долго жил совместно со своим отцом. Хотя тот пользовался всеобщим уважением, жили довольно бедно, особенно после поездки к Аблаю-тайше,

когда немало личных денег ему пришлось потратить на содержание свиты. Сам Ульян Ремезов с горечью отмечал: «От той посылки оскудел и обнищал... и жизнь свою тем утратил».

Но стрелецкий сотник продолжал честно выполнять все поручения, которые ему давали тобольские воеводы. В 1664 году он ездил вверх по Ишиму для «досмотру земли и соляных озер». Это было очень важное поручение: в те времена на Руси ощущалась острая нехватка соли. Она ценилась очень дорого, и поиск новых соляных озер считался важным «государевым делом». Поход прошел весьма успешно: были найдены два соляных озера. И еще подысканы места под пашню для русских переселенцев. Было избрано место и для строительства будущего острога. Всему этому Ульян представил географический чертеж.

В 1665 году Ульян Ремезов вновь нашел соляные озера и пригодные для пашни места. По его инициативе во многих местах на Ишиме русские люди начали поднимать целину.

В 1666 году Ульяна Ремезова послали в Пелым собирать у крестьян хлеб на государевы нужды.

1667 год принес семье Ремезовых существенные перемены. В том был повинен новый тобольский воевода Петр Иванович Годунов, тот самый воевода, при котором были созданы широко известная исследователям «Ведомость о Китайском государстве» и знаменитый чертеж Сибири 1667 года.

Известный историк русской картографии Л. С. Багров составителем «Годуновского чертежа Сибири 1667 г.» считал Ульяна Ремезова. Так ли это на самом деле? На этот вопрос можно дать убедительный ответ лишь после знакомства с первыми картографическими службами самого Семена Ремезова.

После прибытия в Тобольск в мае 1667 года П. И. Годунов сразу обратился ко всем тобольским служилым людям с просьбой помочь ему в выявлении новых источников доходов для государевой казны. Одним из первых на этот призыв откликнулся Ульян Ремезов. Еще 3 сентября 1667 года он подал воеводе челобитную, в которой выразил желание «послужить и поработать и прибыль... казне учинить». Чего только не предлагал Ульян! Прежде всего он посоветовал больше не отправлять из Тобольска на знакомый ему Ишим тобольских казаков на «годовалую» службу, а поселить сюда служилых на «вечное житье» и

вместо денежного и соляного жалованья выделить им пашни. Ульян Ремезов даже произвел арифметические расчеты, чтобы определить размер «прибытков» от этой реформы. Предлагал он и обложить пошлиной всех торговых людей, ехавших из Тары в Тобольск. Конечно, такие предложения весьма понравились Петру Годунову. Ульян Ремезов попал в число доверенных приближенных правителя Сибири. Положение семейства Ремезовых заметно улучшилось. Появился материальный достаток.

В апреле 1668 года Ульян Ремезов был вновь направлен из Тобольска на Ишим. «Наказная память» (инструкция) гласила: «За прежние и за нынешние службы и за работу и за радение... велено ему, Ульяну, в Ишимском острожке на порозжей земле строить и крестьян и беломестных казаков прибирать из всяких чинов и из вольных гулящих людей». По существу, Ульяну Ремезову поручали выполнить то, что он же и предлагал! Сам Ульян был назначен главным управителем тех мест — приказным Ишимского, Тебендинского и Коурдацкого острожков.

На Ишим во главе с Ульяном Ремезовым пошел небольшой отряд казаков. Существует предположение, то в этом походе участвовал в качестве рядового казака и Семен Ремезов. Дело в том, что известно любопытное поручительство 10 участников похода Ульяна Ремезова, в котором они взаимно торжественно клянутся «никаким воровством не воровать, в зернь и карты не играть и з государевы службы не збежать». Среди десяти казаков фигурирует «Семен Ульянов». А на обороте документа подпись: «К сей поручной яз, Сенька Ульянов вместо товарищей своих... по их велению и за себя руку приложил». Грамотный Семен Ульянович Ремезов это вполне мог сделать. Но почерк «Семена Ульянова» непохож на хорошо известный почерк С. У. Ремезова, да и сам он не включил этот поход в «роспись» своих служб. Поэтому кое-кто из историков считает, что в отряде Ульяна Ремезова мог быть не его сын, а какой-то иной казак с тем же именем и отчеством. Но может быть и так, что Семен Ремезов сознательно не упоминал об этой службе, поскольку, во-первых, он служил с отцом без официального верстания в казаки, а во-вторых, позже настало время, когда лучше было помалкивать о своих службах под началом Петра Годунова: стало это считаться уже слишком зазорным...

На Ишиме Ульян Ремезов прослужил весьма успешно

еще два года. Но потом в судьбе Ульяна произошел крутой поворот...

Энергичное рвение П. И. Годунова в выявлении новых объектов обложения налогами и в поиске новых источников «государевых прибытков» вызвало недовольство как среди местного населения, так и среди сибирского казачества. Коренные жители — южные татары, жаловались на то, что их теснят с насиженных земель, а старые казаки были недовольны тем, что у них урезали жалованье и мало считались с былыми заслугами — и их самих, и родителей. Недовольные потребовали смещения Петра Годунова. В Москве еще хорошо помнили, сколько сил потребовалось приложить для подавления восстания Степана Разина, и опасались, что и среди сибирских казаков начнутся восстания. Да и к тому же Романовы по традиции весьма подозрительно относились к представителям семейства Годуновых. Петр Годунов был смещен, а заодно были направлены в ссылку все его ближайшие помощники, в том числе и сам Ульян Ремезов. Его послали в тот самый далекий обский Березов, куда семь десятилетий спустя был сослан сподвижник Петра I Александр Меншиков. Впоследствии Семен Ремезов располагал подробным чертежом низовьев Оби. Либо он сам там бывал у отца, либо этот чертеж был выполнен его отцом. Одно достоверно известно, что в эти годы Семен Ремезов еще не был на государственной службе. Чем именно он занимался тогда — пока остается неизвестным. Видимо, жил как простой тобольский посадский.

НАЧАЛО СЛУЖБЫ И СЕМЬЯ СЕМЕНА

В 1676 году тридцатичетырехлетний Семен Ремезов женился. В жены он взял некую Евфимию Митрофановну, 21 года от роду. От этого брака родились дети, которые с юных лет стали помогать отцу во всех чертежных делах. Первым родился в 1677 году сын Леонтий, два года спустя, в 1679 году, — Семен, а еще через два года, в 1681 году, — третий сын Иван. Была еще у него и дочь Мария, время рождения которой неизвестно. Семья быстро росла, и нужно было что-то предпринять для улучшения своего материального положения. В конце концов Семен Ремезов решил бить челом, чтобы его поверстали по заслугам отца и деда прямо в высший казачий чин — в сыновья боярские. В 1682 году челобитная была уважена. Тобольский воевода А. А. Голицын «приговорил» Се-

мену Ульянову Ремезову, «неверстанному сыну боярскому... быть в детях боярских» вместо убитого в бою Петра Заболоцкого. Назначили ему и годовое жалованье: «7 рублей, 7 четей ржи, 7 четей овса, 2 пуда соли». Для сына боярского это не столь уж много, но ведь то было жалование «новичное», то есть впервые уплачиваемое...

Семен был человеком грамотным, способным работать в качестве землемера. При необходимости мог он и составлять географические чертежи. Поэтому его сразу поставили в «выдельщики», то есть он стал ответственным лицом по сбору «выдельного хлеба» — урожая. В такой работе необходим был тщательный учет всех крестьян и числящихся за ними недоимок, точное определение размера используемой под посевы земли. С этой целью Ремезова стали посылать в самые различные части обширной территории Западной Сибири и Урала, которая была подвластна тобольским воеводам. Собираться приходилось поспешно, передвигаться — с наибольшей возможной тогда быстротой. Недаром в семье Ремезова все эти служебные командировки сравнивались с полетом стрелы. А в сочинениях Семена мы читаем афоризм: «Во все страны летячая стрела — тоболян езда».

Еще в 1682 году Семен Ремезов был послан за Тару в Биргаматскую слободу «для доправки на крестьянах хлеба и денег». Подобная служба была малоблагодарна: не так-то легко обирать крестьян, да ведь вся «государева служба» у выдельщиков на том и стояла...

В 1683 году в разгар весеннего половодья Семен Ремезов поехал в Верхотурье за хлебными запасами. Поездка оказалась очень тяжелой: «вешнее водополье» было весьма бурным. Позже Семен писал, что «во многом истоплении был при смерти и на мелях Туры реки в трудности». Несмотря на это, он вполне справился со всеми ему данными поручениями. И отчитался как положено. Тем самым молодой служилый еще более укрепил свою репутацию.

В 1684 году Ремезова вновь посылают в Верхотурье «для приема и проважания» хлебных запасов. Под его началом — свыше ста казаков. Должен был он разослать их по уральским слободам — в Невьянскую, Ницинскую, Белослудскую, Ирбитскую и другие, где им предстояло собрать «выдельной хлеб». А по весне, как лед вскроется, погрузить на дощаники и доставить водным путем в Тобольск крупы и муку.

В походе произошел инцидент. То ли Ремезов не обла-

дал достаточно твердым характером, то ли по другой причине некоторые казаки «учинились ему, Семену, не послушны, в Тагильскую слободу не поехали, а поехали своим непослушанием в Невьянскую слободу». Ремезову пришел на помощь верхотурский воевода М. А. Толстой: он сурово наказал ослушников — иным довелось отведать кнута. Хлеб и крупы из Верхотурья были своевременно доставлены в Тобольск.

Такие поездки для сбора «выделного хлеба», сбора оброка и для «описных земельных дел» продолжались и в последующие годы.

В 1687 году Семена Ремезова посылали вниз по Иртышу «для рыбные ловли», а заодно и для сбора ясака. А в 1688 году он вновь собирал различные недоимки и принимал участие в борьбе против участвовавших случаев запрещенного законом винокурения.

В ту эпоху в Сибири «вина курить, мед и пиво варить» разрешали только к крупным праздникам или к свадьбам. Да и то после подачи особой челобитной и уплаты пошлины. Нарушители установленного порядка карались крупными штрафами, а пойманных «в другой ряд» сажали в тюрьмы. Шли в ход батоги и плети. Однако соблазн более дешевого алкогольного напитка был велик и число самогонщиков росло. Всем приказным поручалось ловить пьянчуг и у них узнавать, откуда они добывали хмельное. Самогонные аппараты — так называемые «питухи» — приказано было разбивать, а с виновных брать большие штрафы. Поэтому в борьбе с бражниками нетрудно было казне учинить «прибыль великую». В 1688 году Семену Ремезову удалось таким способом собрать около 30 рублей — сумму по тем временам большую.

Естественно, жизнь в постоянных командировках была для Ремезова тяжелой. Но, находясь в Тобольске, он тоже не сидел без дела. Особенно часто ему приходилось заниматься черчением. Ровно через год после поступления на государеву службу, в 1683 году, Семен Ремезов выполнил свой первый чертеж — города Тобольска. Тогда же принял участие в проведении переписи драгун, казаков и тяглого населения Тобольска. Затем составил списки многих острогов и слобод, входящих в состав воеводства, с указанием их расстояния до стольного града Сибири, числа обретающихся в них служилых людей и имеющегося там вооружения. Эту работу Семен Ремезов продолжил и в 1684 году. 8 февраля он представил новый дополнительный список 34 острогов Тобольского уезда с данными

об их служилых людях и количестве наличного оружия.

Летом 1686 года Ремезов создает еще одно начертание города Тобольска. А 18 июня 1687 года завершает работу над новым чертежом Сибири. За основу взял данные 1667 года, но из простой картосхемы постарался создать карту с насыщенной «нагрузкой» (свыше 600 географических названий!). Собственноручная копия этого интереснейшего документа дошла до нас. По ней легко можно убедиться, что внешне он уже походит на географическую карту, но сделан по-прежнему «на глазок», без математической основы. Тем не менее это изображение Сибири выполнено гораздо лучше всех ранее сделанных, а потому неудивительно, что уже к этому времени Семена Ремезова стали считать в Тобольске настоящим мастером чертежного дела. В последующие два года Семен «написал» новый подробный чертеж тобольского земляного городского вала.

В 1689 году Семен Ремезов потерял своего отца. Видимо, в последние годы своей жизни Ульян Ремезов помогал обучать грамоте внуков, хотя жил отдельно от них. Несмотря на частые отъезды Семена, сыновья его рано пристрастились ко всякого рода чертежным работам и иным письменным делам.

В 1690 году в жизни Семена Ремезова произошло важное событие: он впервые побывал в Москве. В столице Семен находился с конца февраля до начала мая. С группой бывалых казаков ему поручили доставить туда различные документы Тобольска: окладные книги, сметный список и прочее. Подробности первого пребывания Ремезова в российском стольном граде остались неизвестными. Найдены лишь краткие записи о выдаче тоболякам тех или иных сумм на расходы.

После возвращения из Москвы Семен в 1691 году был отправлен за реку Ишим в сторону Казахстана («Казачьей орды»). Поход оказался весьма нелегким. В пути Ремезов потерял лошадей. С великим трудом удалось вернуться в Тобольск. А там вновь ждали его новые «посылки». Опять «летающая стрела» устремлялась то за хлебом, то за ясаком, то за рыбой. Утомительные странствия помогли лучше изучить обширные просторы сибирской земли.

Все чаще и чаще Семена Ремезова использовали и как «изографа» — художника. Так, к 1 августа 1694 года со своими помощниками он за четыре дня расписал «золо-

том с красками» часовню «для поставления на реке Иртыше иорданского освящения воды». В следующем году умелец «сработал, сшил и написал мастерски к конным и пешим полкам» 7 камчатных знамен. Краски, золото, серебро и материал мастеру пришлось покупать на свои деньги. И позже он жаловался, что все эти расходы тобольские власти не сочли нужным ему возместить. Любопытно отметить, что именно под этими знаменами самому Семену пришлось отправиться в военный поход в отряде тобольского дворянина А. Кляпикова для защиты южных рубежей воеводства. Путь его шел через Ялуторовск к Суерской слободе на Царево городище и далее к Воскресенскому городку, где завязался жестокий бой с неприятелем. Русский отряд одержал полную победу.

По возвращении в Тобольск Ремезов узнал, что именно ему тобольские воеводы поручили выполнить две ответственные работы: во-первых, составить чертеж «Казачьей орды» (Казахстана), а во-вторых, заняться составлением нового изображения Сибири.

РОЖДЕНИЕ ЧЕРТЕЖА «КАЗАЧЬЕЙ ОРДЫ»

В конце XVII века на юге Западной Сибири было неспокойно. Особенно тревожное положение сложилось в верховьях Иртыша у Ямыш-озера, где сибиряки брали соль. В 1691 году с юга сюда налетел отряд мурзы Килдея. Русских поселенцев не щадили — «копьями кололи и из ружья в них стреляли». Уцелевших взяли в плен и двинулись к северу. В Утецкой и Камыцкой слободах — налетчики «дворы сожгли, а прикащика и многих людей крестьян порубили до смерти и в полон побрали русских людей мужеска полу и женска многое число». Затем учинили погром в Ялуторовске, где разбили отряд тобольского дворянина Василия Шульгина. Сотни русских людей ожидала участь невольников. Такое нельзя было терпеть. Из Тобольска вышли ратные люди и нанесли врагам сильный удар. Сам Килдей попал в плен. Он считался подданным южноказахстанского феодала Тевкихага. Было решено снарядить к Тевкихану особое посольство с тем, чтобы потребовать от него прекращения бесчинств. Во главе посольства поставили многоопытного тобольского сына боярства Андрея Неприпасова. Тевкихан потребовал возвращения ему мурзы Килдея. Килдея отпустили. Но Тевкихан насильно задержал у себя всех участников посольства Неприпасова. Подданные Тевкихана продол-

жали бесчинствовать на южных окраинах Западной Сибири...

Тогда из Москвы приказали тобольским властям направить к Тевкихану новое посольство. На этот раз выбор пал на хорошо знакомого Семену Ремезову Федора Скибина, потомка польского переселенца. В помощь ему выделили казака Матвея Трошина. Проводником — «вожом» назначили тобольского купца татарина Таушко. И 4 апреля 1694 года посольство двинулось в путь вверх по Тоболу к Абдашскому острогу на Вагае, затем с верховьев Вагая через Капканинские юрты к верховьям Ишима. И тут-то с посольством произошли первые неприятности: казахи и каракалпаки «скрали» у русских лошадей и караульных, а потом стали грозить русским «убийством». Отряд Скибина и Трошина продолжал продвигаться на юг. Шли безводной степью. У реки Сарысу на них вновь нападали каракалпаки, а когда дошли до «Атуба камени», их обстреляли из ружей и луков 60 казахов, убили кашевара и ограбили «без остатку». Эти налеты продолжались «с половины дни до вечера». Русские вынуждены были засесть в какое-то «крепкое место», чтобы держать оборону. На вопрос: «Чего вам надобно?» казахи ответили: «Головы ваши». Ночью русским удалось оторваться от своих преследователей...

Вскоре встретили трех калмыков. Из немногих уцелевших запасов дали им шкуры четырех лисиц и трех бобров, чтобы они доставили их к Тевкихану. Калмыки же, взяв дары, заявили, что им нужен «добрый верблюд», и уехали. Вернулись назад с большим отрядом, который немедленно отобрал у русских «ружья, пищали и сабли и луки и ножи», всех связали и повезли «босых на неоседланных лошадях». По дороге вероломные налетчики издевались над пленниками и даже грозились их перебить. Так и доехало злополучное посольство до города Саврана. Несмотря на свое бедственное положение, русские старались собирать подробные сведения о путях в «Тургистан» (Туркестан), которым правил Тевкихан. От Сарысу их везли до Туркестана «мимо Сусака» 7 дней «безводным каменным местом», а из расспроса они узнали, что существует и другой путь «через Сауксан камень через Чюю реку (Чу) и хребет «Аксубы» до калмыцкой дороги, ведущей к Саврану — путь в 13 дней, да удобнее: «воды много и место ровное» вблизи Сырдарьи.

22 июля пленники прибыли в ставку Тевкихана и здесь встретили задержанного ранее Неприпасова. Тев-

кихан держался надменно. Перед «послами», представленными перед ним в самом жалком виде, даже шапки снимать не стал. Себя виновником бесчинств не признавал — все валил на своих непослушных подчиненных. И даже под этим самым предлогом решил задержать Скибина и его спутников у себя: мол, в степи могут их убить «ертаулы».

Неоднократно Скибину и его товарищам угрожали смертью, не давали корма, но они все терпели. Особенно тяжело было им видеть, как па их глазах продавали в рабство соотечественников и земляков. В конце концов они решили бежать. Матвею Трошину удалось бежать в конце мая 1695 года в Бухару. А в ноябре туда же попал и Скибин. Там обоим пришлось выдавать себя за ногайцев. Из Бухары через Ташкент скитальцы направились в Хиву, куда и прибыли ровно месяц спустя.

Хива стала ареной кровавых событий. «Ближние люди» опоили хивинского Арал-хана «смертным зельем» и вместо него на ханскую кошму посадили его сына. Прослышав об этом злодеянии, в Хиву ворвались сторонники убитого властителя и возвели на престол его родственника Кабаклы-хана. Но в октябре 1696 года, когда Кабаклы-хан ехал из мечети, он был схвачен и растерзан толпой. Новым ханом стал Калмаметь. Свидетели всей этой кровавой резни Скибин и Трошин продолжали выдавать себя за ногайцев. Из Хивы они отправились к реке Яик (Урал), потом в низовья Волги, где правил в то время известный калмыцкий предводитель Аюк-хан, хорошо относившийся к России. Тут Федор Скибин и Матвей Трошин раскрыли свое инкогнито и были приняты с почетом. Им «учинили корм» и отпустили к русским яицким казакам, а оттуда уже многострадальные дипломаты добрались до Уфы. Из Уфы Федор Скибин вернулся в Тобольск. Естественно, в Сибирском приказе пожелали, чтобы он составил чертеж всех своих необыкновенных странствований. Но в чертежном деле Скибин смыслил мало, а потому в Тобольске порешили поручить это важное «государево дело» лучшему из тобольских «чертежников» — Семену Ремезову.

По грамоте, пришедшей из Москвы, было приказано Федору Скибина и его товарищей, «которые были в Казачьей орде у Тевкихана», допросить «сколь далеко от Тобольска до Казачьей орды и каким путем ход бывает и много ль дней идти будет сухим путем; горы каменные

есть ли и летним путем ратным людям каким в кормах скудости не будет ли и сколь рек и те реки велики ль и переправы какие через те реки; от Тевкиханова города до Бухарии сколько пути и сухой ли путь или водяной и буде сухим путем можно ль ехать и в сколько дней поспеть можно, также от Бухарии до Яика куда ближе в Хиву или в Астрахань и каким путем сухим или водяным; горы или камень в тех местах есть ли. Тому всему учинить чертеж по три аршина и на том чертеже написать все подлинно и подписать именно...».

Удалось установить, что именно этот наказ и был в Тобольске передан Семену Ремезову. Тем самым выяснилось, что настенный чертеж всей «Казачьей орды» и «Бухарии» размером как раз 3 аршина на 2 на бязи сделан не Федором Скибиным, а Семеном Ремезовым. Но Ремезов не ограничился подробным расспросом Скибина и его спутников, а привлек к этой работе и других сведущих людей — «Тобольского города и иных городов всяких чинов старожилы, ведомцев, бывальцев и полоняников русских и иноземцов бухар и татар и калмыков и новокрещенных». С 17 апреля 1696 года по 3 марта 1697 года продолжался их опрос. А 20 марта 1697 года сын боярский А. Денисов повез готовый чертеж в Москву. До нас дошла его копия, по которой нетрудно убедиться, что Семен Ремезов очень многие подробности внес туда сам: ведь он отлично знал и Тобол, и Иртыш, и Ишим, и сам еще недавно ходил в военный поход на юг.

Изучение скибинской одиссеи позволило Семену Ремезову впоследствии составить еще три изображения южных земель. Одно показывало земли от Западной Сибири до Амударьи, Сырдарьи и Каспийского моря. Другое было озаглавлено «Чертеж земли всей безводной и малопроездной каменной степи», и, наконец, малоизвестный «Чертеж всех с камней потоки рек имени наличия снискательно бывальцы и уроженцы». Названия-то какие заковыристые — вот что значит влияние старинной церковно-книжной премудрости! Во всех этих работах очень многое было дано по сообщениям Федора Скибина.

Параллельно с начертанием изображения «Казачьей орды» и «Бухарии» Ремезов должен был выполнять и другую, еще более ответственную работу — большой чертеж части Сибири. Это задание потребовало от него немалых усилий, но именно оно принесло ему заслуженное признание в Москве в Сибирском приказе. Наступил его «звездный час» — пора наивысшего успеха тобольского самоуч-

ки. Но у знаменательной истории ремезовских работ 1696—1698 годов была своя весьма любопытная предыстория. Вспомним ее хотя бы в общих чертах.

НА ПУТИ К «БОЯРСКОМУ ПРИГОВОРУ»

В 1690 году в Амстердаме вышла знаменитая «Новая ландкарта Северной и Восточной Татарии 1687 г.» голландского географа Николаса Витсена. Это была необыкновенная карта: на ней впервые в Западной Европе по русским источникам была подробно изображена вся реальная Сибирь — от «Каменного пояса» (Урала) до «Амурского моря» (Тихого океана). Эту карту Витсен посвятил Петру Первому. Голландский географ еще в конце восьмидесятых годов XVII столетия прослышал о больших дарованиях молодого русского царя, о его живом интересе к географии. Несколько экземпляров карты Витсен направил в Москву. Карта произвела сильное впечатление в русской столице, и в 1691 году Витсен от имени двух русских царей — Петра и его номинального соправителя, слабоумного Ивана, получил особую грамоту с благодарностью.

Картой Витсена заинтересовались ученые Европы. Ее мечтал иметь знаменитый математик, естествоиспытатель и философ Г. В. Лейбниц. Виднейшие картографы той эпохи — Винченцо Ксронелли, Гийом Делиль, Карл Аллард и другие — отзывались о ней с похвалой и использовали ее в своих новых картах. Один из руководителей известного английского научного философского общества, граф Ольденбург, за эту карту даже назвал Витсена «новым Колумбом».

В 1692 году Витсен выпускает отдельной, необыкновенно большой книгой (ее объем — свыше 100 печатных листов!) основные письменные источники, которые он использовал при составлении своей карты. Книга, как и карта, была названа «Северная и Восточная Татария», и тоже была посвящена Петру Первому. С ее содержанием царя познакомил его близкий друг Андрей Виниус, служивший длительное время «толмачем» (переводчиком) Посольского приказа. Андрей Виниус был сыном голландского предпринимателя, который еще в шестидесятых годах XVII века основал под Тулой один из первых в России чугуноделательных заводов. В начале 1665 года Андрей Виниус впервые встретился с Николасом Витсеном, когда тот приезжал в Москву в составе голландского по-

сольства. В 1672 году Андрей Виниус посетил Витсена в Амстердаме, и с тех пор между ними завязалась дружба. Их объединял большой интерес к слабо известной тогда в Европе географии Сибири. В ту же пору Виниус и сам составил карту Сибири, на которой изобразил путь из Москвы в Китай.

Виниус оказывал большую помощь Витсену в его картографических работах: не раз пересылал ему в Амстердам различные русские географические материалы, относившиеся к Сибири. Но прекрасно владевший русским языком соратник Петра ясно сознавал, что изданная в Голландии карта далека от совершенства. Например, в верховьях реки Амур Витсен изобразил область, которую назвал «Otsel Poschel». Нетрудно догадаться, что за географическое название им была принята русская пояснительная надпись: «Отсель пошел (Амур)!» Появился на его карте и таинственный остров, который назывался «Stollpka Memsoy». Это было несколько искаженное русское название «Столп каменной», заимствованное из чертежа Сибири 1673 года. В его описании, «росписи» имелась загадочная фраза: «Столп каменной, вышел из моря, высок без меры, а на нем никто не бывал». О какой географической реалии здесь идет речь, пока неизвестно. Одни исследователи относят эту надпись к острову Алайд (острову Атласову), другие — к мысу Столбовому у устья Камчатки, третьи — к Ключевской сопке. Судя по изображению на карте Витсена, это скорее всего остров Алайд или один из Шантарских островов.

Видя на карте своего амстердамского знакомого столь курьезные ошибки и неточности, Андрей Виниус, как глава Сибирского приказа, естественно, желал создать более достоверную карту подведомственного ему края.

В девяностые годы влияние Виниуса в Москве стало быстро расти. В 1693—1694 годах он благодаря своим тесным связям с Витсеном помог Петру Первому закупить в Голландии первые морские корабли. За это царь наградил Витсена бриллиантовой звездой, а Виниуса вскоре сделал дьяком Сибирского приказа, — то есть одним из его руководителей. Воспользовавшись своим новым положением, тот порекомендовал главе приказа боярину князю Ивану Борисовичу Репнину, в прошлом тобольскому воеводе, приступить по всей Сибири к составлению новых географических чертежей. Идею поддержал и царь. 10 января 1696 года боярская дума в Москве обсудила этот вопрос. Ее решением — «боярским приговором» — было при-

казано во всех сибирских воеводствах составлять подробные настенные чертежи размером 3 на 2 аршина на холстине, так, чтобы на них было бы ясно видно, «сколько верст и дней ходу города от города, также и русские деревни и волости и ясачные волости от того города и на каких реках те города и уезды и ясачные волости стоят, и то описать на чертеже именно», то есть со всеми названиями. Одновременно властям в Тобольске поручалось составить особое «описание сибирских и порубежных народов». На этот любопытный «приговор» обратил внимание Пушкин, отбирая материалы для своей «Истории Петра Великого».

Для выполнения столь важной работы в Тобольске необходимо было найти «доброго мастера». Нетрудно догадаться, что выбор пал на многоопытного Семена Ремезова.

РОЖДЕНИЕ «ЧЕРТЕЖА ЧАСТИ СИБИРИ» (1696—1697 гг.)

Составить подробный общий чертеж хотя бы одного Тобольского уезда в ту пору было нелегко: даже в самом Тобольске не было многих местных чертежей. И Ремезов принял правильное решение — на месте получить недостающие сведения. Уже 28 октября 1696 года он выехал из Тобольска на запад с тем, чтобы самому «написать» подробные путевые «чертежи с урочищи» с изображением Исети, Ницы, Пышмы, Тобола, Мияса, Туры, Танды и других западносибирских и уральских рек. Местным властям было приказано оказывать Ремезову всяческое содействие. Воеводский наказ гласил: «Вы, прикащики и слободчики, давайте ему, Семену, где ему чертеж делать, постоянный двор и свеч и чернил и для указывания всяких урочищ старожилов, беломестных казаков и крестьян... и в той описи никакой помешки ему не чинить... И всякие урочища и озера и речки и всякие уголья указать и давать ему от слободы до слободы для розсылки и в Тобольск для посылки с отписки беломестных казаков, чтоб никакой остановки в том деле не учинилось...»

В суровых условиях зимы 1696/97 года пришлось путешествовать Семену Ремезову. Собран был ценнейший географический материал. Но когда Ремезов вернулся в Тобольск и начал на ткани делать красками большой настенный чертеж «части Сибири», он вдруг с горечью убедился, что даже в большой настенный чертеж ему не удастся вместить всю ту богатейшую географическую ин-

форму, которую удалось собрать. Вот тогда-то «из-за невмещения парчи» он и решил к сводному общему изображению «части Сибири» добавить еще особый «прилог» в виде отдельной чертежной книги (атласа). В него Семен включил все собранные им материалы. Сказано — сделано. И в далекую Москву вместе с большим настенным чертежом была Ремезовым направлена книга, включавшая множество так называемых «чертежей с урочищи» — подробных схем отдельных сибирских рек. Они частично делались по старым данным, частично были подготовлены самим путешественником, причем на всех были употреблены условные обозначения в виде отдельных букв.

В Москве новый труд Семена Ремезова был оценен по достоинству и «похвален паче иных протчих в полности мастерства чертежей». Долгое время историки недоумевали, почему Ремезов, пославший в Москву «чертеж части Сибири», вдруг был удостоен большой похвалы за мастерство чертежей (во множественном числе!). Теперь, когда стало известно, что он к присланному общему изображению уезда добавил еще особый атлас, все стало понятным.

Но как же внешне выглядели эти многочисленные местные «чертежи с урочищи»?

Лишь в 1958 году в Голландии в Гааге впервые была опубликована так называемая «Хорографическая чертежная книга» Семена Ремезова. В этом интереснейшем атласе и оказалось великое множество подробных путевых «чертежей с урочищи» отдельных рек Сибири и Урала. Достаточно сказать, что только один Иртыш в этом атласе был изображен на... 33 отдельных схемах! Были они сделаны в традиционной манере русских землепроходцев: по середине листа жирной кишкой изображалось основное течение реки. По бокам показывались произвольно деформированные притоки — «сторошние реки» со всякими «урочищами» — приметными местами. То это было отдельное малое селение — зимовье или деревня, то — село или слобода, то какие-нибудь промысловые «угожья», то даже просто отдельное, чем-либо необычное дерево, ключи, бьющие из-под земли, и т. п.

Оказались в этой книге-атласе и многие копии тех путевых набросков, которые тобольский умелец делал во время своего нелегкого зимнего путешествия по рекам Западной Сибири и Урала. По ним ясно видно, что Ремезов при картографировании отдельных рек использовал давно уже выработанную на Руси методику составления

примитивных путевых чертежей Сибири. И тем не менее даже опытные историки географии не поняли, что анализ этих картографических работ Семена Ремезова дает ключ к решению многих загадок в истории ранней сибирской и даже общероссийской картографии. Но прежде, по-видимому, следует рассказать, в чем заключаются эти загадки.

ЗАГАДКИ ГОДУНОВСКОГО ЧЕРТЕЖА СИБИРИ 1667 ГОДА

Прежде всего давайте вспомним, чем было вызвано составление чертежа Сибири в 1667 году?

К середине XVII века ознакомление русских с восточными пределами Сибири в основном завершалось. Как пишет известный американский историк географических открытий Дж. Бейкер, русские в первой половине XVII века шли на восток «с ошеломляющей быстротой». В самом деле: в середине двадцатых годов первые русские землепроходцы достигли Лены и в 1632 году основали Якутский острог, а уже в августе 1639 года Иван Москвитин и его 30 спутников из устья реки Ульи смотрели замороженными глазами на серый простор «моря Ламу» (Охотского моря). В тридцатые годы по Лене был достигнут Ледовитый океан. А летом 1643 года первое русское поселение появилось на Колыме. И всего пять лет спустя во время исторического похода Семена Дежнева русские первые проведали «Большой Каменный нос» (Чукотский полуостров) — северо-восточную оконечность гигантской Евразии. В 1643 году Курбат Иванов первым из русских вышел на берега Байкала, а год спустя Василий Поярков совершил плавание по Зее и далее по основной части Амура до его устья. Всюду, куда бы ни ходили русские землепроходцы, делались местные путевые чертежи. И естественно, что московское правительство было заинтересовано в том, чтобы как можно скорее обобщить результаты этих важных географических открытий. Такое важное задание Москва и сочла необходимым дать весной 1667 года тобольскому воеводе Петру Ивановичу Годуну. Однако в сибирской столице не оказалось очень многих местных чертежей. Возникла необходимость провести в Тобольске опрос бывалых землепроходцев, с тем, чтобы на основе их рассказов составить новые чертежи, а уже по ним сделать сводный.

Каких только «знатцев» не обнаружили в Тобольске! Были здесь казаки, которые ходили еще вместе с Федором Байковым в Китай в середине пятидесятых годов.

Были казаки и промышленные люди, вернувшиеся с далекой Колымы. Оказался в сибирской столице и знаменитый Ярофей Хабаров, с именем которого связано освоение русскими Приамурья. А когда сведущих людей не оказывалось, то приходилось посылать людей заново на места. Так, уже летом 1667 года воевода отправил отряд на реку Исеть. И с сентября 1667 года нужные сведения о тамошних землях были доставлены в Тобольск.

К 15 ноября работы над всем чертежом Сибири были закончены. И уже 26 ноября тобольский сын боярский Давыд Бурцов повез его в Москву. Чуть больше месяца потребовалось на дорогу. И 3 января 1668 года чертеж оказался в Сибирском приказе. Хотя этот старинный картографический памятник пользуется широкой известностью, в истории его создания многое осталось непонятным. Вот две главные загадки.

Первая. В работе над чертежом Сибири участвовали многие бывальцы, люди различных судеб и национальностей, нередко — опытейшие землепроходцы. А до нас дошла лишь крайне упрощенная общая схема сибирских земель. В чем дело? Неужели «гора родила мышь»? Почему результатом длительной работы многих лиц стал такой примитив? Неужели сибирская картография вдруг пошла назад в своем развитии? Ведь еще за 20—30 лет до этого даже в самых отдаленных восточных районах Сибири составлялись весьма подробные чертежи, например, Лены и Байкала, сделанные Курбатом Ивановым (1640—1645 гг.), Амура, выполненные Поярковым (1644—1645 гг.), Анадыря, составленный по указаниям Семена Дежнева в 1655 году, и т. д.

И вторая загадка. До нас дошли две «росписи» чертежа Сибири 1667 года. Из самого названия «роспись» видно, что это такое описание, в котором должно быть перечислено (расписано) все то, что в нем имелось. Сохранилось пять копий общего схематического чертежа Сибири — 3 шведские (Палмквиста, Кронемана и Прютца) и 2 русские — обе сделанные Семеном Ремезовым. Эти копии по своему содержанию весьма близки. Но между содержанием чертежа и текстом его росписи нетрудно заметить весьма существенные несоответствия. Например, в росписи идет речь о новых крепостях, которые наметил построить воевода П. И. Годунов. Однако на самом чертеже не только нет этих крепостей, но порою даже тех рек, на которых они должны были быть построены.

В «росписи», которая была послана из Тобольска в

Москву, приведены условные обозначения — «Знаки, по чему узнавать в чертежу города и остроги и слободы и реки и озера и волости, и зимовья и кочевья» в виде отдельных букв. Однако на дошедших до нас копиях общего чертежа большинство условных обозначений не использовано. Да и как можно было их использовать: там попросту невозможно изобразить ни отдельные кочевья, ни даже волости и многие реки — негде. И, естественно, каждый картограф задается вопросом: зачем же нужно было их приводить, если в них не было потребности? Ведь условные обозначения зря, в запас, не даются. В карте они обязательно должны «работать».

Так в чем же дело?

Еще великий русский химик А. М. Бутлеров как-то мудро заметил: «Факты, не объяснимые существующими теориями, наиболее дороги для науки, от их разработки следует по преимуществу ожидать ее развития». Загадки чертежа Сибири 1667 года оказались очень ценными для историков картографии. А удачно разрешить их исследователям помог именно Семен Ремезов — его отдельные весьма любопытные сообщения.

В самом деле, вдумайтесь в смысл таких слов Ремезова: «пребывает сей первоначальный Годуновский печатный чертеж... без прилогов в селищ и волостей и немирных землиц». «Прилогами» здесь названы приложения, которые в XVII веке часто делались к географическим чертежам. Фраза С. У. Ремезова означает, что к общему чертежу не были приложены частные или хотя бы просто списки «селищ», «волостей» и «немирных землиц». Не ясно ли, что Семену Ремезову потребовалось назвать ряд конкретных отсутствующих «прилогов» потому, что имелись и какие-то другие? Но какие именно? Ответить на этот вопрос как раз и помогает «Хорографическая чертежная книга». В ней на разных листах три раза приводятся буквенные условные знаки. Все они относятся не к сводному чертежу, а к «чертежам с урочищи», то есть подробным путевым схемам, сделанным по тому или иному маршруту, как правило, по рекам. Поэтому и возникла мысль, что Семен Ремезов заимствовал свою систему из уже прочно сложившейся практики. И стало очевидным, что именно такие «прилоги» в виде путевых чертежей, чаще всего отдельных участков сибирских рек, должны были сопровождать чертеж Сибири 1667 года. По тексту его «росписи» видно, что на этих путевых чертежах (возможно, не на всех) имелись картуши («клеимы» или «крути») с пояс-

нительными надписями. Все они, последовательно переписанные «слово в слово», и образовали роспись. Всего в ней 22 «статьи». Видимо, им соответствовали 22 картуши с пояснительными надписями. Там, конечно, давалось только главное. Следовательно, сами путевые чертежи были по своему содержанию более подробными, чем текст росписи! И для того, чтобы создать их, тобольским властям потребовалось опросить множество «знатцев», бывалых людей.

Что касается листа с общей схемой, то он явно имел главным своим назначением помочь получить реальное представление о том, как между собой соотносились подробные отдельные маршрутные изображения.

Так выяснилось, что знаменитый Годуновский чертеж Сибири 1667 года был, по существу, атласом богатейшего содержания. В него вошли и общее начертание сибирских земель и рек, и множество подробных путевых «чертежей с урочищи». И, следовательно, он действительно явился важным шагом вперед в истории сибирской картографии.

Этот существенный для историков картографии вывод позволяет теперь правильно понять и другие сообщения Семена Ремезова. Вчитайтесь, например, в широко известную его восторженную характеристику Годуновского чертежа: «... в лето 7176-го (то есть 1667 г.) повелено в Тобольску по грамоте великого государя всю Сибирскую землю описати грани земель и жилищ, межи, реки и урочища, и всему учинить чертеж. И се первое чертежное описание Сибири от древних жителей и сему чертеж учиниши и печати предаша, и по саму отчасти Сибирь означися. И о сем тогда всем сибирским жителям первое вново сибирский чертеж и великое удивление, яко много лет при житии их пройдоша, и неведомы орды сосед жилища и урочища бежа и о сам древле неверием слуха одержими беша, еще мало проходна быша: еже нынешнее урочище пять поприщ имуще, они же тогда сто верст мнеша, а иде же день ходу, ту им неделю ездю и тогда им сосед жилища и урочища, отчасти открылся: зане в вопросах неискусни беша». Даже для XVII века текст этот написан слишком заумно, витиевато, хотя смысл его вполне понятен. В последней его части можно легко уловить важную для нас подробность. Оказывается, по данному чертежу можно узнать и о самых малых расстояниях: «пять поприщ» (пять верст!) или «день ходу». Но ведь по сделанной им самим копии общего чертежа, конечно же, полу-

читать представление о таких малых расстояниях попросту невозможно. Вдумчивый историк в этом факте усмотрит еще одно доказательство тому, что у чертежа 1667 года были «прилоги», по которым можно было все подробно рассмотреть! А они как выглядели — помог нам узнать опять-таки Семен Ремезов! Он неоднократно применял в качестве условных обозначений простые буквы. Но именно такие же условные обозначения («Знаки по чему узнавать в чертежу») применялись еще в Годуновском чертеже: «В — волость, Г — город, З — зимовье, К — кочевье, М — монастырь, О — острог, С — слобода, ѿ — озеро». Однако на общем чертеже мы не видим ни зимовий, ни кочевий, ни волостей, ни прочих мелких географических объектов. Следовательно, они могли быть даны только в «прилогах». И этот важный вывод, сделанный при анализе трудов Ремезова, был подтвержден и сообщениями голландского географа Николаса Витсена, который объявил, что в основу своей знаменитой «ландкарты» Татарию он положил чертеж Сибири 1667 года воеводы Петра «Лядунова» (явно Годунова!). Был у Витсена «малый общий чертеж Сибири» (его описание точно соответствует ремезовской копии) и множество чертежей отдельных рек. Все подробности на карте Витсена даны весьма удачно, и можно уверенно сказать, что их источник — полученные им сведения русских землепроходцев.

Часто они полностью соответствуют тексту росписи Годуновского чертежа, а по одному тексту росписи Витсен, естественно, не мог бы их воспроизвести. И невольно пожалеешь, что ценнейший архив Николаса Витсена не смог уцелеть до наших дней: как много бы он дал для уточнения ранней истории сибирской картографии!

Очень важно уметь правильно истолковать сообщения С. У. Ремезова о чертеже Сибири 1667 года. Порою тут случались курьезы. Вот один любопытный пример.

На одной из ремезовских копий имеется его собственноручное пояснение: «Список печатного подлинного чертежа. В лето 7176. (1667) по указу великого государя по грамоте в Тобольску учинен сей чертеж снисканием и самотрудием и герографством стольника и воеводы Петра Ивановича Годунова печатным тиснением граду Тобольску и окрестным сибирским градам, странам и землям и селению по рекам между ими расстояние пути кратким делом...»

Вдумаемся в смысл этого известия.

Слово «список» в данном случае означает «копия». Следовательно, Семен Ремезов копировал подлинник «печатного чертежа». Многим авторам это упоминание о «печатном чертеже», да еще «печатным тиснением», показалось поразительным. И именно поэтому с тех пор кое-кто стал утверждать, что общий чертеж Сибири 1667 года был отпечатан типографским способом. И возникало недоумение — почему никому до сих пор не удалось обнаружить его печатных оттисков. Увы, при этом забывали об одном обстоятельстве: в те годы не только в Тобольске, но даже и в Москве никто еще географических карт не печатал. Потому-то и возникало естественное сомнение: а правильно ли толковалось сообщение С. У. Ремезова о «печатном» чертеже Сибири 1667 года? А вот при внимательном изучении документов XVII века выяснилось, что в России в середине XVII века выражение «печатный чертеж» имело совершенно иное значение. В ту эпоху существовали выражения «печатная пошлина», «печатная мера», «печатная грамота» и т. д. Такие названия своим происхождением обязаны слову «печать» (гербовая). А это означает, что под «печатным чертежом» С. У. Ремезов подразумевал тот тобольский подлинный чертеж, который получил одобрение самого воеводы и на котором в знак его утверждения была поставлена воеводская печать. Вот почему в другом случае Семен Ремезов упоминал, что сам воевода Годунов этот чертеж «печати предаша», да еще «печатным тиснением». Потому-то этот чертеж, сделанный руками разных лиц, и получил свое название «Годуновского печатного чертежа».

Раскрыв простую «тайну» структуры чертежа Сибири 1667 года, теперь уже можно по-новому решить и старый спор: мог ли быть Ульян Ремезов участником его составления?

Получив поручение из Москвы составить чертеж, П. И. Годунов собрал в Тобольске «всяких чинов людей, которые в сибирских во всех городех и острогах хто где бывал». Несомненно, что одним из них был и Ульян Ремезов: он ведь еще в 1664 году ходил на Ишим и изобразил на бумаге свой маршрут. Поэтому и новый «чертеж с урочищи» реки Ишим тоже скорее всего был представлен Ульяном Ремезовым или сделан при его участии. Возможно, что Ульян был составителем «чертежей с урочищи» и некоторых других рек Сибири, на которых он бывал. Но пока вряд ли кому-либо удастся доказать, что Ульян Ремезов был составителем и общего схематическо-

го чертежа всей Сибири 1667 года. Сам Семен Ремезов скорее всего об этом напомнил бы, а он на своей копии указал на «самотрудие и герографство стольника и воеводы Петра Ивановича Годунова». Возможно, что в составлении этого примитивного схематического чертежа принимал личное участие и сам любознательный воевода. Конечно, очень показательно то, что именно Семен Ремезов стал для нас главным источником сведений о чертеже Сибири 1667 года. Это косвенно говорит за то, что Ульян Ремезов был причастен к работам по его созданию.

Если мы вспомним, что Семену Ремезову при составлении чертежей постоянно помогали сыновья, то можно допустить, что и Ульяну Ремезову тоже вполне мог помогать его сын: в момент составления Годуновского чертежа Семену Ремезову было уже 25 лет. Поэтому по всем данным Семен Ремезов, по меньшей мере, сам был очевидцем многих чертежных работ по составлению замечательного чертежа — атласа Сибири 1667 года.

Изучение наследия Ремезова помогло решить многие загадки Годуновского чертежа. При этом появилась возможность выяснить истинную структуру и некоторых других известных чертежей Сибири, например, отчетного чертежа русского посольства Н. Г. Спафария, ходившего в Китай через Сибирь в 1675—1677 годах.

При отъезде из Москвы в Посольском приказе Н. Г. Спафарию 23 февраля 1675 года было поручено определить в Сибири «сколько от которого города и до которого города или улуса до улуса, верст или миль или дни... и от Тобольска по дороге до порубежного китайского города изобразить все землицы, города и путь на чертеже... А па Москве явиться и всему тому статейный список и описание Китайского государства и дорог, на которые места из Москвы в Китай и из Китая к Москве ехал подать чертеж в Посольском приказе...».

Уже из этого «наказа» видно, что Н. Г. Спафарий и его помощники должны были в Сибири составить целый путевой атлас. И Николай Спафарий пообещал царю Алексею Михайловичу тщательно выполнить это задание. 10 мая 1675 года он из Самаровского яма (район современного Ханты-Мансийска) писал царю: «А всем рекам и урочищам учиню я, холоп твой, подлинный чертеж и роспись (хотя со мною и чертешника нет)». И тогда же к письму приложил свой первый подробный путевой «чертеж с урочищи» реки Иртыша. Позже члены его посоль-

ства сделали то же на Оби, Енисее и Лене. Были занесены на бумагу и очертания берегов Байкала. Подробные же росписи всех этих чертежей он включил в виде особых вставок в описание своего путешествия по Сибири. Позже была выполнена и детальная схема реки Амур вместе с соответствующей росписью, на основе которой вскоре возникло широко известное «Сказание о великой реке Амуре».

Таким образом, стало очевидным, что и давно известный отчетный чертеж посольства также был сделан явно в виде атласа. Но и этот интересный атлас также не смог сохраниться до наших дней. Лишь в примитивной карте Сибири, напечатанной французским иезуитом д'Аврилем, сохранились слабые следы малоудачного использования его данных.

Но, как ни велико значение сообщений Семена Ремезова по истории ранней сибирской картографии, все-таки объем его знаний в этой области не следует преувеличивать. Ремезов о многом важном не ведал. Так, он был не прав, когда считал, что чертеж Сибири 1667 года был первым. Доказано, что такие документы составлялись еще в конце XVI — начале XVII века и уже в ту эпоху делались по единому образцу. Например, в конце XVI века был создан «Сибирский чертеж от Чердыни» — изображение пути в Сибирь от города Чердыни. Целый атлас сибирских маршрутов относится к концу двадцатых годов XVII века, вскоре после того как в Москве появилась знаменитая «Книга Большому чертежу», в которой подробно описана территория от Москвы до Крыма и «Старый чертеж» всего Московского государства.

Изучение сибирских источников показывает, что они всегда делались по московским образцам. Поэтому при изучении ремезовских атласов был сделан и другой логичный вывод: аналогичные сборники схематических карт уже тогда должны были создаваться и в самой Москве. И тут-то и возникло еще одно предположение: а не была ли и сама «Книга Большому чертежу», самый значительный географический памятник Древней Руси, сделана на основе тоже чертежной книги? До этого еще вполне искренне верили, что эта книга подробно описывает не атлас, а только два гигантских («больших») настенных чертежа.

Дальнейшие исследования полностью подтвердили правильность такой гипотезы. Оказалось, что основную, первую часть «Книги Большому чертежу» составляли роспи-

си схем различных шляхов, уходивших на юг от города Ливны. Правда, в некоторых случаях за неимением графических изображений путей давались и копии более простых «росписей» — последовательных описаний некоторых рек. Во второй же части книги шло описание маршрутных изображений, составной частью вошедших в так называемый «старый чертеж» Московского государства 1698—1700 годов.

Они были выполнены в масштабе примерно в пять раз меньшем, чем те, которые составили книгу «чертежа полю». В вводной части было также дано краткое описание и общего однолистного чертежа всего Московского государства, который также предназначался для того, чтобы по нему можно было судить, как между собой соотносятся разные части атласа Московского государства» *. Но самым поразительным оказалось то, что это описание почти полностью соответствовало содержанию карты России, напечатанной голландским картографом Гесселем Герритсом в 1613 году. А сам Гессель Герритс утверждал, что он положил в основу своей карты «автограф» географического чертежа сына Бориса Годунова — Федора Борисовича! Это тот самый чертеж, о котором упоминает А. С. Пушкин в драме «Борис Годунов». Сам анализ вводной части «Книги Большому чертежу» не оставляет сомнения в том, что в ней описан именно общий чертеж Московского государства, сделанный явно в период короткого семилетнего царствования Бориса Годунова. Уже тогда царь Борис пытался приобщить своего малолетнего сына Федора к различным государственным делам.

Таким образом внимательный анализ географических трудов Семена Ремезова принес историкам русской картографии исключительно большую пользу. Особенно важно, что удалось решить целый комплекс весьма важных вопросов ранней русской картографии.

Главная ценность замечательной ремезовской «Хорографической чертежной книги» в самом географическом содержании ее удивительно интересных подробных «чертежей с урочищи». Каких только данных здесь нет!

Именно по этой книге историкам стало впервые известно место захоронения Ермака. Она же помогла точ-

* Тот, кто серьезно заинтересуется этим вопросом, может обратиться к сборнику «Страны и народы Востока», выпуск XVIII (М., 1976). В нем имеется статья автора этого очерка «Сибирская картография XVIII в. и проблема Большого чертежа», которая дает на него обстоятельный ответ. (Примеч. ред.)

нее установить географическое местоположение легендарной «златокипящей» Мангазеи. Для дальневосточников особенно интересен в ней подробный путевой чертёж Амура. Между прочим, он еще раз подтвердил, что уже в XVII веке русские землепроходцы достоверно знали, что Сахалин — это остров, отделенный от материка проливом.

Каждый краевед Сибири, безусловно, найдет очень много полезного для себя в «Хорографической книге». Ремезовские чертежи рек Сибири необходимо еще весьма тщательно изучить.

С «Хорографической чертежной книгой» связано и рождение главного и самого крупного этнографического сочинения С. У. Ремезова — «Описания о сибирских народах и границах их земель».

Желая увеличить доходы казны, петровские власти стремились точно знать, где в Сибири обитают как обложенные ясаком, так и «мясашные» народы. Вот почему еще в 1696 году Ремезову было поручено не только нанести на карту сибирские земли, но и составить особое «описание сибирских народов». Семен Ремезов и это задание Москвы выполнил успешно.

К сожалению, этот труд Ремезова до сих пор остается ненайденным. Лишь в знаменитой, так называемой Черепановской летописи (ее автором был большой любитель старины тобольский ямщик Иван Черепанов) оказались обширные цитаты из сочинения Семена Ульяновича. Судя по ним, Ремезов поставил перед собой поистине грандиозную задачу — не только подробно сообщить, какие народы занимают различные земли Сибири, но и попытаться выяснить происхождение каждого из них.

Прежде всего нытливый исследователь интересовало происхождение сибирских татар — прямых предков сибирского Кучума. Опрос тех из них, кто жил в Тобольске, создал у него впечатление, что они берут свое начало от... «персов и Вавилона»! И что заселение Сибири будто бы начали красоярские ханы. Очевидно, что тут Ремезов излишне доверился услышанным легендам. Были в его сочинении и иные фантазии. Но к ним следует относиться снисходительнее — ведь это было одно из первых этнографических сочинений в истории не только Сибири, но и всей России в целом! Сам Ремезов вполне искренно стремился избегать ошибок и именно поэтому он почувствовал острую необходимость обратиться к историческим письменным источникам.

Прежде всего С. У. Ремезов начал штудировать различные хронографы и летописи своих предшественников. И именно тогда у него возникла идея запяться составлением своей собственной летописи и пополнением прежних хронографов.

В 1963 году выяснилось, что один из хранившихся в Тобольске «Хронографов» пополнен рукой... самого Семена Ремезова! Именно им были переписаны некоторые историко-географические сочинения, например о Турецкой и «Кизылбашской» земле (современном Иране). Здесь же оказалась историческая повесть «О взятии града Азова у турских людей», переработанная, вероятно, самим Ремезовым почти сразу же после того, как до Тобольска дошло известие об исторической победе Петра Первого в 1696 году у Азова. Очевидно, она писалась в 1696—1697 годах, и, видимо, не без влияния Андрея Винуса. Перед началом штурма Азова сам Петр I («Бомбардир Питер») писал шутливо Винусу: «...в граде марсовом все испахано и посеяно и не токмо в городе, но и во рву. И ныне ожидаем доброва рождения...» И когда блестящая победа была одержана, именно Андрей Винус сделал все возможное, чтобы она не только достойно была отмечена в Москве, но и стала бы широко известной по всей России, в частности в Сибири.

Вместе со своими сыновьями Семен Ульянович тогда же — в 1697 году — приступил к составлению своей летописи. В ней он также упомянул о взятии Азова в 1696 году. Работа над летописью затянулась надолго. Многие вставки были сделаны после 1703 года. Вероятнее всего, она была завершена лишь во втором десятилетии XVIII века...

Теперь уже очевидно, что Семен Ремезов начал работать над своей летописью в конце 90-х годов XVI века именно потому, что от Сибирского приказа получил задание составить описание сибирских и порубежных народов, добыть исторические сведения о их происхождении. Это он и хотел обнаружить в различных сибирских письменных источниках, в том числе и в Есиповской летописи.

Особенно полезными для Семена Ремезова оказались различные этнографические сведения, которые были собраны в Тобольске еще в 1673 году, когда там проводились обширные работы по составлению новых сибирских

чертежей, в том числе и чертежей, на которых были показаны «границы» — границы распространения поселений отдельных народов.

Ремезов также стал расспрашивать различных «бывальцев» о всех известных им народах, о их происхождении, вере, обычаях, одежде, пище, оружии, средствах передвижения и т. д. Все это и позволило Семену Ремезову составить самые различные этнографические очерки — о вогуличах и остяках (ханты и манси), калмыках (западных монголах), татарах и других народах Сибири. Немало уделил внимания Ремезов определению границ расселения разных народов Сибири. Но в этом он не преуспел. Весьма часто границы расселения им давались на чертежах весьма условно.

Вне всякого сомнения, данная этнографическая работа, выполненная по заданию Андрея Виниуса, была отправлена в Москву. Поэтому еще не утрачена надежда, что этот ценный этнографический труд может быть обнаружен или в Москве или в Сибири. Внимательно следует также изучить второе издание книги Николаса Витсена «Северная и восточная Татария». Она была дополнена некоторыми этнографическими материалами о Сибири, которые были присланы Витсену Виниусом до 1704 года.

Задуманную летопись Ремезов решил сделать поистине необыкновенной. Прежде всего снабдил ее многочисленными рисунками. До него в Сибири никто ничего подобного не делал. Многие он рисовал чисто условно, но все драматические события ранней истории Сибири он старался передать как можно подробнее, красочнее.

В меру своих возможностей Ремезов старался проверять сообщения предшественников, малоправдоподобное иногда заменял тем, что было ближе к истине. И все же он, несомненно, оставался еще типичным летописцем. Вспомним, сколько фантастического он рассказал о Ермаке в надежде причислить его чуть ли не к лику святых. Множество малоправдоподобных легенд о Ермаке он пытался выдать за истину. Немало в ремезовской летописи повествований о невероятных чудесах: то о необычайном великане, который мог сразу схватить десять человек и удавить, то о некоем звере, который мог ожить на четвертый день после своей гибели, то об особом языческом жреце («шайтанщике») — абызе, который будто бы мог проткнуть жертвенному животному «брюхо сквозь», выпить из него кровь, а потом... исцелить! Есть в летописи

Ремезова и рассказы о чудесных видениях. Здесь явно сказывалось влияние различной житийной литературы. Прямой наследник его в летописании Иван Черепанов не мог не отметить: «...Ремезов старался более прочих... чудными известиями удивить читателей». А сколько в ремезовской летописи довольно серьезных хронологических ошибок!

Среди летописцев Сибири Семен Ремезов, конечно же, отнюдь не был первым. Еще задолго до него была составлена и знаменитая летопись Саввы Есипова, и не менее знаменитая Строгановская, и Кунгурская, текстом которой Ремезов широко пользовался. Правда, летопись Семена Ремезова, несомненно, была наилучшей, если, конечно, не учитывать более позднюю и более строгую Черепановскую. Она действительно богата любопытнейшими историческими сведениями. И некоторые из них еще должны привлечь внимание современных исследователей. Вот лишь несколько примеров.

Знают ли, например, в Комитете по метеоритам о том, что Ермак на Иртыше в Ташатканском городке видел необыкновенный метеорит: «спал камень с небеси, величество как бы воз с саньми, видом багров...»? Само название «Ташаткан» означает «камень, который бросили». Можно предположить, что этот метеорит еще можно разыскать в наши дни.

Возможно, в ремезовской летописи имеется ключ и к разгадке удивительной тайны легендарной «Золотой Бабы», знаменитого святилища сибирских народов, которое многие средневековые карты показывали в низовьях Оби. Вот что рассказывал о ней живший одно время в Витебске итальянец Алессандро Гваньини в своем сочинении «Описание Европейской Сарматии», вышедшем в 1578 году в свет: «Это подобие старой женщины, держащей ребенка на руках и подле себя имеющей другого ребенка, которого называют ее внуком. Этому истукану обдорцы, угричи и вогуличи, а также и другие соседские племена создают культ почитания, жертвуют идолу самые дорогие и высокоценные соболы меха, вместе с драгоценными мехами прочих зверей, закалывают в жертву ему отборнейших оленей, кровью которых мажут рот, глаза и прочие члены изображения... Рассказывают даже, что в горах по соседству с этим истуканом слышен какой-то звон и громкий рев: горы постоянно издают звук наподобие трубного».

Есть основания полагать, что речь здесь идет об об-

ском Белогорье напротив устья Иртыша. Эти Белые горы издавна считались самым почитаемым местом у всех народов нижней Оби и нижнего Иртыша. Сюда на поклон ходили разнообразные народы — не только ханты и манси («угричи и вогуличи»), но и северные ненцы, и южные татары. Напомним: именно татары принесли сюда в жертву даже драгоценный панцирь Ермака! В Белых горах, когда весной начинается ледоход и льды Оби и Иртыша сталкиваются, часто звучит сильнейшее эхо. И вот тут-то, по сообщению ремезовской летописи, до 1586 года находилось «мольбище большое богине древней: нага с сыном на стуле сидящая»! Не тут ли решение старой загадки, которая волновала многих ученых и писателей? В недавнее время версию Ремезова поддерживал известный уральский писатель Ю. М. Курочкин. Его, однако, смущало, что выдающийся историк Сибири академик Г. Ф. Миллер настойчиво отрицал подобную возможность. Впрочем, задумаемся в то, как излагает всю эту историю Миллер: «Как рассказывает летопись (конечно, ремезовская. — *Б. П.*), там в древние времена было место поклонения некой знаменитой богине, которая вместе с сыном восседала на стуле нагая. Ей оstantки приносили часто жертвы и дары, за что она оказывала им помощь на охоте, рыбной ловле и во всех их делах. Если кто-либо не исполнял данное ей обещание принести что-либо в жертву, то она до тех пор устрашала и мучила его, пока он не выполнял свое обещание. Если же кто-либо приносил ей дары не от доброго сердца, то он должен был ожидать внезапной смерти. Эта богиня, перед которой тогда (в 1586 году. — *Б. П.*) как раз собралось множество народа, при приближении казаков приказала себя ухоронить, а самим оstantкам куда-либо спрятаться. Это было исполнено, и когда казаки высадились на берег, то они не нашли там ничего, кроме пустых юрт».

Петербургский академик не совсем точен: как раз по ремезовской летописи видно, что воевода Мансуров открыл огонь из пушки по белогорскому мольбищу и разбил в щепы главного крашеного «истукана» (шайтана) или «болвана»). Уж не погибла ли тогда легендарная Золотая Баба? Миллер отказался в это поверить: «Я расспрашивал про нее тамошних оstantков и самоедов, но ничего не узнал. И то, что нам сейчас рассказывают на реке Оби про Белогорского шайтана, совсем непохоже на вышеприведенный рассказ. Достоверно лишь то, что белогорские оstantки имели знаменитого шайтана, от имени

которого делал предсказания приставленный к нему шайтанщик. Вероятно также и то, что при приближении казаков шайтанщик тщательно укрыл свою святыню и посоветовал осяткам также спрятаться от казаков».

Можно вполне допустить, что аборигенам Оби все-таки удалось спасти идола и укрыть его в надежном месте где-нибудь в лесах. В начале XVIII века царские власти проводили в тех краях принудительную христианизацию. Подвергались массовому уничтожению предметы языческого культа. Можно не сомневаться поэтому, что они сделали все возможное, чтобы уберечь главную из своих святынь. Позже, в начале XX века, несколько русских путешественников слышали рассказы о том, что с тайно хранившейся Золотой Бабы были сделаны серебряные копии, которым скрытые язычники приносили различные жертвы. Так что все-таки сообщение Ремезова о существовании в обском Белогорье «богыни древней» вполне могло относиться к пресловутой Золотой Бабе, сведения о которой дошли и до Западной Европы, причем в достаточно далекие времена. Туда они могли поступить только из русских источников. И недаром в софийской летописи есть упоминание о знаменитом миссионере Стефане Пермском, который жил среди аборигенов Востока «ни бога знающих, ни закона ведящих, молящихся идолам, огню и воде и камню и Золотой Бабе». В конце XIV века русский отряд князя Курбского сам смог побывать в низовьях Оби. С тех пор все неизменно указывали, что этот идол был на берегах Оби. И мнение Ремезова — лишний довод в пользу «обского варианта». Так что именно там, по-видимому, следует искать какие-то следы святилища народов Сибири.

Тогда же, в 1697 году, в Тобольске решили привлечь Семена Ремезова к работе по перестройке Тобольского кремля...

РЕМЕЗОВ — СТРОИТЕЛЬ ТОБОЛЬСКА

А теперь пришла пора познакомиться еще с одной гранью таланта тобольского самоучки — его зодчеством. Но прежде — несколько слов об истории города.

Тобольск был основан еще в 1587 году. За первые сто лет своего существования он неоднократно горел. Да как горел! Множество раз выгорали целые кварталы. Примитивные противопожарные меры (полный запрет

пользоваться огнем летом, обязательное хранение бочек с водой и пр.) не давали ощутительных результатов. Поэтому в конце концов власти города пришли к выводу, что его центр следует сделать каменным. 22 апреля 1683 года в Тобольске заложили первое каменное здание: на месте сгоревшей деревянной церкви решено было возвести каменный Софийский собор с каменной же оградой. Впервые в Сибири его стали строить по заранее заготовленному чертежу. Предполагалось, что новый храм станет копией московской Вознесенской церкви. Но уже в ходе строительства тоболяки внесли некоторые исправления. С одной стороны, они упростили отделку стен, а с другой — вместо шлемовидных куполов сделали луковичные. Строительство собора закончили в 1686 году, и он уцелел до наших дней.

С 1698 года решили в Тобольске строить первые каменные административные здания тоже по заранее заготовленным чертежам. А еще раньше, в мае 1697 года, Сибирский приказ — опять-таки во избежание пожаров — приказал всю центральную часть города сделать каменной. Тобольским властям было приказано разработать подробный план перестройки центра города и составить смету возможных расходов. Исполнить всю эту нелегкую работу было поручено не кому иному, как Семену Ульяновичу Ремезову. Ему предстояло на месте все «сметить» и представить подробные чертежи. Наказ был исполнен точно и без задержки. Ремезов «досмотрел» подходящее место для предстоящего строительства «на горе малого города земли в саженьях под каменное строение под башни и стену». Так родился план создания первого на сибирской земле каменного кремля. Особая «разметная роспись» Семена Ремезова давала подробный ответ — каким станет кремль «в длину и вышину и поперег и что копать во рву...».

Пожалуй, в Сибири впервые был заранее составлен такого рода инженерный расчет. В смете даже указывалось примерно — сколько потребуется бочек извести, щебня, песка и прочих строительных материалов. И все было занесено на бумагу и показано на нескольких детальных чертежах.

Подсчеты были закончены к 9 мая 1698 года, а 28 июня Семену Ульяновичу с сыном Семеном-младшим приказали ехать в Москву для утверждения проектов, а заодно и «для учения в Оружейную палату к делу строения». Впервые Семена Ремезова посылали учиться.

А «ученик» он был в летах: ему уже тогда исполнилось 57 лет.

5 июля Ремезовы выехали из сибирского стольного города. Путь на Москву был традиционным: на Верхотурье, Великий Устюг, Тотьму, Вологду. Ехали с «поспешаньем», нигде не задерживались. По рекам тащили лодки бичевником, а по дорогам тряслись на подводах, меняя их на ямах (почтовых станциях).

РЕМЕЗОВ В МОСКВЕ В 1698 ГОДУ

В самом начале августа 1698 года оба Семена прибыли в Москву и поселились в богатом доме тобольского воеводы М. Я. Черкасского. Пробыли они здесь только три месяца. Но как насыщены были эти месяцы самыми разнообразными событиями...

Вся Москва волновалась: только что был подавлен последний стрелецкий бунт. Две недели спустя после приезда Ремезовых в Москву вернулся из-за границы сам Петр Первый. С первых же дней своего пребывания в столице он стал самолично стричь бороды и резать «долгое» (длинное) платье. А вскоре началась жесточайшая расправа над стрельцами. Москва была охвачена ужасом. В народе упорно распространялись слухи, что Петра Первого будто бы за границей — «в Стекольном граде», то есть в Стокгольме (где он вообще не был!), подменили каким-то немцем. Ремезовы хорошо знали, что это были злостные выдумки, ибо в Сибирском приказе им пришлось постоянно иметь дело с одним из ближайших сподвижников царя — энергичным Андреем Виниусом....

Как раз в это время Виниус добился своего наибольшего успеха. Он стал управителем Сибирского приказа, «начальным человеком» всей почты в стране, и руководителем Аптекарского приказа — центра русской медицины. Петр к нему благоволил, считал его одним из ближайших и надежных друзей. Виниусу он был благодарен и за успех своего необыкновенного путешествия в Западную Европу, особенно в Голландию. Хотя Виниус оставался в Москве, но он через своих друзей, в первую очередь через Николаса Витсена, сделал все возможное, чтобы Петру, появившемуся в Голландии инкогнито, под именем «волонтера Петра Михайлова», было оказано всяческое содействие. В Саардаме любознательному царю, мечтавшему познать все тонкости кораблестроения, удалось две

недели поработать в качестве простого «тиммермана» — плотника. А в Амстердаме он трудился на верфи Ост-Индской компании, где последовательно смог наблюдать за всеми этапами строительства торгового корабля, заложенного по русскому заказу. В свободные часы Николас Витсен водил властелина «Московии» по различным музеям Амстердама. Побывал царь в богатом Ботаническом саду. Тогда же впервые увидел знаменитую коллекцию человеческих уродов голландского доктора Рюиша, которая позже (в 1717 году) была им приобретена для его молодой петербургской Кунсткамеры. Коллекция эта и ныне хранится в Ленинграде в Музее антропологии и этнографии АН СССР.

Особенно запомнились монарху беседы с Николасом Витсеном на географические темы. Уже тогда они обсуждали вопрос: соединяется ли Азия с Америкой? Спутник Петра Федор Салтыков, долго служивший в Сибири, твердо верил в возможность плавания от устья Енисея до устья Амура. Петр утверждал, что такое плавание возможно лишь с устья Лены, а Витсен пытался их убедить, что на северо-востоке Азии существует «Ледяной мыс», который нельзя обойти и который, возможно, соединяется с берегами Америки. Петр это отрицал. Сведения об этих спорах дошли до Виниуса, и он дал задание только что назначенному в Якутск воеводой Дорофею Траурнихту организовать специальное плавание с целью выяснить на месте — возможен ли переход из Ледовитого в Тихий океан? По той же причине Виниус был горячо заинтересован в скорейшем получении новых чертежей из всей Сибири.

К приезду Ремезовых в Москву в Сибирском приказе у Виниуса скопилось уже 18 сводных настенных чертежей различных сибирских воеводств. Все они делались на местах различными мастерами-«чертещиками» и иконниками. Чертеж Тюмени, например, был выполнен иконником Максимом Стрекаловским. «Чертеж земли Якутского города» создавался при участии бывалого служилого человека Максима Мухоплева. Витсен называл его почему-то «графом Максимилианом Мухоплетиусом». Свои умельцы работали и в Иркутске, и в Енисейске, и в Томске, и в Таре, и других городах обширной Сибири. Виниус поручил Ремезовым срочно «выбрать» важнейшие географические данные «с привезенных к Москве со всех сибирских городов чертежей, писанных по парчам и затем на одном полотне вместить все города, остроги...».

Тоболяки спешно сняли с них «переводы» (копии), но в меньшем масштабе («в меру убравши по компасу церкильным розмером») и на основе этих копий стали делать один большой чертеж всей Сибири. Работа была выполнена быстро. Уже 26 октября 1698 года дьяк Сибирского приказа А. Парфенов распорядился «дать... Семену Ремезову за ево работу, что он делал чертеж всей Сибирской стране, денег пять рублей». По тем временам это было немалое вознаграждение.

8 ноября 1698 года отец и сын официально передали руководителям Сибирского приказа готовый большой настенный чертеж всей Сибири. Видимо, это и было то самое полотно, которое теперь украшает Петровскую галерею ленинградского Эрмитажа. Длительное время оно хранилось в петровском Екатерингофском дворце. Висело там на стене, и о нем рассказывали неправдоподобную легенду, что будто бы по нему сам Петр экзаменовал своих офицеров. В 1907 году этот чертеж был передан в Русское Географическое общество, где привлек внимание нескольких исследователей. А потом таинственно исчез на несколько десятилетий, пока не был случайно обнаружен — уже после Великой Отечественной войны — на одном из шкафов общества: он мирно покоился в специально для него сделанном ящике.

Работа над уникальным полотном не помешала, однако, Ремезову знакомиться с гравюрами и литературой по западноевропейской архитектуре, а в Оружейной палате он учился «как сваи бить и глину разминать и на гору известь и камень, воду и иные припасы втаскивать».

ПРОДОЛЖЕНИЕ КАМЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ТОБОЛЬСКЕ

4 декабря 1698 года Семен Ремезов, главный составитель проекта перестройки Тобольского кремля, был официально назначен Сибирским приказом руководителем строительных работ. Ему поручалось «быть у всего каменного городского строения и всякие припасы ведать» и в этом он был обязан «чинить всякую в деле радетельную службу и промыслы».

С этим заданием он и был отправлен в Тобольск, до которого добрался необычайно быстро — к 1 января 1699 года. Меньше месяца ушло на дорогу, проделанную «с великим поспешанием».

Еще не отдохнув как следует с дороги, Семен Ульянович уже 12 января в сопровождении нескольких слу-

жилых людей отправился по слободам Тобольского и Верхотурского уездов на поиски извести для намечавшегося строительства. Места ломки известняка были быстро определены. Туда для заготовки камня согнали местных жителей и приготовили инструменты. Основные работы развернулись «где преж сего известъ жгли на строение соборной церкви из Софейского двора». Оставив вместо себя опытного казачьего пятидесятника, Ремезов быстро вернулся домой, где прицепился дорабатывать свой архитектурный проект. Он удался ему на славу. Проект предусматривал продолжить южную стену кремля к Софийскому двору, а через овраг на двух арках перекинуть монументальное здание хранилища государевой казны, так называемую Рентерею. В результате кремль должен был образовать с Софийским двором единый ансамбль, центром которого становился величественный Софийский собор. На территории кремля Ремезов решил построить прежде всего приказную палату (у яра), а также Вознесенскую и Троицкую церкви, дом для воеводы и хлебные житницы.

Подготовка к строительству проходила медленно. Зима 1698/99 года оказалась в Тобольске лютой. Даже весной долгое время «продолжались морозы и стужа была и снега стояли и земля мерзла была». Земляные работы начались только 7 мая и велись вяло: на стройке применялся принудительный труд ссыльных. В июне они начали «глину копать и уминать гораздо и в станках кирпич делать». Норма на день — 300 кирпичей. Но такую норму они, как правило, не выполняли. Ремезов писал по этому поводу: «ссыльные люди тот кирпич делают против... указу несполна, а по 300 кирпичей на день за недоумением (то есть из-за неумения. — Б. П.) сделать не могут». Впрочем, Семен Ульянович видел и другую причину, помимо «недоумения»: «скованным им на чепях (цепях. — Б. П.) кирпича делать и глины копать и уминать невозможно». Но тут уж никто и ничего не мог поделать: таков был жестокий порядок содержания ссыльных-каторжан. Но так или иначе, а за долгие месяцы напряженного нелегкого труда все же удалось изготовить свыше полумиллиона кирпичей и несколько тысяч бочек извести.

9 мая 1700 года в торжественной обстановке под пение церковного хора состоялась официальная закладка приказной палаты. Здание палаты не дошло до наших дней, но по сохранившимся рисункам Семена Ремезова

можно довольно наглядно представить, как оно выглядело. Это было прямоугольное каменное строение размером 47 метров на 17 метров и высотой в 15 метров. Первый этаж отводился под кладовые для хранения «казны» — пушнины, хлеба и соли. На втором находились присутственные помещения. Там же располагалась открытая галерея («гульбище») с колоннами. Она была выполнена по рисунку в одной из книг по французской архитектуре, полученной Ремезовым в Москве. Здание венчала тесовая двускатная крыша, украшенная своеобразными бочкообразными чердачными помещениями. Узенькие оконницы поблескивали слюдой в свинцовой облатке. Над главным входом красовался большой герб Тобольска.

РОЖДЕНИЕ «ЧЕРТЕЖНОЙ КНИГИ СИБИРИ» 1701 ГОДА

Еще 18 ноября 1698 года Андрей Виниус, принимая от Ремезова большой настенный общий чертеж сибирских земель, дал ему наказ по возвращении в Тобольск составить новую чертежную книгу всей Сибири и включить в нее копии «с привезенных к Москве с сибирских городовых чертежей 24 листа». В итоге должен был получиться атлас особой структуры: уже не с традиционными для XVII века схемами отдельных путей, а с общими изображениями территории воеводств, которые по внешнему виду были бы ближе к западноевропейским картам.

Спустя четыре недели после возвращения в Тобольск Семен Ремезов вместе со своими сыновьями и племянником Афанасием приступил к работе. Чертежная книга должна была быть пополнена новейшими данными и, кроме того, в нее необходимо было включить «Великопермские и Печерские и Поморские Двинские страны». Пришлось вновь допрашивать «всяких разных чинов русских людей и иноземцов и иностранных жителей, пришельцев в Тобольск, старожилов, уроженцев, памятливых бывальцов, казанцов, уфимцов, пермяков, усольцов, хеврольцов, яречан, устюжан, мезенцов, колмогорцев, корельцов, пенежан, новгородцев» и других про «меру земли и расстояние пути городов и сел и волостей, про реки, речки и озера и про морские берега, губы и острова и промыслы морские, про горы и леса и про всякие урочища... всякого человека про свой город и урочища».

Восемнадцать «городовых» чертежей Ремезовы дополнили сравнительно незначительно. Но семь сделали заново. Именно так был сделан «Чертеж вновь Великопермские и Поморские Печерские и Двинские страны до Соловецкие проливы со окресными жилищи». На основе прежних изображений Казахстана и Бухары Ремезов составил интереснейший «Чертеж земли всей безводной и малопроездной каменной степи», который живо интересуется историков Казахстана и Средней Азии. Любопытным был и новый «Чертеж града Тобольска и посадов и нагорья и подгорья с улицами». Прошло каких-нибудь три года, но два больших пожара во многом изменили планировку города, особенно его посадов и «подгорья». Кстати, в обоих случаях Семену Ульяновичу пришлось лично участвовать в борьбе с огнем. Впоследствии он вспоминал, как в пожар 4 июня 1704 года пришлось ему отстаивать «город и башни и воеводский двор и приказ и казенные и зелейные амбары и церкви соборные верхи и Троицкую с приказными письмами... и на нижнем посаде по конец татарских юрт русские дворы и по новокрещенных жителей улицу».

В новом атласе нашлось место для этнографического чертежа с замысловатым названием — «Чертеж и сходство налчие земель всей Сибири Тобольского города и всех розных градов и жилищ и степи». Лежавшие в его основе сведения были собраны еще в 1673 году. Открывало атлас своеобразное предисловие — «Писание до ласкового читателя».

Уже в сентябре 1699 года Виниус направил тобольским властям напоминание о своем задании. Но строительные работы в городе шли полным ходом, и Ремезовы лишь урывками могли трудиться над составлением атласа. Лишь 1 января 1701 года он был закончен. Но уже вскоре выяснилось, что в нем требуются еще некоторые доработки и уточнения. Осенью 1701 года Семен Ульянович решил отправить теперь уже заверченный труд с казаками, которые повезли в Москву «ясачную казну». Между тем терпение Виниуса лопнуло, и он в ноябре 1701 года послал тобольским воеводам приказание немедленно прислать в Москву самого Семена с его атласом.

14 января 1702 года воевода А. М. Черкасский учинил допрос Семену — почему-де он не выполнил наказ главы Сибирского приказа. Ремезов ответил, что давно все отправлено в Москву. Ему поставили на вид то, что об

этом он своевременно не доложил воеводам. Пришлось оправдываться «забвением от недоумения».

Полученную чертежную книгу Виниус объявил своей собственностью. Поэтому и он, и его помощники считали возможным делать там свои пометки. По ним видно, что кто-то в Москве готовил к атласу особый географический указатель, но так и не довел задуманное до конца. Некоторые географические названия документа переведены на голландский язык. Как раз в это же время Виниус занимался составлением голландско-русского словаря. Тогда же он по указанию Петра Первого новейшие географические сведения посылал в Голландию Николасу Витсену, который собирался переиздать книгу «Северная и восточная Татария» и намеревался составить новую карту Сибири.

ЧЕРТЕЖИ И ПУШКИ. 1703—1706 ГОДЫ

Для успешного ведения Северной войны Петру Первому необходимо было иметь мощную артиллерию. Во главе производства пушек государству требовался человек надежный. «Надзирателем артиллерии» Петр решил назначить Андрея Виниуса. В его задачу входила забота о литье новых орудий. Именно тогда впервые правительство особые надежды стало возлагать на Урал.

28 июня 1702 года Виниус выехал из Москвы на восток. На реке Каменке стоял завод, принадлежащий тобольскому воеводе М. Я. Черкасскому. Он возник еще в сентябре 1699 года, но производил мало пушек. Виниусу предстояло резко увеличить их производство. В Тобольске Виниус вновь встретился с Ремезовым. Мастер на все руки, он должен был принять участие в решении новой для него, но ответственной и важной для государства проблемы. И пришлось немолодому уже — ведь ему пошел седьмой десяток — картографу, зодчему и строителю спешно ехать в Кунгур.

9 января 1703 года был издан указ о передаче города Кунгура в ведение Сибирского приказа с подчинением Верхотурью. Тамошнему воеводе А. И. Калитину повелевалось организовать поиск руд и строительство нового завода в Кунгурском уезде, дабы «в Московском государстве железом и медью и селитрою, и серою горячею удовольствоваться без постороннего привозу из иных страны». А спустя месяц из Москвы пришла грамота о посылке Семена Ремезова в Верхотурье и Кунгур. Глав-

ная задача новой командировки определялась достаточно четко: «И ехать тебе в Кунгурский уезд и зделать всему Кунгурскому уезду, селам и деревням и рекам чертеж исправной с розмером подлинным для удобного железу и иным статьям к Ка́ме реке привозу и описать как тот Кунгурский уезд с Сибирскими и с Уфимским сошлись, и которая река отколь взялась и в которую сторону и куды впала и мочно ль какими судами по ней ходить и суды на ней делать, много ль которою рекою будет ходу лехкими и тяжелыми судами и где пороги...»

В свое распоряжение Семен Ульянович получил в Кунгуре двух «вожей» (проводников), подводы, бумагу, чернила и двух казаков для «обережи» (охраны).

12 апреля 1703 года Ремезов с сыном Леонтием выехали из Тобольска «по последнему санному вешнему пути со льдом». Поездка оказалась крайне тяжелой: «многожды был при смерти и тонул». И все-таки уже 27 апреля Ремезовы смогли добраться до Кунгура, где сразу же приступили к работе. Особое внимание они уделили тем районам, по которым должен был проходить провоз каменных пушек к реке Ка́ме.

Уральцы дорожили своей свободой. Они сразу же поняли, что составление чертежа и перепись населения производится для того, чтобы обложить их новыми повинностями. Начался ропот, а кое-где и открытое противодействие. Так, некий отставной подъячий И. Шавкунов позвал к себе двух татар «и говорил непристойные слова о чертешике Семене Ремезове, не велел давать писцовых книг и всем де им лутчим людям и татарам про речки и про озеры и урочища сказывать не велел». Но Ремезов не столько рассчитывал на устные показания «старожильцев», сколько на свои собственные наблюдения.

Большое впечатление на бывалого путешественника произвела впервые увиденная им здешняя уникальная сталактитовая пещера. Именно ему принадлежит самая ранняя зарисовка этого удивительного чуда природы.

Посчастливилось Ремезовым сделать и весьма важную археографическую находку: они обнаружили ценнейшую Кунгурскую летопись, которая им так пригодилась при дальнейших их летописных трудах.

8 июля Семен Ульянович официально сообщил верховному воеводе об успешном окончании всех чертежных работ: города Кунгура с посадом и второго — всего Кунгурского уезда, «рек и урочищ для удобного провозу

всяких припасов и сходство многих рек и меж ими гор и которые реки впади в Сибирскую сторону и вокруг устьем в Каму реку и на них жилья сел и деревни и татарские юрты мордвы и черемис и с окольными х Кунгурскому городу принадлежащими соседи и которые кунгурские жители всяких чинов люди между соседи грани и межи и урочища почитают с Верхотурьем, с Уфою, с Осю, со Строгановыми селы вокруг своей уезд...». Последний был выполнен на нескольких листах.

После этого Ремезов проехал на Каменский завод, где выполнил ряд чертежей и рисунков — пушек и мортир, различных видов брусчатого, полосового и прутового железа для пушечных лафетов и колес. На своих рисунках Ремезов также подробно воссоздал картину доменного производства металла и изготовления селитры. Именно поэтому историки техники считают Семена Ремезова одним из основоположников инженерной графики в Сибири и на Урале.

В этот же период Ремезов принимал личное участие в поисках полезных ископаемых и даже в осмотре некоторых археологических памятников, например, петроглифов на реке Ирбит у деревни Писанец.

По возвращении в Тобольск Ремезов участвовал в дальнейшем поиске «селитрянных земель» и устройстве порохового завода. И тут-то Ремезов услышал крайне неприятную для себя весть — его покровитель Андрей Виниус попал в опалу: он был отстранен от управления Сибирским приказом и от многих других дел. И произошло это необычайно быстро...

ОПАЛА ВИНИУСА

Еще в начале 1703 года царь считал Виниуса своим ближайшим другом, продолжал писать ему доверительные шуточные письма. Когда русские войска заняли Шлиссельбург — древний новгородский Орешек — Петр Первый в первую очередь поделился этой радостью именно с Виниусом. «Правда, что зело жесток сей орех был, однако ж слава богу, счастливо разгрызен. Артиллерия наша зело чудесно дело свое исправила».

И вдруг опала... Причина была проста. До монарха дошли достоверные известия, что его друг стал брать взятки.

Петр всегда считал взяточничество одним из величайших бедствий для государства; оно расшатывало основ-

ные устои всего порядка в стране. Преобразователь России люто ненавидел тех, кто был нечист на руку. Он приравнивал взяточничество к государственной измене. И потому стремился беспощадно бороться с лихоимцами.

Петр был потрясен, узнав, что и почтенный Андрей Виниус не устоял перед соблазном. Гневу царя не было предела. Виниус, естественно, страшно перепугался, когда услышал, что Петру стало известно о его проделках. И тут он допустил новую роковую ошибку: с помощью новой взятки попытался расположить в свою пользу все-сильного тогда Александра Меншикова. Зная, что Меншиков и сам нечист на руку, Виниус послал ему в Петербург дорогие подарки: три коробочки золота, 150 золотых червонцев, 300 рублей денег, умоляя его замолвить словечко перед разгневанным царем. Двухличный Меншиков подарки принял и даже написал Виниусу, что-де он «оправдался совершенно во всем». А в то же самое время направил Петру Первому другое письмо, в котором раз-облачал Виниуса и доносил, что тот опять с помощью взятки «выкручивался». Царский любимец, обычно не брезговавший «даяниями», лицемерно писал своему державному другу: «Зело я удивляюсь: как те люди... хотят меня скупить за твою милость деньгами или они не хотят или бог их не обращает. А большую дачу дал мне Виниус и за то, чтоб пушкарский приказ и аптеку хотя у него и взять, только бы Сибирский приказ удержать за ним. Из чего изволишь познать — для чего такую великую дачу дал: надеется от Сибирского приказа впредь себе больших пожитков, а прежде много раз бил челом твоей милости о деревнях, что пить и есть нечего». Этот предательский удар достиг своей цели: Виниус был отстранен от многих других своих должностей и удален в Гродно.

Вот что пишет знаменитый историк С. М. Соловьев в связи с этими событиями: «Старику стало очень тяжело: другие идут быстро вперед... а старый служака забыт в опале! Не он ли умножил казну несколькими сотнями тысяч, нашел руды медные и железные, устроил 4 завода, которые кроме удовлетворения государственным потребностям, отправляют свои произведения за море, устроил китайский торг, нашел селитру и в два с половиной года изготовил больше 600 пушек, улучшил порох, устроил математическую школу? И за все это вместо награды наложили на него взыскание в 13 000 рублей. Чтобы заплатить эту сумму, должен был один двор

продать, другой заложить, деньги занять; опозорен, обнищал и, наконец, 65-летнего старика послали в Гродно, где делит год в тяжких трудах».

В довершение всего на Гродно нападают шведы, и Виниус вынужден искать себе убежище в Пруссии, а затем в Голландии. Но у себя на родине он уже никому не был нужен. С трудом удалось выпросить у Петра разрешение вернуться назад в Россию. Но тщетны были надежды вернуть себе доверие царя. Вскоре, опозоренный и разоренный, Виниус умер.

Его преемники в Сибирском приказе уже не нуждались в услугах Семена Ремезова. Но тот, несмотря на преклонный возраст, продолжал трудиться в Тобольске. Он строил Гостиный двор. Законченное в 1706 году сооружение получилось внушительным. Вот как описывает его историк сибирской архитектуры В. И. Кочедамов.

«Гостиный двор, окруженный мощными стенами с башнями на углах, был надежно защищен от врагов и огня. Внутри двора вели двое ворот с часовней над западными и таможней над восточными. С южной и северной стороны двор имел двухъярусную аркаду, за которой располагались лавки — 30 в верхнем и 35 в нижнем этажах, а под ними склады. На галерею вели наружные открытые лестницы. Крепостной облик гостиному двору придавали башни с машикулями * и маленькие окна, прорезавшие гладь стены. Гостиный двор в несколько искаженном виде дошел до нашего времени».

Три года спустя после окончания строительства Гостиного двора до тобольских властей дошли тревожные слухи, что со стороны Башкирии и Казахстана готовится нападение «немирных людей». Срочно было решено в нижнем посаде возвести оборонительный земляной вал, подобный тому, который был создан в 1707—1708 годах при укреплении Московского Кремля и Китай-города. Строить его поручили Семену Ремезову. В 1709 году Ремезов начал составлять подробный план тобольского «подола», нижнего посада, с тем чтобы по нему определить, где потом потребуется насыпать «земленной город с башнями и рвом по московскому образцу». Но земляной вал так и не пришлось строить. После Полтавской победы южные недруги России, прослышав о новых русских ратных успехах, уже не решились вторгаться в Западную

* Машикули — узкие бойницы, предназначены для стрельбы в неприятеля, вплотную приблизившегося к основанию стены.

Сибирь. С тех самых пор уже более никто никогда не помышлял о нападении на Тобольск. На все последующие века он стал городом, находящимся в глубоком тылу — настолько стараниями русских землепроходцев расширились пределы России.

ПОСЛЕДНИЕ ПОРУЧЕНИЯ РЕМЕЗОВА

В 1710 году Семен Ремезов снова принял участие в переписи населения города Тобольска. В то же время ему самому пришлось давать о себе сведения другим переписчикам.

Советский историк Л. А. Гольденберг, один из виднейших исследователей жизни и творчества Ремезова, в переписной книге города Тобольска 1710 года обнаружил следующую любопытную запись:

«Двор купленной сына боярского Семена Ульянова сына Ремезова.

Иконник сказал о себе шестьдесят семь лет, у него жена Ефимья, Митрофанова дочь — пятидесяти пяти лет, сын Леонтей тритцати трех лет, сын боярской же, у него — жена Варвара Васильева, дочь тритцати лет, У него, Леонтья, дети: Алексей семи, Леонтей пяти лет, Федор году.

У него ж, Семена, сын Семен, сын боярской же, дватцати семи лет, у него жена Ульяна, Григорьева дочь, дватцати пяти лет, сын Никифор полугоду.

У него ж, Семена, дети: Иван, сын боярской же, дватцати шти лет, а ныне он в сибирских низовых городах, Петр, четырнатцати лет, дочь Марья, девка дватцати лет.

У него ж, Семена, приданая женка остяцкой породы Анна Ивановна, тритцати лет, у ней дочь Ирина — году.

Государева жалованья им: Семену денег одиннатцать рублей, хлеба ржи пять четвертей с осьминою и з двумя четверики, овса тож число, соли три пуда, а детям его, Леонтью, Семену, Ивану, денег по семи рублей, хлеба ржи по четыре четверти, овса тож число, соли по два пуда, человеку...»

Удалось выяснить даже местоположение двора Семёна Ремезова: на Мостовой Знаменской улице между Солевым и Кузнецовым переулками.

Два года спустя Ремезов проводил перепись в Тюменском уезде: составлял списки жителей, их возраст, родственные отношения, проверял размеры дворов и па-

хоты, уточнял размеры податей, устанавливал — кто и каким промыслом занимается. Занятие оказалось неблагодарным — позже он жаловался: «за тем переписным делом был целый год во всякой скудости без жалования».

Перепись преследовала фискальные цели: Северная война продолжалась, и правительству необходимо было выявить новые объекты обложения и новых налогоплательщиков.

Для пополнения армии требовались новобранцы, а сибиряки и уральцы уже и тогда считались особо стойкими солдатами. В начале 1713 года Ремезов был послан за новыми рекрутами. Набрал 415 человек. Об успехе его миссии свидетельствует обнаруженная в архивах его челобитная, в которой он обращается к царю: «Державнейший царь государь милостивший! В нынешнем 713 году февраля в 8 день по указу вашего величества послан был я, раб ваш, за рекрутами на Тобол в три слободы и до Тюмени тех рекрут отправил и в Московскую посылку отдал с рук вцелости...»

Были и другие поручения у старого заслуженного умельца. Сибирский губернатор князь М. П. Гагарин жил в Тобольске на весьма широкую ногу. В начале 1713 года ему пришлось в голову воспользоваться услугами семьи Ремезовых для украшения губернаторского дома. 12 марта он распорядился выдать Семену Ульяновичу 20 рублей на приобретение красок. Старик с сыновьями принялся за дело. Уже к 3 июня были готовы картины — целых 18 полотен. Заказ удалось выполнить так быстро только потому, что у Ремезовых было немало помощников. В челобитной с просьбой заплатить за произведенные работы перечисляются три группы «живописцев»: первые, «которые малюют наготово», вторые — «которые подмалевывают» и третьи — «которые краски трут». Сам Семен Ремезов-старший тогда же сообщал, что он «с сыном своим и племянником» на государевом дворе «живописным письмом писал картины», в том числе «парсуны», то есть портреты. К сожалению, все эти картины не дошли до наших дней. Несколько лет спустя за расхищение государственной казны, взяточничество и прочие преступления М. П. Гагарин был казнен, а богатства, собранные нечистоплотным губернатором, конфискованы. Куда были переданы картины Ремезовых, осталось неизвестным.

Не забывал Семен Ульянович в те годы и об архи-

тектуре. Одним из последних сооружений, созданных им в Тобольске, стали южные ворота кремля, сооруженные в 1714—1717 годах. Когда-то здесь стояли деревянные Софийские ворота. На их месте Ремезов решил поставить каменные «Дмитриевские ворота». Такое название было выбрано в память главной победы Ермака над Кучумом, одержанной 21 октября 1581 года в день святого Дмитрия — победы, которая положила начало присоединению Сибири к России. Дмитриевские ворота в жизни Тобольска играли очень важную роль, так как именно через них шел путь с нижнего подола города к его кремлю. Тогда же была осуществлена и давно уже задуманная «Рентерея» — здание, предназначенное для хранения «государевой казны». Вот характеристика Рентереи, данная историком С. В. Копыловой: «Она имела форму вытянутого прямоугольника, состоящего из шести одинаковых помещений, сомкнутых в единый блок и сообщающихся между собой посредством анфилады дверей. Снаружи в палату можно было войти только с торца. Несмотря на применение ряда новых черт (линейная схема, слитная композиция), палата осталась древнерусским сооружением, что нашло отражение в асимметрической комбинации большой и малой арок ворот, характерных для XVII века».

В строительстве Рентереи принимали участие шведские пленные. Поэтому в народе ее часто стали называть «Шведскими палатами». На самом деле ее, конечно, следовало бы называть «ремезовскими» палатами. Из всех его построек именно она наиболее приметна, особенно если смотреть на кремль со стороны Иртыша. Она весьма нарядна. Маленькие сдвоенные окошечки с полукруглыми наличниками — «бровями» похожи на глаза какого-то сказочного существа. У чудища то ли две гигантских ноздри, то ли два рта — арки, через которые проходит дорога в нижнюю прибрежную часть города — к подолу. В некоторых местах на стенах Рентереи теперь уже отвалилась штукатурка, обнаруживая добротную кирпичную кладку. И от всего этого веет глубокой стариной.

Как известно, в 1714 год Петр Первый, желая ускорить возведение новой столицы на берегах Невы, строжайше запретил вести каменное строительство во всех других городах России. Было оно полностью прекращено и в Тобольске. Так что хранилище казны оказалось последним творением Ремезова-зодчего,

После окончания работы над «Чертежной книгой» Сибири 1701 года Семен Ульянович Ремезов продолжал живо интересоваться новыми сведениями по ее географии. Ему удалось добыть копии новейших чертежей далекой и богатой «Камчадальской земли». Бережно хранил он перерисованные прежде планы почти всех сибирских городов. А сколько у него было различных производственных рисунков и схем! Ремезов был человеком порядка, а поэтому в конце концов он решил объединить по определенному плану все эти материалы в своем новом атласе — «Служебной чертежной книге». Но на этот раз он присоединил к ней и множество самых разнообразных текстов. В «Служебную книгу» было включено немало сведений по истории Сибири, например, списки всех тобольских воевод со времен Ермака до начала XVIII века. Отдельным списком перечислялись тобольские иерархи. Многих Семен Ульянович знал сам и потому даже смог дать им исчерпывающие характеристики. Так, архиепископа Павла (конец семидесятых — начало восьмидесятых годов XVII века) он называет «гонителем и сребролюбцем». О митрополите Филофее Лещинском сказано, что проявил он «инакомыслие» и «все христианство смутил». Зато митрополита Игнатия Ремезов восхваляет за любовь к правде и выражает сожаление по поводу того, что он был в Москве «за слова замучен». Талантливый тоболяк всегда сочувствовал всем жертвам произвола и одобрял тех, кто стойко стоял за правду. Семену Ремезову принадлежит фраза: «Правда во всех хранима и за сие между ими всеми великая любовь живет». Комментируя эту фразу, историк А. И. Андреев справедливо отметил: «В этих размышлениях виден уже человек нового времени, хотя и выросший в условиях провинциального большого города, каким был Тобольск».

Нашлось место в «Служебной чертежной книге» и своеобразному гимну наукам. Как известно, в царствование Петра Первого много русских людей было отправлено для обучения за границу. Ремезов перечисляет имена части из них. И горячо хвалит тех, кто «без лености, радетельно» упражнялся в учении и тем самым совершил «подвиг беззавистно». И торжественно провозглашает как лозунг, как закон, который должен выполняться неукоснительно: **ВСЕМ В НАУКЕ (иметь. — Б. П.) ЛЮБЕЗНОЕ СОВЕТОВАНИЕ И СОЮЗ БРАТ-**

СКИЙ!» Этот призыв, столь современно звучащий, вышел из-под пера человека, родившегося без малого три с половиной столетия назад!

Всю жизнь Ремезов и сам неизменно придерживался этого принципа: он неутомимо трудился, и его любознательность была безгранична.

При всей ценности текстовых добавлений «Служебная чертежная книга» прежде всего полезна своими географическими чертежами. Особенно интересны имеющиеся там изображения полуострова Камчатка. Одна из таких карт была составлена Ремезовым после его личной встречи с «Володимером Володимировичем» Атласовым. На нескольких картах-схемах дано четкое изображение полуострова Камчатки с учетом сообщений, исходивших от землепроходца Ивана Козыревского после его похода 1711 года на первые два острова Курильской гряды — Шумшу и Парамушир.

Ремезовские копии «Чертежей Камчадальской земли» особенно ценны тем, что они позволяют существенно уточнить раннюю историю Камчатки. Они же помогли раскрыть и тайну происхождения названия «Камчатка». Внимание исследователей давно уже привлекала довольно курьезная надпись, дважды повторенная на копиях «Остров Камчатой. Приходят люди грамотные. Платье на них азямы камчатые» *. Историк русских географических открытий А. В. Ефимов в свое время на основании этой надписи выразил твердую уверенность, что «Камчатка» происходит от прилагательного «камчатый». Правда, до сих пор топонимистам мира не было известно ни одного случая, чтобы географическое название происходило от названия какой-либо ткани. Почему же вдруг на Дальнем Востоке могло появиться подобное исключение? И известный советский ученый академик Л. С. Берг решил, что речь шла или об айнах или о японцах, которые носили шелковые халаты-азямы: ведь в прошлом на Камчатке бывали и «курилы» (айны) и даже японцы, которых иногда заносили тайфуны. Но оказалось, что айны и японцы тут ни при чем...

Прежде всего чертежи С. У. Ремезова подтвердили сообщение путешественника XVIII века С. П. Крашенинникова (его приводит и А. С. Пушкин), что первоначально «под именем Камчатки казаки разумели только реку

* Камка, камчатая ткань — старинное название шелка.

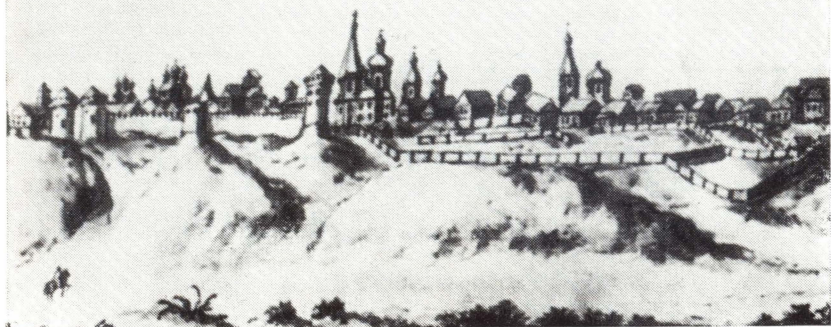
Ермак и его
сподвижники —
фрагмент картины
В. И. Сурикова
«Покорение Сибири
Ермаком».

Здание «шведской
палаты» («рентерей»)
в Тобольске (постройка
1714—1718 гг.).

[illegible]

Видъ Тобольска съ восточной стороны

Вид Тобольска с восточной стороны (иллюстрация к плану города времен С. У. Ремезова).

Современный вид Тобольского кремля.

По указу Его Величества
 прикомандирован
 по должности секретаря
 Сибирского

Автограф Семена Ульяновича Ремезова (деловой документ, 1698 г.).

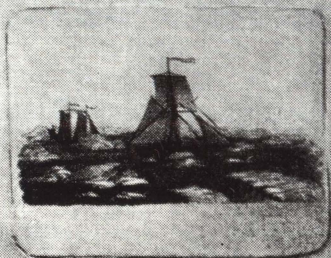
Фрагмент карты Сибири, составленной С. У. Ремезовым.

ПУТЕШЕСТВІЕ ФЛОТА КАПИТАНА САРЫЧЕВА

по
СѢВЕРОВОСТОЧНОЙ части СИБИРИ, ЛЕДОВИТОМУ МОРЕЮ и ВОС-
ТОЧНОМУ ОКЕАНУ, въ ПРОДОЛЖЕНІИ ОСМИ ЛѢТЪ, при ГЕОГРА-
ФИЧЕСКОЙ и АСТРОНОМИЧЕСКОЙ МОРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ, вѣдѣной
ПОДЪ НАЧАЛЬСТВОМЪ ФЛОТА КАПИТАНА

БЕЛАНГСА,
съ 1786 по 1793 годъ.

ЧАСТЬ I

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

Печатаемо съ Указнаго дозволенія въ типографіи Штишова.
1802 года.

Титульный лист
прижизненного
издания труда
Г. А. Сарычева.

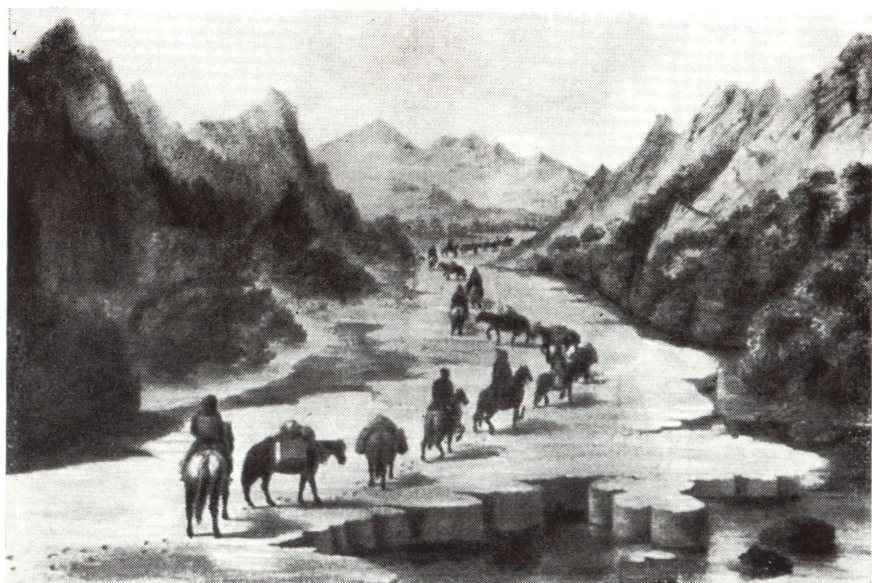
Вид Якутска
(с академической
гравюры XVIII века).

Гавриил Андреевич
Сарычев.

Вьючный караван
путешественников
в Восточной Сибири.

ДНЕВНЫЯ ЗАПИСКИ

ПЛАВАНІЯ

Вице-Адмирала, Члена Государственной Адмиралтейской Коллегіи, Почетнаго Члена Адмиралтейскаго Департамента и Гидрографа

Гавриил Саргичев

по

Балтійскому морю и Финскому заливу въ 1802, 1803, 1804, и 1805 годахъ.

съ

Астрономическими и Геодезическими наблюдениями принадлежащими къ поправленію морскихъ картъ.

въ С. ПЕТЕРБУРГѢ.

Въ Морской Типографіи 1808 года.

Титульный лист
прижизненного издания
записок Г. А. Саргичева.

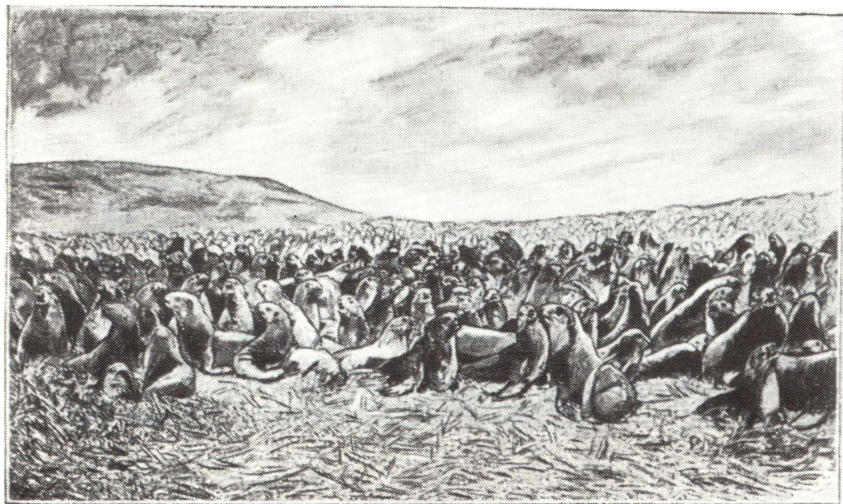
Вид Петропавловской
гавани и Авачинской
губы.

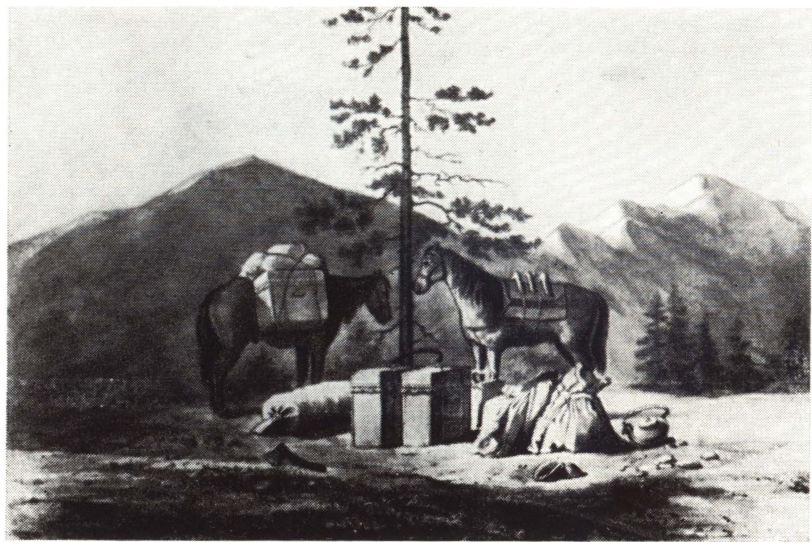

Владимир Иванович
Штейнгель.

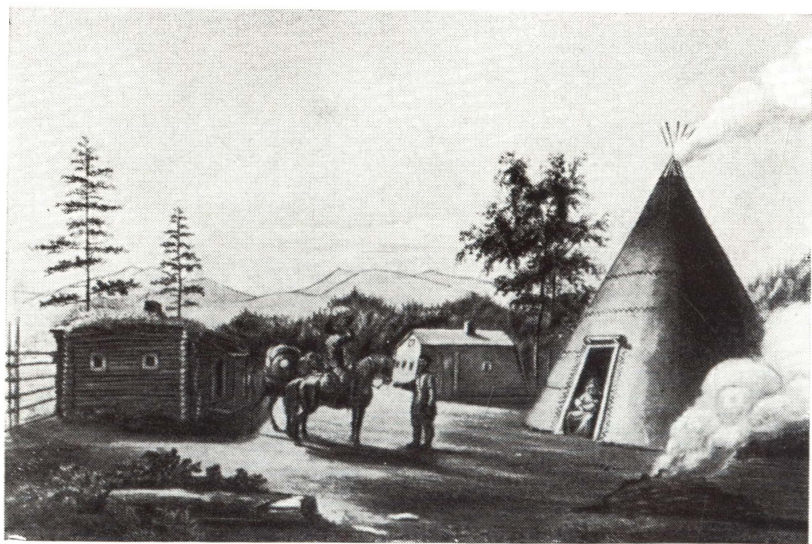

Лежбище котиков
на островах Прибылова.

Вьючные лошади.

Почтовая станция между
Якутском и Охотском.

Петропавловск-на-Камчатке
времен Сарычева.

Караванная стоянка
в Восточной Сибири.

ЗАПИСКИ
ОБЪ ОСТРОВАХЪ
УНАЛАШКИНСКАГО
ОТДѢЛА,

СОСТАВЛЕННЫМЪ

И. Веніаминовымъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

*Издано издѣніемъ Россійско - Американской
компании.*

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1840.

Иннокентий Вениаминов
(прижизненный рисунок).

Титульный лист
прижизненного
издания
сочинения
И. Вениаминова.

ОПЫТЪ
ГРАММАТИКИ

АЛЕУТСКО-ЛИСЬЕВСКАГО ЯЗЫКА

Сочиненнаго И. Вениаминова.

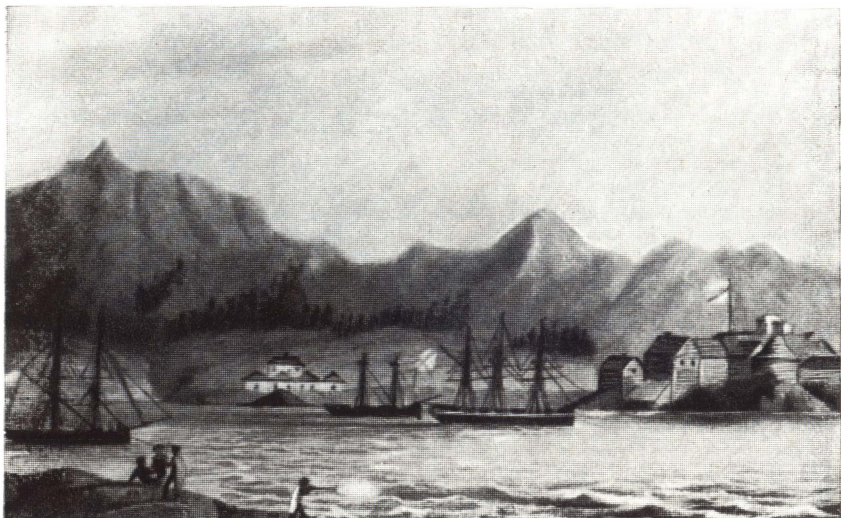
ВЪ УНАЛАШКЪ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1846.

Титульный лист
прижизненного
издания
грамматики
И. Вениаминова.

Ситха начала XIX века
(акварель Лисянского).

Уналашка (1817 г.).
На переднем плане алеуты
в лодке.

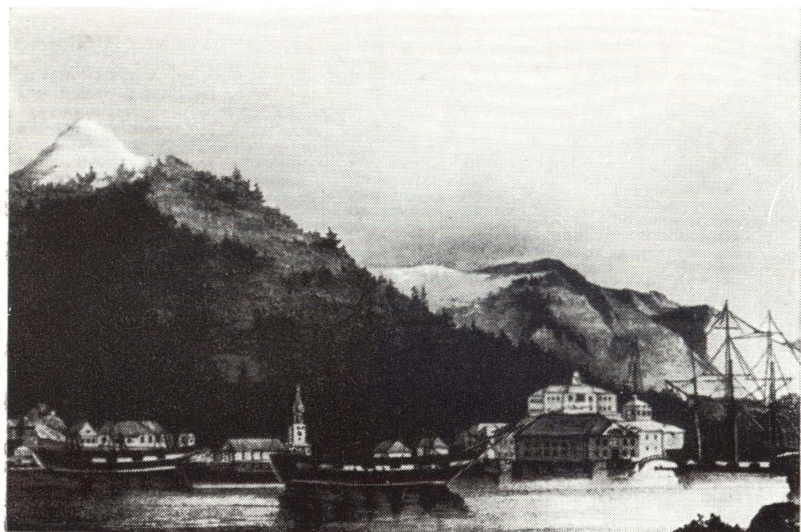

Ситха в наши дни.

Вид Ситхи с юго-запада
(акварельный рисунок
неизвестного русского
морского офицера, 1860 г.).

Порт Ситхи в середине XIX века.

Жилая постройка
в Ситхе, при
сооружении
которой проявил
свои плотницкие
навыки
И. Вениаминов.

Камчатку». И что позже это название перешло ко всей территории далекой земли. На ремезовской копии общего «печатного» чертежа Сибири 1667 года «Камчаткой» названа только река. А позже и Ремезов стал это название относить ко всему полуострову. Стало ясно, что имя реки перешло к обширному «носу». Но откуда же произошло оно само?

При изучении микротопонимики Индигиро-Колымского края вдруг неожиданно выяснилось, что в середине XVII века там еще одна река была названа «Камчаткой». По ней шел один из путей с Индигирки на Колыму: он начинался на реке Падерихе (теперь — Бодярихе), затем по малой реке Камчатке на волок к притоку Колымы — реке Ожогойной. А получили свое название они по именам русских землепроходцев Никиты Падеры, Ивана Камчатого и Ивана Ожеги. Кстати, в тех же краях отыскалось и озеро Ожегино. Возникла догадка: а не была ли и дальневосточная река Камчатка обязана своим наименованием Ивану Камчатому? Дальнейшие исследования показали, что в 1657 году Иван Камчатой был послан с Колымы по Омолону на Пенжину и далее на Гижигу, то есть в районы, близкие к полуострову Камчатка. Более того, выяснилось, что с Гижиги Иван Камчатой ходил «на другое море», на котором имелся «рыбий зуб», то есть моржовая кость. А ведь задолго до того землепроходец и мореход Михаил Стадухин отмечал, что на Охотском море «рыбьего зуба нет». Очевидно, Иван Камчатой ходил на Берингово море, а туда он мог попасть с Гижиги, лишь совершив переход через северную часть полуострова. Во время такого похода Иван Камчатой вполне мог первым из русских узнать о существовании большой реки, которую позже по его имени русские стали называть «Камчаткой». Сами камчатские ительмены утверждали, что их реку Уйкоаль стали называть «Камчаткой» после появления там первых русских и что там она была названа по имени славного воина «Коншата» или «Кончата». Если мы вспомним слова Степана Крашенинникова, что «камчадалы ни рек, ни озер, ни островов именем людей не называют», то станет очевидным, что так реку могли назвать только русские. Историкам неизвестно о существовании какого-либо ительмена по имени «Коншат» или «Кончат». Поэтому все говорит за то, что ительмены под этим именем имели в виду русского казака. Свое же прозвище «Камчатой» он получил потому, что любил носить одежды из

камчатой материи. Вспомним — ведь отец названного А. С. Пушкиным «Камчатским Ермаком» Владимира Атласова — Владимир Отлас обрел свое прозвище от атласной материи.

Так, опираясь на географические чертежи Ремезова, ученые смогли разгадать давно волновавшую их загадку.

Коснемся еще нескольких деталей ремезовского произведения очертаний далекой окраины Руси. В 1695 году на Камчатку отправился из Анадырского острога отряд казака Луки Семенова Мороско-Старицина. Немало важного смогли узнать участники этого похода о камчатской земле и ее жителях. Эти известия были использованы в Якутске уже в 1697 году, когда там по заданию Сибирского приказа составлялся большой чертеж всего обширного Ленского края (так называемый «Чертеж земли Якутского города»). Он был доставлен в Москву одним из его составителей — сыном боярским Максимом Мухоплевым. Там копию с него снял Ремезов, а позже воспроизвел ее с некоторыми уточнениями в своей «Чертежной книге Сибири 1701 г.». Лист уже был закончен, когда до Тобольска дошло известие, что в стольный город Сибири прибыл «Володимир Володимирович» Атласов. Он, побывавший на Камчатке в 1697—1699 годах, располагал самыми новейшими и более полными сведениями о ней. Любопытный С. У. Ремезов сразу же поспешил к тобольскому воеводе М. Черкасскому в приказную палату с просьбой вскрыть ящик, в котором находилась записанная в Якутске «скаска» Атласова о его походе по Камчатке. Ремезов ссылался на то, что «ему, Семену, на Москве» дана «из Сибирского приказу александрийская бумага и велено на той бумаге писать чертеж всей Сибирской земли» и он, чтобы «какой неправды не написать», просит дать ему эту самую «скаска» списать. Совсем недавно — в шестидесятых годах нашего века — выяснилось, что в «Служебной чертежной книге» действительно содержится особый чертеж, сделанный по сведениям Атласова.

В. В. Атласов был с почетом принят и в Москве в Сибирском приказе. Там он получил новый чин атамана (до этого он был пятидесятником) и снова был направлен на Камчатку. Запись об этом назначении имеется и в «Служебной чертежной книге», но там он почему-то назван... «Кубасовым». Видимо, порядком состарившийся Ремезов спутал Атласова с кем-либо из тех Кубасо-

вых, что служили в эту пору в различных частях Сибири.

На Камчатку Владимир Атласов попал, однако, не скоро. Роковую роль в его жизни сыграло разрешение закупить в Сибири за счет казны различных товаров на сто рублей. Узнав, что на Ангаре идет торговый караван умершего московского купца Добрынина, Атласов решил самовольно забрать из этого каравана товаров как раз на указанную сумму рублей. И хотя он составил подробный список изъятых товаров, его обвинили в «разбое» и на несколько лет задержали в Якутске.

Между тем русские люди продолжали знакомиться с полуостровом. В самом конце 1700 года туда отправился большой отряд Тимофея Кобелева. Именно тогда попали туда двое впоследствии прославившихся Козыревских — Петр и Иван (отец с сыном).

В 1703 году Кобелев послал на восток небольшую партию во главе с Родионом Преснецовым. Ему-то и довелось первым из русских людей увидеть лучшую естественную гавань Камчатки — Авачинскую губу, ту самую губу, в которой 37 лет спустя уже Витусом Берингом была основана «гавань святых апостолов Петра и Павла» (современный Петропавловск-Камчатский). Из Авачинской губы отряд Преснецова перешел на западный берег южной оконечности Камчатки, где и открыл ряд ранее неизвестных горячих источников, в том числе ныне прославленную Паужетку, на которой уже в наши дни была создана самая первая в нашей стране термальная электростанция. Тогда же было открыто и уникальное камчатское Курильское озеро, посередине которого на острове в те времена еще существовало большое селение камчатских айнов — «курилов». Все эти открытия также нашли отражение на новых чертежах «Камчадальской земли», которые смогли попасть в руки Семена Ремезова.

В 1707—1711 годах по Камчатке прокатилась волна казачьих восстаний. Казаки самовольно казнили трех тамошних приказных, а потом, желая искупить свою вину, замыслили присоединить к России Курильские острова. Еще в 1711 году казаки смогли побывать на первых двух Курильских островах — на островах Шумшу и Парамушире. В 1713 году руководитель нового похода на Курилы Иван Козыревский составил первое описание почти всей гряды. Некоторые из новых чертежей тех лет также оказались в распоряжении Семена Ульяновича.

По сравнению с современными картами географиче-

ские чертежи Семена Ремезова кажутся весьма примитивными. Иногда они даже умиляют своей наивностью и могут вызвать лишь улыбку. И все-таки они достойны самого внимательного изучения. Чего только в них нет! Некоторые данные не утратили своего практического интереса даже в наши дни. Так, можно уверенно сказать, что именно Ремезов положил начало картированию богатейших полезных ископаемых Урала, Сибири и Дальнего Востока. Всмотритесь в его чертежи, и вы найдете в них немало любопытных сведений. Серебряная руда отмечена на Урале и верховьях Амура. Вблизи Чусовой надпись: «в камени берут медную руду», у Ишима — «медная руда и слуда», у Волчьей горы — «медная руда», «магнит и сера горючая», у озера Чебаркуль — «слюды промыслы в горах» и там же «древние места серебрянной руды», у горы Куча — «камень — топитца свинец, а в нем сера нашатырь». Свинец отмечен и южнее Казачьей орды. «Самоцветное камень» показано у Оби. Есть даже одна пометка «берут нефть и квасцы» (у горы Крутик). А сколько отмечено на чертежах С. У. Ремезова самых различных месторождений соли!

Начало русской археологии обычно относят к 1715 году. А сколько археологических объектов отмечено на сибирских чертежах Ремезова, созданных задолго до этой даты. Тут и различные развалины — мечетей, дворцов, древние курганы и многие другие. Отмечены даже «писаницы» (петроглифы).

Как сообщает в своих недавно опубликованных дневниках видный исследователь Сибири первой четверти XVIII века Даниил Готлиб Мессершмидт, Семен Ульянович рассказывал ему о своей находке: в Барабинской степи у озера Чаны сохранился скелет огромного мамонта. Войдя в середину этого скелета, Ремезов поднял над головой секиру, но так и не смог ее клинком дотянуться до верхних костей. Так что и палеонтологи немало обязаны тобольскому самоучке.

Встреча Мессершмидта с Ремезовым происходила в начале двадцатых годов XVIII века. А ведь еще недавно, как мы помним, историки считали, что Семен Ульянович умер около 1715 года. Этот рассказ пока останется самым поздним сообщением о жизни Семена Ремезова. Во всяком случае, как выяснил уже упомянутый нами Л. А. Гольденберг, в 1720 году Семен Ремезов был еще жив. В тобольской переписной книге 1720 года оказалась такая запись: «Во дворе тоболской дворянин Семен

Ульянов сын Ремезов сказал себе от роду семидесят семи лет. У него сын Петр двадцати семи лет. У Семена вну-чата: Алексей пятнадцать, Никифор семи, Яков шести лет...» Как видим, о других сыновьях Семена Ремезова не сказано ничего. В предшествующее десятилетие мно-гие тоболяки были отправлены на запад для службы в армии. Были ли среди них сыновья Ремезова — пока неизвестно. Есть предположение, что один из них уехал в Томск. Из того же дневника Мессершмидта видно, что 11 мая 1721 года его помощник Табберт (он же Стрален-берг, известный впоследствии шведский географ) посе-тил в Томске художника «по фамилии Ремезов, у кото-рого видел карту Томского уезда, раскрашенную маслен-ными красками». Мессершмидт рассказывает, что Табберт «посмотрел карту, но не нашел ее выполненной правильно». Далее сказано: «Кроме того, художник вла-дел ценными сведениями о живущих здесь народах, по-чему капитан Табберт просил его сообщить некоторые из них, на что он согласился».

Быть может, в архивных документах еще будут най-дены точные сведения о дате смерти Семена Ульяновича Ремезова. И не исключено, что кто-нибудь из читателей нашего очерка сумеет раскрыть эту тайну биографии Ремезова. Добиться успеха в таком деле вполне возмож-но — ведь еще немало скрытого от глаз наших хранят богатейшие фонды и Центрального государственного ар-хива древних актов и многих других архивов — цент-ральных и областных. Надо лишь настойчиво и целе-устремленно искать!

ДОЛГИЙ ПУТЬ К СЛАВЕ

Итак, перед нами прошла вся многотрудная жизнь сибирского самородка, человека, одаренного воистину удивительным талантом. Был он землемером, мастером писцового дела, «выдельщиком» — сборщиком хлеба. Не раз ему приходилось браться за оружие, свершать ратные подвиги. Описывал он умело и пашни и реки, города и посады, занимался поисками руд. Он первым нанес на карту многие археологические памятники Си-бири. Довелось ему побывать и «знаменщиком» — шить и рисовать ратные знамена, и иконником, и живописцем. Проектировал и строил оборонительные укрепления и различные заводы — селитряные, пороховые, железнотельные. Но особенно велики его заслуги как карто-

графа («чертещика»), зодчего и летописца. Ремезов всегда пользовался теми методами, которые задолго до него сложились в России. Но именно он смог впервые картографировать множество ранее «неизвестных» земель, умело обобщить богатейший материал чертежей, составленных в самых различных частях Сибири. В этом ему действительно не было равных!

К сожалению, тобольский самоучка не смог овладеть искусством составлять точные карты на математической основе с использованием астрономических инструментов. Поэтому при Петре Первом его картография оказалась уже «вчерашним днем». Отсюда скептические отзывы о нем некоторых современников, например, уже упоминавшегося выше Табберта (Страленберга). В своей книге 1730 года он так описал свою встречу с Ремезовым: «...я встретил в Тобольске старого художника, который сделал отдельные карты всех провинций Сибири и смежных с ними земель; но он был так скрытен и недоверчив, что дал мне разрешение только посмотреть на его карты и я смог убедиться, что он не был географом, а только художником, который, однако, по-своему изображал города, земли и реки».

Биограф шведского географа М. Г. Новлянская, комментируя это высказывание, справедливо замечает, что чертежи Ремезова «не могли удовлетворить Страленберга с точки зрения метода и техники своего исполнения, как не имеющие ни географической сетки, ни точных масштабов, ни научной математической основы». Впрочем, это не помешало тому же Страленбергу воспользоваться богатейшими сведениями по географии Сибири, которыми располагал Семен Ремезов.

Восхищаясь обилием географической информации в трудах Ремезова, необходимо всегда помнить, что в его географических чертежах попадаются и ошибки. Одни из них появились по вине малосведущих информаторов «чертещика» Ремезова, другие — из-за того, что чертежи Семена Ульяновича составлялись без соблюдения правильных пропорций.

Наследник допетровских традиций, Ремезов дожил до тех пор, когда развернулись интенсивные работы ученых-геодезистов по составлению первых точных карт Сибири. И тогда невольно стал угасать интерес к его географическим чертежам. До 1732 года они хранились в доме наследников Семена Ульяновича и ими никто не интересовался.

В 1732 году в Тобольск был сослан Петр Минович, воспитанник петербургской академической гимназии. В 1728 году Петр Минович состоял личным секретарем цесаревны Елизаветы Петровны, но потом был уличен в поддержании тайной связи со своим отцом, который еще в 1709 году вместе с Мазепой бежал за границу. Оказавшись в ссылке в Тобольске, Минович познакомился с наследниками Ремезова и у них сумел сделать ряд ценных приобретений, в частности, достать некоторые из его картографических произведений.

В 1764 году за попытку освободить из заключения содержащегося в Шлиссельбургской крепости претендента на русский престол Ивана Антоновича был казнен племянник Петра Миновича — Василий. И именно в том же году в личную библиотеку Екатерины II попадает уникальная «Служебная чертежная книга Сибири», а в библиотеку президента Российской академии княгини Е. А. Воронцовой-Дашковой — «Хорографическая чертежная книга». Видимо, оба атласа были конфискованы у Миновичей.

В течение многих десятилетий эти атласы были недоступны для исследователей. Поэтому в конце XVIII — начале XIX века в ученом мире весьма редко вспоминали имя Ремезова.

Вновь его имя всплыло в науке в середине XIX века, когда стало известно, что в московском Румянцевском музее нашлась «Чертежная книга 1701 г.» Семена Ремезова. Первое краткое ее описание дал известный археограф А. Х. Востоков в 1842 году. Книгой заинтересовался выдающийся географ, исследователь Сибири Александр Миддендорф. Уже в 1851 году он дал ей весьма высокую оценку. Миддендорф писал: «Точность, с какою Ремезов положил на бумагу населеннейшую окружность Тобольска и в том числе даже многие рукава реки Оби, тщательность, с какою показаны у него поселения по Енисею, его изображение Амурского края и тогдашнего этнографического положения Сибири — все это дает его атласу более значения, чем какой-нибудь археографической редкости. Скажем больше: из него, как и некоторых других старинных трудов этого рода, можно почерпнуть кое-что для улучшения даже новейших карт России». К трудам Ремезова часто обращался выдающийся русский исследователь Азии Г. Н. Потанин. Его перу принадлежит специальная статья, посвященная атласу 1701 года, напечатанная в 1883 году в «Журнале минис-

терства народного просвещения». А за год до выхода этой статьи Археографическая комиссия фотолитографическим методом в красках впервые опубликовала всю «Чертежную книгу». Незадолго до этого для Петербургской академии наук с подлинника была снята цветная рукописная копия. Она хранится теперь в Библиотеке Академии наук СССР в Ленинграде.

Большой интерес к географическим чертежам С. У. Ремезова проявлял выдающийся советский географ академик Л. С. Берг. Еще в 1918 году он использовал эти чертежи для опровержения домыслов американского историка Ф. Голдера, пытавшегося доказать, что Семен Дежнев будто бы не огибал Чукотки. В 1928 году Л. С. Берг опубликовал статью, в которой доказывал, что именно тобольский энциклопедист является создателем самой первой в России этнографической карты — так называемого 23-го листа «Чертежной книги 1701 г.», с обычным для Ремезова мудреным названием: «Чертеж и сходство наличие земель всей Сибири Тобольского города и всех разных градов и жилищ и степи». Использовал Л. С. Берг ремезовские чертежи и в своей знаменитой монографии об экспедициях Витуса Беринга.

Лучше всего исследователям была известна ремезовская летопись. О ее существовании от Петра Миновича, своего бывшего ученика, узнал известный историк академик Г. Ф. Миллер. По заданию Миллера П. Минович снял с текста копию. А позже не без содействия тобольского губернатора Г. Ф. Миллер приобрел подлинную летопись у посадского человека Федора Пименова за рубль тридцать копеек. Впоследствии он писал: «Я был так счастлив, что достал в Тобольске старинную летопись с изображениями, которая разъясняет все недоумения и против которой невозможно возражать. По возвращении моем я преподнес эту рукопись академической библиотеке как особенную драгоценность. С нее не существует ни одного списка, кроме того, который я велел сделать для собственного употребления».

В своей «Истории Сибири» Г. Ф. Миллер постоянно ссылается на ремезовскую летопись, временами с ней полемизирует. С тех пор к ремезовской летописи обращались десятки различных историков, начиная с Н. М. Карамзина. В 1880 году она была издана в Петербурге. А в 1907 году текст ремезовской летописи был опубликован вторично, но уже без рисунков — в академическом издании «Сибирские летописи».

При Советской власти ремезовскую летопись продолжали изучать многие историки. Уже упоминавшийся выше А. И. Андреев смог уточнить ее датировку: оказалось, что основной ее текст относится к концу девяностых годов XVII века, а вставные листы были сделаны в 1703 году, после поездки С. У. Ремезова в Кунгур, где он смог обнаружить весьма ценную Кунгурскую летопись. Основной текст, по мнению А. И. Андреева, написан самим Ремезовым, так же, как большая часть рисунков. Рисунки в летописи по-разному оценивались историками. Так, Г. Ф. Миллер считал, что летопись снабжена «плохими картинками». Иначе говорил о них советский историк С. В. Бахрушин: там, по его мнению, «поражает сочетание условной стилизации... с большим реализмом. В частности, наряду со стилизованными изображениями татар и других «иностранцев» мы встречаем здесь поразительно точное воспроизведение их одежды и даже типа. По стилю рисунки основной части летописи резко отличаются от рисунков на вклеенных листах: последние менее вырисованы, зато отличаются большей живостью, несколькими штрихами передается впечатление фигуры, движения, в них меньше стилизованности, они реалистичнее, в них больше чувствуется таланта».

Советские историки дали ремезовской летописи весьма высокую оценку. «Разнообразие источников, их сопоставление и выбор из них наиболее достоверных сведений с указанием, откуда они взяты, заставляют признать труд Ремезова показателем известных успехов русской исторической мысли XVII века» — так отзываются о ней С. В. Бахрушин и Н. В. Устюгов.

Наиболее полезную информацию о Сибири, Урале и Дальнем Востоке можно извлечь все-таки не столько из летописи, сколько из географических чертежей Семена Ремезова. Мы уже говорили о том, как высоко ценил их академик А. Ф. Миддендорф. Во второй половине XIX века географические чертежи Семена Ремезова изучали такие крупные ученые, как В. И. Ламанский, Г. Н. Потанин, Д. Н. Анучин, Ю. М. Шокальский, позже Л. С. Берг. Интересовались ремезовскими чертежами и виднейшие русские историки конца прошлого века — П. Н. Лихачев, В. В. и Л. Н. Майковы, А. И. Тимофеев, А. Ф. Бычков. Но особенно большое внимание изучению его чертежей, да и всего рукописного наследия уделил выдающийся советский исследователь Александр Игнатьевич Андреев, собравший множество неизвестных сведений о то-

больском самородке. Ученики Андреева продолжили его изыскания, кое-что уточнили и исправили. Им на смену пришло новое поколение ученых, которые продолжают уточнять биографию Семена Ремезова...

Деятельность Семена Ремезова столь многообразна, что в ее изучение включились специалисты многих профессий — картографы, литературоведы, историки архитектуры. О Ремезове-зодчем особенно много работ появилось в последнее десятилетие. Изучение многогранной деятельности Семена Ремезова продолжается и в наши дни.

С каждым годом множится число научных работ, посвященных интереснейшим трудам Семена Ремезова. Они выходят в Москве, Ленинграде, Новосибирске, Якутске и других городах Союза. Шире стал известен Ремезов и за границей. Сравнительно недавно — в 1975 году — на английском языке в Лондоне была опубликована ремезовская летопись. Японский историк сибирской картографии Миками Масатоси недавно посвятил три статьи чертежам Семена Ремезова. Они воспроизводились также в трудах других японских исследователей — Като Кюдзо, Такано Акира, Ота Такео и других.

Копии чертежей Семена Ремезова помогли известному американскому историку Раймонду Фишеру при написании его двух любопытнейших книг о Витусе Беринге (1977 г.) и Семене Дежневe (1981 г.).

За последние два десятилетия во многих странах мира вышли десятки статей и книг, в которых встречаются ссылки на труды Семена Ремезова. Так по всему миру распространилась известность тобольского самородка...

В 1967 году, когда исполнилось 325 лет со дня рождения Семена Ремезова, на стене Тобольского кремля были укреплены три доски. На первой надпись: «1642—1967 г. Славному сыну земли русской Семену Ремезову». На второй доске — мозаичное панно с условным изображением Ремезова. Он изображен с циркулем в руках на фоне Тобольского кремля. А на третьей можно прочесть такие слова: «1642—1967. Зодчему, художнику, картографу, летописцу благодарные тоболяки». Это дань уважения неутомимому их земляку, так много сделавшему не только для Тобольска, но и для всей Сибири в целом.

Колоритная фигура Ремезова не могла не привлечь внимания советских литераторов. Яркие строфы ему посвятил выдающийся советский поэт Леонид Мартынов.

Поэт и прозаик Сергей Николаевич Марков в своих книгах о русских землепроходцах не раз вспоминал о различных трудах Семена Ульяновича. Посвящали Ремезову свои произведения и другие писатели. Слава его продолжает расти. И хочется надеяться, что и этот очерк внесет свою лепту в преумножение известности славного сына русского народа, горячего патриота своей Родины Семена Ульяновича Ремезова.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Андреев А. И. Труды Семена Ремезова по географии и этнографии Сибири XVII—XVIII вв. — Проблемы источниковедения. Сб. 3. М. — Л., 1940.

Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. 2-е изд., испр. и доп. Вып. I. М. — Л., 1960.

Бахрушин С. В. Туземные легенды в «Сибирской истории» С. Ремезова. — «Исторические известия», 1916, № 3—4.

Гольденберг Л. А. Семен Ульянович Ремезов. М., «Наука», 1965.

Дергачева-Скоп Е. И. Заметки о жанре «Истории Сибири» С. У. Ремезова. — «Вопросы русской и советской литературы Сибири». Новосибирск, 1971.

Киприллов В. В. Постройки С. Ремезова в Тобольске. — «Архитектурное наследство», 1962, № 14.

Копылов А. Н. К биографии С. У. Ремезова. — «Исторический архив», 1961, № 6.

Копылова С. В. Каменное строительство в Сибири: конец XVII—XVIII вв. Новосибирск, 1979.

Кочедамов В. И. Тобольск. Тюмень, 1963.

Кочедамов В. И. Первые русские города Сибири. М., Стройиздат, 1978.

Краткая Сибирская летопись (Кунгурская). Со 154 рисунками. Спб., 1880.

Оглоблин Н. Н. Источники «Чертежной книги Сибири» Семена Ремезова. — «Библиограф», 1891, № 1.

Оглоблин Н. Н. К биографии С. Ремезова. — «Библиограф», 1892, № 10—11.

Полевой Б. П. Семен Ремезов и Владимир Атласов (к уточнению датировки ранних чертежей Камчатки) — Изв. АН СССР. Сер. геогр., 1965, № 6.

Полевой Б. П. Сибирская картография и проблема Большого чертежа. — «Страны и народы Востока», 1976, вып. XVIII.

Ремезов С. У. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. Спб., 1882.

Сибирские летописи. Спб., Изд. Археографической комиссией, 1907.

Шибанов Ф. А. О некоторых аспектах картографии России допетровского времени (XVI—XVII вв.) и роли С. У. Ремезова в истории русской картографии. — «Вестник ЛГУ», 1968, № 18 (Геология и география, вып. 3).

ГАВРИИЛ АНДРЕЕВИЧ САРЫЧЕВ

Гавриил Андреевич Сарычев всю свою жизнь посвятил изучению морей России. Его мысль обняла проблемы исследования нашей планеты от Северного до Южного полюса. Ему принадлежит идея посылки первой русской экспедиции в Антарктику. Вместе со своим великим современником Иваном Федоровичем Крузенштерном он наметил грандиозные задачи изучения Севера и Востока Сибири, полярных вод и островов, Русской Америки, Тихого океана.

Как руководитель Адмиралтейского департамента, Сарычев внес исключительный вклад в осуществление этих великих программ.

Но среди всех проблем исследования земного шара была одна, которая особенно волновала Сарычева. Это — изучение северо-востока России, от Колымы до самых южных пределов Русской Америки. Молодым офицером он участвовал в Северо-восточной экспедиции, исследовал Колыму, Чукотку, Алеутские острова, северо-западные берега Америки. Ему наука обязана отчетами и картами этого выдающегося научного предприятия. С этих пор и начинается почти полувековая деятельность Сарычева на пространном поле русской географии.

Ни день, ни месяц, ни год, ни место рождения Гавриила Андреевича Сарычева неизвестны. Его отец служил флотским прапорщиком то в Кронштадте, то в Петербурге. В Севском уезде ему принадлежало имение, в котором числилось пять душ крестьян.

Начальное образование Сарычев получил дома. Вероятно, письму и чтению его обучила мать Мавра Афанасьевна. 5 ноября 1775 года Сарычев поступил в Морской кадетский корпус. В это время ему шел двенадцатый год. На основе этого свидетельства и послужных списков, подписанных самим Сарычевым, исследователи относят

дату его рождения к ноябрю — декабрю 1763 года и высказывают предположение, что родиной великого русского гидрографа является либо Петербург, либо Кронштадт, где вместе с отцом Андреем Сарычевым проживала вся семья, в которой было семь душ детей. Жили Сарычевы скромно, даже, пожалуй, бедно. Ничтожных доходов с имения и жалованья отца едва доставало, чтобы прокормить многочисленное семейство.

В Морском корпусе Сарычев не блистал успехами, судя по тому, что имя его не числится среди его лучших учеников. Но занимался он прилежно. Особенно любил географию. До наших дней сохранились его собственноручные конспекты лекций по этому предмету.

Прошло три года. В 1778 году его произвели в гардемарины и послали в первое плавание. Вояж был не столь дальним. На судне «Святой Евстафий» Сарычев ходил в Ревель и впервые познакомился с этим старинным городом, красота и очарование которого покорили его с первого взгляда. Вместе со своими товарищами, среди которых были Христиан и Яков Беринги, внуки великого российского мореплавателя, он бродил по узким улочкам Вышгорода. С его крепостной стены открывался великолепный вид на Ревельскую бухту, расцвеченную парусами больших и малых судов... Сарычев провел в Ревеле несколько недель. В Кронштадт он возвращался на корабле «Александр Невский». Первое морское крещение состоялось. Корпусные учителя были довольны его успехами и в теории и в практике морского дела. Потом были другие странствия. Запомнилась ему долгая поездка на лошадях из Петербурга в Архангельск, ранней весной 1780 года. Еще держались морозы, сияло солнце. Лошади легко и весело тащили розвальни по укатанной дороге, которая часто шла дремучими лесами. Могучие ели и сосны купались в мартовском солнце и тихо переговаривались между собой. Сарычев верил, что едет навстречу своей судьбе.

В Архангельске он вместе со своими однокашниками помогал снаряжать построенное на местной верфи судно «Не тронь меня». Затем началось плавание по Белому морю. Сарычев примечал его берега, острова, воды, не предполагая, как много сил придется ему потратить, чтобы добиться его тщательной съемки. Но эти заботы еще далеко-далеко впереди... А сейчас перед глазами — суровые гранитные берега Мурманского берега. «Не тронь меня» плывет на запад. Норвежское море встречает его

бурями. Штормы и непогоды преследуют их и в Северном море. Тяжело достается матросам и гардемаринам: трудно управляться с парусами, еще труднее держать избранный курс. Но вот уже обогнули Скандинавию и позади остались проливы. Корабль «Не тронь меня» вступил в воды Балтики и через несколько суток отдал якорь на Кронштадтском рейде. Впереди оставалось последнее испытание: выпускные экзамены. Все обошлось благополучно. 1 января 1781 года Сарычев получил первый офицерский чин. Ему присвоили звание мичмана.

Весной снова в море и опять на корабле «Не тронь меня». На этот раз в Средиземное море с заходами во французские, английские, испанские, итальянские, греческие порты, со стоянкой в крепости Гибралтаре. Снова бури, штормы, ненастья. И так — три года...

Сарычев вел вахтенный журнал, наносил на карту очертания берегов, измерял течения, замечал «воздушные перемены». И мечтал. О Севере, о его неисследованных землях и морях. Думал о том, что настало время провести русский флаг по всем океанам земного шара. Особенно хотелось побывать на землях, которые первыми увидели на севере Тихого океана великие русские мореходы Витус Беринг и Алексей Чириков...

Мечты... Когда-то они исполнятся. И исполнятся ли?.. А пока его отправляют — но не разыскивать неведомые земли, а описывать Днепр и его приток Сож. В экспедиции, кроме него, участвуют капитан-лейтенант Фомин, брат Алексей Сарычев, капитан-лейтенант Бордунов и штурман Рогожников. К месту предстоящих исследований добираются на казенных подводах... С раннего утра до захода солнца Сарычев со своими спутниками наносит на карту Сож, измеряет его глубины, примечает мели, крутые извилины. Каждый предлагает свой способ описи реки. Коллеги отдают пальму первенства своему руководителю. «Я был счастлив, — писал он спустя двадцать лет, — что выдуманные мною правила были из всех лучше, так что при сочинении мною карты положение реки с берегами оказалось верно и глубины ее означались в настоящих своих местах». Впоследствии он сочинит «Геодетические и гидрографические правила снимать находящиеся на земной поверхности местоположения, измерять глубины морей, заливов и рек, и все оное означать на морских картах». Эти правила десятилетиями будут служить морякам русского флота...

Вряд ли молодой офицер мог предполагать, что путе-

пешствие на Днепр и Сож окончательно предопределил всю его дальнейшую судьбу, навсегда свяжет с русской гидрографией и приведет в число знаменитых исследователей северо-востока России и севера Тихого океана.

Едва Сарычев возвратился в Петербург, как до него дошли слухи о том, что затевается новая экспедиция на Колыму, Камчатку и в Америку. Почти такая же большая, как Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга, которую чаще всего именовали Великой северной экспедицией. Новое важное географическое предприятие готовилось в строжайшей тайне. Но мало-помалу среди офицеров распространились сведения о ее целях. Говорили, что она будет заниматься открытиями на восточнейших берегах и морях Российской империи. Прежде всего путешественникам предстоит точно определить долготу и широту устья реки Колымы, исследовать берега «Великого Чукотского носа до мыса Восточного» (ныне мыс Дежнева), составить карты островов на Восточном (Тихом) океане от Камчатки до берегов Америки и совершенней познать моря, лежащие между «матерой» землей Сибири и противоположными берегами Америки.

Именно в такой экспедиции мечтал участвовать Сарычев. Вскоре он подал рапорт в Адмиралтейств-коллегию с просьбой зачислить его в состав тех, кто готовился к походу. Такое же прошение подал и Христиан Беринг, стремившийся увидеть земли и острова, открытые его дедом.

8 августа 1785 года русское правительство приняло решение о снаряжении географической и астрономической экспедиции. Ее главной задачей являлось исследование северо-востока России, включая Чукотку, островов и морей в северной части Тихого океана и северо-западных берегов Америки, открытых Берингом и Чириковым и освоенных русскими промышленниками.

Начальником экспедиции был определен поручик (позже капитан) Иосиф Биллингс, принимавший участие в последнем плавании Джеймса Кука и затем перешедший на службу в русский флот. В число своих помощников Биллингс избрал лейтенантов Гавриила Сарычева, Христиана Беринга и Роберта Галла. Всего в путешествии предстояло участвовать 141 человеку, и среди них — художнику Луке Воронину, чьи рисунки дошли до нашего времени.

Сарычев 31 августа отправился к знаменитому путешественнику и естествоиспытателю академику П. С. Пал-

ласу и под его руководством до самого отъезда из столицы занимался практикой определения координат, а в середине сентября 1785 года первым из офицеров покинул Петербург. Ему поручалось потребовать от иркутских властей, чтобы предстоящей зимой в одном из колымских острогов — Верхнем или Среднем — был заготовлен двухлетний запас провианта для ста человек, а затем отправиться в Охотск и осмотреть, пригодны ли имеющиеся там суда для плавания по Тихому океану.

Шли непрерывные дожди. Дороги пришли в негодность. Лошади медленно тащили повозку путешественника. Потребовалось более месяца, чтобы добраться до Тобольска. 28 октября он переправился на лодке через Обь, по которой несло множество льда. 10 ноября Сарычев приехал в Иркутск, где встретился с генерал-губернатором Якоби и познакомился с людьми, которым доводилось бывать в Охотске. Они сообщили, что имеющиеся в Охотском порту суда находятся в жалком состоянии. На них рискованно плавать к восточному побережью Камчатки, не то что к Америке или Берингову проливу. Пришлось сочинять представление генерал-губернатору, прося запастись необходимыми материалами и снаряжение для постройки новых судов.

В начале декабря Сарычев простился с Иркутском и направился дальше на восток то реками, то дорогами, которыми впервые прошли русские землепроходцы всего лишь полтора века назад.

То было время, когда вслед за казаками Ермака в Сибирь устремились русские люди, в основном выходцы из разгромленной и разграбленной опричниками Ивана Грозного обширнейшей и могущественной Новгородской земли. Они основали Обский городок, Сургут, Тюмень, Тобольск, Тару, Березов, Обдорск, Мангазею на тех самых речных путях, которые были знакомы новгородцам еще с середины XIV века.

Одно великое географическое открытие следовало за другим. В смутное время мореход Лука, выйдя из Оби, достиг Северным Ледовитым океаном сначала устья Енисея, а затем Пясины. В 1610 году в тех же местах побывал торговый человек Кондратий Курочкин, прежде живший на Северной Двине. Пять недель льды удерживали его в устье Енисея. В начале августа он вышел в океан и достиг реки Пясины. Вслед за Курочкиным неизвестные нам по именам мореходы прошли по рекам к север-

ному и восточному берегам Таймыра и вскоре обогнули его полностью.

В 1623 году русские достигли среднего течения Лены. Спустя десять лет Иван Ребров открыл устье реки Оленек, а Илья Перфирьев — устье Яны (они вместе первыми спустились из Якутска вниз по Лене до ее устья). Вскоре в тех же местах побывал Елисей Буза. Затем были открыты устья Анабары и Хатанги.

В 1641—1642 годах Иван Ерастов открыл устья Индигирки и Алазеи, совершив плавание по Восточно-Сибирскому морю. Вслед за ним по Индигирке спустился Михаил Стадухин и достиг морем устья Колымы. Это было в 1644 году. Во время плавания он видел на севере и «горы снежные», и ручьи знатные, и «пади». Стадухин полагал, что это был тот самый великий остров, который видели мореходы, плававшие «от Святого носу к Яне реке, и от Яны к Собачьей, Индигирке тож, и от Индигирки к Колыме».

Мореходы в своих плаваниях от Новой Земли до Колымы многократно видели на севере неведомые берега. Они принимали видимые горы за один исполинский остров, протянувшийся через Студеное море. Эти попутные наблюдения подтверждались рассказами местных жителей. Один из них записал Михаил Стадухин. «Ясырка» (невольница) Калиба сообщила, что к северу от Колымы есть большой остров, на который чукчи, когда замерзнет море, добираются на оленях в течение одного дня.

Михаил Стадухин построил Нижнеколымский острог. Спустя три года отсюда вышла экспедиция Федота Алексеева и Семена Дежнева. Но первая попытка пройти к востоку от Колымы закончилась неудачей. Их суда-кочи были остановлены льдами. Во второй половине июня 1648 года Федот Алексеев и Семен Дежнев на семи кочах снова вышли на восток. В сентябре они находились в проливе между Азией и Америкой, который спустя 80 лет предстояло заново открыть Берингу. Путешественники высадились на берег, где встретили много чукчей. Против Чукотского носа на островах видели людей, которых «называют зубатыми», поскольку они протыкают «сквозь губу два зуба немалых костяных». Во время бури 1 октября суда Федота Алексеева и Семена Дежнева разлучились. Коч Семена Дежнева выбросило около реки Анадырь, а коч Федота Алексеева был прибит к берегам Камчатки, где и погиб.

Предания об обширной суше, якобы лежащей к севе-

ру от материка, упорно держались в Сибири. Эту исполтинскую землю, которую порой отождествляли с коптинентом, пытались искать в начале XVIII века, что положило начало вторичному открытию Новосибирских островов, посещавшихся русскими мореходами еще в XVII веке.

В 1719 году по указу Петра I на берега Тихого океана были посланы навигаторы И. М. Евреиннов и Ф. Ф. Лужин. Царь поручил им ехать до Камчатки и тщательно исследовать тамошние места, дабы выяснить вопрос — «сошлася ли Азия с Америкой?». Для решения этой задачи геодезисты должны были предпринять плавание не только на юг и север, но и на восток и запад. Экспедиция Евреиннова — Лужина доставила науке более верные, чем прежние, очертания Камчатки и цепи Курильских островов, но не дала ответа на вопрос о разделении Азии и Америки. Ответить на него удалось Берингу, который в 1728 году первым прошел проливом между Азией и Америкой из Тихого в Северный Ледовитый океан. Он же предложил снарядить экспедицию для исследования северного побережья России от Архангельска до Чукотского носа и для поисков никому еще не ведомых северо-западных берегов Америки.

И вот в 1733—1743 годах происходит нечто невероятное. За 10 лет моряки русского флота выполняют такие грандиозные работы, на которые раньше потребовались бы столетия. И совершают это не одиночки, а целая армия подвижников — ученых и матросов, — геодезистов и солдат, натуралистов и морских офицеров, историков и казаков, переводчиков и жителей сибирских сел. Прежде всего они устремляются к берегам Ледовитого океана.

Трудами Степана Малыгина, Дмитрия Стерлегова, Федора Минина, Василия Прончищева, Харитона и Дмитрия Лаптевых, Семена Челюскина, Петра Ласиниуса и многих других офицеров и матросов было описано побережье Евразии от Архангельска до Большого Баранова Камня, расположенного восточнее реки Колымы.

Северные отряды Второй Камчатской экспедиции подчинялись Витусу Берингу. И хотя они действовали самостоятельно и независимо от капитан-командора, нельзя не отметить того обстоятельства, что, хотел этого Беринг или не хотел, но его проект Второй Камчатской экспедиции был одной из причин их создания. Совершенные ими открытия по своей ценности не менее значительны, чем вклад в географическую науку самого Беринга и его спутников.

Мореплавателями были открыты и на протяжении сотен миль нанесены на карту западные берега Северной Америки, (от островов Баранова и Чичагова до полуострова Аляска), наиболее крупные острова Алеутской гряды, Командорские и еще несколько других островов в северной части Тихого океана, а также восточное побережье Чукотского полуострова. Еще раз было подтверждено существование пролива между Азией и Америкой. Карта западных берегов Северной Америки к северу от Калифорнии на значительных участках приобрела реальные очертания. Теперь Северо-восточной экспедиции предстояло продолжить великое дело Витуса Беринга.

Прежде всего Биллингс, Сарычев и их товарищи должны были положить на карту северный берег Чукотского носа, чего не смог сделать отряд Дмитрия Лаптева. Им же поручалось и решение другой задачи Второй Камчатской экспедиции — поиски Северной «матерой» земли. Правда, академик Миллер, находившийся в свите Беринга, полагал, что великая земля — плод фантазии. Но проходили годы, и из Сибири поступали в Петербург все новые и новые сведения о земле, которую многие считали отдельной частью света.

Особый интерес к ней усилился после путешествия Джеймса Кука и его спутников. Англичане дважды, в 1778 и 1779 годах, пытались пройти на север до Берингова пролива, и дважды их останавливали льды. Большинство участников этой экспедиции, и в их числе Биллингс, верили, что за льдами в Северном океане находится земля.

В Иркутске Сарычеву показывали карту Михаила Татаринова, составленную здесь, в Сибири, в 1779 году. На ней был показан путь Кука к Ледяному мысу на Американском континенте. Но самое интересное заключалось в другом. На этой карте параллельно берегам Евразийского континента тянулись берега неведомой земли. Между устьями Индигирки и Колымы они были обозначены примерно на 79-м градусе северной широты. Затем спускались несколько к югу в районе Святого Носа. На меридиане Новой Земли берега простирались на 83-м градусе северной широты и, миновав на той же параллели Шпицберген, соединялись с северо-восточной частью Гренландии.

Именно эту землю предстояло искать Северо-восточной экспедиции во время плавания из устья реки Колымы в Берингов пролив.

В середине декабря 1785 года Сарычев добрался до

берегов Лены. Река давно уже замерзла. Всюду виднелись торосы льда, прикрытые снегом. Среди этого хаоса льдин пролежала дорога. Лошади едва плелись, сани часто ломались. В день невозможно было проехать более чем 30 верст.

Наконец 10 января 1786 года Сарычев добрался до Якутска. В этот день он записал в дневнике: «Якутск, построенный в 1647 году, самый старинный из всех здешних городов. Старая деревянная его крепость с башнями существует еще и ныне. Однако в некоторых местах ее стены уже обвалились. В ней каменное казенное строение и церковь... Все дома обывательские построены на старинный русский вкус. Между ними по разным местам рассеяны якутские юрты. Окошки в домах, за неимением стекол, у некоторых слюдяные, у других бывают пузырные, а зимою вставляются большие льдины, прикрепляемые к косякам снегом, облитым водой, от чего по жесткости здешних морозов так крепко примерзают, что никакая теплота в покоях не в силах их оттопить. Свет сквозь льдины бывает такой же, как и сквозь обмерзлые стекла».

В Якутске Сарычев узнал, что здешние обыватели и чиновники в Охотск зимой не ездят. Они предупреждали, что путешественник может бесследно сгинуть среди бескрайних глубоких снегов в краю, где сотни верст не встретишь человека. Все советовали дожидаться весны и плыть на судне по рекам.

Однако Сарычев решил во что бы то ни стало добраться до Охотска по зимнему пути. Трудности и опасности его не пугали. Он сшил себе теплую одежду по местному образцу и, взяв двухмесячный запас провианта, пустился в путь верхом на лошади в сопровождении казака-переводчика и якутов-проводников.

Первые две недели ехали населенными местами. Ночевали в якутских юртах. На почтовых станциях меняли лошадей. Затем пришлось идти через необжитые края. Сначала пробирались по долине реки Хандуга, где леса перемежались болотами. По словам Сарычева, следы дороги давно исчезли, и проводники вели лошадей по им одним приметным местам. Пройдя сто шестьдесят верст по берегам Хандуги, свернули в занесенную глубокими снегами безлесную долину, лежавшую между гор. Лошади и люди шли вперед с превеликим трудом. «Якуты, — записал Сырачев в дневнике, — место это называют чистым и стараются в один день засветло его переехать,

опасаясь, чтоб не застигла вьюга: в таком случае может приезжих совсем занести снегом. Сказывают, что много бывало таких примеров, и что здесь погибали от того не только лошади, но и люди».

Смелому путешественнику повезло. Весь день стояла солнечная тихая погода. Все были счастливы, что благополучно миновали это гиблое место.

После долгого перехода по пустынной местности встретили юрту на берегу реки Кюнкуй. Здесь жил бедный якут, который не имел какого-либо скота. Пропитание своей семье он добывал рыбной ловлей и охотой на куропаток, которые водились в этих местах в великом множестве. Юрта оказалась очень тесной, так что ночевать пришлось на снегу. Отсюда всего семьдесят верст оставалось до ближайшего селения на Оймяконе.

На следующее утро Сарычев на рассвете поднял своих спутников, чтобы к вечеру добраться до якутского становища и хотя бы одну ночь переночевать в людском жилище. «Наше путешествие, — записал он в своем дневнике, — становилось уже несносно. Каждый день от утра до вечера должно было сидеть на лошади, а ночи проводить в лесу, зарывшись в снег».

Позади осталось одиннадцать таких бесприютных ночлегов, когда приходилось спать одетым, не говоря уж о перемене белья. Хотелось хоть немного отдохнуть, побыть в тепле. И вот наконец настал вечер не у костра в лесу, а под защитой юрты, где впервые за много дней удалось высушить задубевшее от морозов и влаги платье. Сарычев надеялся заменить здесь лошадей, так как те, на которых он выехал от берегов Алдана, за 12 суток необыкновенно исхудали от нехватки корма. Они питались поблекшей сухой травой, которую добывали копытами из-под снега. Порой же и такой травы не удавалось отыскать, и тогда голодные животные продолжали нести людей и их вьюки. По словам Сарычева, за 12 дней несчастные едва ли имели столько корму, сколько в иных местах их собратья получают в одни сутки. Однако в селении не оказалось свободных лошадей. Местные жители сообщили, что получить их можно у местного якутского князька, который живет в сорока верстах от здешних мест.

Мысли об отдыхе пришлось оставить. На следующее утро Сарычев снова в пути. В тот же день он достиг второго селения на Оймяконе. Прежде чем удалось встретиться с князьком, местный писарь сообщил путешествен-

нику неприятную весть: ехать на лошадях к Охотску невозможно. Нынешней зимой выпали столь глубокие снега, что казаки, посланные с почтой в Охотск, потеряли всех лошадей, не проехав и половины дороги, и вынуждены были возвращаться на лыжах. Их спасли тунгусы. Двенадцать дней отдыхал Сарычев после перехода через горы и снега. Отдыхал невольно: дальше можно было ехать только на оленях. Но для этого прежде всего потребовалось собрать в горах 25 оленей, на что и ушло 12 суток.

На оленей навьючили небольшие тюки общим весом не более трех пудов. Путешественники устроились на маленьких седлах, которые лежали на передних лопатках и удерживались тонким ремнем. Не было ни стремян, ни подпруг. Вместо узды — ремень, привязанный к шее животного. Стоило только на мгновение потерять равновесие, как седок летел в снег.

Сопровождавшие Сарычева тунгусы везли с собой юрту. В ней ночевали, укладываясь поближе к костру, наполнявшему дорожное пристанище едким дымом. Через четыре дня, 14 марта 1786 года Сарычев встретился с кочевым лагерем тунгусов. Его обитатели взяли к себе ослабевших за дорогу оленей, а вместо них дали свежих, не изнуренных дальними переходами.

И снова в путь...

На следующий день пересекли Индигирку. Путь по-прежнему лежал через гористую местность. Снега в долинах было куда больше. Порой его глубина достигала четырех метров.

Сарычева живо интересовал образ жизни, занятия и обычаи местных жителей, прирожденных кочевников, почитающих оседлость за великое наказание. «Имение свое, состоящее в платье, юрте и съестных припасах, — писал Сарычев в дневнике, — возят с собою на вьючных оленях, складывая все то в побочни весом не более полутора пуд. Малых детей, кои не могут сидеть верхом, сажают в плетеные корзинки, обтыкая вокруг мохом, к ним привязывают равновесный побочень и таким образом кладут все то на вьючного оленя. Дорогою, чтобы ребенок не плакал, дают ему сосать кусок сырого жира. Взрослые мужчины и женщины ездят верхом, а за собою ведут вьючных оленей.

Богатство тунгусов ценится по числу оленей. У кого их больше, тот богаче и почтеннее. Многие имеют до двух тысяч и пасут их обыкновенно табунами на местах,

обильных мхом. Сколько бы, впрочем, у тунгуса не было оленей, однако для себя не убьет он ни одного, разве который падет, повредится или охromeет. Иначе согласится дня три терпеть голод и питаться древесною корою либо старыми заветрелыми костями, которые обыкновенно бережет на нужный случай и возит с собою».

25 марта путешественники, уже пятый день спускавшиеся на восток по льду реки Охоты, добрались до урочища Арки. Здесь пересели на собачьи упряжки, которые стремительно помчали Сарычева к берегам Тихого океана. Через два дня показался Охотск с его деревянной церковью, небольшой крепостью и несколькими складами и домами, которые жались друг к другу на узкой каменистой косе.

Сарычев в тот же день представился коменданту и в его сопровождении отправился осматривать суда, зимовавшие в здешнем порту. Их было всего два. Построенные около четверти века назад экспедицией капитана Крепицына, они за это время пришли в негодность. Правда, еще три однопалубных судна зимовали на Камчатке, но и те, судя по рассказам местных жителей, не годились для дальнего плавания. Кроме того, было еще одно затруднение: забрать эти ненадежные корабли для нужд экспедиции означало, что жителям Камчатки не на чем будет доставлять припасы, и гарнизоны тамошних крепостей окажутся обреченными на неминуемый голод.

Столь же неутешительное впечатление осталось и от осмотра морского снаряжения и припасов, пролежавших годы в полуразвалившихся сараях. Мало что либо годилось для вооружения кораблей. А такелаж и все снасти почти полностью сгнили от сырости.

Не было иного выбора, кроме как строить новые суда для экспедиции.

В начале апреля Сарычев с коллежским ассессором Кохом и проводниками отправился осматривать леса по реке Охоте. Они прошли более семидесяти верст. Молодой моряк впервые стал на лыжи и едва управлялся с ними. Они непрестанно то цеплялись за кустарник, то наезжали друг на друга. Сарычев часто падал в снег, из которого не мог выбраться без помощи своих спутников. Ноги болели от ушибов и вывихов. Но настойчивый лейтенант продолжал идти вперед, отыскивая участки леса, который можно было употребить на постройку судов. Первую небольшую делянку выбрали в Чернолесье, всего в двадцати верстах от Охотска. Вторая делянка лежала

гораздо далее — в 70 верстах. Но зато леса здесь было сколько угодно.

Отправить людей на заготовку леса не удалось. Большинство местных жителей страдали цингой. Они едва передвигались по городу. Пришлось дожидаться времени, когда из моря в реки пойдет свежая рыба, появится зелень, и люди сумеют поправить свое здоровье.

В мае были отправлены первые партии на заготовки леса. Когда в начале июля в Охотск приехал капитан Биллингс, Сарычев мог доложить начальнику экспедиции о том, что порученное ему дело подвигается успешно.

Вскоре Сарычеву пришлось расстаться с Охотском. Передав все дела лейтенанту Роберту Галлу, он по приказанию Биллингса 1 августа со значительной частью экспедиционной команды отправился в Верхнеколымск. В 400 верстах от Охотска сбежал проводник, прихватив с собою оленей. Пришлось идти наугад через горы и болотистые, топкие низины. Лошади и люди выбились из сил. С трудом добрались до места назначения, где о судьбе отряда беспокоился Биллингс, прибывший сюда десятью днями ранее.

Верхнеколымский острог, раскинувшийся на берегу реки Ясашна, поблизости от впадения ее в Колыму, состоял из пяти изб, часовни, трех юрт и нескольких амбаров. Это крохотное селение было обнесено деревянным забором. Биллингс занял одну из изб, Сарычеву пришлось удовольствоваться юртой. А нижним чинам вообще «негде было жить». Решено было построить для них казарму. Одновременно возводились пекарня и кузница. Между тем большинство путешественников было занято заготовкой леса. Его рубили по берегам реки Ясашной и сплавляли вниз по течению до Верхнеколымска до тех пор, пока не начались морозы. 27 сентября река замерзла. Через несколько дней лед настолько окреп, что по нему безопасно можно было ездить на лошадях.

В конце ноября состоялась закладка первого судна. Строили его из местного леса и материалов, доставленных из Якутска. Дело первоначально подвигалось очень медленно. Здешние казаки, не весьма сведущие в плотничьем деле, плохо понимали корабельного мастера Тиммермана, не знавшего русского языка и объяснявшегося междометиями и жестами. Пришлось заменить его шкипером Баковым. Работа зашпорилась, и появилась надежда, что весной экспедиция отправится в плавание.

Между тем недели бежали за неделями. Все короче

становился день. Крепчали морозы, достигая порою минус сорока трех градусов. Ртутные термометры не годились для метеорологических наблюдений. Их заменили спиртовыми.

«Стужа была несносная, — писал Сарычев в дневнике, — захватывало дыхание. Выходящий из рта пар мгновенно превращался в мельчайшие льдинки, которые от взаимного трения производили шум, подобный небольшому треску.

Солнце тогда действовало весьма слабо и не могло согревать воздуха; ибо показывалось на горизонте только около полудня и то на самое малое время; при том лучи его падали весьма косвенно. Примечательно, что при самых жестоких морозах не бывает здесь никогда ветру и воздух стоит безо всякого движения. Как только начинается ветер, то мороз станет уменьшаться».

В разгаре зимы начала сказываться нехватка свежей пищи. Путешественники допустили большую оплошность: осенью, когда с наступлением первых морозов в реках легко ловилась рыба, они не создали запасов на зиму. Солонина всем осточертела. Дело дошло до того, что пришлось откопать и пустить в пищу выброшенные на улицу и занесенные снегом налимы головы. Пища, приготовленная из них, стала «лучшим кушаньем».

Вместе с нехваткой свежих продуктов появилась цинга. Правда, до смертельных исходов дело не дошло. Но больные среди служителей были вплоть до апреля месяца, когда появились первые перелетные птицы.

В середине мая, после того как вскрылись реки, спустили на воду два судна. Одно из них было названо «Паллас» в честь ученого Петербургской академии наук, снабдившего экспедицию наставлениями по ученой части. Второе судно нарекли «Ясашной» — именем реки, на берегу которой провела первую зимовку экспедиция. «Палласом» командовал Биллингс. Начальствование над «Ясашной» было поручено Сарычеву. Почти всех людей, знающих морское дело, Биллингс забрал в свой экипаж. Вместе с Сарычевым на борт «Ясашны» вступили три геодезиста, подлекарь, боцманмат и двенадцать казаков, определенных на должность матросов.

«Итак, — отмечал Сарычев в дневнике, — из всех со мною на судне находившихся, кроме боцманмата, не только никто не бывал в море, но и понятия не имел о нем. С этими неопытными людьми должен я был пред-

принять самое трудное и самое опаснейшее плавание по Ледовитому морю, где требовалось беспрестанное бдение и всевозможная осторожность».

Сарычеву ничего иного не оставалось, кроме как торопливо обучить своих подчиненных морскому делу. Геодезисты стали штурманами, казаки овладели искусством править рулем. Когда 25 мая 1787 года корабли снялись с якоря, команда «Ясашны» умело и быстро поставила паруса. Правда, особой надобности в них не было: весенние воды несли суда с быстротой мили в час. Скоро вошли в Колыму. Через три дня путешественники увидели церковь и несколько изб, окруженных деревянным забором. То был Среднеколымск. Тут стояли две недели. Ожидали, когда местные кузнецы и корабельные мастера изготовят якорь для судна «Паллас». Между тем погода стояла прескверная. Дули северные ветры. Ночью бывали заморозки. Часто шли ледяные дожди, порой переходившие в снег.

11 июня плавание возобновилось. Спустя неделю экспедиция сделала остановку в летовье омонских крестьян. Здесь путешественников поджидали капитан Тимофей Иванович Шмалев, сотник Иван Кобелев и ученый-самоучка Николай Иванович Дауркин, переводчик чукотского языка. Эти знатоки северо-востока России прибыли по требованию Биллингса из города Гижиги. Им предстояло сопровождать экспедицию во время плавания «по Ледовитому морю» и в случае встречи с чукчами помочь наладить с ними возможно лучшие отношения. Дауркина и Кобелева взял Биллингс на борт «Палласа». С Сарычевым отправился Тимофей Шмалев, великолепно знавший историю местного края и древнейшие предания о плаваниях по Ледовитому морю и землях, которые находились к северу от берегов Сибири.

18 июня «Паллас» и «Ясашна» достигли Нижнеколымска, значительного по тем временам поселения — там насчитывалось целых 33 дома, а также деревянная крепость и церковь.

Здесь «Паллас» простоял четыре дня, «Ясашна» — семь суток. Чинили и подправляли суда и пополняли запасы провизии сушеным и соленым мясом, которое по просьбе путешественников было заготовлено юкагирами, проживавшими на берегах Омооя и Анюя.

Сарычев стремился возможно лучше подготовить свое судно к предстоящему плаванию среди льдов в океане, студеное дыхание которого нередко доносили северные

ветры. Пока стояли в Нижнеколымске, погода была тихой, теплой и солнечной. Досаждали лишь комары.

21 июня Сарычев приказал выбирать якорь. «Ясашна» оделась парусами и неторопливо заскользила к северу по тихой воде. Вдали виднелись берега Колымы, поросшие редкими кустами ивняка. Затем на смену ивняку пришли трава и мох. Через два дня среди тундры заметили одинокую избу. То было зимовье купца Никиты Шалаурова, который в 1762 году пытался пройти на судне из Лены в Восточный океан, но вблизи устья Колымы был остановлен льдами и зазимовал. Спустя два года Шалауров повторил попытку. Он вышел в море на восток, и там навсегда потерял его след.

На том же берегу у самого моря на фоне светло-голубого неба виднелся темный силуэт маяка, поставленного более полувека назад Дмитрием Лаптевым, который проплыл на боте из Лены до Колымы, а затем предпринял одну за другой две попытки пройти морем к берегам Камчатки. Дороги ему преградили льды у Большого Баранова Камня. Теперь тем же путем предстояло идти Сарычеву и его товарищам.

«Паллас» дождался «Ясашны» у Лаптевского маяка. Экспедиция собралась в полном составе. Всего лишь несколько миль отделяло путешественников от океана.

Сильный юго-западный ветер развел в устье Колымы большую волну. Неожиданно на судне обнаружилась течь. Оказалось, что выше ватерлинии в одном из пазов выбилась пенька. Это место пришлось замазать салом и обить свинцом.

Около полуночи 24 июня корабли вышли в «Ледовитое море». Вскоре спустился туман. Пришлось бросить якорь и простоять несколько часов в бездействии. Утром легли курсом на восток. Справа виднелся утесистый, гористый берег. Слева до горизонта простиралась вода. Поставили все паруса. Но вскоре пришлось их убирать: в середине дня 25 июня впереди обозначились большие ледяные поля. Сначала решили, что они стоят на мелких местах. Но чем дальше суда уходили на восток, тем ближе к ним приближались эти поля. Было замечено, что под влиянием ветра и течений они движутся от северо-запада к юго-востоку. С каждым часом льдов становилось все больше. Кораблям становилось все труднее пробираться меж льдами. Чтобы спастись от их напора, пришлось приблизиться к берегу и укрыться в устье небольшой речки. Это было тем прискорбнее, что случилось всего лишь в 20 ми-

лях к востоку от Колымы. Снова спустился густой туман. Не стало видно ни льдов, ни каменных утесов, ни похожих на застывшие волны увалов на берегу. Вдали над ними возвышался Большой Баранов Камень, тот самый, возле которого были остановлены льдами почти все далекие и близкие их предшественники. Счастье улыбнулось только Федоту Алексееву и Семену Дежневу...

Трое суток простояли «Паллас» и «Ясашна» в небольшой бухте, каменные берега которой надежно защищали суда от льдов, гонимых течением и ветром.

Путешественники высадились на берег. Земля была покрыта местами травой, местами мхом. Кое-где пестрели цветы, виднелись заросли ивняка и стелющейся березы. На вершинах гор и в долинах под утесами белели пятна оледенелого снега. Сияло солнце.

Сарычев определил по солнцу широту места стоянки. Результаты были неожиданные. Проверили еще раз. Ошибки не было. Все вычисления оказались сходными. Стало очевидным, что «берег Ледовитого моря положен далее к северу почти на два градуса».

25 июня ветер переменился. Льды стали заполнять бухту, укрывавшую корабли. «Почему, — писал Сарычев, — принуждены были сняться с якоря и пробираться с великою опасностью назад подле самого утеса, к которому едва нас льдом не прижало».

Отступив на восемь миль по направлению к Колыме, нашли убежище «противу разлога гор, вблизи небольшой речки». День проходил за днем. Ветер стих и не доставлял беспокойства судам. Установили футштоки для вычисления приливов и отливов. Но сколько ни наблюдали, заметного колебания уровня моря так и не обнаружили. Почему же в Ледовитом море, вблизи Колымы отсутствовали приливы и отливы? Этот вопрос занимал Сарычева, но он не мог найти ему удовлетворительного объяснения. Не менее удивило его еще одно обстоятельство. Однажды палетел неистовый ветер от юго-запада. Моряки надеялись, что он отгонит далеко от берега державшие их в плену льды. Ветер бушевал день, другой, а льды лишь отошли на несколько сот саженей от берега и становились на виду у всех. Казалось, отступать к северу им мешает какое-то препятствие.

Когда Сарычев поделился своими мыслями с капитаном Шмалевым, тот рассказал ему, что во время встреч с чукчами он слышал от них о «матерой земле», расположенной к северу от Шелагского мыса. Она здесь подхо-

дит близко к берегам Азии, и до нее зимнею порой добраться на оленях по льду можно всего за одни сутки. Эти сведения подтверждали прежние предания и совсем недавние донесения сибирских властей.

1 июля «Паллас» и «Ясашна» покинули свое убежище и направились на север. Биллингс и Сарычев решили предпринять поиски земли, которая якобы находится к северу от Медвежьих островов. Так, по крайней мере, сообщал бывший иркутский губернатор Чичерин. К его донесению была приложена карта. На ней изображался южный берег, протянувшийся через Ледовитое море от «кряжа Северной Америки» до меридиана Колымы. Несколькое позже, в 1764 году, эту землю с берега последнего Медвежьего острова в «великой отдаленности» видел сержант Степан Андреев. Он даже попытался добраться до нее на собаках. Первоначально все шло превосходно. Земля приближалась. Еще час-другой быстрой езды, и моряки ступят на «величайший остров». Но когда оставалось не более 20 верст, Андреев увидел на снегу множество следов оленьих нарт. Решив, что на великом острове живет «превосходное число» неизвестного народа, путешественники, «будучи малолюдны», возвратились на Колыму...

С тех пор на протяжении почти четверти века о той «Земле» или «великом острове» в Петербург не поступало каких-либо сведений. Адмиралтейств-коллегия, снаряжая секретную экспедицию на северо-восток Сибири, признала весьма полезным разведать, является эта земля островом или представляет собою твердь, протянувшуюся от Америки. Интересовал русское правительство и вопрос о том, обитаема ли эта земля и насколько многочисленна.

Чем больше наблюдал Сарычев за здешним морем, дрейфом льдов, приливами и отливами, особенностью погодных условий, тем все больше и больше склонялся к выводу: на Севере действительно существует исполинская земля. Он надеялся, что вместе с Биллингсом достигнет ее берегов. Но уже первые часы плавания к северу сложились для него неудачно. Его меньшая по размерам «Ясашна» не успевала за «Палласом», который имел лучший ход и вскоре скрылся в тумане. С трудом пробивались между льдин, порой дрейфовали вместе с ними, но как только появлялись прогалыны чистой воды, устремлялись на север.

Два дня шли при плохой видимости. Иногда туман настолько сгущался, что даже «в двух саженьях ничего раз-

личить было нельзя». Ориентировались по глубинам. Они сначала возрастали, затем стали уменьшаться. В конце концов Сарычев, считая, что находится вблизи Медвежьих островов и не может увидеть их из-за густого тумана, приказал стать на якорь. Зарядили пушку и выстрелили, чтобы дать знать морякам «Палласа» о своем местонахождении. Чутко прислушивалась команда, надеясь различить ответный выстрел. Но ни один звук не нарушил глубокой тишины полярного моря.

Томительно тянулись часы вынужденной остановки. Наконец, горизонт на юге просветлел. Вдали обозначились горные увалы сибирского берега, вблизи которого они плавали в течение последних двух недель. На севере по-прежнему держался плотный туман. Ничего не было видно.

Сарычев был удручен вынужденным бездействием и решил в одиночестве возобновить плавание по направлению к «великому острову». Горизонт постепенно очищался. Путешественники надеялись встретить к северу чистую воду, но вскоре различили огромные ледяные поля. Они занимали все видимое пространство. Не было им ни конца, ни края. Ветер свежел. Издали доносился скрежет льдов, о которые с грохотом разбивались набегавшие волны. Пути на север, к берегам загадочной земли, которая впоследствии станет известна под именем земли Андреева, не было. Решили возвращаться к устью Колымы.

Утром 4 июля «Ясашна» встретила с «Палласом», Биллингсу, как и Сарычеву, не удалось даже увидеть Медвежьих островов.

На следующий день повторили попытку пройти Северным морем в Восточный океан. Шли поблизости от берега по каналу чистой воды. Ширина его не превышала двух верст. Мористее виднелся лед. И пока никто не мог сказать — отступает ли он к северу или, напротив, движется к материку. Ветер наполнял паруса и неторопливо гнал суда к востоку.

«Уже прошли двенадцать верст, — писал Сарычев, — как вдруг накрыл нас густой туман. Впереди и в левой стороне слышен стал великий шум от льдов. Скоро они нас совсем окружили. В какую сторону мы ни поворачивали, везде были льды, и опасность казалась неизбежной. Громоздящиеся льдины непременно раздавили бы судно, если бы в это самое время ветер не подул с другой стороны». С трудом Сарычев вывел «Ясашну» из льдов и

укрыл ее в небольшой гавани поблизости от берега. Однако опасность еще не миновала. Туман плотно окутывал окрестности, и моряки не могли видеть множества мелкого льда в той бухте, где они укрылись. Ветер вскоре стал гнать его в море. Пришлось всей командой отталкивать льдины шестами.

Затем погода улучшилась. И тут Сарычев увидел «Паллас», который шел под парусами. «Ясашна» покинула свое убежище. Оба судна одновременно подошли к окрестностям Баранова Камня, где встретили густой непроходимый лед. По команде Биллингса повернули к берегу и, выбрав место, где можно было укрыться от льдов, бросили якорь. Спустя некоторое время Биллингс и Сарычев отправились на Баранов Камень. Они хотели с его высоты взглянуть на положение льдов в море. Сначала плыли на шлюпке, потом шли пешком через сопки. Часто встречались олени. Попадались бесчисленные стада гусей, которые столь обилием, что не могли летать, всюду — и на пригорках, и в долинах — пестрели полярные маки и, склоняя под порывами ветра свои желтые и красные колокольца, о чем-то загадочно шептались. Может быть, о тщетности усилий людей, упрямо и неразумно надеявшихся увидеть чистое море, а в нем иные берега и иные земли...?

Когда офицеры поднялись на вершину, то убедились, что в ледяном покрове моря нет ни одной полыньи. Сарычев долго любовался очертаниями берегов, простиравшихся на восток. Поблизости от Баранова Камня они были ровны и не слишком высоки. Лишь далеко-далеко, у самого горизонта выделялась вдававшаяся в море гора. Вероятно, это был мыс Песчаный, как назвал его Никита Шалауров. А далее, по-видимому, находилась Чаунская губа, откуда этот мореход возвратился в устье Колымы и там зазимовал.

Когда возвращались назад, Сарычев на западной стороне Баранова Камня увидел старый деревянный крест. Он лежал на земле и почти совсем сгнил. Вероятно, на нем была надпись, но время не пощадило ее. «Судя по ветхости креста, — писал Сарычев, — можно предполагать, что он поставлен во время плаванья на кочах, около 1640 году. Другой столь же древний крест видел я на Омолонском летовье; тот совсем еще цел, и надпись можно было разобрать: поставлен в 1718 году».

В тот же день Биллингс и Сарычев благополучно возвратились на свои суда. Трое суток они оставались на

месте в ожидании, что подует благоприятный им юго-западный ветер и откроет путь на восток. Но тщетны были надежды: им пришлось еще раз отступить к устью Колымы и отставаться в безопасной гавани почти две недели.

17 июля предприняли третью попытку проникнуть к востоку. Льдов поблизости не было видно. Но Сарычев не обольщался: державшийся над горизонтом туман служил верным признаком того, что море там забито множеством льдин. На следующий день миновали Баранов Камень и направились на северо-восток, выбирая путь среди огромных глыб льда. Некоторые из них сидели на дне на глубине 17 саженей и возвышались над водой до четырех метров.

С каждой милей льды становились все гуще. Настал час, и они стали неодолимой стеной. Это случилось в 12 милях к северо-востоку от Баранова Камня. Пришлось снова отступать назад. Напор льдов был столь жесток, что суда едва избежали гибели.

Утром 21 июля Биллингс созвал офицеров экспедиции на совет. Обсуждали вопрос о дальнейших действиях. Все были единодушны в том, что плавание далее к востоку невозможно из-за множества льдов, и считали благоразумным прекратить дальнейшие попытки отыскания Северного морского пути в Тихий океан. «Наступающее осеннее время, — отмечал в дневнике Сарычев, — кроме опасностей от жестоких ветров, ничего не обещало. Счастливы мы еще, что во все наше плавание не было ни одного крепкого северного ветра. В таком случае суда наши неминуемо бы разбило о льдины или каменные утесы; ибо укрытия никакого нет по всему берегу».

22 июля Сарычев высадился на западном берегу Баранова Камня. Осматривая удивительно живописную долину, он нашел обвалившиеся земляные юрты. Когда был снят слой земли, то обнаружили кости животных, остатки глиняной посуды и три каменных ножа. То были первые в Арктике археологические раскопки, которые и поныне вызывают восхищение ученых. Здесь путешественники поставили памятный знак о своем пребывании. На огромном деревянном кресте они вырезали год, месяц и число пребывания экспедиции на берегах Арктики.

Между тем на море разыгрался шторм. Из-за встречного ветра суда четверо суток не могли покинуть свое укрытие. Эту вынужденную остановку Сарычев исполь-

зовал для наблюдений за течениями, приливами и дрейфом льдов.

«Течение через сутки, а иногда и через двое переменялось с той и с другой стороны вдоль берега, — писал Сарычев, — вода временами возвышалась, только не более, как на половину фута, и то без всякого порядка. Это дает повод заключить, что сие море не из обширных; что к северу должно быть не в дальнем расстоянии матерой земли и что оно, по-видимому, соединяется с Северным океаном посредством узкого пролива; и потому здесь не исполняется общий закон природы, коему подвержены все большие моря.

Мнение о существовании матерой земли на севере подтверждает бывший 22 июня юго-западный ветер, который дул с необычайной жестокостью двое суток. Силою его, конечно бы, должно унести лед далеко к северу, есть ли бы что тому не препятствовало. Вместо того на другой же день увидели мы все море, покрытое льдом».

Это мнение подтверждалось также древними преданиями и собранными капитаном Шмалевым сведениями от чукчей. С этого дня и до конца своей долгой жизни Гавриил Андреевич верил в существование «матерой земли». По его планам отправлялись одна за другой экспедиции. Одни из них опровергали его представления, другие доставляли новые свидетельства в пользу ее существования. Так он и не узнал окончательно: легенда это или реальность. Окончательное решение эта проблема получила лишь спустя почти полтора века после окончания плавания Сарычева — Биллингса по Ледовитому морю. Но об этом речь еще впереди. Вернемся к делам Северовосточной экспедиции 1787 года.

Итак, по общему согласию было решено прекратить попытки пройти из Колымы в Восточный океан.

31 июля закончилось «сколь трудное, столь и опасное» плавание судов «Паллас» и «Ясашна».

Эта попытка повторить плавание Федота Алексеева и Семена Дежнева из Колымы в Восточный океан пришлось на заключительные десятилетия эпохи похолодания климата в северном полушарии, нередко именуемого малым ледниковым периодом.

Волна похолодания в Арктике распространилась с запада на восток. Во всяком случае, в конце XVI — начале XVII века ледовые условия в русских арктических морях были более благоприятными, чем в районе Гренландии и канадского арктического архипелага, что и было

одной из причин сосредоточения усилий мореплавателей на отыскании Северо-Восточного прохода.

Русские исторические источники дают возможность в общих чертах восстановить климатические условия в арктических морях во второй половине XVI — первой половине XVII века. Имеющиеся сведения о систематических походах русских мореходов на Обь и Енисей в XVI веке и необычайное развитие в эту пору морских промыслов, в которых участвовали тысячи судов, дают основание предположить, что в конце XV — первой половине XVII века в Арктике наблюдались благоприятные гидрометеорологические условия.

Мореплавание в морях Ледовитого океана вплоть до Енисея в XVI и XVII веках достигло небывалого размаха. Русское правительство сперва взимало солидные пошлины с поморов за плавание западным участком Северного морского пути, а затем под страхом смертной казни запретило пользование арктической морской дорогой, опасаясь, что по ней к пушным богатствам Западной Сибири проникнут иностранцы. Но еще до того, как этот указ вступил в действие, русские мореходы в первой четверти XVII века обогнули северную оконечность Азии — Таймырский полуостров. Во второй четверти XVII века русские суда достигли Хатанги, Лены, Индигирки, Колымы. В документах, относящихся к этим плаваниям, почти не упоминается о встрече со льдами. Первый раз серьезной преградой на пути поморов они стали в 1647 году во время попытки пройти на восток от Колымы. Но уже в следующую навигацию суда Федота Алексеева и Семена Дежнева без каких-либо серьезных осложнений обогнули Чукотский полуостров, прошли Беринговым проливом и тем самым завершили открытие Северо-Восточного прохода от берегов Мурмана до Тихого океана.

Со второй половины XVII века начинается увеличение ледовитости в арктических морях. Отправленная из Архангельска в 1652 году в Арктику правительственная экспедиция встречает льды в районе Канина Носа. Из-за льдов ей не удастся приблизиться к южным берегам Новой Земли, хотя несколько десятилетий назад и промышленники, и иностранные путешественники проходили здесь беспрепятственно.

Анализ наблюдений арктических экспедиций со второй половины XVII до середины XIX века позволяет говорить о том, что в рассматриваемое время в Арктике наблюдалось похолодание, которое и привело к ухудшению усло-

вий плавания в полярных морях. Этим прежде всего и можно объяснить то обстоятельство, что участникам Второй Камчатской экспедиции, а за ними Шалаурову, Биллингсу и Сарычеву не удалось пройти отдельными участками Северный морской путь в отличие от русских промышленников первой половины XVII столетия, почти не встречавших неодолимых ледяных барьеров.

Сарычев и Биллингс не подозревали о том, что Адмиралтейств-коллегия будет неудовлетворена результатами их плавания. В Петербурге особенно были обеспокоены тем, что в ходе экспедиции не было предпринято попытки описать по сухопутью северный берег между Барановым Камнем и Восточным океаном. Особый гнев вызвало пренебрежительное отношение Биллингса к поискам «матерой земли, виденной в 1764 году». Экспедиция не только не предприняла «никакого разведания», но и даже в рапорте Биллингса не упоминалось об этом поручении. И наконец, Адмиралтейств-коллегия была возмущена тем, что на присланной Биллингсом в Петербург карте не были даже означены Медвежий острова.

Этот разнос петербургского начальства не застал никого из членов экспедиции на Колыме. Но он настиг Биллингса в Охотске и хорошо запомнился ему. Стремясь сгладить неприятное впечатление от скромных результатов плавания в Северном Ледовитом море, он впоследствии предпримет сухопутное путешествие по чукотской земле.

Между тем 5 августа 1787 года Сарычев закончил разоружение «Палласа» и «Ясашны» и спустя несколько дней отбыл в Среднеколымск, где встретился с Биллингсом. Как только замерзли реки и болота, экспедиция отправилась в Якутск. Снова были переходы через горные хребты, заснеженные долины, речные наледи. Снова недоедание, цинга, жестокие морозы и пронзительные ветры. Один из немолодых членов экспедиции дошел до отчаяния от лютости стужи и, Сарычев, нисходя к страданиям измученного дорогой моряка, оставил его на попечение жителей повстречавшегося на пути селения. На каждом путешественнике было надето по три оленьих кухлянки, но и они не спасали от холода. На лошади нельзя было усидеть более получаса. То и дело приходилось оставлять седло и идти пешком, чтобы хоть немного согреться. «Лица наши, — писал Сарычев, — так изуродовало морозом, что почти не оставалось места, где бы не видно было действий его лютости... Чтобы совсем не

отмерзли у нас щеки и носы, мы сделали из байки личины. Они хотя и леденели от дыхания и были не очень приятны для лица, однако много помогали нам».

Ночевали под открытым небом. При этом старались отыскать места, закрытые от ветров, и где, кроме того, можно было найти корм для лошадей и сухие дрова. Огонь, на котором готовили пищу, не мог согреть путешественников. Спали в вырытой в снегу яме, закутавшись в одеяла и шкуры. Сарычев был очень доволен тем, что во время этого тяжелого пути никто из его спутников не захворал. В таком бедственном положении, по его словам, не приходилось рассчитывать на чью-либо помощь. Кругом были только снега и горы, по обледелым склонам которых порой доводилось спускаться ползком. Потом начались леса, сначала лиственные, а затем сосновые. Тихо и задумчиво шумел бор по сторонам тропинки. Он был бесконечен, как море. Только изредка однообразный ропот деревьев нарушался криком птицы или зверя. Но это продолжалось мгновение. А затем снова почти осязаемая тишина окружала путников.

Наконец, встретились якутские юрты, и путешественники смогли провести ночь под гостеприимным кровом местных жителей в соседстве с находившимся там домашним скотом. В другое время они не согласились бы быть здесь и минуты. Но Сарычев был счастлив уже от одной мысли, что после многих холодных ночлегов над ним и его спутниками не открытое небо, а крыша теплого человеческого жилья.

24 ноября 1787 года прибыли в Якутск. Зимой пришлось заниматься строительством лодок на Усть-Майской пристани. Жильем служили дома, построенные экспедицией Витуса Беринга. Здесь Гаврила Андреевич встретил весну 1788 года и все лето руководил перевозкой экспедиционных грузов в Охотск.

Зимой 1788 года строились суда для плавания в Восточном океане. Весной Сарычев получил от Биллингса приказание описать морской берег от реки Охоты на юго-запад до реки Улькана и 31 мая 1789 года в сопровождении десяти служителей вышел в море на деревянной байдаре, построенной по его собственным чертежам. День за днем плыли на юго-запад, редко имея возможность пристать к берегу. Бушевали штормы, шел дождь, нередко переходящий в снег. Потом попали в сулой (водоворот). Два встречных течения своими волнами едва не затопили суденышко. Чтобы избежать гибели, пришлось

выброситься на берег и двое суток сушить подмокшую провизию и влажное платье.

За пять недель Сарычев описал значительную часть берегов Охотского моря и, кроме того, исследовал по собственному почину Алдомский залив и реку Алдому.

В Охотск благополучно возвратились 7 июля. В гавани стояло на якоре судно «Слава России». На нем экспедиция в сентябре отправилась к берегам Камчатки. По пути в Петропавловск открыли неизвестный каменный остров, который был очень опасен для судов. Его называли по святцам именем святого Ионы. Проливом между четвертым и пятым Курильскими островами вышли из Охотского моря в Тихий океан.

«Солнце, — писал Сарычев, — непрерывно светило до самого вечера и согревало нас, как бы среди лета. После продолжительных холодных погод, казалось, что мы вдруг перешли из холодного климата в теплый... Теплота воздуха, приятный вид берегов и тишина моря, гладкого подобно стеклу, привлекали общее внимание. Это был для нас праздник, который с удовольствием проводили мы все на верхней палубе. Между тем в худую погоду никто, кроме вахтенных, не выходил из кают».

5 октября Сарычев ступил на землю Петропавловской гавани, где в 1740 году капитан-командир Витус Беринг заложил город. Еще совершенно крепкими выглядели его первые строения. Правда, за это время к казенным зданиям добавилось еще более 300 домов, живописно раскинувшихся по склонам.

Вскоре путешественники посетили могилы двух путешественников: академика-астронома Людвиг де ля Кроейера, участвовавшего в 1741 году в плавании к берегам Америки вместе с Алексеем Чириковым, и капитана Кларка, который после гибели Джеймса Кука, принял начальствование над его третьей экспедицией, но недолго пережил великого мореплавателя. Он умер в 1779 году, когда английские суда, пытавшиеся пройти из Берингова пролива в Атлантику, возвращались из Арктики на юг. Именно в этом плавании участвовал в чине мичмана Иосиф Биллингс, которому теперь русское правительство доверило руководство секретной Северо-восточной экспедицией. Фигура Биллингса представляется весьма противоречивой. Во всяком случае, в ряде высказываний знавших его людей звучат определенно отрицательные мотивы.

В частности, об этом говорят заметки декабриста Владимира Ивановича Штейнгеля. Он ребенком видел путешественников, когда те зимовали в Петропавловской гавани. «С прибытием экспедиции в Камчатку, — писал Штейнгель, — началось явное бабничанье: вечеринки, попойки, зверские представления и пр. Денег они убивали пропасть, а пользы на грош не делали». По свидетельству Штейнгеля, особенно усердствовал Биллингс. Он даже признавался в любви к его матери, которая, однако, отвергла домогательства англичанина. «Мне этот Биллингс, — писал Штейнгель, — особенно как-то гнусен. Я и маленький смотрел на него с отвращением».

Биллингсу, в котором будущий декабрист видел прежде всего наемника, думавшего только о своей выгоде, он противопоставлял Сарычева, как человека высоких нравственных качеств, на долю которого и выпали основные научные достижения экспедиции: «Должен сказать и то еще, — отмечал Штейнгель, — что при всех вакханальных пиршествах Биллингса никто столько не отличался кротостью и благонаравием, как нынешний вице-адмирал Гаврила Андреевич Сарычев и, если б не он, то экспедиция сия столько же бы принесла славы и пользы России, сколько Каллигулин известный поход против Британии славен был для Рима».

Приговор Биллингсу категорический и, надо сказать, не совсем справедливый. К нему еще придется возвратиться. Но это не принижает важности мнения видного деятеля декабристского движения о Гаврииле Андреевиче Сарычеве. Выдающаяся его роль в Северо-восточной экспедиции отмечалась многими выдающимися представителями русского флота. Среди них были и современники, которых невозможно заподозрить в пристрастии к преувеличению заслуг Сарычева.

В декабре 1789 года Сарычев вместе с Христианом Берингом ездил на собаках в Большерецкий острог. Дорогой посетили горячие ключи. В камчадалских селениях их ласково принимали и усердно угощали рыбой, куропатками, ягодами и кореньями здешних трав, которых добывали в норах леммингов.

«Для собирания сих кореньев, — писал Сарычев, — ходят нарочно осенью по полям, стучат чем-нибудь в землю. Где по звуку услышат пустоту, в том месте роют и находят продовольственные склады этих животных. Запасу всего не берут, а оставляют на пропитание мышам третью часть. Делают, вероятно, так для того, чтобы

не отогнать от себя сих полезных для жителей тварей».

Сарычев восхищался гостеприимством, искренностью, миролюбием и доброжелательством камчадалов, которым посвятил многие страницы своего «Путешествия». Он описал обычаи, верования и занятия местных жителей. Много места в его дневнике отведено и картинам природы Камчатки. Особенно подробно рассказано там о землетрясении и извержении вулкана — Ключевской сопки — в январе 1790 года. Сначала из кратера вулкана взметнулось пламя. Потом по склонам полилась лава, в воздухе зашвистели камни и появилась туча черного пепла, который покрыл толстым слоем близлежащие места.

В конце зимы у многих путешественников появились признаки цинги. Но как только стала ловиться свежая рыба и зазеленела черемша, люди начали поправляться. Подготовка судна к предстоящему плаванию возобновилась.

Между тем его командир занимался съемкой Авачинской губы, ее заливов и устьев рек. Сарычев сожалел, что удивительно удобная гавань, в которой мог бы разместиться многочисленный флот, находится в столь отдаленном краю России.

«Но может статься, — писал он в дневнике, — со временем будет она важнейшею и необходимейшею пристанью, когда купечество наше обратит внимание на выгоды торговли с Китаем, Японией и прочими Ост-Индскими селениями, и распространит мореплавание по здешним морям. Тогда Авачинская губа будет главным сборищем судов, отправляемых как за промыслами на острова в Америку, так и для торгу в Ост-Индию: ибо на здешних морях по всем берегам, принадлежащим России, нет удобнее и безопаснее места для пристани судам...»

К исходу апреля судно было готово. 1 мая на его борт перебралась вся команда. Спустя девять дней вышли из Авачинской губы. Путь лежал к Русской Америке. Шли по южную сторону Алеутской гряды. Почти все время держался туман, вероятно, такой же густой, как и во времена Беринга и Чирикова, открывших эти земли летом и осенью 1741 года. Изредка прорывалось солнце и тогда можно было видеть далекие очертания островов Андреяновских, Крысыих, Шумагинских.

Едва прибыли на Уналашку, тогдашнюю «столицу» русских поселений в Америке, как Биллингс поручил Сарычеву описать Бобровую губу. С борта «Славы России»

утром 4 июня спустили большую кожаную байдару вместе с недельным запасом провизии. Сначала плыли вблизи Спиркина острова. Всюду виднелись подводные камни, покрытые красно-белыми кораллами. При отливе на берегу нашли множество раковин, а в них «мелкий незрелый жемчуг». Когда высаживались на твердую землю, волна изрядно побила байдару. Пришлось следующее утро посвятить ее починке.

Изо дня в день Сарычев измерял глубины, искал подводные скалы, осматривал берега, поднимался на окрестные горы по лесам, мхам и каменным россыпям, видел удивительно красивые водопады, низвергавшиеся с утесов. В алеутских селениях заглядывал в юрты, сделанные из выброшенного морем леса и присыпанные сверху землей, любовался, как искусно алеутки плетут ковры из трав и вышивают узоры на одежде. «Делают это они с таким мастерством, — отмечал он в дневнике, — что ни одна европейская золотошвейка не в состоянии сравниться с ними». И далее: «Вышивают на коже довольно твердой, выделанной из перепонки горла птиц. Вместо ниток им служит козья длинная шерсть. Ею пришивают к коже волосы из лошадиного хвоста, переплетая их белой оленьей шерстью и разноцветными шелками, отчего их шитье походит на самый мелкий низанный бисер. Подобными узорами вышивают они праздничные мужские парки, шапочки, пояса и зарукавья, употребляемые только во время пляски». Со страниц дневника Сарычева веет глубоким уважением к алеутам, их мужественному, опасному труду, их быту, понятиям, верованиям.

С каждым днем заполнялись зарисовками берегов все новые и новые листы. На бумагу ложились точные пеленги мысов, заливов, устьев рек, якорных стоянок.

8 июня Сарычев положил на карту Капитанскую гавань. В ее вершине он нашел упавший на землю полусгнивший крест с надписью. Прочсть ее удалось с трудом. Она гласила: «С 1768 на 1769 год зимовал здесь с судном капитан-лейтенант Левашов». Тот самый Левашов, который участвовал в экспедиции Креницына, двенадцать лет назад положивший начало систематической съемке Алеутских островов.

10 июня опись Бобровой губы была закончена. Сарычев возвратился на судно «Слава России», готовое вступить под паруса. Но шторм задержал на Уналашке путешественников на целую неделю.

Наконец, плавание возобновилось. Экспедиция приступила к детальному исследованию Алеутской гряды и других островов в северной части Тихого океана.

Сарычев по-прежнему вел дневник и вносил туда все достойные внимания сведения: о китах, о птицах-глупышах, о вулкане на северо-западном берегу Америки, который бездействовал много десятилетий, а затем вдруг взорвался. Верхняя часть его обрушилась. Вулкан и сейчас дышал пламенем и дымом.

Особенно удивило Сарычева, что у Шумагинских островов, хотя «Слава России» шла с большой скоростью, ее догнали несколько алеутских байдарок. На них прибыл со своей свитой русский промышленник. Он сообщил, что приехал сюда из селения, основанного на острове Кадьяк, где вместе с 300 алеутами занимается охотой на морских котиков и птиц.

Селение Сарычев увидел на следующий день. Оно состояло из двух изб, амбара и нескольких землянок. Эти места, впервые исследованные Берингом, уже более четверти века посещались купцами, промышленниками, мореходами.

У путешественников пришли в негодность запасы воды. Надо было вымыть бочки и заново заполнить их. Пока велась эта трудная и долгая работа, Сарычев описал безлесные гористые берега залива Ляхик, определил широту и долготу Кадьяка. Затем с 16 матросами, натуралистом и переводчиком он исследовал Шугачскую губу. Его отряд подвергся нападению местных жителей. Получив в подарок немного бисеру, они захотели завладеть всеми остальными «сокровищами» путешественников. Украсть не удалось: часовые бдительно охраняли имущество — не столько, разумеется, бисер, сколько оружие и припасы. Тогда туземцы решили перебить весь отряд с его командиром. Они даже пытались вступить в сговор с переводчиком, обещая ему часть добычи. Но Сарычев и его спутники были все время начеку. Чтобы осуществить свой замысел, индейцы сперва пытались затеять ссору, но матросы не ввязались в нее. Сарычев, увидев неладное, приказал стрелять... по чайкам. Это охладило пыл зачинщиков. О заговоре Сарычев узнал позже, от переводчика, уже по возвращении на судно. «Эти американцы были молодые люди, — записал он в своем дневнике, — между ними не было ни пожилых, ни стариков, и надобно думать, что заговор сей сделали против нас самые предприимчивые из них и дерзкие, по которым

не должно заключать, что таковы и все здешние жители». Сарычев был прав — в дальнейшем ему довелось встречать многих индейцев, которые держались дружелюбно и не замыслили ничего дурного против путешественников.

27 июля опись Шугачской губы была завершена.

Экипаж «Славы России» еще продолжал пополнять припасы — пресную воду, дрова. Матросы рубили в лесу деревья на запасные рей и стеньги, ловили неводом горбушу. Спустя три дня все приготовления к дальнейшему плаванью завершились.

30 июля вышли в море и продолжали исследования островов и материкового берега Америки. Утром 3 августа приблизились к земле, покрытой горными хребтами, над которыми величаво возвышалась вершина, покрытая вечным снегом. То был мыс Святого Ильи, который также впервые увидел Витус Беринг со своими отважными сподвижниками. С тех пор прошло почти полвека...

Вызов в каюту Биллингса прервал размышления о не столь уж давнем прошлом. Руководитель экспедиции созывал на совет своих офицеров. Предстояло обдумать, как поступить дальше. Запасов провизии оставалось немного. Было решено сворачивать исследовательские работы и возвращаться в Петропавловск, от которого их отделяло около двух месяцев пути. Биллингс приказал беречь воду и сократить в два раза выдачу сухарей.

Судно продвигалось на запад медленно. Мешали сильные встречные ветры. Когда 21 сентября проглянуло солнце, и моряки смогли определить свое положение, то выяснилось, что они прошли за 52 дня не многим более половины расстояния между Америкой и Камчаткой. Воды оставалось лишь двадцать бочек. И офицерам и матросам выдавали по кружке в день. Чтобы не возбуждать в людях жажду, вместо соленого мяса стали варить горох. Но это мало помогало. Вскоре более чем скромную порцию питья пришлось урезать. Многие невыносимо мучились от жажды и, чтобы как-то облегчить страдания, держали во рту свинцовые пули. Дождю радовались как великому подарку, влагу собирали всеми возможными способами. Все внимательно следили за переменами ветра. Всеобщий восторг охватывал матросов и офицеров, когда ветер был попутным. В сердцах пробуждалась надежда на скорое прибытие в Петропавловскую гавань. Считали оставшееся расстояние, измеряли ход судна и называли день и час, в который увидят горы желанной Камчатки.

Но стоило наступить штилю или ветру перемениться на встречный, как надежда сменялась отчаянием, а недавние оптимистические расчеты рушились бесследно. В такие минуты весь экипаж охватывало молчание. Офицеры по одиночке удалялись в свои каюты, чтобы остаться наедине со своими невеселыми мыслями. И вот, наконец, обозначились очертания Шипунского мыса и Авачинской сопки. Вечером 13 октября судно «Слава России» отдало швартовые в Петропавловской гавани.

«Нельзя описать той радости, каковую чувствовали мы, достигнув пристанища и окончив благополучно плавание наше, — писал Сарычев. — Вода у нас почти вышла. Если бы противные ветры продержали нас еще сутки или двое в море, тогда бы мы были в самом бедственном положении. Удивительно, что, употребляя столь малое количество воды и то протухлой, все мы были здоровы и не чувствовали от того худых последствий. Когда привезли нам с берегу свежую воду, все бросились утолять свою жажду. И нам казалось, что мы во всю нашу жизнь не пивали вкуснее сего напитка».

В Петропавловске их ждала еще одна радость. В гавани стояло судно, которое привезло из Охотска продовольственные припасы для экспедиции.

Началась новая зимовка. Вскоре забылись пережитые во время плавания лишения. Наступило утомительное единообразие. Перспектива прожить треть года в праздности и скуке угнетала. Сарычев искал занятий. В конце декабря вместе с Христианом Берингом он поехал в Большерецк. Здесь офицеры пробыли две недели. Когда возвращались через горы, стояла небывалая стужа. Промерзли основательно. Каково же было их удивление, когда, проехав около ста верст, они добрались до Петропавловской гавани и попали в дождь. Здесь была самая настоящая оттепель. Правда, продолжалась она недолго. Скоро и здесь ударили столь сильные морозы, что значительная часть Авачинской губы покрылась толстым льдом.

Наконец, пришла весна. Судно вытащили на лед и очистили от водорослей и ракушек. В начале мая «Слава России» была полностью оснащена и нагружена припасами. Как только Авачинская гавань освободилась ото льда, экспедиция вышла в море и направилась к острову Беринга.

27 мая 1791 года после полудня путешественники увидели на северо-востоке высокие горы и приступили

к описи берегов последнего пристанища Беринга. На эту землю, которую «Слава России» обогнула за сутки, его, тяжело больного, принесли на носилках и поместили в землянку. Беринг уже не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Сползавший со стен землянки песок засыпал ноги. Офицеры предложили откопать его, но он воспротивился, сказав, что так теплее. Он умер на этих берегах в декабре 1741 года, не подозревая о том, что находится всего в нескольких сутках хода от основанного им Петропавловска.

Сарычеву, как он писал в дневнике, хотелось, чтобы Биллингс приказал лечь в дрейф и спустить шлюпку. Тогда можно было бы съехать на берег и посмотреть то место, где погребен «первый сей по здешним местам плаватель». Но Биллингс не рискнул, и его спутникам, среди которых находился внук Беринга, пришлось отдать долг памяти великого путешественника лишь одними грустными «воспоминаниями и вздохами» о печальной участи морехода и погибших вместе с ним его сподвижников, «соотичей наших».

Вскоре спустился туман и закрыл остров Беринга от глаз моряков.

Биллингс приказал идти в район к северу от острова Медного, пролагая путь по английской карте. Сарычев, заметив это, доложил начальнику экспедиции, что английская карта не верна и что, судя по российской карте, «Слава России» ночью врежется в середину острова Медного. Биллингс ответил, что не верит русским картам. Сарычев стоял на своем. Биллингс еще раз обругал русских картографов, но уступил настояниям своего старшего офицера и переменял курс на два румба. На следующее утро, когда туман рассеялся, путешественники увидели, что только что прошли в 400 метрах от острова Медного. Совсем рядом виднелись подводные камни. Сарычев был удовлетворен, что избавил себя и своих спутников от грозившей опасности. Но не меньше он радовался и тому, что все удостоверились в недостоверности английской карты, на которой остров Медный был изображен гораздо южнее его действительного положения.

От острова Беринга направились к Алеутским островам и занялись их описью. 25 июня «Слава России» отдала якорь в Капитанской гавани острова Уналашка. Две недели провели здесь моряки, тщетно ожидая катер «Черный Орел», на котором из Нижнекамчатска должен

был прибыть сюда со своим отрядом лейтенант Р. Р. Галл. Так и не дождавшись его, Биллингс решил идти в Берингов пролив. По пути исследовали острова Святого Павла и Святого Георгия, открытые штурманом Прибыловым в 1786 году. Здесь Прибылов в течение двух лет со своими промышленниками добыл 8 тысяч голубых песцов, 30 тысяч котиков, 2320 каланов и собрал по берегам 700 пудов клыков моржей. Вся добыча оценивалась примерно в два с половиной миллиона рублей.

В конце июля — начале августа экспедиция обследовала и наносила на карты острова в Беринговом проливе. 4 августа «Слава России» отдала якорь в губе Святого Лаврентия на восточном побережье Чукотки. Отсюда экспедиция должна была отправиться в Ледовый океан, пройти вдоль северных берегов Чукотки, обогнуть мыс Шелагский и попытаться достигнуть Колымы, чтобы тем самым доказать, что проход из Тихого океана к северным берегам Сибири существует. Едва Биллингс и Сарычев съехали на берег, как чукчи вручили им бумагу. Это был рапорт сотника Кобелева. Он сообщал, что в течение месяца — с 26 июня по 26 июля — на мысе Восточном (ныне мыс Дежнева) ждал прибытия судов экспедиции. Но поскольку сопровождавшие его чукчи не желали больше ждать, он отправился морем на байдаре к острову Колючину, где находилось главное чукотское стойбище и паслись их стада оленей. Кобелев уведомлял далее, что будет там находиться до 15 августа, а затем отправится во внутренние районы.

На другой день на борт «Славы России» приехал толмач Николай Дауркин. По просьбе Биллингса он расспрашивал чукчей о том, можно ли на судне пройти через Берингов пролив. Его собеседники в один голос уверяли, что море забито множеством льда, среди которого не всегда можно проехать небольшое расстояние даже на байдаре, не говоря уже о таком большом судне, как «Слава России». Биллингс и Сарычев не усомнились в правоте этих слов. Ведь они подтверждали выводы капитанов Кука и Кларка. Первый был остановлен льдами в 1778-м, а второй — в 1779 году. Оба мореплавателя были убеждены, что Северный проход вряд ли удастся открыть, тем более что за виденными ими местами к северу от Берингова пролива может находиться земля.

Биллингс решил отменить плавание к Колыме и на оленях пересечь Чукотку от губы Святого Лаврентия до

Нижнеколымска. Во время этого путешествия он рассчитывал осмотреть весь берег Ледовитого моря от Берингова пролива до Баранова Камня. Офицеры пытались отговорить Биллингса от этой трудной и рискованной поездки, убеждая, что такой вояж может быть поручен одному из членов экспедиции. Но Биллингс стоял на своем. 13 августа он передал командование судном «Слава России» Сарычеву, а сам на 15 чукотских байдарках отправился в Мечигменскую губу, откуда на оленях чукотского старейшины Имлерата Киренева должен был начать свое сухопутное путешествие в сопровождении штурмана Батакова, толмача Дауркина, доктора Мерка, помощника его Мейка, подлекаря Леймана и 3 егерей. Сарычеву он приказал обследовать Анадырский залив, затем отправиться на Уналашку, там перезимовать, а весной 1792 года прибыть на Камчатку и ждать прибытия Биллингса до середины июня. Если же к этому времени Биллингс не вернется, то отправиться в Охотское море и описать его южную часть.

14 августа Сарычев покинул губу Святого Лаврентия. Туманы и штормы задержали его на несколько дней у восточного побережья Чукотки. От описи Анадырского залива пришлось отказаться. 29 августа путешественники достигли Капитанской гавани на Уналашке. Спустя некоторое время на катере «Черный Орел» сюда прибыл лейтенант Роберт Галл. Как старший по чину офицер, он вступил в командование «Славой России», передав Сарычеву судно, на котором сам прибыл из Нижнекамчатска.

В конце декабря среди зимовщиков появились больные цингой. Ежедневно от 5 до 7 человек выходили на охоту, чтобы свежей пищей поддержать больных и здоровых. Однако цинга не отступала. К середине января этой болезнью страдало уже 23 человека. Всю зиму Сарычев провел в неустанных трудах, предприняв долгое и дальнее путешествие вдоль берегов острова Уналашки, который он осмотрел, зарисовал и положил на карту. Он вернулся к месту зимовки только через 70 дней и узнал, что 11 матросов «Славы России» и трое на «Черном Орле» умерли от цинги. Эта болезнь, по его мнению, была следствием «сырых погод». Все время, которое провела экспедиция на Уналашке, беспрестанно стояло ненастье. «Небо, — писал Сарычев, — было всегда покрыто облаками и редкий день проходил, чтоб дождь, снег или туман с мокротой попеременно нас не беспокоили. Солнце

так редко показывалось, что за все время нашего девятимесячного пребывания насчитывали мы только девятнадцать дней, в которые небесное светило было видно». От чрезмерной сырости пострадали продовольственные припасы. Выпеченный из отсыревшей муки хлеб отдавал гнилью. И почти невозможно было высушить влажную одежду.

Только в конце апреля больные цингой начали поправляться. Вскоре здоровье зимовщиков восстановилось, и 16 мая путешественники простились с Уналашкой. «Слава России» и «Черный Орел» прокладывали свой путь так, чтобы это плавание принесло как можно больше пользы науке. Сарычев уточнял свои прежние описи, наносил на карту неисследованные побережья Алеутских островов и изо дня в день пополнял свой дневник всевозможными наблюдениями. «Замечания достойно, — записал он 2 июня 1792 года, — что, начиная от Америки, по всей цепи Алеутских островов есть огнедышащие горы. Многие из них гореть совсем перестали, а из некоторых идет только дым. Сказывают, что прежде бывали сильные извержения. Они сопровождались землетрясениями, во время которых опровергались горы и утесы... Да и по берегам островов видно, что подземный огонь произвел великие перемены. Во многих местах слои каменных утесов находятся в необычайном беспорядке. Иные опускаются под острым углом в море и опять поднимаются вверх, то перпендикулярно, то косвенно, а в иных местах и переопрокинуты». На основе этих наблюдений Сарычев сделал весьма интересный вывод. По его мнению, возможно, что вся нынешняя Алеутская гряда от Аляски до Камчатки была некогда «беспрерывным кряжем матерой земли, которая от сильных землетрясений разделилась на острова и произвела проливы». Это заключение Сарычева подтверждается современными исследованиями.

19 июня Сарычев привел «Черный Орел» в Петропавловскую гавань. Здесь уже находилась «Слава России». Несколько недель экспедиция ждала своего начальника. Но Биллингс не объявлялся.

Галл и Сарычев решили для описи Охотского моря употребить катер «Черный Орел», а «Славу России» под командой Христиана Беринга оставить на Камчатке. 6 августа экспедиция снова вышла в море. Почти три недели штормы трепали небольшое деревянное судно. В конце августа оно находилось так же далеко от мест

своих исследований, как и в начале месяца. Приближалась осень, самое опасное время, во время которого не только описывать неизвестные берега, но и плавать было рискованно. Галл и Сарычев, собрав совет офицеров, приняли решение идти в Охотск.

18 сентября катер пришвартовался в устье реки Охоты. Здесь путешественники узнали, что Биллингс благополучно совершил свое сухопутное путешествие по Чуколке и находится в Якутске. В начале февраля 1793 года он прислал приказ передать катер в Охотский порт и следовать в Якутск. 6 августа там собралась вся экспедиция. Вскоре офицеры выехали в Петербург. В апреле 1794 года они возвратились в столицу. На этом и завершилась Северо-восточная экспедиция.

В петербургские будни и праздники Сарычев трудится над своим дневником, который он вел с первого до последнего дня затянувшегося вояжа. Он готовит его к изданию.

Тем временем Биллингс составляет подробный отчет об экспедиции. Отчет переводят с английского на русский язык и... ставят на полку архива Адмиралтейств-коллегии. В морском ведомстве, истратившем многие десятки тысяч на Северо-восточную экспедицию, не находится нескольких сот рублей, чтобы опубликовать результаты этого крупнейшего научного предприятия. Такая же судьба уготована и дневниковым записям Сарычева. Вояж считается секретным, и ни одного слова о нем не должен увидеть свет.

Вряд ли мог предположить Сарычев, что и через два с половиной века его записи не будут напечатаны, что останется в рукописи и сочинение Биллингса.

Но пока Россия прячет свои открытия, в Лондоне выходит книга Мартина Сауера, который на протяжении всего путешествия состоял секретарем Биллингса. История повторяется. Ведь карты великих открытий Второй Камчатской экспедиции и труды ее ученых тоже появились сначала за границей, а затем уже в России. И притом далеко не все, многие так и остались лежать в рукописях.

Проходит год, другой, третий... После ученых занятий Сарычев возвращается к строевой службе. Плавает по Балтике, затем совершается переход из Архангельска в Кронштадт. Своей чередой идут чины. Девятнадцатое столетие он встречает капитан-командором. С новым веком приходят новые надежды. В жизни флота настает

пора оживления. В судьбе Гавриила Андреевича принимает участие адмирал Логин Иванович Голенищев-Кутузов. Он знакомится с его дневником и хлопочет об его издании. Наконец, в 1802 году при активном содействии морского министра адмирала Мордвинова появляется в свет «Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану в продолжении осьми лет при географической и астрономической морской экспедиции, бывшей под начальством флота капитана Биллингса с 1785 по 1793 год». Но на этом Сарычев не останавливается. Чтобы дать полное представление о деятельности Северо-восточной экспедиции, он на основе разных журналов составляет труд о сухопутном путешествии Биллингса через Чукотский полуостров. В его состав Сарычев включает описание плавания Роберта Галла на катере «Черный Орел» в северную часть Тихого океана и в Берингов пролив, а в приложении добавляет метеорологические наблюдения, выполненные экспедицией в Верхнеколымске, и словарь «Двенадцати наречий народов», с которыми встречались моряки во время своего путешествия. Книга была издана в 1811 году.

Теперь Сарычев считает свой долг выполненным. Наконец ему удалось дать полную картину научных исследований Северо-восточной экспедиции. Ведь в ходе ее была детально исследована река Колыма почти на всем ее протяжении, описаны северные берега России от острова Айон до Колымы и от Берингова пролива до Колучинской губы. Кроме того, по расспросным данным создана первая достоверная карта северного побережья Чукотки, которое раньше изображалось самым гадательным образом. Но и это не все: экспедиция произвела во многих местах Восточной Сибири первые метеорологические наблюдения и описала черты ландшафта от Лены до Охотского моря и от Охотского моря до Северного Ледовитого океана. В число исследованных попали многие участки восточного побережья Азии в Беринговом и Охотском морях и в Беринговом проливе.

Великий русский мореплаватель Иван Федорович Крузенштерн, рассматривая научные итоги Северо-восточной экспедиции, писал: «Все, что сделано полезного в этой экспедиции, принадлежит Сарычеву, толико же искусному, как и трудолюбивому мореходу. Без его неусыпных трудов в астрономическом определении мест, снятии и описании островов, берегов, портов и пр., не приобрела

бы, может быть, Россия ни одной карты от начальника сей экспедиции».

Биллингсу, как уже говорилось, не привелось увидеть опубликованным своего описания Северо-восточной экспедиции. Это беда, а не вина смелого путешественника. И жаль, что три рукописных тома его отчета о плавании по Ледовитому морю, Тихому океану и Беринговому проливу, об отважном и трудном сухопутном походе через Чукотку все еще не вышли за стены Центрального государственного архива Военно-Морского Флота.

Не ведая о драматической судьбе трудов Биллингса, современники нередко нападали на него. Сарычев искренне и мужественно защищал своего начальника и дела возглавляемой им Северо-восточной экспедиции.

Впрочем, как бы ни думать о роли Биллингса, бесспорно, что на долю Сарычева приходится немалая часть славных открытий экспедиции. С исключительной точностью и подробностью ему и его сподвижникам удалось нанести на карты Андреяновские острова, почти всю цепь Алеутских, островов Прибылова, острова Уналашка, Кадык, Святого Лаврентия и многие другие. Были описаны отдельные районы северо-западного побережья Америки и Курильских островов. Результаты этих исследований Г. А. Сарычев использовал при создании капитального «Атласа северной части Восточного океана», который признан классическим и сохраняет свое научное значение до наших дней.

Сарычев не только собрал интересные сведения о добыче мамонтовой кости на Ляховских островах, но и попытался дать ответ — как могли эти звери обитать в бесплодных и холодных пустынях Арктики, где морозы бывают более сорока градусов? Он не считал основательным предположение, что мамонты попали сюда из более теплых стран «во времена давно бывших походов», и отвергал мнение тех ученых, которые доказывали, что мертвые тела мамонтов были занесены на север Сибири во время всемирного потопа.

«Походы, — писал Сарычев, — не могли быть через столь дальнее расстояние по бесплодным и болотистым местам и через высочайшие горные хребты, где не только слоны и подобные им большие звери проходить не могут, но едва пробираются степные и привычные к перенесению всяких трудностей здешние лошади. Потопом же занести мамонтовых костей невозможно. От Ляховских островов до теплых мест, где водятся подобные мамонтам

животные, будет около пяти тысяч верст. Это столь огромное расстояние, что его на корабле при самом отличном ходе и попутном ветре едва ли в тридцать дней можно переплыть. Итак, естественно ли, чтоб мертвые тела хотя б и во время всеобщего потопа могли занесены быть в такую отдаленность? Мне кажется, лучше приписать это великой перемене земного шара, нежели упомянутым причинам; и верить, что в этих местах был некогда теплый климат, сродный натуре этих животных».

Вывод Сарычева о крупных изменениях климата, имевших место в недавнем прошлом, подтверждается современными исследованиями.

Сарычев высказал интересную мысль о зависимости ледовитости арктических морей не столько от теплоты лета, сколько от распределения господствующих ветров, которые способствуют выносу льдов в Северный океан. Не забыл Сарычев в своих трудах и о таинственной «Северной матерой земле» в Ледовитом океане, о которой ему рассказывал капитан Шмалев. В том, что она существует, Сарычев не сомневался. Доказательством служили его собственные гидрологические наблюдения. Своими глазами он убедился, что приливы и отливы в Восточно-Сибирском море отсутствуют. Объяснить это Сарычев мог только тем, что на севере существует обширная суша. Она, по мнению ученого, разделена проливами, через которые течения выносили лед из сибирских морей. Вместе с тем суша гасила прилив. Гавриил Андреевич сохранил веру в ее реальность до последнего вздоха.

Выход в свет «Путешествия» Сарычева знаменует начало новой эпохи в его жизни. В том же 1802 году он становится руководителем съемки Балтийского моря, которая продолжалась четыре навигации. В эту пору судьба сводит его с Анастасией Васильевной Мацкевич, фрейлиной великой княгини Елены Павловны. Они встретились во время навигации 1803 года, когда Анастасия Васильевна с эскадрой Сарычева совершала плавание из Кронштадта в Росток, чтобы там присоединиться к свите Елены Павловны. В августе 1804 года Сарычев женился и был счастлив до конца своих дней.

Еще два года мореходу пришлось плавать по Балтике. Он закончил съемку в те самые недели, когда из первого кругосветного плавания возвратились русские корабли — сначала «Нева» под командованием Юрия Федоровича Лисянского, а затем «Надежда» во главе с руководителем экспедиции Иваном Федоровичем Крузенштерном, давним

знакомым Гавриила Андреевича. Мысль о плавании вокруг света весьма серьезно волновала и Сарычева. Он готовил план посылки судов из Кронштадта на Камчатку. Но был принят проект Крузенштерна. Главную роль в этом сыграл благоволивший к нему влиятельный вельможа граф Николай Петрович Румянцев.

Первоначально у Сарычева с Крузенштерном установились тесные деловые отношения. Они одновременно были избраны в члены Адмиралтейского департамента, который был основан в 1805 году и имел коллегиальную форму управления. Департамент ведал всеми сторонами научной деятельности флота и в первую очередь географическими и гидрографическими исследованиями.

Сарычев совместно с Крузенштерном представил Адмиралтейскому департаменту «План к составлению всеобщего морского атласа» с подробным перечнем карт. Этот труд замыслилось издать в двух частях. В первую намечалось включить карты Атлантики и берегов европейских морей, во вторую — Тихий океан и берега Америки и Азии. Атлас должен был сопровождаться двухтомным описанием берегов и наставлением для входа в главнейшие военные и торговые порты всех частей света. Сарычев и Крузенштерн без промедления приступили к реализации этого замысла. Крузенштерн трудился над капитальным исследованием по гидрографии Мирового океана с картой всего мира, включая северные моря России. Сарычев, в свою очередь, начал подготовку к созданию всемирно известного «Атласа северной части Восточного океана», который увидел свет через 16 лет.

Со временем между этими знаменитыми, талантливыми и безмерно преданными русскому флоту людьми начались трения. В 1808 году Сарычев получил пост генерал-гидрографа. Постепенно все нити по руководству учеными исследованиями Адмиралтейского департамента оказались в его руках. И тут произошло непредвиденное. Адмиралтейский департамент отверг сочинение Крузенштерна о плавании к Северному полюсу, которое принял в 1764—1766 годы русский мореплаватель В. Я. Чичагов. Крузенштерн был серьезно обижен. Вскоре при содействии Румянцева он уехал в Англию, затем попросился в отпуск для ученых занятий и поселился в своем имении на мысе Асс в Эстляндии, где и создал «Атлас Южного моря», обессмертивший, как и первое кругосветное плавание, его имя в истории русской науки.

Адмиралтейский департамент теперь безраздельно

подчинялся Сарычеву. Но морякам было не до ученой деятельности. Войны и кампании следовали одна за другой. Сначала с французами, потом со Швецией. Затем, в очередной раз, обострились отношения с Англией... Сарычеву удалось лишь опубликовать «Дневные записи» плавания в Финском заливе и Балтийском море в 1802—1804 годах и подготовить к печати «Морской атлас всего Балтийского моря с Финским заливом и Каттегатом». Он состоял из генеральной и 12 частных карт.

Следующей работой гидрографа стала «Лоция», или Путевказание к безопасному плаванью» по Балтике. Ученые круги России признали его заслуги. Петербургская академия наук избрала его в число своих почетных членов. Той же чести его удостоили Московский и Харьковский университеты, Вольное экономическое и Минералогическое общества. Награды следовали одна за другой.

Была и еще одна радость. В Петербург приехал из Якутска адъютант Михаил Адамс. Ему довелось побывать и в устье Лены. Ученый рассказывал — сибирские охотники за мамонтовой костью открыли к северу от Ляховских островов обширную землю, про которую говорили, что она не иначе как является особой частью света и простирается так далеко, что по ней можно достигнуть Северного полюса. Потом стало известно об экспедиции, которую отправил министр иностранных дел и коммерции граф Николай Петрович Румянцев, поставив во главе ее ссыльного чиновника Матвея Матвеевича Геденштрома. Вскоре от него пришли первые донесения. Он посетил открытую охотниками землю и назвал ее Новой Сибирью. Земля была столь велика, что он не смог объехать ее за одну весну. Сарычеву довелось увидеть первую карту Геденштрома. На ней был изображен только южный берег Новой Сибири, протянувшийся от меридиана мыса Святой Нос до Шелагского Носа.

Открытие Геденштрома подтверждало наблюдения Сарычева во время плавания у Колымы. «Матерая земля», о которой он столь подробно писал в своем «Путешествии», существовала! Правда, спустя год Геденштром обошел всю Новую Сибирь. Она оказалась не столь уж велика и лежала гораздо западнее Колымы. Зато Геденштром и его спутники видели высокие горы на севере. Они были убеждены, что «матерая земля» лежит именно там. И при этом приводили в качестве доказательства «резоны» адмирала Сарычева как человека «известного своей ученостью».

В эти края, думал Сарычев, следовало бы послать толкового офицера, поручив ему точно положить на карту весь берег Сибири от реки Яны до Берингова пролива и описать все земли, которые были недавно открыты в Ледовитом море сибирскими охотниками за мамонтовой костью.

Но для России наступили времена великих испытаний. В июньские дни 1812 года Неман перешла великая французская армия. Был оставлен Вильно. Пал Смоленск. Брак рвался к Москве. Надо было думать сначала об обороне Петербурга, а затем об обеспечении флота навигационными пособиями для действий у европейских берегов. Многие из флотских офицеров участвовали в заграничном походе. Вплоть до 1817 года корабли занимались перевозкой войск из Франции.

Наконец, мир надежно установился в Европе. Никто больше не угрожал России, и морякам следовало подумать о том, чтобы заняться исследованием своих морей. Гавриил Андреевич решил воспользоваться этой благоприятной для мирных занятий порой. Прежде всего он обратился к русскому Северу. Изучив бумаги Второй Камчатской экспедиции Витуса Беринга, Сарычев написал труд о ее открытиях, который вскоре опубликовал в «Записках» Адмиралтейского департамента. Это великое географическое предприятие России служило ему примером при разработке проблем будущих исследований русского флота. Он изложил свои мысли в обстоятельной «Записке о морских берегах, которые надлежит описать», которую подал морскому министру маркизу де Траверсе в конце декабря 1818 года. В записке были указаны основные районы и объекты, исследование которых необходимо для «усовершенствования вновь сочиняемых при адмиралтейской чертежной морских карт».

Сарычев отмечал, что со времени создания Петром I мощного русского флота было начато составление карт принадлежащих России морей. Вслед за Белым и Каспийским морями и Финским заливом Камчатскими экспедициями были описаны берега Северного Ледовитого океана от Белого моря до Берингова пролива (точнее, до Большого Баранова Камня к востоку от Колымы) и исследованы побережья Северо-Восточного океана, под которым он подразумевал северную часть Тихого океана. Но поскольку во времена Беринга не были еще известны способы точного картирования берегов и не существовали достаточно надежные астрономические инструменты, то и

карты, составленные 80 или 90 лет назад, оказались по новым меркам несовершенными, а то и вовсе неверными.

Надо было эту работу осуществить заново, как, например, сам он сделал это на Балтике. Сарычев отмечал, что необходимо описать и исправить карты берегов Лапландии от границ с Норвегией до Белого моря; желательно исследовать побережье Европейской России от Белого моря до устья Печоры.

Третьим и наиболее важным объектом предстоящих полярных исследований Сарычев называл Новую Землю, которая «положена на карты по одним показаниям русских звериных промышленников». Четвертой задачей изучения Арктики, по его мнению, должно было явиться точное географическое определение устьев важнейших сибирских рек: Оби, Енисея, Лены. Разумеется, Сарычев не забыл в «Записке» о «Северной матерой земле». Он подчеркнул, что попытаться достигнуть ее следует в весеннее время на собачьих упряжках по льду, поскольку, как рассказывают чукчи, земля эта находится в недалеком расстоянии от Шелагского мыса. В заключительных строках Сарычев указал, что необходимо исследовать Анадырский залив, Берингов пролив и от него берег Америки «к северу сколько будет возможно». Кроме того, желательно описать восточные берега Камчатки, Шантарские острова, Пенжинскую и Гижигинскую губы. Это были места, которые он знал и любил и об исследовании которых ревностно заботился.

Записка Сарычева весьма близко перекликалась со многими сочинениями и проектами Крузенштерна, в которых тот останавливался на задачах России по изучению ее северных и восточных морей. Крузенштерн также считал весьма желательным выполнить съемку всего восточного побережья России от Амура до берегов Чукотки, включая Анадырский залив. Им же был поставлен вопрос о повторении плавания Дежнева, чтобы тем самым положить конец спорам о положении северо-восточных берегов Азии и «Северной матерой земли». Крузенштерн склонялся к мысли, что к северу от Колымы никакого материка нет.

По мнению Крузенштерна, главной задачей русских географических исследований должно явиться «вернейшее познание» северных берегов России от Берингова пролива до Югорского Шара, где не имелось ни одного пункта, «долгота и широта которого были бы астрономически означены». Одновременно он считал необходимым

описать арктическое побережье от Югорского Шара до Белого моря и от Белого моря до мыса Нордкап, положение которого на картах столь же неверно, как и положение северо-восточных берегов Азии.

Так в одно и то же время два выдающихся представителя русского флота почти однозначно определили главные направления для его исследований в северных и восточных морях России. Опираясь на богатый фундамент знаний о том, что было сделано их предшественниками, Сарычев и Крузенштерн поставили поистине великие задачи перед моряками своей страны.

В те же дни Сарычев начал трудиться над проектом обширной экспедиции, которую русское правительство было намерено послать в Берингов пролив и к Южному полюсу.

Кроме него, в этой работе принимали участие мореплаватель О. Е. Коцебу, совершивший незадолго до того кругосветное плавание на бриге «Рюрик», и И. Ф. Крузенштерн. Именно по их рекомендации руководителем «первой дивизии», более, впрочем, известной под названием «первой русской экспедиции к Южному полюсу», и капитаном шлюпа «Восток» был назначен Ф. Ф. Беллинсгаузен. Вторым судном дивизии, шлюпом «Мирный» командовал М. П. Лазарев, на плечи которого легла исключительно большая работа по подготовке судов к южнополярному плаванию. Первая дивизия должна была пробиться возможно ближе к Южному полюсу, отыскивая неизвестные земли.

Вторую дивизию в составе судов «Открытие» и «Благонамеренный» возглавил капитан-лейтенант Михаил Николаевич Васильев. Его кораблям предстояло направиться в Берингов пролив и приложить все усилия, чтобы решить вопрос о Северном проходе из Тихого океана в Ледовитое море и о направлении берегов к северу от Берингова пролива, где некоторыми мореплавателями предполагалось существование перешейка. Те же задачи отчасти были поставлены и перед еще одной экспедицией, во главе которой стоял Ф. П. Врангель. Объединенными усилиями отважных мореходов было доставлено окончательное доказательство свободного сообщения Северного Ледовитого океана с Атлантическим и Тихим океанами или, иными словами, добыто окончательное решение проблемы Северного прохода.

Адмиралтейским департаментом под руководством Сарычева для Беллинсгаузена и Васильева были подготов-

лены инструкции, в которых мореплавателям предписывалось «производить полезные для науки наблюдения», и, прежде всего физические. В частности, предусматривалось исследование особенностей климата, полярных сияний, состояния атмосферы и ее изменений, включая изучение «высших и низших ветров в сравнении с дующим близ поверхности моря». Большое внимание моряки и ученые должны были уделить изучению льдов, айсбергов, течений, приливно-отливных явлений, температуры и солености морской воды в различных районах Мирового океана и на различных глубинах. Важной задачей являлся сбор этнографических, ботанических, зоологических, минералогических коллекций. Инструкции по научным изысканиям были одинаковы для обоих отрядов. Таким образом, впервые в истории науки были поставлены по одной и той же программе одновременные геофизические наблюдения от Южного до Северного Ледовитого океанов.

Сарычев был в восторге от безукоризненного исполнения поручений экспедицией Беллинсгаузена — Лазарева. Во всех документах Адмиралтейского департамента подчеркиваются выдающиеся достижения экспедиции к Южному полюсу. Они действительно превзошли ожидания. Российские мореплаватели не только обошли вокруг света через высокие широты Южного Ледовитого океана, но и открыли шестой континент.

Наблюдения арктической и антарктической экспедиций открывали эпоху более полного познания физических явлений, происходящих на земном шаре. Проведение одновременных метеорологических и магнитных наблюдений, начало которым было положено этими экспедициями, во второй четверти XIX века получает широкое развитие. Сначала в нем участвовали отдельные ученые и полярные исследователи, затем магнитно-метеорологическое сотрудничество становится частью межгосударственных отношений. С сороковых годов XIX века в него включается сеть магнитных и метеорологических обсерваторий России, которая ведет на пространстве от Петербурга до Ситхи одновременные согласованные наблюдения с английской антарктической экспедицией Джемса Росса. В дальнейшем этот принцип будет положен в основу целого ряда международных программ научных наблюдений, в том числе программ Первого и Второго международного полярного года. Так при участии Сарычева в 1819—1821 годах в России было положено начало одновременным физиче-

ским и географическим наблюдениям, охватывающим весь Мировой океан.

Экспедиции к Южному полюсу и в Берингов пролив — это первый этап великого русского полярного предприятия. Всего же российским морским флотом было осуществлено 35 экспедиций, которые обследовали почти все северное побережье России, большую часть арктических островов и всю Русскую Америку. То была цепь выдающихся научных открытий, в основе которых лежали грандиозные замыслы Сарычева, Крузенштерна и других замечательных мореплавателей и полярных исследователей.

В первые 30 лет XIX века Россия переживала своего рода географический «взрыв». И начало ему было положено прежде всего Г. А. Сарычевым, создавшим замечательную программу научных исследований русского флота.

Сарычеву приходилось думать о снаряжении множества экспедиций: и тех, что шли к Южному и Северному полюсам, и тех, которые искали Северный морской путь из Тихого в Атлантический океан, и еще многих — к Новой Земле, к берегам Лапландии и в Белое море, на архангельский и сибирский север. Не меньше сил отнимало составление карт атласа северной части Тихого океана, в котором он стремился отразить великие русские географические открытия на протяжении целого столетия. Но при всей своей загруженности тысячьо дел и не меньшим числом почетных обязанностей, Гавриил Андреевич не расставался с мыслью о посылке экспедиции для поисков «матерой земли», лежащей к северу от Чукотки.

Тем временем до Петербурга дошли новые вести об открытиях сибирских охотников за мамонтовой костью, обнаруживших острова Васильевский и Семеновский. Решено было отправить экспедицию для точной описи недавно открытых островов и поисков новых земель.

В 1819 году Гавриил Андреевич собственноручно составил «План как производить опись земель, лежавших на Ледовитом море к северу против устьев Яны и Колымы», который хранится в Ленинграде в делах Центрального государственного архива Военно-Морского Флота.

Экспедиция должна была состоять из двух отрядов: колымского и янского. Во время работ исследователям предстояло пользоваться собачьими упряжками. Для этого в Усть-Янске и Нижнеколымске следовало приготовить более двухсот собак и необходимые для их прокормления запасы сушеной рыбы, а на побережье Ледовитого океана

построить юрты и амбары, которые служили бы опорными пунктами предстоящих исследований.

Один из отрядов должен был «от Шалацкого Носа» чрез море прямо к северу искать землю, о которой сказывали чукчи, что она пространна, находится не в дальнем расстоянии и на ней обитает олений дикий народ».

«Когда сие известие окажется справедливым, — писал Сарычев в своем плане, — то обласкать жителей, познакомиться с ними и постараться описать их земли, но ежели она пространна и невозможно будет описать ее в короткое время, то нельзя ли оставить у тех народов на целое лето двух или трех человек для описи и при собаках, чтоб осенью, когда замерзнет море и утвердится путь, можно было им на тех собаках возвратиться на Колыму. Сей народ, вероятно, должен быть какое-нибудь племя чукчей, удалившееся туда, а потому нужно иметь для объяснения с ними толмача из иричинских казаков, знающих чукуческой язык, а как иные приходят чукчи и в Нижнеколымск, то может быть и там есть толмач сего языка. Когда описатели в одну весну не успеют всего описать, то закончить оное на другой год».

Второй, Янский отряд должен был побывать на Новосибирских островах и предпринять поиски земель, горы которых видели на севере Геденштром и его сподвижник Санников. Этот отряд возглавлял Петр Федорович Анжу. Он нанес на карту все известные земли, но вместо гор, виденных на севере, открыл свободное ото льдов море. Но еще более важными оказались открытия колымского отряда экспедиции, которым руководил 23-летний лейтенант Фердинанд Петрович Врангель. Вместе со своими товарищами он три года настойчиво искал «матерую землю» к северу от Колымы и мыса Шелагского. Но полыньи и открытая вода не давали ему проникнуть далеко в море. Путешественникам, выполнившим исключительно важные исследования на северо-востоке России, не удалось ступить на загадочную сушу. Это было тем обиднее, что встреченные ими чукчи принесли удивительные вести. По их словам, в районе мыса Якан «с невысоких прибрежных скал в ясные летние дни бывают видны на севере, за морем, высокие, снегом покрытые горы...».

Привезенные Ф. П. Врангелем и его товарищами сведения чрезвычайно заинтересовали Сарычева. Рассказы чукчей еще раз подтверждали его давнее предположение о том, что в Студеном море к северу от берегов Чукотки ждет открытия неведомый людям обширный гористый

остров. Правда, остров, а не материк. Но все-таки земля к северу от Чукотки существует. Сарычев составил проект новой экспедиции для открытия загадочной земли и представил его на рассмотрение Адмиралтейств-совета. Проект был признан «достойным уважения». Совет решил просить власти Восточной Сибири собрать от чукчей сведения, действительно ли они имеют сообщение с неизвестной землей в Студеном море, а затем уже решить вопрос о снаряжении новой экспедиции.

19 апреля 1828 года морской министр А. В. Моллер по представлению Сарычева направил письмо генерал-губернатору Восточной Сибири А. С. Ловинскому:

«Рассмотрев в Адмиралтейств-совете и найдя достойным уважения представление генерал-гидрографа Морского штаба (Г. А. Сарычева. — В. П.) о том, что имеются некоторые сведения, будто бы чукчи, обитающие на Чукотской земле близ Шелагского мыса, переправляются иногда на землю, лежащую к северу на Ледовитом море и видимую с мыса Якана; а как оные чукчи ежегодно приезжают на оленях в Островную крепость, отстоящую в 250 верстах от Нижнеколымска на ярмарку для торговли, то полагает, что не излишнее было бы снастись по сему предмету с Вашим Превосходительством и просить о предписании, кому найдете нужным, стараться, буде возможно, получить сведения от тех чукоць, действительно ли они имеют сообщение с вышеописанною землею и каким образом переезжают они на оную, то есть: сухопутно ли зимним путем на собаках или оленях или летом водою на чукотских байдарках? — дабы по узнании таковых обстоятельств можно было приступить к назначению экспедиции, как для осмотра и описи той земли, так и для географического определения оной».

Иркутское губернское начальство через полтора месяца уведомило морского министра о том, что необходимые распоряжения сделаны. Сведения предполагалось собрать во время зимней ярмарки в селе Островном, куда ежегодно приезжали чукчи. 4 июня 1829 года в Петербург были присланы, наконец, сведения, полученные при опросе жителей Чукотки. Чаунский тойон Нухай рассказал, что, когда он был еще мальчиком, в один из январских дней «пришли к ним в юрту с Ледовитого моря пешком два незнакомца, имевши по две собаки на поводках, платье имелось на них из оленьих шкур, подобно их чукотскому, с отменной той распестренное разными видами из росомачьих шкур, штаны на них нерпичьи, а обувь

из росомачьих лап также распестрена разными видами и разными кистями, из росомачьих же шкур, но токмо довольно уже все то платье на них было поизношено; по приходе ж у женщин просили подобно на киргаульском языке воды и заметя, что не понимают, требование свое повторили на чукотском языке. Вступя в разговор, расспрашивали женщины: отколь к ним пришли, на что отозвались, зашли они к ним с моря от видимой чрез оное земли, быв будто бы втроем и ходив по морю за промыслом, один из них утонул, изъяснились и далее, якобы земля их весьма обширна и велика, даже и пределов ее они не знают и жителей на оной имеется великое множество...».

Тот же Нухай рассказал далее, что больше он не слышал, чтобы снова зимой приходили люди с неведомой земли в Ледовитом море. Он же поведал, что переправляться по проливу трудно, так как и летом по его волнам носятся льды, а замерзает пролив в январе не более чем на месяц, «иногда гораздо менее, а также другим годом совсем не смыкается». Что касается острова против мыса Якан, то «видна бывает через обширный пролив Земля в апреле последних числах». При этом расспросе присутствовал чукча Гачолен, который сообщил, что на острове имеется камень, подобный столбу.

Восьмидесятилетний чукча Семен Третьяков также определенно заявил, что «действительно есть и видна земля с мыса Якана к северу на Ледовитом море». Кроме того, тойон Ятыргин и почетный чукча Леут удостоверили, что им «известно наверно о земле, видимой с мыса Якана, к северу лежащей...». Ятыргин вместе с тем заметил, что в январе — феврале жители Чукотки неоднократно видели множество диких оленей, переходивших с неведомого острова на «матерую землю». Чукча Инокхей рассказал, что «Землю, лежащую на Ледовитом море к северу в виде гор, весною и летом неоднократно сам видел».

Таким образом, все показания чукчей сводились к тому, что севернее мыса Якан существует земля. Это единодушие очень обрадовало перешагнувшего уже за порог седьмого десятилетия Гавриила Андреевича. Он принимал одну за другой попытки добиться снаряжения экспедиции для открытия земли, виденной чукчами. Ему не отказывали категорически, но и не давали средств. Сарычев спешил. Он отправил офицеров для описи берегов Охотского моря вблизи Амура, позаботился об описи

Камчатки. Но добиться решения о посылке новой экспедиции для поисков «Северной матерой земли» ему все еще не удавалось. Он требовал, он настаивал. Но дни жизни великого труженика моря были сочтены. В Петербург пришла эпидемия холеры. В числе ее жертв оказался Гавриил Андреевич. Он скончался 30 июля 1831 года в возрасте 68 лет.

Спустя год после его кончины дело о поисках «Северной матерой земли» было закрыто. Морское министерство решило, что сведения, полученные от чукчей, «основаны большей частью на преданиях и догадках и достоверного в себе ничего не заключают». В той же записке утверждалось, что лейтенант Врангель, который по поручению Сарычева занимался исследованием Чукотки и поисками неведомой земли, в журнале путешествия якобы «говорит, что нельзя ни утверждать, ни опровергать существование оной». Эта мысль действительно высказана Врангелем, но она относится к Земле Андреева, которую он тоже искал и, естественно, не мог найти, так как ее не существует.

Что касается земли, которую многие чукчи видели к северу от мыса Якан, то она была открыта в 1867 году американским китоловом Лонгом и названа островом Врангеля в честь выдающегося полярного исследователя России. Иногда высказывается мнение, что этот остров следовало бы назвать именем Сарычева. Однако с ним трудно согласиться.

Сарычев на протяжении многих лет защищал гипотезу о существовании обширной полярной суши, а не отдельного острова, который по своим размерам никак не может влиять на приливы и отливы. Врангель, напротив, опроверг доводы Сарычева, противопоставив его гипотезе северного материка добытые ценой героических усилий сведения о незамерзающем открытом море к северу от Чукотки, Колымы, Медвежьих и Новосибирских островов. Это было поистине замечательное открытие, оказавшее большое влияние на развитие полярных исследований в ближайшем будущем. Тем, что Врангель имел право поместить на своей карте горы земли, виденной чукчами к северу от мыса Якан, он обязан не столько Сарычеву, сколько самому себе, верному помощнику Федору Матюшину, своим многочисленным сподвижникам и прежде всего местным жителям, которые поделились имевшимися у них сведениями с путешественниками.

Но Сарычев и не нуждается в чужих лаврах. Его тру-

ды и заслуги и без того велики. Прежде всего именно ему принадлежит заслуга создания комплекса трудов, раскрывающих различные стороны Северо-восточной географической и астрономической экспедиции 1785—1793 годов, этого своего рода естественноисторического полотна о природе и населении огромнейшей территории от Лены и Яны до Тихого океана, от Камчатки до северо-запада Америки, от Охотска до Берингова пролива. Он первым пересек и описал горные хребты, плато, крупные реки северо-востока России, исследовал Колыму от Верхнеколымска до впадения в море. Его яркие описания и зарисовки природы, жизни и быта чукчей, камчадалов, якутов, алеутов, североамериканских индейцев справедливо считаются классическими. Все последующие исследователи северо-востока России, северной части Тихого океана, Русской Америки неизменно обращались к его «Путешествию». Достаточно было одного этого труда, чтобы навсегда обессмертить имя исследователя. Но к нему надо добавить и книгу о путешествии Биллингса. Она не смогла бы появиться на свет без Сарычева. Биллингс в ней — просто главное действующее лицо в строгом историческом рассказе об одном из этапов деятельности Северо-восточной экспедиции.

Затем «Атлас северной части Тихого океана», в котором обобщены русские географические открытия и исследования, начиная с плавания Беринга — Чирикова и кончая серией замечательных русских кругосветных плаваний в первой четверти XIX века — это тоже огромный вклад Сарычева в науку.

Важными вехами в развитии русской географии явилось также создание Сарычевым «Атласа» и лоции Балтийского моря и организация им точнейшей съемки Балтийского моря, которая была начата при его жизни, а закончена спустя четверть века после того, как его не стало. И трудно переоценить значение только что обнаруженной программы исследований русского флота в северных и восточных морях России, созданной Сарычевым в 1818 году. Какой полет географической мысли! И почти все задуманное им было осуществлено. Притом многие экспедиции действовали по его непосредственным наставлениям. А экспедиция к Южному полюсу... Какой дерзкий замысел! Он тоже принадлежит ему, главному гидрографу русского флота. Сарычев составил проект первой русской экспедиции в Антарктику и принял живое участие в обобщении результатов плавания Беллинсгаузена — Лазарева,

составив карту южнополярной области с указанием открытых русских моряков.

Подобно И. Ф. Крузенштерну и В. М. Головнину Гавриил Андреевич Сарычев воспитал целую плеяду исследователей морей России и Мирового океана.

Сарычев много трудился. И далеко не все написанное им является истиной в последней инстанции. Его гипотеза о «Северной матерой земле» оказалась ошибочной. Но прошло почти полтора века прежде, чем географы мира окончательно убедились в этом.

Гипотеза о Северном континенте оказалась необычайно живучей. Секрет этой долговечности прост. Там, где предполагалось существование новой части света, действительно находились земли, хотя и не столь исполинские, какими изображали их давние предания. Но они давали новую жизнь несбыточным надеждам мореходов открыть неведомый материк. И даже когда стало ясно, что континента в высоких, арктических широтах нет, легенда не умерла. Она перевоплотилась в гипотезу о Землях Санникова и Андреева, которые первоначально считались западными и южными берегами еще неведомой части света. Легенда не была беспочвенной: там, где предполагалось существование Земли Санникова, были открыты новые острова.

Погоню за «Северной матерой землей» ни в коем случае нельзя считать бесплодной для науки. Каждая экспедиция, отправленная на ее поиски, обогащала географию выдающимися, а иногда великими, открытиями. Имена ученых и моряков, принимавших участие в решении этой проблемы, навечно записаны в историю познания Арктики. В их ряду — имя Гавриила Андреевича Сарычева.

Величественны и прекрасны дела Сарычева, и они навсегда останутся в памяти русских людей.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Алексеев А. И. Гавриил Андреевич Сарычев. М., «Наука», 1966.

Берх. Хронологическая история всех путешествий в полярные страны. СПб., 1821—1823, ч. 1 и 2.

Белов М. И. История открытия и освоения Северного морского пути, т. I. Л., 1956.

Зейдель И. И. Адмирал Г. А. Сарычев. «Кронштадтский вестник», 1867, № 125.

Зубов Н. Н. Гавриил Андреевич Сарычев. В кн.: Русские мореплаватели. М., Воениздат, 1953.

Зубов Н. Н. Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов. М., «География», 1955.

Лялина М. А. Русские мореплаватели, арктические и кругосветные. Спб., 1898.

Пасецкий В. М. Исследователи Арктики. Таллин, «Мысль», 1970.

Пасецкий В. М. Арктические путешествия россиян. М., «Мысль», 1974.

Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану в продолжение осьми лет при географической и астрономической морской экспедиции, бывшей под начальством флота капитана Биллингса, с 1785 по 1793 год, ч. I и II. Спб., 1802.

Правила, принадлежащая к морской Геодезии, служащая наставлением, как описывать моря, берега, острова, заливы, гавани и реки, плавая на больших парусных и малых судах, также и идучи с мерою по берегу, с показанием, как сочинять морские карты и на оных располагать описанные места. Сочинено контр-адмиралом Сарычевым. Спб., 1804.

Дневные записки плавания вице-адмирала, члена Государственной Адмиралтейств-коллегии, почетного члена адмиралтейского департамента и гидрографа Гаврилы Сарычева по Балтийскому морю и Финскому заливу в 1802, 1803, 1804 годах. С астрономическими и геодезическими наблюдениями, принадлежащими к поправлению морских карт. Спб., 1808.

Путешествие капитана Биллингса через Чукотскую землю от Берингова пролива до Нижнеколымского острога и плавание капитана Галла на судне «Черном Орле» по Северо-восточному океану в 1791 году. С приложением словаря двенадцати наречий народов, наблюдения над стужей в Верхнеколымском остроге и наставления, данного капитану Биллингсу из государственной Адмиралтейств-коллегии. Извлечено из разных журналов вице-адмиралом, неперменным членом Государственной Адмиралтейств-коллегии, почетным членом Государственного адмиралтейского департамента и Императорской Академии наук, гидрографом и кавалером Гаврилом Сарычевым. Спб., 1811.

Морской атлас всего Балтийского моря с Финским заливом и Каттегатом, заключающий в себе генеральную меркаторскую и 12 частных карт с видами берегов, вновь исправленный по высочайшему повелению вице-адмиралом, неперменным членом государственной Адмиралтейств-коллегии, почетным членом Государственного адмиралтейского департамента и Императорской Академии наук, гидрографом и кавалером Гаврилом Сарычевым. Спб., 1812.

Лоция, или Путеуказание к безопасному кораблеплаванию по Финскому заливу, Балтийскому морю и Каттегату. Составил вице-адмирал и гидрограф Гаврила Сарычев. Спб., 1817.

ИННОКЕНТИЙ ВЕНИАМИНОВ

Вениаминов (Иван Попов) — сибирский крестьянин, выдающийся деятель науки, активный участник освоения русскими берегов Тихого океана... Когда я думаю об этом замечательном человеке, мысли мои неизменно возвращаются к событиям 1974 года. В тот год общими усилиями Академии наук СССР, Коннектикутского университета антропологических исследований, фонда Веннер-Грин и Алеутской корпорации при поддержке Национальной академии наук США была организована совместная экспедиция советских и американских археологов на Алеутские острова. Цель — поиски «первого американца».

Понятно, с каким волнением мы, советские археологи, летели на «Боинге 707» сперва из Москвы в Нью-Йорк, потом на Аляску, а дальше уже на маленьком самолете алеутской авиалинии. Летели вдоль Алеутских островов над закатными снегами, над вулканами к острову Умваку, одному из самых крупных в гряде. Позади остался гигантский кратер самого большого здесь вулкана Акмак. Впереди второй вулкан — Всевидов. Внизу под самолетом сменялись одна за другой суровые горные вершины, дымящиеся кратеры.

Иннокентий Вениаминов, можно сказать, был если не непосредственным свидетелем, то ближайшим хронистом рождения некоторых островов Алеутской гряды. Живые наблюдения его, которые он изложил в своих трудах, касались и вулканической активности, в результате которой появлялись новые острова. Рождение одного из них Вениаминов красочно описал: «Перед появлением острова незадолго на том месте был виден пар столбом, а на 8-е число после сильного подземного толчка, грома, при северо-западном ветре, из-под тумана увидели в море новый небольшой черный остров или камень, из которого в первое время показывалось большое пламя, и в то же время на Ум-

наке было большое землетрясение, а в горах, лежащих к северо-восточной оконечности его, слышан был гул, похожий на выстрелы из пушек; на другой день пламя и землетрясение перестало, вместо пламени несколько времени виден был густой дым».

Мы оставили позади город Уналашку, где выступали с лекциями перед членами местного исторического общества. Прошли по тем улицам, где когда-то ходил Иннокентий Вениаминов.

Оттуда переправились на остров Умнак, затем через бурный, но не широкий пролив на вертких лодках «Зодиаках» проследовали в старинное селение Никольское. Никольское — одно из самых крупных алеутских селений на Умнаке. Оттуда рукой подать — всего около семи километров! — и до таинственной Анангулы, поселения так называемой «культуры пластин», которое и было предметом наших исследований.

Умнак встретил экспедицию жестким ветром и проливным дождем. Стоим на берегу и смотрим туда, где за скальными рифами волнорезом лежит Анангула...

Когда глядишь на этот островок из Никольского, Анангула поразительно напоминает животное. Поэтому он и получил у алеутов свое образное название: «Кит, плывущий на север».

Поселение культуры пластин расположено на длинной, пониженной оконечности острова — на хвосте «кита». Поблизости возвышается небольшой маяк, сигналы которого помогают ориентироваться судам, проходящим у острова.

Раскопкам мешала плохая погода: постоянно шел дождь. Приходилось вычерпывать воду ведрами и расчищать культурный слой под защитой раскрытого парашюта. Недаром же еще И. Вениаминов писал, что на Алеутских островах «вечная осень». Зато настоящим праздником были часы, когда ветер разгонял тучи, прекращался дождь и над Анангулой показывалось солнце. Тогда во всем своем великолепии, покрытый вечными снегами, показывался вулкан Всевидов. И. Вениаминов писал о нем со смешанным чувством восторга и удивления, именуя его «Севидовской сопкой».

Так начались первые в истории археологической науки совместные раскопки русских и американских ученых на Алеутских островах.

Мы посетили Аляску и Алеутские острова спустя более ста лет после того, как этот суровый и прекрасный край, памятный нам, русским, подвигами наших земляков, пер-

вопроходцев, пионеров в его освоении, был в 1867 году продан царским правительством за ничтожную плату в семь миллионов долларов. Вспомнились слова А. П. Чехова, сказанные об острове Сахалин как о месте для паломничества всех, кто ценит русскую славу, героизм русских исследователей и моряков. Сахалин, Камчатка, Алеутские острова памятны нашему народу.

На Алеутских островах даже спустя столетие жива память о наших соотечественниках, первых поселенцах, основателях Русской Америки. Эту память, как мы убедились, не смогли стереть даже самые бурные события в истории, такие, как открытие золота Клондайк, как сравнительно недавний нефтяной бум, как взлеты и катастрофы экономики и политики США, отражавшиеся на судьбах Аляски. Свидетельством этой памяти является живой интерес американских и канадских ученых к истории освоения русскими Американского континента и прилегающих островов и их открытиям в Калифорнии, к путешествиям наших мореходов, ученых и деятелей торговых компаний в просторах Тихого океана и Арктики.

Но такой же живой интерес и искреннюю симпатию ко всему русскому, современному мы почувствовали и во время своих встреч со студентами, бизнесменами, простыми «средними» американцами — в самолете на пути из Нью-Йорка в Анкоридж, на официальных приемах, во время выступлений в университетских аудиториях, в беседах с алеутами.

Этим живым интересом и симпатией мы обязаны не только нашей миролюбивой научно-исследовательской миссии, но и тем давним подвигам мореплавателей России и дружественному отношению к населявшим Аляску народам, политике, которую проводили многие представители нашей страны в тех краях. Одним из таких выдающихся людей был и Иннокентий Вениаминов. Память о нем живет не только у нас, но и в далекой северо-западной Америке и на туманных Алеутских островах, скалистой россыпью раскинутых в океане.

Счастливою волею судьбы сохранилась на Уналашке церковь, рубленная Вениаминовым и его помощниками-алеутами. Он сам обучил их этому искусству. Понятно, что нас, историков, среди всего прочего не могли не интересовать на Умнаке и на Уналашке старые церкви с их архивами, где могли обнаружиться новые сведения о Русской Америке, о деятельности наших соотечественников в этом далеком краю.

Правда, вторая мировая война сказалась и здесь. Из-за угрозы нападения на Алеутские острова японцев после их вероломного варварского нападения на Пирл-Харбор местное население — алеуты были вывезены на материк. Пострадали и архивы: известно, что в одном из магазинов Уналашки продавались бумаги, подписанные последним правителем Российско-Американской компании князем Максutowым.

В церквах Умнака и Уналашки сохранилось немало интересного: есть иконы конца восемнадцатого или начала девятнадцатого века, писанные маслом на холсте в духе русской академической классики. Одна из них датирована 1794 годом. И тут нам вспомнился рассказ о том, как во время крушения судна «Нева» на берег моря оказались выброшенными подобного типа иконы.

В 1799 году была основана одна из самых крупных торгово-промышленных компаний дореволюционной России — Российско-Американская, в создании которой важную роль сыграл Григорий Шелихов, «Колумб Российский» по выражению Державина, рыльский купец, обосновавшийся в Иркутске. И как раз иркутской работы иконная риза оказалась на Уналашке, в алеутском селении Никольском. Не удивительно, конечно, но замечательно. Замечательно, как свидетельство конкретных связей Алеутских островов с Сибирью, алеутов с русскими.

Зайдя в Никольскую церковь, мы увидели государственный флаг Соединенных Штатов Америки: Аляска с 1867 года является американской территорией, а сто лет спустя, в 1967 году, получила права штата, сорок девятого по счету. А когда речь заходила о русских, о книгах, о наших археологических раскопках, иными словами, о чем-либо связанном с нашей страной, наши собеседники часто с большим чувством вспоминали Иннокентия Вениаминова. Им было приятно слышать, что один из их гостей — автор этих строк — земляк Вениаминова, что он даже учился в свои юношеские годы в той же самой школе в селе Анга на реке Лене.

Старинное село Анга было родиной двух замечательных людей, оставивших после себя каждый по-своему глубокий след в истории русской культуры и общественной жизни.

Один из них — сын русского крестьянина и бурятки, Афанасий Прокопьевич Щапов, вошел в историю русской историографии, по выражению М. Н. Покровского, как первый крестьянский историк России, убежденный демо-

крат, страстный противник крепостничества. Это он, казанский профессор Шапов, выдвинул идею, что подлинным творцом истории и главной ее движущей творческой силой был крестьянин, а не цари и воеводы. Он же выступил с обличительной пламенной речью на панихиде по расстрелянным крестьянам села Бездна, за что был лишен профессорской кафедры и сослан на свою каторжную родину — в Сибирь, в Иркутск.

Судьба же второго, еще, быть может, более знаменитого уроженца Анги сложилась иначе и во многом необычно. Память о нем, как и о его земляке Шапове, бережно хранилась односельчанами и передавалась из поколения в поколение. Рассказ о них впервые мне удалось услышать, когда я учился в младших классах Ангинской школы, где учителем работал мой отец.

Настоящее имя второго прославленного выходца из Анги — Иван Попов. Иннокентием Вениаминовым он стал называться позже, и об этом — речь впереди.

Он родился 27 августа 1797 года в семье пономаря Ильинской церкви Евсевия Попова. Жизнь в семье ничем не отличалась от той, которую вели ангинские крестьяне-бедняки. Отец Ивана умер, едва дожив до сорокалетнего возраста. Мальчику тогда было около пяти лет. Мать с четырьмя детьми осталась в «беспомощном положении», как писал впоследствии биограф И. Вениаминова И. Барсуков.

В Анге до сих пор чудом сохранились два дома. Один — священнический. Второй — причетника, построенный, по-видимому, в первой половине XVIII века, рубленный топором, с потолком из круглых бревен (не умели еще в ту пору пилить доски). В нем, должно быть, и родился Вениаминов — Попов.

Толковый мальчик уже семи лет читал. Но даже и по праздникам он был вынужден носить все тот же домотканый крестьянский зипун и самодельную обувь — «чарки». Вспоминая свою юность, И. Вениаминов писал: «Учился я хорошо, но чистого без мякины хлеба до выхода из семинарии не пробовал». В Иркутской семинарии, где учился Вениаминов, изучали обычные для такого рода учебных заведений предметы: богословие по учебнику Сильвестра, ректора Казанской духовной академии, в основе которого лежала система, разработанная еще Феофаном Прокоповичем при Петре I, философию по учебнику Баумейстера, риторику по книге Буггия с русскими примерами по Ломоносову.

Скромной до аскетизма была обстановка Иркутской семинарии, никаких излишеств. Классы, где проходили предметы, помещались в трех небольших комнатах, где жили, спали и ели воспитанники — бурсаки. Проще сказать, нищета светилась во всем — и в обстановке, и в питании. Но, несмотря на трудные условия, Иван Попов в семинарии отличался от других воспитанников особым усердием, более того, искренним интересом к наукам. От природы мальчик был наделен большим и светлым умом, который сочетался с пылким, поистине артистическим воображением. Смелость суждений и оригинальность взглядов уже тогда формировались в нем. Казалось бы, одинокий, оторванный от семьи, попав в незнакомый город, в стены суровой «бурсы», мальчик должен был бы испытывать душевные страдания. Но ничего подобного не случилось. Сильный волевой характер молодого Ивана Попова взял верх над хандрой как в те дни утомительных семинарских занятий, так и позднее, в пору суровых испытаний на Алеутских островах.

Большим событием в семинарии были экзамены, носившие тогда название «собраний». Как пишет Ив. Барсуков, на такие собрания являлось все начальство, приходили ученики всех классов — «фары, информатории, грамматики, синтаксиса, поэзии, риторики и богословия». Предметом испытания были как науки, так и поведение. Более всего взыскивалось за опоздание к праздничным богослужениям: даже в утренние часы, когда в церковь необходимо было являться к четырем часам по сорокаградусному морозу, никаких поблажек не делалось. За малую успеваемость иногда прощали в надежде на исправление, но за неблагочинное стояние в церкви — никогда. Бурсацкая жизнь скрашивалась нехитрыми развлечениями: «табачку понюхать» например (о «табакокурении» не было и помину).

Однако у юного Вениаминова были совершенно иные интересы: под влиянием своего дяди он пристрастился к механике. Работа на токарном станке ладилась у Ивана не хуже, чем работа с топором и рубанком. Любовь к слесарному и токарному искусству, а также навыки в плотничьем деле пригодились Вениаминову в его насыщенной событиями, долгой и нелегкой жизни.

Тогдашний иркутский епископ Михаил задумал устроить на соборной колокольне башенные часы. Для выполнения заказа был приглашен часовой мастер из ссыльно-поселенцев по имени Клим. К нему зачастил семинарист

Иван Попов. Про это прослышал архиерей, и Иван был заподозрен в лености. В семинарии распространился слух, что-де этот лентяй убегает из церкви и уклоняется от учебных занятий. Но на первом же «собрании» Иван показал себя одним из самых талантливых и прилежных учеников. В итоге мастер Клим получил способного и старательного помощника, который своими руками выпилил аккуратные шестерни для городских часов.

Не только механика привлекала Ивана Попова — Вениаминова. Вторым излюбленным его занятием было чтение. Он стал постоянным и усердным посетителем семинарской библиотеки. Юноша буквально проглотил много томное сочинение «О тайнах древних магов и чародеев», переведенное с немецкого В. Левшиным. Увлечение механикой и книгами сочеталось с интересом к естествоиспытательству, различным опытам и хитростям вроде способов узнавать время посредством опущенного в стакан с водой кольца и т. п. За печкой в комнате, где жил юный умелец, появились водяные часы, сделанные при помощи ножа и шила. Циферблатом служила четвертушка бумаги, стрелкой — лучина, а вода была налита в берестяной туесок. Она капала в прикрепленную к туеску жестянку, и каждый час колокольчик ударял по одному разу. Изготовленные таким хитроумным способом часы вызывали у семинаристов смешанные чувства удивления и зависти, «так как многим в то время в Иркутске не доводилось видеть никаких часов вообще, по редкости их».

Вторым «изобретением» юного мастера стали солнечные часы. Более простые в изготовлении, они затем распространились и у других семинаристов.

После окончания курса Иван Попов по старой семинарской традиции получил новую, «благозвучную» фамилию — Вениаминов, в память о епископе Вениамине, первом православном миссионере в Якутии. Таким своеобразным способом семинарское начальство отметило успехи выпускника Ивана Попова, его яркие способности.

После окончания учения Иван Вениаминов был определен дьяконом иркутской Благовещенской церкви, а четыре года спустя получил сан священника. Но и став священнослужителем, Вениаминов продолжал заниматься механикой, делал для продажи не только часы, но и музыкальные механические органчики.

Иркутский период, можно сказать по определению биографов и самого ученого, был самым спокойным и в его жизни. Именно в Иркутске, этом красивейшем из сибирских городов, Иван Вениаминов прожил свои последние годы.

бирских городов, он женился по любви и его молодая жена Екатерина Ивановна родила ему первенца.

Перелом в жизни семьи произошел внезапно. В начале 1823 года в Иркутск пришел указ Синода о том, что один из здешних священников должен поехать на Алеутские острова. Эта весть буквально ошеломила церковный клир. Как свидетельствует биограф Вениаминова, «никто и помыслить не мог о поездке туда, потому что в те времена Америка и Камчатка страшно пугали деспотизмом правителей».

И тогда искусный в делах церкви архиерей Михаил нашел остроумный выход из затруднительного положения. Он призвал четырех дьяконов и спросил их — согласны ли они ехать в Русскую Америку? Никто не решился. Бросили жребий. Его вытянул соборный дьякон Малинин. Но страх его перед дальней дорогой, трудностями плавания через океан, жизнью в суровом, холодном краю оказался настолько велик, что он предпочел отказаться от сана и заявил: «Лучше пойду в солдаты, чем поеду в Америку!» Несчастный не смог вынести до конца всей двадцатипятилетней тяжелой солдатской службы и на шестнадцатом ее году скончался под Красноярском.

И тут случилось неожиданное. Перед архиереем предстал Иван Вениаминов и выразил готовность поехать в Русскую Америку. Несмотря на то, что у него была уже большая семья: жена, мать, малолетний сын и дочь, молодой брат, несмотря на перспективы удачного продвижения по службе в Иркутске, решение Вениаминова было твердым.

Оно влекло за собой кардинальные перемены в жизни всей семьи. Его близким предстояло делить с ним все предстоящие и неминуемые тяготы. Нужно было иметь твердую волю и немалое мужество, чтобы решиться на такой шаг. Жена и дети Вениаминова стали настоящими героями-первопроходцами Тихого океана наравне с женами и семьями героев Дальнего Востока и Русской Америки — Невельского, Завойко, Муравьева-Амурского.

Что же произошло тогда в Иркутске, в канун 1824 года? У семьи не было никаких обстоятельств, омрачающих и усложняющих жизнь. В первый раз на предложение поехать в Америку Вениаминов ответил отказом. И вдруг неожиданно для всех «весь загорелся желанием ехать». Позднее он сам писал об этом времени так: «Как будто бы что поворотилось в груди моей, и я тут же объявляю своим домашним: я еду! Ни слезы родных, ни советы знакомых,

ни описания трудностей дальнего пути и ожидавших лишений — ничто не доходило до моего сердца; как будто огонь горел в моей душе, и я легко расстался с родиной и не чувствовал трудностей утомительного путешествия».

В те дни будущий исследователь много расспрашивал Ивана Крюкова, алеута по национальности, оказавшегося в Иркутске, о жизни на островах. Как писал Прокопий Громов, стремление отправиться на Уналашку было продиктовано одним немаловажным обстоятельством, а именно желанием «посмотреть новую часть света». Это замечание Громова, как нам кажется, очень важно для понимания общего настроения Вениаминова тех дней.

Думая о жизни Вениаминова, я часто задавал себе вопрос: столь ли бесхитростным, простым и восторженно-эмоциональным порывом души было вдохновлено решение ехать в Русскую Америку? Ведь его перу принадлежат строки: «И точно, чего-чего не рассказывали мне об Америке и вообще и об алеутах в особенности, и чем-чем не убеждал Иван (Крюков. — А. О.) меня ехать на Уналашку, но я был глух ко всем его рассказам, и никакие убеждения его меня не трогали. Да, и в самом деле мог ли я, или был мне какой расчет, судя по-человечески, ехать бог знает куда, когда я был в одном из лучших приходов в городе, в почете и даже любви у своих прихожан и на счету своего начальства, имел уже собственный дом и получал дохода более, чем тот оклад, который назначался на Уналашке?»

Документы, в частности записки самого Вениаминова, позволяют сейчас немного приоткрыть завесу таинственности, проникнуть в суть сложного процесса его раздумий о выборе пути миссионера и просветителя, ученого и первопроходца.

Интерес к научной деятельности всегда сочетался у Вениаминова с призванием просветителя, но особенно сильно он вспыхнул в его душе в те иркутские дни. Загадочные острова в океане манили его. Известно, что вплоть до конца XIX века русские миссионеры осуществляли особую важную и трудную часть работы по сбору этнографических материалов в самых отдаленных уголках России. Их подробные отчеты о климате, культуре и быте коренного населения Сибири были адресованы не только в Синод, но и в Академию наук, в Географическое общество.

Тогда, в Иркутске, Вениаминов прекрасно понимал, что Уналашка могла стать, и, как нам доподлинно сейчас

известно, стала тем краем, где он смог проявить свои способности ученого.

Начал он свой путь от Иркутска на лошадях до родного села Анги. Оттуда по Лене сплавом до Якутска. От Якутска же дорога лежала через тысячи верст тайги, болот, гор, речными переправами до Тихого океана, до Охотска. Там, в просторной бухте, высились мачты парусных судов Российско-Американской компании. На одном из них и предстояло плавание по бурным волнам Тихого океана сперва в столицу Русской Америки, Новоархангельск, а потом к неведомым еще пока алеутам и эскимосам.

Вениаминов обосновался на Уналашке в старинном русском селе Никольском. Первым жилищем семьи стала вырытая в грунте алеутской тундры полуземлянка. Но скоро перебрались в новый бревенчатый дом, собственноручно срубленный главой семьи. Вот когда пригодились плотницкие навыки бывшего семинариста!

Остров Уналашка, как впоследствии писал Вениаминов, «по величине своей есть второй остров Алеутского архипелага, длина Уналашки простирается на 150, а ширина более 50 верст». Над островом высится знаменитая Макушинская сопка. Жители острова не помнили, «чтобы она когда-нибудь выбрасывала пламень». Из чаши — кальдеры «шел вечный дым». Иногда вулкан просыпался и производил шум, как это было в августе 1818 года. Очевидцы рассказывали, что в те дни гора сильно гудела и «от гула чувствуемо было легкое трясение земли и живущим на Уналашке казалось, что обваливается ближайший остров Амахнак».

Ко времени прибытия Вениаминова на Уналашке существовало десять селений, в них «алеутов, креолов и русских — 470 душ». Задание Синода ставило перед ним главным образом миссионерские цели. Ему было поручено крестить местное население. До него же попутно, между торговлей-наживой — чисто мирскими заботами — этим занимался казак Андреян Толстых, открывший около 1743 года острова, названные его именем, а также мещанин Иван Глотов, обнаруживший в 1759 году острова, названные Лисьими. Глотов первым крестил малолетнего сына одного из алеутских тойонов и вывез его на Камчатку. Вернувшись с Камчатки, этот алеут стал впоследствии тойоном. С большой энергией в том же направлении затем действовали Г. И. Шелихов и А. А. Баранов, возглавлявшие Российско-Американскую торговую компанию.

Успех миссионерской деятельности Вениаминова во многом был обусловлен и живым интересом, который алеуты питали ко всем проявлениям и ко всем носителям европейской культуры. Островитяне все решительнее порывали с древним мировоззрением, старинными представлениями о мире. Они прекрасно осознали превосходство новой передовой культуры над их традиционной, с ее ритуальными танцами, обрядами, шаманами и личинами — масками. Элементом этой новой культуры в глазах алеутов было и православие, усиленно насаждавшееся начальством.

Следует, однако, для более полной характеристики реального положения дел привести любопытный факт. Объясняя причины успеха пропаганды христианства среди туземцев, кроме ссылки на добрые, покладистые стороны их характера и природную доверчивость, Вениаминов приводит интересный пример, когда само шаманство сослужило добрую службу ему. Речь идет о старике шамане и тойоне Иване Смиренникове, который будто бы предсказал своим сородичам в 1828 году прибытие Вениаминова на остров Акун и тем самым подготовил миссионеру торжественную встречу. Яркое воображение впечатлительного старика создало образы двух «белых людей» с крыльями за спиной, которые якобы явились к нему и сообщили о том, что алеутам следует готовиться к приему высокого гостя. Так обнаружился своеобразный алеутский христианско-шаманский синкретизм, удивительная смесь древних языческих воззрений с обрывками новой, православной мифологии, смесь, которая не раз приводила в изумление Вениаминова, так и не решившегося, по его же собственным словам, разобраться в чудесных видениях старика шамана.

Немалую положительную роль в распространении русского влияния на Алеутских островах и на Аляске сыграл благодаря своей выдающейся натуре и незаурядной личности Вениаминов. О нем с восхищением писали многие из тех, кто встречался с ним. Вот один из отзывов путешественника Джорджа Симпсона: «С первого взгляда внушал он уважение; а при дальнейшем знакомстве с ним любезность проявлялась в каждом его слове, и почтение к нему переходило в любовь. Его способности и дарования соответствовали его высокому положению. При всем этом (...) прост в обращении и чужд всякого жеманства. Речь его приятна и поучительна, и беседу с ним очень ценят те, кто имел честь быть с ним знаком».

Своеобразен портрет Вениаминова, описанный по свидетельству другим англичанином, Эдвардом Бельчером: «взгляд у него страшен, росту с сапогами 6 футов 3 дюйма, сложения атлетического, производит сильное впечатление». Оставим на совести Бельчера «страшный» взгляд: по всем другим свидетельствам, характер Вениаминова был добрым и мягким.

Писатель И. А. Гончаров в таких словах описывает свою встречу с Вениаминовым в середине пятидесятих годов XIX века. «Здесь есть величавые колоссальные патриоты. В Якутске, например, преосвященный Иннокентий *, как бы хотелось мне познакомить Вас с ним. Тут бы Вы увидели русские черты лица, русский склад ума и русскую коренную живую речь. Он очень умен, знает много и не подавлен схоластикой, как многие наши духовные, а все потому что кончил не Академию, а в Иркутске и потом прямо пошел учить и религии и жизни алеутов, колош, а теперь учит якутов. Вот он-то патриот».

Известность Вениаминова не пережила бы его время, если бы он был только священником. В далеком краю он явился как представитель русской науки. Им правили не интересы наживы и грубого насилия, а чувства, в корне им противоположные. Вениаминов — прежде всего ученый, и на острова его влекли жажда познания, интерес к духовной культуре населения, к своеобразной природе архипелага и высокие, гуманистические в своей основе идеалы. Он не рассматривал представителей коренного населения островов как «низшую» расу. Крестьянский сын, сибиряк, был близок по духу и настроению к алеутам, и, как то не покажется парадоксальным, по отношению к духовному лицу высокого ранга, близок к простому народу, почти так же, как и его знаменитый земляк, профессор-демократ Щапов.

На Уналашке Вениаминов много и успешно путешествовал. Крепкое сложение, выносливость и неприветливый к превратностям судьбы и сурового климата характер во многом сближали его с алеутами, коряками, ительменами, тунгусами — древним аборигенным населением тех краев, где ему приходилось бывать и трудиться. А ведь странствия по мало затронутым цивилизацией Алеутским островам, по Камчатке и Якутии отнюдь не были приятными прогулками; говоря современным язы-

* Иннокентий — имя Вениаминова в монашестве. Он принял его в марте 1840 года после смерти жены. Так обычно поступали овдовевшие священники. В документах более раннего времени

ком, Вениаминов путешествовал не туристом. Напротив, чаще всего это были тяжкие переезды по морю в байдарках — тех самых алеутских байдарках, которые в настоящее время являются гордостью лучших музеев мира — Ленинграда, Копенгагена, США.

Но не о своих тяготах писал Вениаминов, вспоминая эти путешествия по морю и по суше; он писал о тех, кто был с ним рядом в те минуты, о сопровождавших его алеутах, коряках, ительменах: «Я, путешествуя с ними из края в край, имел много случаев видеть в подобных обстоятельствах их спокойствие, кроткое, безропотное терпение. Алеут действует хотя и быстро и даже мешковато, но целый день, или, сказать лучше, до тех пор, пока не выбьется из сил, разумеется, без всякого ропота, хотя бы это было не по его воле. Он не поропщет даже тогда, если после самых тяжких трудов должен будет ночевать в море или мокроте, голодный, без приюта». Это суждение очевидца — ведь Вениаминову не раз приходилось из-за непогоды по нескольку дней голодать вместе с сопровождавшими его алеутами. Ему нередко доводилось совершать длительные, более чем 25-километровые переходы с пудовым грузом на плечах по обледелым скалам. Подчас дорога совсем терялась. А встречный ветер со снежными шквалами и голодный желудок делали любое движение почти невыносимым. В таких сверхтяжелых условиях, когда на карту была поставлена сама жизнь, алеуты, к восторгу и удивлению Вениаминова, оказывались бодры и даже веселы.

Жизнь Вениаминова на Алеутских островах была полна таких катастрофических ситуаций. Впоследствии он описал некоторые, например путешествие на отдаленные острова Алеутской гряды с инспекционной целью, для ознакомления с природными условиями и ресурсами края. Читаешь рассказ, и начинаешь понимать — ведь это целая сага!

В ту поездку сильный ветер и дождь помешали путникам пристать к берегу, а тут еще и снегопад, слепящие белые хлопья. Их вынужденное плавание затянулось на 14 часов. Каботажное плавание на Алеутских островах в

обычно написанне «Иван» или иногда «Иоанн Вениаминов». В более поздних он фигурирует как «Иннокентий», как правило, уже без упоминания фамилии, поскольку указывать фамилию епископов и других носителей высоких духовных званий было не принято. Епископом Камчатским, Курильским и Алеутским Вениаминов стал в декабре 1840 года. (*Примеч. сост.*)

такую погоду особенно опасно. Байдарки постоянно ныряли в пучину ледяных океанских валов, и никто не знал, удастся ли вынырнуть обратно.

Но и в те тяжкие часы Вениаминов размышлял не о своем бедственном положении уналашкинского миссионера, заброшенного лихой судьбой на край света; нет, в этой драматической ситуации его занимали алеуты!

Он заметил, что один из них промок насквозь и продрог до костей, но, несмотря на то, «по прибытии на место он занялся устройством палатки вместе со всеми, насколько не заботясь о самом себе», — писал Вениаминов.

Был разожжен костер, чтобы путники могли обсушиться. Алеут, который в своей промокшей одежде представлял собой «ходячую лужу», уселся рядом со всеми и так же непринужденно, как и остальные, стал шутить и смеяться шуткам других. Привычным движением он выжимал свою парку. Если бы товарищи не предложили ему сухую парку, он так бы и устроился спать.

Свои путешествия по островам Вениаминов совершал в традиционном алеутском костюме — парке и камлейке. Убедился в их преимуществе он, разумеется, не сразу. Известно, что из Иркутска на острова он выехал в черном бархатном казакине и шароварах. Однако прирожденный талант путешественника и широта взглядов позволили ему достаточно легко и быстро «адаптироваться» в условиях влажного и холодного климата островов.

Как благодарность Алеутским островам, их населению и его древним, выработанным веками традициям, наконец, самой алеутской парке, звучат строки Вениаминова, в которых он изложил проверенные им самим на практике ее достоинства: «Главную, необходимую одежду алеутов, — писал он, — составляет парка, род длинной рубашки, опускающейся ниже колен, со стоячим воротничком и с неширокими рукавами. Парка делается из птичьих перьев и шкур птиц, преимущественно топорковых и ипаточьих (вид морских попугаев), а иногда из арых; за неимением же их, из нерпичьих шкур. Парка для алеутов есть незаменимая вещь в здешнем климате. Она в дороге для них составляет и постель, и одеяло, и, можно сказать, дом. С нею они не боятся ни ветру, ни морозу».

Представьте себе человека богатырского сложения и чуть ли не двухметрового роста, с окладистой черной бородой, в традиционной алеутской парке! Вениаминов был в ней величествен и красив.

Не исключено, что любознательному путешественнику

приходилось примерять и уникальные головные охотничьи тотемные шляпы алеутов, искусно сделанные из дерева. Эти шляпы входили неотъемлемой частью в комплекс традиционной одежды охотников, отправлявшихся на промысел. Они считались и своеобразными талисманами, сулили своим владельцам успех и удачу в промысле. С восторгом писал о них ученый: «К числу одежд мужчин принадлежат деревянные шапки или фуражки, употребляемые только при поездках на байдарках. Шапки сии употребляются именно с тою целью, чтобы предохранить глаза от морской воды; они бывают двух видов: одни глухие, а другие с открытым верхом. Первые делаются из корня какого-либо выброшенного морем пня, загибаются подобно неправильной (эллиптической) воронке и потом раскрашиваются разными красками продольными полосками и украшаются сивучьими усами, корольками и костью. Но первыми — только с одной стороны для того, чтобы они не мешали кидать стрелки».

Вениаминова восхищала способность алеутов в одиночку выходить в однолючной байдарке в море не только в опасную для промысла, штормовую погоду, но и заплывать в самую середину стада китов или сивучей, способных с легкостью перевернуть легкое суденышко. Вызывало его восхищение и то мужество, с которым аляскинские охотники в одиночку шли на медведя, чаще с луком и лишь изредка — с ружьем.

Вениаминов застал алеутов в живом еще каменном веке. Они пользовались тогда каменными и костяными орудиями труда и оружием. Им неизвестна была даже глиняная посуда: они обходились каменными лампами и контейнерами для жира из кишок морских львов и тюленей. Зато островитяне по-своему великолепно приспособились к жизни на море, охоте на морского зверя и создали свою материальную культуру, оригинальную и замечательную во многих отношениях.

Так же как некогда Степан Крашенинников с восхищением писал о мастерстве «диких» камчадалов и чукчей, Вениаминов в своих записках отдает должное трудолюбию и искусству алеутов, их творческим способностям: «Все изделия алеутские, как, например, промысловые орудия и байдарки, так и национальная их одежда — доведены, можно сказать, до невозможного совершенства в своем роде».

«Мне кажется, — писал он, — что байдарка алеутская столь совершенна в своем роде, что и самый математик

очень немного и даже едва ли что сможет прибавить к усовершенствованию ее морских качеств». И приходил к выводу, что алеут буквально как бы создан для байдарки, а она — для того, чтобы показать его с лучшей стороны. «Случалось мне видеть несколько русских, сидящих в байдарке; никто из них, — писал Вениаминов, — даже самых бойких и статных, не делает такого вида, как самый обыкновенный алеут».

Вениаминов долго и внимательно наблюдал подвиги алеутов — их повседневную многотрудную жизнь. Он первым описал то удивительное единство, которое составляли охотник и его байдарка в море во время промысла. Мимо его внимания не прошли приобретенные положительным опытом сотен поколений традиционные навыки, которые кормили, одевали и согревали жителей суровых островов. Это было наследие древних эпох — первобытно-общинного строя, которое нам, исследователям XX века, удастся лишь в редких случаях наблюдать во время экспедиций, в жизни. Вениаминов писал о них как живой свидетель, очевидец, тонкий и опытный наблюдатель. Его впечатлительный ум, зоркий взгляд исследователя заставляли не только коллекционировать факты, но и обобщать собранный материал, находить связь явлений, исследовать их корни. Вениаминов искал объяснение удивительной терпеливости алеутов. Сама жизнь, условия окружающей среды оказывались решающими факторами в формировании характера, становлении личности аборигенного населения островов. Дети алеутов росли в лишениях, в холодных юртах, полунагие и полуголодные. Но все это никоим образом не влияло отрицательно на становление цельной личности островитянина. Лишения развивали в нем удивительные качества — упорство, терпеливость, выносливость, стойкость, учили сопротивлению силам слепой природы, недоброжелательной к человеку. Таков вывод Вениаминова.

Не только на байдарках приходилось исследователю совершать переезды по морю, но и на судах компании — больших парусниках со многими пассажирами на борту. Иные путешествия оказывались и приятными, и сравнительно быстрыми. Например, кругосветное плавание — из Ситхи в Петербург. В путь он отправился со своей малолетней дочерью Феклой на корабле «Николай» под командой капитана Евгения Андреевича Беренса. В багаже ученого были ставшие впоследствии знаменитыми рукописи. Смешанное чувство удовлетворения проделанной работой

и опасения быть непринятым и непонятым, даже осмеянным владели Вениаминовым. «Так как переводы мои на алеутско-лисьевский язык, о напечатании которых я хлопотал бумажным путем, Синодом к напечатанию не разрешены, по той простой причине, что в Синоде никто не знает алеутского языка, потому и проверка их невозможна, то я намерен хлопотать о том лично и с этой целью отправляюсь в Питер на кругосветном компанейском судне», — писал он своему семинарскому товарищу П. В. Громову.

В то путешествие отец и дочь при попутном ветре достаточно быстро достигли цели. Новый, 1839 год они встретили в пути. Позади остался «остров вечной весны» — Таити, залитый солнцем Рио-де-Жанейро, туманный Копенгаген. И вот наконец их встретили свежие ветры Балтики...

Просматривая «Записки об островах Уналашкинского отдела», трудно сейчас сказать, что Вениаминов был в те годы специалистом-этнографом или специалистом-лингвистом в современном смысле этих понятий. Но заслуги его в области изучения быта и духовной культуры аборигенного населения Алеутских островов действительно огромны. Материалы по этнографии и лингвистике, собранные им, являются бесценным наследием отечественной и мировой науки.

Одним из таких важных фактических наблюдений Вениаминова, глубоко взволновавшим его, был обычай делиться продуктами питания во время больших голодов, широко распространенный в среде алеутов. С точки зрения выходяца из деревни, стоящей уже на пороге капиталистических преобразований, такой обычай, естественно, был в дикувинку. Но вместе с тем нельзя не почувствовать, каким чувством уважения к этому явлению, стремлением проникнуть в его суть и понять причины проникнуты строки его описания: «Еще до прибытия русских у алеутов было в обычае делиться между собою в случае голода, который их посещал и посещает ныне, почти каждою весною. Ближайшею причиною голода бывают свежие ветры и, по недостатку солнечного света и за неимением леса, невозможность иметь большие запасы сухой рыбы. После трех- или четырехдневного голода, если кому-нибудь удастся выехать в море и промыслить что-нибудь, то он обыкновенно, по приезде своем, раздает всем нуждающимся (а ненуждающиеся никогда не будут просить) и себе оставляет не более того, сколько нужно на-

кормить свое семейство; а иногда случалось, что он и из той самой части, которую оставил себе, делится с другими, кто явится нуждающийся. Точно так же поступит и другой в свое время, и все это делается без всяких расчетов и требований благодарности».

Автор «Записок об островах Уналашкинского отдела» застал алеутскую общину на той стадии развития, когда нормы и принципы ее существования были в полном расцвете. Разложение общины, появление имущественного неравенства было для алеутов во многом еще впереди. Несмотря на то, что влияние русских в какой-то мере содействовало процессу разложения родового строя на Алеутских островах, традиционные первобытнообщинные отношения внутри коллектива кровных родственников были определяющими. Рассматривая вопросы взаимоотношений членов кровнородственной общины исключительно в морально-этическом плане, Вениаминов древний обычай разделения продукта промысла поровну между членами коллектива интерпретирует не столько с позиций представителя духовенства, сколько более всего с позиций человека своего времени: «...На промысле бобров, который для алеута составляет более охоту, чем выгоду, он очень доволен и тем, если удастся ему попасть стрелой в подстреленного бобра и со всем усердием готов гоняться за бобром, хотя целый день, несмотря на то, что он уже знает, что из бобра ему ничего не достанется. Упромысливший несколько бобров охотник отдает их или тому, кто ничего не добыл, или какому-нибудь больному старику, или родственнику».

Во время поездок по Уналашке Вениаминов усердно собирал научные сведения о характере климата и ландшафте с тем, чтобы опубликовать свои наблюдения о природе Алеутских островов и их ресурсах в Петербурге, в трудах Академии наук. В те самые годы в Петербурге создавалось Русское Географическое общество, одним из основателей которого стал прославленный адмирал Ф. П. Литке. Вениаминов в течение всей своей жизни поддерживал тесные контакты с Литке и Географическим обществом. А собранные на Алеутах коллекции передал в дар Этнографическому музею Географического общества. Это были традиционные камлейки из рыбьей кожи и уникальные охотничьи шляпы алеутов. К сожалению, судьбу коллекций Вениаминова, переданных в Географическое общество, сейчас трудно проследить, так как с того момента прошло более 150 лет.

Немалую роль в жизни Вениаминова в тот период

сыграл Кирилла Тимофеевич Хлебников, один из служащих Российско-Американской компании. Хлебников внес большой вклад в изучение истории Русской Америки; можно сказать, что он был первым, кто узнал о том, что Вениаминов готовит к публикации материалы по Алеутским островам и трудится над составлением алеутского и индейского словарей. Хлебников оказался чуть ли не единственным человеком среди окружавших Вениаминова, кто смог оценить и собранные им материалы по этнографии, и его лингвистические труды. Более того, Кирилла Тимофеевич часто вдохновлял Вениаминова. В своих письмах он просил его ускорить завершение труда, описание и систематизацию собранного материала. Вениаминов же, в свою очередь, понимал всю важность той работы, которую делал, но на просьбы Хлебникова отвечал, что с окончанием записок «поспешать не в силах», потому что работа требует сил и времени. Долг свой перед наукой исследователь стремился выполнить добросовестно и наилучшим образом.

Например, в течение нескольких лет он собирал и систематизировал все факты, связанные с климатическими изменениями на Уналашке; составил обширные таблицы температурных наблюдений, показаний барометров, вел тщательные записи направлений ветров и т. п. Он охарактеризовал климат Уналашки как климат с резкими перепадами температур: «...можно сказать решительно, что здесь нет обыкновенных времен года, но вместо всех их здесь царствует вечная осень», — писал Вениаминов. Эту же «вечную осень» во всем ее великолепии видели и мы во время продолжительных раскопок на Анагуле, на Умпаке в 1974 году.

Вениаминов прожил среди алеутов более двадцати лет. Он указывал, что распространение русского влияния очень живо и охотно воспринимается алеутами. Живая их заинтересованность в нововведениях была охарактеризована им как «большая переимчивость». «Алеуты очень быстро перенимали у русских рукоделия, которые только имели случай наблюдать», — читаем мы в его трудах. Ему не раз приходилось встречать среди алеутов хороших слесарей, сапожников, кузнецов, плотников, столяров.

Сам Вениаминов был лично знаком со многими талантливыми представителями коренного населения островов. Один из них, по фамилии Устюгов, прекрасно знал морское дело, хотя и не кончал мореходного училища. Устюгов составил исключительно точную карту реки Ну-

шегак. Наделенным от природы прекрасным тонким чувством художника и богатым воображением был алеут Василий Крюков, которого Вениаминов называет креолом, то есть метисом. Он еще мальчишкой выучился рисовать, а позже писал для церкви образа и великолепные акварельные портреты.

Касаясь аспектов русского влияния в алеутской среде, Вениаминов писал с сожалением, что алеуты весьма неопытны. Его поразили такие детали быта алеутской семьи, как никогда не мытая посуда, грязь во внутреннем помещении дома и т. п. Но «ныне алеуты много изменились и начинают привыкать к порядку, особенно те, кто чаще общаются с русскими», — замечал он.

Его внимание привлекло также то, что в среде индейцев и алеутов, которые входили в контакт с русскими, широко распространилась мода на русское платье. Отправляясь в гости, они надевали его как самый лучший свой наряд.

Именно от русских алеуты и другие народы Дальнего Востока — якуты, гилияки, нивхи — услышали впервые слово «хлеб» и узнали его вкус. Так, в словаре алеутского языка, составленном уже позднее, американскими учеными, оказалось слово «хлибка» или «клибка» — хлеб.

Вениаминов был инициатором создания на островах училищ и школ для представителей коренного населения и метисов. Он не рассматривал факт просвещения аборигенов Русской Америки как явление временного характера. Напротив, много раз встречаем мы в его трудах размышления о пользе распространения грамотности.

Поскольку учебные заведения нуждались в кадрах, а нанимать учителей из России было сложно, требовались «свои» люди. Вениаминов мыслил привлечь к делам училищ метисов — детей от смешанных браков русских и алеутов или русских и индейцев.

С позиций подлинного гуманизма подходил ученый к проблеме рабов («калгов»). Институт рабства, порождение родового строя на северо-западном побережье Северной Америки у индейцев — тлинкитов, квакиутль, нутка — был в полном расцвете в те годы, когда на островах работал и жил Вениаминов. Варварский обычай убивать калгов при похоронах их хозяев возмущал его до глубины души, вызывал в нем искренний протест и желание помочь, изменить их страшную участь. Он предлагал правительству и компании покупать калгов у индейцев. Жизнь в поселениях Русской Америки и приобщение к русской

культуре сулили бывшим рабам возможность приобрести образование. А после истечения 20-летнего срока службы в компании их снабжали ботом, ружьем и прочим необходимым, и они имели возможность отправиться жить куда им угодно.

По наблюдениям Вениаминова, алеуты проявляли большой интерес к грамоте. Он писал, что «даже в таком случае, когда он не понимает по-русски ни слова, алеут сидит и читает Псалтырь славянскую, Четь-Минею. А когда они увидели книжки на своем языке... то даже старики начали учиться грамоте для того, чтобы читать по-своему, потому умеющих читать теперь из них более, чем шестая часть».

Еще одна характерная черта переимчивости островитян была подмечена Вениаминовым: особое распространение в их среде получила игра в шахматы. Так, по его наблюдениям, на островах Прибылова играли в шахматы решительно все мужчины.

Плотник, столяр, часовых дел мастер, Вениаминов на своем опыте убедился в том, как легко и охотно воспринимают коренные жители Русской Америки все лучшее из хозяйственного опыта европейцев, как усердно учатся они у приезжих мастеров. Он отмечал, что алеуты способны увлеченно работать ради творческой радости труда, а не для извлечения какой-нибудь выгоды. Сравнение их в этом отношении с европейцами, как и во многом другом, по мнению Вениаминова, часто оказывается не в пользу последних: «...немного найдется из самых трудолюбивых европейцев таких, которые бы простым ножом в продолжение целых месяцев стали выделывать, например, из кости разных животных, коробочки или что-нибудь другое».

Исключительно ценны наблюдения Вениаминова над социальным строем алеутов, описания древних обычаев, рисующие замечательную картину первобытной общины и начало ее разложения с элементами патриархального рабства, кровной мести, опустошительными междоусобными войнами. Пытливый наблюдатель, он ясно понимал закономерную связь этих явлений с общественным укладом и решительно возражал тем, кто видел в них проявления якобы природной жестокости «дикарей». Явственно звучит в трудах ученого прогрессивная идея о равенстве и даже более того — о некоторых преимуществах характера алеутов и индейцев по сравнению с характером европейцев.

Говоря о характеристиках, данных Вениаминовым всем аспектам русского влияния на островах, на Камчат-

ке, в Якутии, нельзя забывать главного: того реального вклада, который внес в это влияние он сам. Так, приехав на Уналашку, он сразу же принялся за строительство настоящей церкви. Алеутов, которые ему помогали, он обучил и плотницкому, и столярному, и кузнечному делу, а также выделке кирпича и каменной кладке. Сам же миссионер, что было совершенно непривычно, выполнил наиболее ответственные работы — художественные.

Не ограничиваясь сооружением церкви на Уналашке, Вениаминов приступил к сооружению часовни из плавника, выброшенного морем, на острове Умнаке в селе Речешнем (позже это село получило название Никольское). Еще достраивали под непосредственным руководством уже упоминавшегося Василия Крюкова сами алеуты, которых обучил плотницкому мастерству необычный миссионер. Полученные навыки во многом способствовали прогрессивному развитию островитян. Рубленые дома были крупным шагом вперед по сравнению с полуподземными жилищами — «барабарами» аборигенов.

В собственном доме Вениаминов не только изготовил всю мебель, но и продолжал, вспомнив уроки своего учителя мастера Клима, мастерить стенные часы и органчики. А. Виноградов, один из его биографов, приводит такой забавный случай — однажды в Калифорнии иезуиты высказали русским морякам свое горе: они пожаловались, что в их церкви нет органа, который мог бы привлечь туда побольше «дикарей». На это русские моряки ответили, что в Ситхе живет мастер по фамилии Вениаминов. Иезуиты заказали ему орган. Когда Вениаминов привез им инструмент, то сперва завел вал с духовными мелодиями. Иезуиты «особенного удовольствия не изъявили». Тогда был поставлен другой вал — с плясовыми. «Иезуиты пришли в восхищение и стали жать от радости отцу Вениаминову руку, беспрекословно внесли за орган требуемую сумму и поставили его в церковь». По всей вероятности, иезуиты еще долго молились под «Камаринскую»!

По вечерам Вениаминов занимался со своими детьми, а на уроках присутствовали и их сверстники из селения. Позднее его дочь Е. И. Петелина вспоминала: «Он положительно не мог переносить, если дети его сидели праздными: как только заметит это, то тотчас же придумывал разные занятия; так, например, когда накопилось порядочное количество камушков, собранных во время прогулок по горам, он заставлял их этими камушками мостить указанную тропинку от его дома до церкви, и для успеш-

ности задавал им уроки. И кто выполнял задание, того непременно поощряли или чем-либо награждали; таким образом от его дома до церкви была проложена красивая мозаичная дорожка, выполненная из разных камушков его детьми. Когда же он делал орган, то непременно каждому давал что-либо делать: кто одевал шпильки, кто молоточек, кто стругал палочки, кто склеивал трубочки, — одним словом, дети всегда были заняты».

Наблюдая оригинальную картину жизни Алеутских островов, восхищаясь красотой здешней природы, Вениаминов не ограничился только описанием ее. Практический склад ума и деятельный характер заставляли его задумываться над проблемой сохранения природных ресурсов, печясь о рациональном использовании богатств островов; говоря современным языком, Вениаминов ратовал еще тогда, в середине XIX века, за охрану окружающей среды. Прежде всего за сохранение уникального животного мира Алеутских островов, его главного богатства: морских бобров и котиков. По словам выдающегося туземного исследователя, креола А. Ф. Кашеварова, «...Вениаминов часто посещал для исправления церковных треб острова Прибылова, как принадлежащие к приходу Уналашкинской церкви, проживал там по несколько дней, следовательно, мог сам сделать наблюдения над котиками; составил интересную таблицу вероятной возможности размножения котиков, если промышленники при ежегодном промысле этого зверя будут ограничиваться в его таблице количествами, постепенно возможно увеличение добычи зверя от определенного им минимума».

О большой значимости соображений Вениаминова по поводу охотничьего морского промысла высказывался и адмирал В. С. Завойко, тогдашний начальник Охотской фактории Российско-Американской компании, позднее ставший героем обороны Петропавловска от англо-французских интервентов. В его письме от 15 января 1881 года мы читаем: «Отец Вениаминов, как человек с острым разумом и быстрыми практическими соображениями и как наблюдатель окружающей природы, ясными выводами своих наблюдений над жизнью животных морских котиков, доставил компании на несколько сот тысяч рублей пользы; и поныне казна ежегодно получает громадный доход, а ежели будет строго держаться правил, введенных отцом Вениаминовым, то доходы казны должны увеличиться и достигнуть миллиона».

Тот же неутомимый Вениаминов, по преданию, поса-

дил на Уналашке первую и единственную до сих пор на всем архипелаге рощу деревьев. Рощу эту с ее корявыми, как бы прижимающимися к земле под напором океанских ветров деревьями, местные жители показывали нам с чувством гордости и удивления как самую драгоценную свою реликвию. «Это роща бышопа Вениаминова», — говорили они нам.

Но ни забота об охране окружающей среды, ни ботанические эксперименты не принесли Вениаминову такой широкой, поистине мировой известности, как его труды в области этнографии, лингвистики и фольклора. Они нашли поддержку и получили восторженную оценку современников.

Значение трудов Вениаминова заключалось в том, что он помогал ученым выйти за круг привычных представлений, основанных на изучении норм и законов европейских языков. Исследования его открыли дверь в огромный непознанный мир языков Американского континента. И в этом заключалась их непреходящая ценность. Так, почти столетие спустя, в 1944 году, в Америке была переиздана книга Вениаминова «Грамматика алеутского языка». Там она увидела свет под названием «Элементы алеутской грамматики».

Скажем также, что своим интересом к языкам таких народов Сибири, как якуты, Вениаминов активно способствовал развитию русской тюркологии, подготовке создания собственной письменности и литературы у якутов, ранее ее не имевших.

Алеутский язык и фольклор привлекли внимание Вениаминова. «Алеуты, — констатировал ученый, — оставили свои старинные песни, в которых воспевались подвиги предков, старинные сказания-былины. Эти поэмы являлись тем ценным кладом исторических знаний алеутов о самих себе, о своем происхождении, которые невозможно было сохранить иным путем, кроме запоминания народу, не имевшему письменности. Это была школа исторических знаний». Вениаминов писал, что форма изложения в этих песнях исключительно поэтична. Ему также удалось обнаружить, что алеутский язык имеет много слов, в которых детально выражаются термины ботанические и анатомические. Поразило Вениаминова и богатство топонимической лексики островитян.

Вениаминов положил много сил на создание грамматики алеутского языка не только в силу необходимости, продиктованной миссионерскими целями, но и потому, что он

ясно осознавал: передать все «прелести» языка, способного выражать возвышенные чувства, описывать красоту природы, никакие переводы, даже самые искусные не могут. И это обстоятельство заставило автора грамматики приложить к теоретической части труда 12 текстов древних алеутских песен.

Новые ученые, последователи Вениаминова, добросовестно исследовали алеутский язык далее. Они нашли некоторые недостатки в грамматике, составленной им, но не смогли не отдать ему должное. Невозможно отрицать факт, что Вениаминов был первооткрывателем этого языка для России и всего мира. Он не только «анатомировал» его и создал научную его теорию; но и тонко почувствовал исконную, архаическую прелесть алеутской речи благодаря непосредственному общению с ее создателями и носителями.

Отличительной чертой взглядов и научных интересов Вениаминова была их удивительная широта. Так, при исследовании вопросов алеутской грамматики и сопоставлении ее с грамматикой индейцев острова Кадьяк его волновали не только близкие, практические цели — создать пособие для священников. Он смотрел много дальше. Его занимал вопрос о «первых американцах», иными словами, каким путем Америка получила свое народонаселение. Ученый полагал, что на этот вопрос может ответить лингвистика — та область науки, где он так много успел сделать.

Тем самым Вениаминов оказался в числе первых русских ученых и путешественников, первопроходцев Тихоокеанского побережья, которые задумывались над происхождением коренных обитателей Америки. Тут, вероятно, кстати напомнить, что эта проблема волновала умы ученых России еще со времен Петра I, который считал одной из важнейших задач науки выяснение вопроса о том, сходятся ли на северо-востоке его обширной державы два материка — Азия и Америка. Им была направлена специальная экспедиция с поручением искать так называемый «Анъянский пролив» или же доставить неопровержимые доказательства, что такого пролива нет, а следовательно, «Америка в самом деле сошлась с Азией».

Это были вместе с тем и поиски конкретных связей между коренными жителями Северной Азии и аборигенами Америки. Еще Степан Крашенинников и Георг Штеллер в ходе исследования Камчатки, изучая ее первоначальное население — ительменов и коряков, пришли к вы-

воду, что такие связи существовали. И, следовательно, аборигены Нового Света находятся в определенной генетической связи с жителями Северо-Восточной Азии и племенами Чукотского полуострова и Камчатки, теми, кого после академика Л. И. Шренка стали называть палеоазиатами, то есть древнейшими обитателями Азиатского материка.

Уже когда Вениаминов, слепой и беспомощный, будучи митрополитом Московским и Коломенским, доживал свои последние дни, проблема происхождения «первого американца» не переставала волновать умы ученых. Не потеряла своей актуальности она и позже.

В конце XIX — начале XX века свой большой вклад в разработку идеи о происхождении исконных жителей западного полушария — индейцев, алеутов и эскимосов — внес крупный американский ученый, чех по национальности, Алеш Хрдличка. Он был убежденным сторонником мысли о том, что предки этих многочисленных племен некогда перешли из Азии в Америку. Переход свой они осуществили в том месте, где Азия и Америка сходятся своими берегами, в самом узком месте Берингова пролива.

Крашенинников и Штеллер, Вениаминов и Хрдличка, затем ученик Хрдлички В. Лафлин и его сподвижник Г. Коллинз, а совсем недавно, в 1974 году, совместная советско-американская археологическая экспедиция на Аляску и Алеутские острова — вот вехи пути поиска следов «первого американца».

В 1938 году в тех местах под вечно осенним небом, где бродил И. Вениаминов, началась первая в истории археологии Северо-Американского континента уникальная по своим результатам экспедиция. 1938 год можно считать началом археологии Алеутской островной гряды. Именно тогда стало ясно, что прошлое этого архипелага, протянувшегося от Камчатки до Аляски, а вместе с тем прошлое его коренного населения — алеутов удлинилось по крайней мере на семь тысяч лет. В. Лафлину повезло в тот год обнаружить на маленьком островке Анапгуле в одной из котловин, вымытых ураганными ветрами и проливными ливнями, каменные изделия древнего человека необычного вида.

То были пластины и изготовленные на них орудия, обработанные только с одной стороны; к другой стороне пластин древние жители Анапгулы не прикасались вовсе. До сих пор на всем Американском континенте такой тех-

ники в древних культурах археологи не встречали. Всюду находили орудия, оформленные ретушью — мелкой оббивочной техникой — с обеих сторон. Именно это открытие побудило нас двинуться на Анангулу в 1974 году.

Интерес к поселению пластин возрос еще более, когда там в результате наших совместных с американцами раскопок были получены датировки находок из культурного слоя. Оказалось, что поселение это существовало так давно, что никто не мог себе такого представить: восемь тысяч семейсот лет назад. Речь шла о доистории алеутов, об их происхождении, о связях в прошлом Америки и Азии, о роли в этой связи Алеутских островов. Бросая ретроспективный взгляд на события первой половины и середины XIX века, на период деятельности Вениаминова на Алеутских островах, мы с гордостью думали, что нам, его соотечественникам, удастся не только быть его последователями в области изучения древних культур Американского континента, но и найти принципиально новые данные, подтверждающие гипотезу о заселении Американского континента из Азии. Это заселение происходило в разное время, разными потоками. Один из них шел на Аляску с Чукотки. Первые «индейцы» прошли на американскую землю по так называемому «берингийскому мосту». Второй путь пролегал южнее, вдоль Алеутской гряды, к острову Умнаку, в семи километрах от которого находится Анангула с ее поселением пластин. Это была дорога предков алеутов.

Если Вениаминову удалось застать алеутов на стадии первобытнообщинного строя, в каменном веке, то наши раскопки дали историческую перспективу их жизни.

В своих «Записках об островах Уналашкинского отдела» Вениаминов создал энциклопедию алеутской жизни. Начал он ее с описания климата, ландшафта, природных условий. Подробно остановился на характеристике материальной культуры. Такова прежде всего картина жилищ как древних, так и современных. Нам в ходе раскопок не раз вспоминался рассказ И. Вениаминова о древних жилищах, носивших название «улягамах». Это были и в самом деле, в полном соответствии с его описаниями, огромные котлованы, глубокие и просторные. В них могло поместиться несколько семейств, согласно преданиям, — от десяти до сорока. Столь же емко и красноречиво описаны Вениаминовым оригинальная старинная одежда алеутов, камлейки и парки, а также обувь без передков, в виде мешка, подобная той, которую нашел археолог А. А. По-

пов на севере Сибири. Обувь явно древнейшая, палеолитическая, вероятно, принесенная на острова с материка, когда там еще не было керамических сосудов; а как мы сами могли наблюдать при раскопках на Анангуде и как писал Вениаминов, алеуты до появления европейцев не знали, что такое глина как материал для изготовления посуды.

В своих записках Вениаминов донес до нас глубокие и древние знания алеутов, описал многие аспекты их богатой духовной культуры, начала положительных знаний — астрономии и счисления времени, фольклор, народные предания и песни, а также древние представления, красочную обрядность, уже в те времена вытесняемую христианством. Иными словами, это все те сведения, которые не может дать одна лишь археология.

Об этнографической части записок Вениаминова известный русский мореплаватель и географ адмирал Ф. П. Врангель писал так: «Верность наблюдений, отчетливость в изложении и всеобъемлющая подробность в описании избранного предмета не оставляют, кажется, ничего более желать в сей части сочинения. Это — богатое хранилище фактов, для полного уразумения характера, обычаев и настоящего быта народа, стоящего на переходной точке из состояния дикого в более образованное, и имеет тем более цены, что сочинитель не повторяет уже известных наблюдений и замечаний, не передает рассказов и мнений других, но сообщает нам результаты собственных тщательных изысканий, произведенных в продолжение 10 лет среди описываемого им народа. Можно смело сказать, что к собранным здесь данным относительно свойств и обычаев алеутов последующие путешественники не найдут ничего нового присовокупить — по крайней мере в том ручаются трудолюбие, терпение и наблюдательный ум отца Вениаминова». К оценке трудов Вениаминова, данной Ф. П. Врангелем, трудно не присоединиться, хотя время показало, что этнографам есть над чем поработать в области культуры алеутов. Так, уже в советское время наши ученые, например Р. Г. Ляпунова, смогли внести существенный вклад в ее изучение. Но Врангель, современник Вениаминова, без сомнения, был прав, давая столь высокую оценку его трудам, его научному подвигу. Заслуги Вениаминова перед наукой признали и Академия наук, и Географическое общество уже в те дни, когда его книги увидели свет.

Но в глазах современников Вениаминов выглядел не

только преуспевающим ученым, но и — дело подчас доходило до курьезов — таким «дикарем».

Свой статус «дикаря» и «туземца» Вениаминов с присущим ему чувством юмора описал впоследствии, даже указал на его выгоды. Так, по прибытии в Петербург он отправился в консисторию, чтобы отметить свой паспорт. После кругосветного плавания и долгих лет жизни на далеких островах, облаченный в рясу с большим наперсным крестом, какие в то время носили в Петербурге немногие священники, Вениаминов полагал, что на него будет обращено особое внимание. Но вопреки ожиданиям столоначальник сунул паспорт Вениаминова под кипу бумаг и крупными буквами написал на листке «25 рублей». Вениаминов, незнакомый с тонкостями «взяточного дела», не обратил на действия столоначальника внимания.

Видя, что посетитель не понимает, чего от него требуют, чиновник написал сначала «15», а затем «по крайней мере 10». Тут-то Вениаминов обратился к нему со словами: «Я уже доложил вам, что я дикарь, приехал из Америки: без доклада войду в присутственное место и там доложу о своей надобности». — «Вас оштрафуют». — «Но тогда деньги пойдут в казну». Так ничего и не добившись, чиновник подписал паспорт.

На Алеутских островах Вениаминовым были сделаны интересные наблюдения в области этнопсихологии алеутов. Он заметил, что многие особенности их характера складывались под воздействием природной среды. Особенно приятна была Вениаминову твердость характера коренного населения островов, которая проявлялась в верности слову, ответственности за свои поступки. Нормы морали кровнородственного коллектива воспитывали в членах этого коллектива пренебрежение к стяжательству, личному обогащению. Все это не могло не повлиять и на самого Вениаминова.

Присутствие духа никогда не покидало Вениаминова, даже в самых тяжелых и трагических ситуациях. Например, однажды по дороге к острову Еловому корабль, на котором он плыл, застала буря, вызванная землетрясением. Блуждание по волнам затянулось на целый месяц. Когда усталые и измученные люди увидели остров, нетерпение охватило как команду, так и пассажиров. Но капитан, испугавшись возможной смены ветра, ни под каким предлогом не соглашался пристать к острову. Экипаж и команда готовы были взбунтоваться. Тогда на палубе появился Вениаминов, он сказал капитану: «Если вы бои-

тесь, тогда я сам буду править судном». Слова смелого пассажира подействовали. Судно благополучно подошло к берегу.

Вениаминов не боялся брать на себя самую тяжелую, самую ответственную работу, даже если она никак не вязалась с представлениями о его сани. В самых трудных ситуациях ему никогда не изменяло чувство реальности, и казалось, что в мире нет дела, которое было бы ему не по плечу. Он свято верил, что для исполнения долга перед отечеством не должно быть никаких препятствий. Так, однажды на Камчатке он принял на себя обязанности бухгалтера, «магазинера», конторщика, чтобы дать возможность съездить в Аян ответственному чиновнику — уже упоминавшемуся В. С. Завойко, будущему адмиралу. Завойко был обязан ему жизнью — возвращаться пришлось на китобойном судне. Судно оказалось затертым льдами, и только Вениаминов в подзорную трубу смог разглядеть происходившее на море бедствие. Но для этого ему пришлось провести в метель на берегу целые сутки.

События тех дней сблизили Вениаминова и Завойко. Кроме того, у них были общие взгляды. Они оба приветствовали распространение русского влияния на Амуре и Дальнем Востоке и старались его упрочить. Они понимали, что это имеет большое прогрессивное значение для судеб края и его коренного населения — нивхов, коряков, ительменов, которые, по замечанию Г. И. Невельского, знаменитого и деятельного современника Вениаминова, исследователя дальневосточных морей и рек, «думали о пас пехудо». Немалая заслуга в том и Вениаминова.

Героическая победа русских солдат и матросов в Петропавловске застала Вениаминова в Якутске, он с восторгом воспринял эту весть. Встретившийся с ним там И. А. Гончаров писал: «мы с ним читали газеты, и он трепещет, как юноша, при каждой счастливой вести о наших победах».

Было бы несправедливо забыть об участии Вениаминова в освоении Амура и Приморья, в этом огромном по своему историческому значению мероприятии. Исконно русская, приобретенная еще храбрыми землепроходцами семнадцатого столетия дальневосточная земля была окончательно возвращена России на глазах Вениаминова и не без его помощи.

Его перу принадлежат конкретные планы использования естественных богатств природных ресурсов края, рас-

селения в Приморье русских крестьян, разведения пашен, скота и строительства городов. Он продолжал путешествовать, занимался наблюдениями быта и культуры туземцев, много плавал по Амуру. Могучая река не могла не привлекать его своими пейзажами, своими размерами, своей красотой. Глазами русского крестьянина он видел, что «земли на Амуре плодородны: начиная от Стрелочного караула до Лимана, и далее нет решительно места, где бы не мог жить хлебопашец, или скотовод, или огородник, или даже садовод».

По Амуру, по мысли Вениаминова, должен был пролечь удобный и краткий путь для снабжения Камчатки, «приморских и морских наших мест хлебом». А ведь для снабжения Русской Америки тогда приходилось совершать кругосветные плаванья.

Вениаминов оказался в числе инициаторов создания города на Амуре — Благовещенска. Ученый так объяснял выбор его местоположения: «...перед устьем Зеи, на подопье последних гор, лежащих от самого устья верстах в 10 или 12, прежде всех должен быть город, не менее как губернский, который сверх значения своего вблизи Айгуна и заведывания местами вниз по Амуру, может командовать верховьями Амура и Зеи».

Вениаминову было хорошо известно о желании гиляков (нивхов) присоединиться к России по примеру тунгусов. Когда Невельский отправился в Аян, нивхи попросили его взять с собой двух своих представителей, Позвейна и Паткена, для переговоров с «джанги» — начальником Аянского порта Завойко — о принятии русского подданства. В Аяне состоялась встреча Вениаминова с посланцами; тогда он усиленно допытывался у них, «по своей ли воле они пришли?» — Позвейн и Паткен ответили ему утвердительно, добавив, что все нивхи на Сахалине хотят, чтобы русские оградил их от бесчинствующих китобоев и маньчжурских купцов.

Невельский и Вениаминов верили, что в дальнейшем русские смогут ознакомить коренное население края с прогрессивными формами хозяйствования, и не ошиблись: знакомство нивхов с земледелием началось с 1850 года. Это был первый шаг от их исконного примитивного хозяйства, небольшой, но значительный по смыслу.

За дальнейшей судьбой Вениаминова, этнографа, исследователя алеутов, тонкого знатока их культуры и старины, с тревогой следили передовые русские люди. «Духа его не угашайте вашими шапками и камилавками», —

взволнованно писал И. А. Тургенев К. С. Сербиновичу. Но Вениаминова цепко держала правящая верхушка царской России. Ей выгодно было использовать талант, имя и славу ученого в своих целях. Все выше продвигается он по иерархической лестнице: архимандрит, епископ Алеутский и Камчатский, архиепископ Камчатский и Якутский, наконец, митрополит Московский и Коломенский. Вместе с тем все более гаснет дух исследователя, сокращается диапазон творческой активности. Наконец, слепой и беспомощный под тяжестью лет, он заканчивает в 1879 году свой жизненный путь.

Полна суровых испытаний, радостей и скорбей судьба этого человека, одного из выдающихся деятелей своего времени.

Вглядимся в его портрет: в нем нет ни подлинного, ни тем более показного «смирения» и «благости». Пытливо сверкают зоркие глаза сибиряка-крестьянина, мерилом оценок которого всегда был народный здравый смысл.

И не случайно так часто звучало его имя в беседах с нашими алеутскими и американскими коллегами. Иван Евсеевич Попов — Иннокентий Вениаминов оставил яркий след и в судьбе маленького островного народа, искренним другом и защитником которого он был, и в истории науки своего великого Отечества.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Барсуков И. П. Иннокентий — митрополит Московский и Коломенский. М., 1883.

Вениаминов И. Записки об островах Уналашкинского отдела. Часть I—III. Спб., 1840.

Вениаминов И. Замечания о колошенском и кадьякских языках и отчасти о прочих российско-американских с присовокуплением Российско-колошенского словаря. Спб., 1846.

Вениаминов И. Опыт грамматики алеутско-лисьевского языка. Спб., 1846.

Вениаминов И. Мифологические предания и суеверия колошей, обитающих на северо-западном берегу Америки. — «Сын отечества», 1839, № 19.

Окладников А. П. Удивительная судьба Ивана Попова. — «Вопросы истории», 1977, № 7.

Окладников А. П., Васильевский Р. С. По Аляске и Алеутским островам. Новосибирск, 1974.

Степанова М. В. И. Вениаминов как этнограф. Сб.: Труды МАЭ, т. II, 1947.

Федорова С. Г. Русское население Аляски и Калифорнии. М., 1971.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ МУРАВЬЕВ

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ГУБЕРНАТОР

Восточной Сибири и Дальнему Востоку повезло с губернатором. О Николае Николаевиче Муравьеве сохранились самые противоречивые отзывы, мнения и оценки. Его или восторженно хвалят, или жестоко ругают, столь же ожесточенно порицают. Но равнодушных высказываний о нем нет. Иные из современников ненавидели губернатора. Но все без исключения отдавали должное его деловым качествам, нетерпимости к бюрократизму и взяточничеству, умению быстро решать запутанные вопросы.

Уже первое появление Н. Н. Муравьева в Иркутске на приеме местных чиновников показало, что губернатор крут нравом и настроен весьма решительно и что мошенникам и казнокрадам пощады не будет. Получила известность происшедшая тогда сцена. О махинациях начальника «золотого стола» горного отделения Мангазеева Муравьеву стало известно по дороге. Вот что впоследствии рассказывал о своей первой и последней встрече с генерал-губернатором сам Мангазеев: «Стою, а возле меня стоит Савинский. Он и моложе меня по службе и заведывал-то всего соляным столом. Представляют его Муравьеву — «Я так много слышал о вас хорошего», — и пошла писать: рассыпался в комплиментах... Потом вдруг спрашивает: «А где же Мангазеев?» — Ну, думаю, если уж Савинского так расхвалил, то меня просто расцелует. Кланяюсь. — «Я надеюсь, что вы не станете со мной служить». — Вот тебе и похвала!»

Не поздоровилось многим. Иные были отданы под суд, некоторые поспешили по доброй воле навсегда уехать из Восточной Сибири. На Муравьева сразу же посыпались жалобы в Петербург. Оттуда пошли потоком всяческие распоряжения и запросы. И тогда, по словам писателя И. А. Гончарова, «предприимчивый дух этого энергичного

борца возмущался: человек не выдерживал, скрежетал зубами, из обыкновенно ласкового, обходительного, приличного и любезного он превращался на мгновение в рыкающего льва...». Сам Николай Николаевич в письме к брату Валерьяну жаловался: «Все им хороши были генерал-губернаторы, которые любили есть, пить, волочиться и наживаться, но когда государю угодно было назначить меня сюда, то они воображали, что обойдутся красными словами. На беду их бог дал мне молодость и глубокую преданность России... Вот и пошли на меня войной, конечно, кабинетною, чернильною, дипломатическою...»

Генерал-губернатор Восточной Сибири Николай Николаевич Муравьев провел в Сибири и на Дальнем Востоке лучшие свои годы. Время было трудное — конец царствования Николая I. Малейший «либерализм» считался почти крамолой. И нужно было обладать завидной смелостью, чтобы отважиться на коренные преобразования, пусть даже в забытом богом суровом каторжном крае.

Еще и до сих пор рассказывают старожилы были и небылицы про крутого, норовистого, горячего, но справедливого губернатора. Часто подлинное соседствовало с выдумкой, но и через десятилетия рассказы эти были неизменно доброжелательны. Добрые дела оставили и добрый след. А ведь сменилось несколько поколений сибиряков и дальневосточников!

НАЧАЛО ПУТИ

Выходец из известной и старинной дворянской фамилии, Муравьев был прямым потомком лейтенанта Степана Воиновича Муравьева, участника Второй Камчатской экспедиции, возглавляемой В. И. Берингом. От брака с Акулиной Федоровной Неделинской родился его сын Назарий Степанович (1737—1799), дед будущего сибирского губернатора. А его отец Николай Назарьевич (1775—1845) после окончания Горного корпуса служил в Нерчинске, но потом перешел во флот, командовал линейным кораблем и дослужился до капитана первого ранга. Затем стал вице-губернатором Новгородской губернии.

Выйдя в отставку, Николай Назарьевич поселился в своем селе Покровском на левом берегу Невы по Шлисельбургскому тракту. Первым браком он был женат на Екатерине Николаевне Мордвиновой, а после ее смерти в 1823 году женился вторично, на дочери адмирала А. В. Моллера — Елизавете Антоновне. Герой нашего

очерка, Николай Николаевич, — сын от первого брака. Родился он 11 августа 1809 года в Покровском. Первоначальное воспитание получил в частном пансионе Годениуса в Петербурге, после чего был отдан в Пажеский корпус.

Как было заведено в этом самом привилегированном учебном заведении России, после окончания курса 15-летний юноша был произведен в камер-пажи и включен в свиту сестры царя великой княгини Елены Павловны. Обязанности камер-пажей не были трудными, но требовали постоянного присутствия при дворе: они сопровождали верхом экипаж великой княгини, стояли за столом во время обеда и т. п. Впоследствии Муравьев рассказывал об одном запомнившемся ему случае, происшедшем как раз во время дворцового обеда. «Однажды, это было вскоре после 14-го декабря (1825 года. — А. А.), я стоял за стулом Елены Павловны, которая обедала у государя. Николай Павлович сидел недалеко от нее по другую сторону. Во время стола государю подали какую-то бумагу; прочтя, он протянул ее через стол императрице. Бросив на нее взгляд, она воскликнула: «*Encore un Mouravieff!*» *. В эту минуту я смотрел на государя и увидел, как он глазами показал императрице на меня, точно хотел сказать, чтобы она была осторожнее, так как здесь присутствует один из Муравьевых. Я, конечно, понял, что государю сообщили об аресте одного из наших родичей, которых много было замешано в деле декабристов». Подозрения, конечно, были излишни — революционером Н. Н. Муравьев не был ни тогда, ни позже.

По достижении 18-летнего возраста Муравьев получил офицерский чин и начал службу в лейб-гвардии Финляндском полку, в составе которого участвовал в войне с Турцией, владевшей тогда всем западным побережьем Черного моря, включая территорию сегодняшней Болгарии. Молодой офицер принимал участие во взятии Варны и за отличие в боях был произведен в подпоручики. Затем, прикомандированный к пятой Черноморской флотской бригаде, находился в числе десантников, бравших Сизополь, сражался у стен Шумлы и Адрианополя.

За проявленную во время Турецкого похода храбрость Муравьев получил два боевых ордена и самую почетную для офицера награду — золотую шпагу с надписью «За отвагу». Он быстро продвинулся по службе,

* «Еще один Муравьев!» (франц.).

став штабс-капитаном в двадцать лет. Но, несмотря на такое многообещающее начало, ему вскоре пришлось уйти в отставку по болезни — он заболел особой местной лихорадкой, от которой не мог избавиться и в Петербурге. Несколько лет пришлось жить в имении отца. Но уже в 1833 году Муравьев снова в действующей армии, теперь уже на Кавказе. Теперь он адъютант командующего Кавказским корпусом генерала Е. А. Головина, бывшего командира его полка.

Молодой адъютант отлично справлялся с обязанностями, был умен, точен, исполнительен и неоднократно имел случай проявить свою храбрость. В бою при Ахульго Муравьева ранило в руку. По излечении он стал начальником Черноморской береговой линии, а в 1841 году, тридцати двух лет от роду, стал генерал-майором. Однако новая, еще более серьезная вспышка болезни заставила Муравьева покинуть военную службу. В 1844 году он уехал лечиться за границу. Там познакомился с мадемуазель де Ришмон, представительницей знатного французского дворянского рода. Ее, принявшую православие и ставшую впоследствии женой Муравьева, в России звали Екатериной Николаевной.

ПРАВИТЕЛЬ ГУБЕРНИИ

После возвращения на родину в 1846 году Николай Николаевич стал числиться по министерству внутренних дел и вскоре, не без протекции по-прежнему благоволившей к нему великой княгини Елены Павловны, был назначен тульским губернатором. Молодой по меркам того времени для такой должности, мыслящий широко и свободно, Муравьев получил немалую известность тем, что представил царю свой проект освобождения крестьян от крепостной зависимости.

Рассуждая о причинах «государственных переворотов» — так он называл революционные движения, — Муравьев называл в качестве таковых следующие: «неимение недвижимой собственности», нищету народа, несправедливое распределение государственных повинностей и «привилегии некоторых сословий в отягощение народа». Он писал: «Благосостояние и спокойствие государства зависит от возможно равного уравнивания сословий, или разделения земель целого государства на возможно равные части между народом, чрез что народ приобретает недвижимую собственность, и водворяется кредит между

крестьянами — основание торговли, и тогда пролетариев в государстве существовать не будет — главного орудия возмутителей общего спокойствия; распределения по мере собственности каждого гражданина платежа государственных повинностей, дав возможность каждому члену государства, или гражданину, к развитию его способностей и возможностей, к образованию его. Необходимо будут доступны для каждого, по способностям, места государственного управления; таланты не будут гибнуть, и каждый будет иметь возможность идти по его призыву, и тогда судопроизводство в государстве может быть публичное, адвокаты и присяжные будут люди образованные морально и умственно, чрез что, по несовершенству человеческой натуры, уничтожатся и судебные злоупотребления».

Конечно, проект весьма наивен: так, главный «способ достичь благодетельной цели для всех сословий», по мнению молодого губернатора, это «дозволить помещикам освобождать крестьян в вольные хлебопашцы без согласия крестьян». Конечные же результаты освобождения крестьян Муравьев видит в том, что «государство будет разделено на небольшие фермы, чрез что хлебопашество дойдет до высшей степени совершенства. Ограничением количества приобретения земель уничтожается возможность приобретения больших поместьев, совокупление богатств в одне руки — система гибельная для каждого государства, порождение бездушного эгоизма! Народ, получивший гражданство чрез владение недвижимой собственностью, будет доступен образованию: луч просвещения озарит его, и семя моральное, убитое рабством, разовьется в нем во всей силе возрожденного человека».

Не стоит и говорить о полнейшей утопичности проекта, далекого от понимания подлинных причин необходимости социальных перемен! «Вопрос об отмене крепостного права еще не созрел для разрешения» — в таких будто бы словах царь велел ответить Муравьеву. Но с тех пор до самой своей смерти Николай I не упускал случая отозваться о Муравьеве как о «либерале» и «демократе», что в его устах было характеристикой отнюдь не лестной.

Назначение Муравьева генерал-губернатором Восточной Сибири, происшедшее в 1847 году, также не без вмешательства великой княгини, вызвало много различных толков. Обычно в Сибирь посылались пожилые и уже опытные чиновники, поднаторевшие в делах, а тут вдруг

человек еще молодой, энергичный и решительный, самостоятельный в своих действиях, притом боевой генерал, да к тому же и либерально настроенный. Но история подтвердила, что выбор царя, какие бы мотивы его ни вызвали, оказался весьма удачным. Предшественником Муравьева был В. Я. Руперт. За время своего правления он не смог найти средств борьбы с злоупотреблениями, свившими гнезда едва ли не во всех чиновничьих канцеляриях Восточной Сибири, а может быть, и не очень хотел их искать — так было спокойнее. По-иному решил действовать Николай Николаевич.

Он появился в Петербурге в конце сентября 1847 года и принялся во всех деталях знакомиться с предстоящими обязанностями. Незадолго до того он женился. Венчание происходило 19 января 1847 года в городе Богородицке Тульской губернии.

Разумеется, Муравьев был наслышан и о порядках в Восточной Сибири, и о ее богатствах: «Сибирь — золотое дно» — гласит известная пословица. И не удивительно, ведь Сибирь — невероятно огромная даже в масштабах России страна. Сибирь — это бескрайние просторы Евразийского континента, арктические острова и архипелаги, Чукотка, Камчатка, Курилы, Алеутская гряда с заморской Русской Америкой — вот чем предстояло заниматься ее губернатору. И, конечно же, амурской проблемой.

Узнал Муравьев о своем назначении на станции Сергиевской от самого царя, когда тот проезжал в начале сентября через Тульскую губернию. Рассказав будущему губернатору о беспорядках, допущенных В. Я. Рупертом, о Кяхтинской торговле и еще о многих других предстоящих заботах правителя обширного края, царь заключил беседу словами: «Что же касается до русской реки Амур, то об этом речь впереди». Но думать об амурских делах, естественно, не возбранялось. Муравьев думал о них денно и нощно. И узнавал все, что возможно было узнать об Амуре.

ДЕЛА АМУРСКИЕ

Первое в истории плавание по всему Амуру совершил со своим отрядом русский землепроходец Василий Данилович Поярков в 1643—1646 годах. Он и его спутники побывали в лимане Амура, видели Сахалин, прошли Охотским или, как его тогда называли, «Ламским» морем и через устье реки Ульи, где еще в 1639 году казак Иван

Юрьевич Москвитин, впервые выйдя в бассейн Тихого океана, основал зимовье, возвратились через горы в Якутск. Очень важными сведениями обогатилась Россия в результате того похода; выяснилось, что народности и племена, населяющие земли по Амуру, живут «сами по себе», прибрежные земли богаты лесом, пушным зверем, сочными лугами, пашенными угодьями, а сама река обильна рыбой. И плавать можно по всему течению, и выход в море имеется. Затем начались всем известные походы на Амур Ерофея Павловича Хабарова и его доблестных сподвижников. Группе хабаровцев во главе с Иваном Антоновичем Нагибой довелось вторично пройти всем Амуром, его лиманом и по Охотскому морю добраться до устья Ули, то есть повторить путь В. Д. Пояркова.

Муравьев находил все новые и новые свидетельства пребывания русских людей на Амуре. Они обосновывались там, строили станицы, распахивали земли, промышляли зверя, ловили рыбу. Дела шли столь успешно, что в сравнительно короткие сроки тут появилось воеводство с центром в Албазине. Его плодородные земли кормили не только здешних поселенцев, но даже и соседний Нерчинский уезд.

В эти же годы Семен Дежнев и Федот Алексеев открыли пролив между Азией и Америкой. А в 1646 году Семен Андреевич Шелковников заложил «Косой», впоследствии Охотский острог, ставший первым и на долгие годы единственным портом России на Тихом океане. Перед Муравьевым лежали последние донесения начальника Охотского порта И. В. Вонлярлярского и Аянского порта Российско-Американской компании В. С. Завойко, в которых излагалась история Охотского порта и сообщалось о недавних исследованиях в Охотском море с целью поиска места для нового порта. Охотск за долгие годы приобрел дурную славу: на его совершенно открытом рейде было опасно не только разгружаться и нагружаться, но даже и просто отстаиваться. А войти в устье реки Кухтуй оказывалось и того труднее. Насущная проблема живо вставала перед вновь назначенным генерал-губернатором: надо, обязательно надо решиться на перенос порта, но куда? Вонлярлярский докладывал, что в юго-западной части Охотского моря есть залив великого князя Константина, открытый в прошлом, 1847 году, капитаном второго ранга В. К. Поплонским. Может быть, там, в непосредственной близости от устья Амура, устро-

ить порт? Куда как заманчиво! Но прежде надо все это проверять и проверять. А хорошо бы все-таки разузнать доподлинно и об Амуре и его лимане, и о Сахалине. И Муравьев листал дальше страницы книг, статей и архивных документов.

Во второй половине XVII века русские люди прочно закрепились на Тихом океане и на Амуре. Их успехи не давали покоя маньчжурам, завладевшим китайским тронном и создавшим свою, Цинскую династию. Цинское правительство объявило о принадлежности северного берега Амура и районов Забайкалья своей империи, выдвинуло ничем не обоснованные территориальные притязания на уже освоенные русскими земли и решилось на прямое военное вмешательство. Русское правительство стремилось к мирному урегулированию конфликта и готово было пойти даже на частичные уступки.

Источники говорили: у Ф. А. Головина, русского посла на переговорах, был трехтысячный отряд, которому под Нерчинском противостояло вчетверо превосходящее войско маньчжуров. По Нерчинскому договору, подписанному 24 августа 1689 года, Головин был вынужден уступить значительные территории по левому берегу Амура и правому берегу Аргуни. Предусмотрительный посол в таких тяжелых условиях добился даже и того, что окончательное разграничение территорий откладывалось, и Приамурье, по сути дела, осталось неразмеченным.

Русские, конечно, не переставали плавать по Амuru, но теперь это уже были одиночки, большей частью беглые, спасавшиеся от преследования властей. Еще недавно процветавшие станицы и сам Албазин перестали существовать. Но и подданные «Поднебесной», которых переселяли в северные районы, не бывали на левобережье Амура и в его низовьях, не строили там укреплений, не возводили селений. Само собой случилось так, что речная гладь Амура размежевывала их. Такое состояние длилось более века, в течение которого постепенно забывались точные сведения об Амуре. Правда о великой реке заслонялась всевозможными домыслами и легендами.

С тех пор как французский мореплаватель Ж.-Ф. Лаперуз, затем англичанин У. Р. Браутон в конце XVIII века и наш соотечественник И. Ф. Крузенштерн в самом начале XIX века искали пролив между Сахалином и материком, но так и не нашли его, на картах все чаще стал наноситься перешеек между Сахалином и материком, а устье Амура изображаться непригодным для плавания, пе-

регороженным непроходимыми мелями. Но у русских людей никогда не угасал интерес к «Амуру-батюшке». И в бумагах, лежавших перед Муравьевым, он находил много примеров их пребывания там даже и в эти темные десятилетия.

Амур остро был нужен России. Насильственно отторгнутый, он должен снова стать русским — об этом говорили и писали в то время все чаще и чаще. И вот в 1846 году, совсем еще недавно — на столе Муравьева были свежие доклады и карты — Главное правление Российско-Американской компании организовало экспедицию на бриге «Константин» под командованием поручика корпуса флотских штурманов Александра Михайловича Гаврилова, участника кругосветного плавания под начальством Ф. П. Литке. Организаторы экспедиции поставили перед ней сразу несколько задач, связанных с пребыванием в дальневосточных водах. И среди них, в частности, такие: выяснить — существует ли южный пролив, по которому возможен проход из лимана Амура в Японское море. Иными словами, узнать доподлинно — остров ли Сахалин или же полуостров?

С большой душевной скорбью читал Муравьев строки отчета Гаврилова, в которых говорилось, что из-за многочисленных запретов, содержащихся в данных ему инструкциях, он не мог до конца исполнить поручение. И хотя мореплаватель побывал в лимане и в устье Амура, где пытался искать фарватеры, он, несмотря на отличную погоду, на поиски южного пролива идти не отважился — и в результате оказался в плену распространенных в ту пору ложных заблуждений. Выводы, сделанные Гавриловым, хотя и с оговорками, но подтверждали косвенно недоступность Амура для морских судов и полуостровное положение Сахалина. Они, соответствующим образом интерпретированные убежденным противником Амурского дела канцлером К. В. Нессельроде, повлияли на царя. Канцлер, тупой и косный реакционер, группировавший вокруг себя сторонников прусско-австрийской ориентации, враждебно относился к большинству патриотических начинаний Муравьева и препятствовал решению амурской проблемы.

Постепенно у Муравьева начало складываться представление об ожидающем его крае и о предстоящих первоочередных действиях. Он готовился твердо и быстро навести порядок в управлении. А начать решил с обозрения подвластных ему владений. В уме уже созрел план

путешествия по Дальнему Востоку. Он очень хотел попасть на Камчатку, так как с ней связывал возможный перенос порта из Охотска в Петропавловск. И конечно, не выходил у него из головы Амур. Правда, царь решил, что река «бесполезна», хотя и говорил когда-то, что разговор об этом впереди. Но ведь так он говорил, не зная еще об исследованиях Гаврилова. Теперь же, казалось, все ясно и нужно думать о русском порте не в устье Амура, а только на Камчатке.

В это же время произошла встреча Муравьева с Невельским. Капитан-лейтенант Геннадий Иванович Невельской долгие годы вынашивал планы исследования Амура и Сахалина. Он до такой степени был увлечен ими, что даже отказался от командования новым фрегатом и попросился на обычный военный транспорт «Байкал», отправляющийся с казенными грузами на Камчатку и в Охотск. Там он рассчитывал добиться разрешения произвести давно задуманные исследования.

По долгу службы, в то время, когда вверенный ему транспорт еще строился в Гельсингфорсе, Невельской явился на прием к начальнику морского штаба адмиралу князю А. С. Меншикову, которому и сообщил о своем желании попытаться побывать в лимане Амура и поискать пролив между материком и Сахалином. На замечание адмирала, что у него и так едва хватает времени, чтобы исполнить порученное дело, Невельской ответил, что просит лишь об одном: записать в инструкцию соответствующие пункты, а об остальном он позаботится сам. Меншиков пообещал, сказав, что это было бы полезно. Он же добавил, что Невельскому неплохо было бы представиться новому генерал-губернатору Восточной Сибири.

Эта встреча произошла в гостинице «Англетер», где обыкновенно останавливался во время своих наездов из Гельсингфорса в Петербург Невельской. Там же жил и Муравьев. Разговор о пользе для России Амура встретил полное понимание со стороны генерал-губернатора, заявившего, что важное значение имеет не только возвращение Амура в русские владения, но и открытие плавания по этой реке. Вместе с тем Муравьев добавил, что, к сожалению, мнение царя об Амуре в корне изменилось после доклада Российско-Американской компании. И Муравьев привел слова императора: «Для чего нам эта река, когда ныне уже положительно показано, что входить в ее устье могут только одни лодки!»

На это Невельской с жаром отвечал, что он тщательно

изучил историю вопроса и твердо убежден в ошибке, которую повторяют все исследователи, и что он горячо просит помочь ему осуществить свою мечту. Муравьева не нужно было упрашивать. Он и сам хотел до конца разобраться в имевшем жизненное для страны значение вопросе: ведь раньше по реке плавали, и карты есть, а теперь вдруг устье оказывается недоступным, а Сахалин почему-то превратился в полуостров! Нетрудно представить себе, как изменилось бы все, если бы Амур был возвращен России и если бы оказалось, что по нему можно плавать из самого сердца Сибири, почти от Байкала, в Охотское и Японское море. Муравьев поверил в Невельского и обещал содействовать его замыслу. Перед тем как уезжать из Петербурга, будущий правитель Сибири имел встречи с Меншиковым, во время которых было решено попытаться еще раз — и теперь уж до конца — узнать всю правду об Амуре. Они договорились совместно помогать Невельскому.

В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Наступил новый, 1848 год. Н. Н. Муравьев отправился к месту службы. Она началась сразу же, как только он въехал в пределы своих владений. А до них было долгое путешествие через всю Западную Сибирь. По дороге он побывал на Ирбитской и Тюменской ярмарках, останавливался и в Омске и в Томске. И вот, наконец, Красноярск, куда новый генерал-губернатор прибыл под вечер 27 февраля 1848 года. После пятидневного пребывания в Красноярске генерал-губернатор с супругой выехал в Иркутск. О своем вступлении в должность отправил рапорт в Петербург уже на следующий день, то есть 28 февраля. Он уже познакомился с шумевшим делом об Ольгинском и Платоновском золотых рудниках, в котором были замешаны видные сибирские золотопромышленники. Одно из таких семейств — богачи Машаровы — рассчитывало устроить новому генерал-губернатору пышный обед в Канске, стоявшем на пути из Красноярска в Иркутск. Николай Николаевич, однако, попросил перенести им, что не остановится в Канске.

По пути в Иркутск неотложные дела ненадолго задержали губернаторский кортеж в Нижнеудинске. Быстро расправившись с обнаруженными здесь беспорядками, Муравьев появился в столице Восточной Сибири, где его с тревогой ожидали власть имущие. Стояла ночь. Была

середина марта. Буквально на следующий день, ровно в девять часов утра Николай Николаевич приступил к делам. В числе первых он принял иркутского губернатора А. В. Пятницкого, который до его приезда «исправлял должность» (обычная формулировка того времени) генерал-губернатора Восточной Сибири. Еще по дороге Муравьев убедился в его недобросовестности и прямом участии в махинациях золотопромышленников и первыми же словами приказал немедленно подать прошение об отставке.

А в десять часов состоялся общий прием, на котором и произошла уже описанная сцена с Мангазеевым. В последующие дни новый генерал-губернатор произвел строевой смотр войскам, побывал в присутственных местах и казенных заведениях. Основное же время уходило на разбор многочисленных, порой запутанных дел по управлению краем. Людей честных, преданных делу и бескорыстных, Муравьев всячески поддерживал и приближал к себе, доверял, продвигал по службе. Но, доверяя, присматривался к каждому их шагу. И требовал безоговорочного выполнения его распоряжений, его воли, допуская инициативу лишь в рамках собственных своих предначертаний. Если же кто-либо осмеливался перечить ему, критиковать его действия или приказы, тем более делал это не раз и не два, то такому чиновнику в лучшем случае была обеспечена почетная отставка. Впрочем, все эти черты характера не были чертами самодура, но скорее свидетельством натуры пылкой, а потому и нетерпеливой. Благожелательность к людям, свойственная Муравьеву, не раз отмечалась его современниками. С полкубившимися ему сотрудниками он не расставался. И даже после отъезда из Иркутска всегда их поддерживал.

После того как были приняты радикальные, как казалось Муравьеву, меры по пресечению злоупотреблений на золотых приисках, он уже 25 марта 1848 года докладывал царю (тот перед отправлением разрешил в нужных случаях писать лично ему), что как «старший блюститель законов и первый защитник казны» будет стоять и впредь «на страже интересов его величества» и всеми силами бороться с «корыстью и любостяжанием».

Бернгард Васильевич Струве — один из немногих чиновников, имевших повседневный доступ к Муравьеву, — вспоминает, что все они с большим нетерпением ожидали распоряжений относительно того, как вести себя по отношению к декабристам и петрашевцам, многие из которых

находились на поселении в Восточной Сибири. Но этот вопрос разрешился как-то сам собой. Хорошо знавший многих участников выступления на Сенатской площади, Муравьев разрешил жившим до того в окрестностях Иркутска декабристам — С. Г. Волконскому, А. А. Быстрицкому, А. В. Поджио, П. А. Муханову, С. П. Трубецкому, А. Н. Сутгофу, В. А. Бесчасному, А. А. Веденяпину и другим — свободный въезд и проживание в сибирской столице. Там уже и в это время постоянно жили жены декабристов М. Н. Волконская и Е. И. Трубецкая. Сын Волконских Михаил учился в местной гимназии, а три дочери Трубецких воспитывались в Иркутском институте благородных девиц.

С приездом Муравьева положение политических ссыльных, преимущественно декабристов, а также петрашевцев и ссыльных поляков, изменилось к лучшему. Сохранилось много свидетельств, что декабристов принимал в своем доме сам генерал-губернатор и что вскоре по прибытии он вместе с женой Екатериной Николаевной навестил семьи Трубецкого и Волконского и собственным примером как бы поощрил на сближение с декабристами людей из своего окружения. Неудивительно поэтому, что декабристы и петрашевцы охотно приняли участие в преобразованиях, проводимых Муравьевым.

Вот что пишет по этому поводу известный советский исследователь П. И. Кабанов: «С момента своего приезда в Иркутск он (Муравьев. — А. А.) установил тесное общение с Волконским, Трубецким, Бестужевым, Горбачевским, даже с Завалишиным. Привлекал многих из них, а также петрашевцев — самого Петрашевского, Львова — к административным делам в Сибири. Разрыв с некоторыми из них (с Завалишиным, Петрашевским, Львовым) объяснялся либо личными мотивами (например, со стороны Завалишина), либо столкновениями на местной почве». И далее: «Министр внутренних дел Бутков в беседе с Буссе заявил, что Муравьев избаловал политических преступников, что генерал-губернатор не должен быть в одном обществе с ними».

Двоюродный брат Н. Н. Муравьева Михаил Семенович Корсаков, служивший при нем офицером по особым поручениям, а впоследствии сменивший его на посту генерал-губернатора, оставил любопытные записи, которые недавно удалось найти и опубликовать автору этих строк, о своем посещении в Ялуторовске при путешествии из Петербурга в Иркутск декабристов М. И. Муравьева-Апо-

стола, И. Д. Якушкина и И. И. Пущина. В Красноярске Корсаков был гостем декабриста В. Л. Давыдова.

Нет ничего удивительного в том, что на Муравьева сыпались доносы в Петербург. В частности, много неприятностей доставили ему доносы бывшего иркутского губернатора А. В. Пятницкого, которого он уволил в отставку, и жандармского полковника Горашковского. Много было и анонимных. На все эти доносы Муравьев отвечал, что декабристы искупили свою вину тяжелым наказанием, что «никакое наказание не должно быть пожизненным... и что нет основания оставлять их изверженными навсегда из общества, в составе которого они имеют право числиться по своему образованию, своим нравственным качествам и теперешним политическим убеждениям» (последнее писалось явно с целью помочь ссыльным).

Много времени и сил уделял Муравьев торговле с соседним Китаем, которая длительное время весьма успешно велась через пограничный город Кяхту. Но и там вскрылись нарушения и злоупотребления. Энергичными мерами генерал-губернатор выправлял положение. В письме министру финансов Федору Павловичу Вронченко 19 мая 1848 года он сообщил: «Несвоевременно было бы мне теперь, вступив только в управление, сказать решительно мое мнение: должно ли изменить существующее с 1800 года учреждение для Кяхтинской торговли, но, по местному взгляду на этот предмет, я могу определенно сказать, что столь важные интересы отечественных мануфактур и промышленности нельзя оставлять в руках и безответственном распоряжении таких людей, у которых они ныне находятся».

Но едва ли не главным своим делом Николай Николаевич считал амурскую проблему. А обстоятельства складывались таким образом, что уже в ближайшее время ею можно было заняться вплотную. В 1848 году, вскоре по приезде в Иркутск, Муравьев получил запрос от морского министерства по поводу возможностей переноса Охотского порта во вновь открытый В. К. Поплонским залив великого князя Константина. К нему министерство приложило уже знакомое Муравьеву представление И. В. Вошлярлярского о переносе порта из Охотска в этот вновь открытый залив, по уверению автора находящийся в непосредственной близости от устья Амура. Но чуть раньше, практически сразу по прибытии Николая Николаевича в Иркутск, его ждало письмо Невельского.

В этом письме, посланном 10 февраля 1848 года, Ген-

надий Иванович сообщал, что он намерен ускорить строительство транспорта, раньше обычных сроков выйти в плавание, и постараться прийти в Петропавловск не осенью, а весной 1849 года, чтобы иметь возможность без выделения дополнительных средств использовать освободившееся летнее время — июнь, июль, август и часть сентября — для исследования Сахалина, устья и лимана Амура. Невельской не только все это обосновал, но также рассказал об обстановке в Петербурге, о своих визитах к Меншикову и просил, чтобы Муравьев не забыл ходатайствовать перед начальником Морского штаба разрешить исследовать, «в какой степени доступен вход в лиман и реку с севера и юга».

Муравьев с начала знакомства чувствовал, что представляется возможность в ближайшем будущем проверить выводы и утверждения именитых мореплавателей. И если Невельской окажется прав, тогда... Дух захватывало от перспектив, которые открывались в случае успеха. И Муравьев решился. 9 июня 1848 года он писал Меншикову: «...известившись еще в Петербурге, что в начале августа сего года отправляется из Кронштадта в Камчатку военный транспорт, и что судно это при благоприятных условиях может прибыть в Камчатку в мае будущего года, я приемлю смелость покорнейше просить Вашу Светлость разрешить мне, по сдаче этим транспортом всего груза в Петропавловском порте, употребить его со всем экипажем для описания берегов по моему усмотрению и инструкции, которая в таком случае будет мною выслана к командиру транспорта в Петропавловский порт».

Просьба Муравьева была принята во внимание, и Невельскому, отправившемуся 21 августа 1848 года в плавание, в инструкции было записано: «По сдаче груза в Петропавловском порте, предписывается Вам к точному и неуклонному исполнению исследовать подробно залив Константиновский, на Сегнекинском полуострове, куда предполагалось перенести Охотский порт, а равно описать Тугурскую губу и юго-восточный берег Охотского моря, лежащий в соседстве этого полуострова; затем описать берега между этими местами, усмотренные прежними мореплавателями. При исполнении этого поручения, по прибытии в сибирские порты, состоять в распоряжении генерал-губернатора Восточной Сибири, однако располагать временем так, чтобы не позже половины сентября 1849 г. быть в Охотске, откуда, по сдаче транспорта, со всеми офицерами возвратиться берегом в С.-Петербург».

Иными словами, Невельскому не разрешалось исследовать лиман и устье Амура. Он должен был только проверить — можно или нельзя переносить порт из Охотска в Константиновский залив. Невельской обо всем этом написал Муравьеву перед выходом в плавание. В Иркутск пришла из Морского штаба и копия полученной им инструкции.

Получив почту от Меншикова и письмо от Невельского, Николай Николаевич — опять-таки через Меншикова — направил на утверждение царя проект собственной инструкции командиру «Байкала», которую просил утвердить и доставить как можно скорее в Иркутск с тем, чтобы отсюда успеть переправить ее в Петропавловск к тому времени, когда там должен появиться транспорт. Одновременно, 14 сентября 1848 года, Муравьев изложил обстановку в Иркутске в письме к министру внутренних дел Л. А. Перовскому. Он сообщал, что по приезде в центр генерал-губернаторства застал там англичанина Гиля, путешествовавшего под видом туриста. Тот уже несколько месяцев находился в Иркутске, сумел втереться во все слои общества и собирал сведения об Амуре и о возможных плаваниях по нему.

Муравьев постарался сделать так, чтобы спровадить любопытного англичанина подальше от Амура, рекомендуя ему побывать в Охотске и даже на Камчатке. Летом 1848 года, когда генерал-губернатор отправился в путешествие по Забайкалью, в Иркутске объявился второй «турист», тоже англичанин, некий Остин с супругой. Воспользовавшись данным ему в Петербурге разрешением в не встретив нигде возражений, Остин переправился через Байкал и через Читу прибыл в Нерчинск, где начал строить плоты, намереваясь спускаться по течению Амура.

Только на обратном пути из Кяхты, в Верхнеудинске, узнал Муравьев об этом «путешественнике». Он немедленно отправил своего адъютанта В. В. Ваганова с приказанием ни под каким видом не допустить исполнения намерений лазутчика. Молодой поручик блестяще исполнил деликатное поручение и вернул «путешествующую» пару в Иркутск. Муравьев писал по этому поводу Перовскому, что англичанам стоит лишь только узнать о том, что «эти места никому не принадлежат» и «они непременно займут Сахалин и устье Амура: это будет делом внезапным, без всяких сношений о том с Россией, которая однажды лишится всей Сибири, потому что Сибирью владеет тот, у кого в руках левый берег и устье Амура». И даль-

ше с горечью и обидой предупреждал министра: «Давно соображения эти занимают меня, давно собираю я сведения об этих важных для России предметах; вдруг, как снег на голову, является Остин в Нерчинск... ему стоит только спуститься по Амуру — и к будущей же весне пара английских пароходов займет Сахалин!»

Не дожидаясь ответа из Петербурга, Николай Николаевич послал Невельскому в Петропавловск свою собственную инструкцию, в которой в качестве наиболее необходимой задачи ставилось подробное описание северной части острова Сахалина (в том, что Сахалин — остров, Муравьев не сомневался) с восточной и западной его стороны; пролива, отделяющего этот остров от материка; лимана и устья Амура и залива великого князя Константина. Генерал-губернатор также извещал мореплавателя, что проект полученной им инструкции выслан на утверждение царя и что, как только документ будет утвержден и вернется в Иркутск, он будет со специальным курьером доставлен ему в Петропавловск.

Правитель Восточной Сибири имел все основания давать от своего имени такую инструкцию, так как был совершенно уверен в окончательном исходе дела в столице. Он беспокоился лишь о том, чтобы утвержденная царем инструкция успела вовремя. Беспокоился не зря: лишь 29 января 1849 года Особый комитет, назначенный по «высочайшему» распоряжению для рассмотрения амурских дел в связи с запиской Муравьева, изложил свое мнение, которое сводилось к необходимости произвести все то, что полагал необходимым восточно-сибирский губернатор. Решения комитета были утверждены царем 8 февраля. Исполнение соответствующих исследований возлагалось на экипаж военного транспорта «Байкал», командиру которого посылались соответствующие инструкции, причем предписывалось «осмотреть сколь возможно тщательнее места близ устья Амура лежащая (берег материка по северную сторону Амура и северную часть острова Сахалина) с главною целию отыскать в сих местах пункт удобной к заселению».

Первого марта все эти материалы были посланы в Иркутск, где и получены 10 апреля. Тогда же Муравьев получил и рапорт от Невельского, отправленный из Рио-де-Жанейро. Из рапорта следовало, что транспорт ранней весной сумеет прибыть в Петропавловск. Поэтому Николай Николаевич уже через день отправил М. С. Корсакова, который привез документы из Петер-

бурга, в Петропавловск. Перед отправлением его в дальнее путешествие Муравьев, по словам Корсакова, поднял тост за «Байкал» и здоровье его командира и за успех возложенного на него предприятия.

Теперь наступило время и самому Муравьеву собираться в путешествие по Дальнему Востоку, к которому он тщательно готовился в течение целого года. Николай Николаевич полагал, что сумеет встретиться с Невельским и от него непосредственно узнать результаты исследований. Генерал-губернатору пришлось перед своим отправлением вмешаться еще раз в распоряжение правительства. Дело в том, что одновременно с решением Особого комитета о разрешении Невельскому производить свои исследования было также решено отправить экспедицию для осмотра русско-китайской границы под начальством подполковника Н. Х. Ахте. Муравьев оставил офицера в Иркутске, справедливо полагая, что делать это неуместно, пока «не возбуждены будут с китайцами приличные переговоры о возвращении в наше владение левого берега этой реки». Об этом он доложил непосредственно царю.

ПО НЕОСВОЕННЫМ ПРОСТОРАМ

После встречи нового, 1849 года, в который Н. Н. Муравьев и его сподвижники вступили с новыми надеждами и энергией, началась непосредственная подготовка к такому, прямо скажем, выдающемуся событию, каким было путешествие генерал-губернатора по еще далеко не освоенным просторам Дальнего Востока с заходом на Камчатку, которая даже иным коренным сибирякам представлялась «краем света». Николай Николаевич мог со спокойной душой оставить Иркутск. Замещал его по гражданской части старый его сослуживец Владимир Николаевич Зарин, недавно приехавший со своей молодой женой и молоденькими племянницами — сестрами Ельчаниновыми. Военными делами распоряжался полковник П. Н. Запольский. Получили дополнительные полномочия, каждый по своей части, такие доверенные сотрудники генерал-губернатора, как начальник Горного отделения А. Н. Таскин, горный ревизор золотых промыслов В. В. Клейменов и некоторые другие.

Первоначально в состав свиты генерал-губернатора были включены: уже упоминавшийся Б. В. Струве — заведующий канцелярией, а также хозяйственной и распо-

рядительной частями экспедиции, Ю. И. Штубендорф — медик и естествоиспытатель, а также препаратор М. Фурман, топограф В. Ваганов, и еще один топограф, некий Литвинов, он же и астроном. В. М. Муравьев, адъютант Николая Николаевича и его дальний родственник, неожиданно скончался. Предполагалось, что вместо него генерал-губернатора будет сопровождать М. С. Корсаков, по крайней мере на обратном пути из Петропавловска, куда он, как уже говорилось, отправился с инструкциями для Невельского.

Как ни отговаривал Николай Николаевич свою жену не искушать судьбу, Екатерина Николаевна твердо решила побывать на Камчатке. А поскольку никакой женской прислуги он брать с собой не разрешал, то в качестве ее спутницы и компаньонки в дорогу отправилась гастролировавшая в то время в Иркутске известная французская виолончелистка Элиз Христиани, единственное имущество которой составляла виолончель работы Страдивари. Любые излишества Муравьев пресекал весьма строго и решительно. Он распорядился, чтобы на 16 человек (в это количество входили казаки конвоя и погонщики лошадей) было выделено всего сорок лошадей, в то время как ранее мало-мальски знатный путешественник никак не обходился менее чем полутора сотнями. И еще характерная деталь: Муравьев выделил в распоряжение Струве точно рассчитанную на все путешествие сумму денег, вручил ему соответствующую инструкцию и маршрут и запретил обращаться к себе по каким бы то ни было вопросам, касающимся снабжения, перемены лошадей, ночевок и т. п., требуя неукоснительно при этом точного соблюдения инструкций и маршрута.

Путешествие началось 15 мая 1849 года, едва только сошел лед на Лене. На Качугской пристани его участников ожидали три «повозка» *. На первом шел Муравьев с супругой и мадемуазель Христиани. Здесь была столовая, в которой дважды в день — к завтраку и обеду — собиралась вся свита. Тут же стоял стол, за которым генерал работал и принимал доклады чиновников. На втором повозке разместились чиновники, топограф и лаборант-препаратор, на третьем — кухня с прислугой. Кроме 16 участников экспедиции, на повозках размещалось 30 нижних чинов, отправлявшихся в Охотск. Ими распо-

* Местное сибирское название речного судна, напоминающего баржу сравнительно небольших размеров. (*Примеч. ред.*)

ряжался В. В. Ваганов, и они составляли главную рабочую силу.

На остановках местные жители привозили рыбу, приходили приветствовать губернатора, вручать свои жалобы. Муравьев по пути ревизовал волостные правления, отложив ревизии Киренска, Олекминска и Якутска на обратный путь. Причем ревизии, как правило, не задерживали продвижение каравана, поскольку Николай Николаевич выезжал вперед на небольшой лодке, а затем таким же порядком догонял медленно плывущие повозки.

В Якутске задержались на трое суток. И то только затем, чтобы подготовиться к вьючному путешествию по Охотскому тракту. Путь лежал к Амгинской слободе, а оттуда по тропам и узким горным дорогам через горный перевал — к Охотску. И уже после первого двадцатипяти-верстного перехода Екатерина Николаевна почувствовала себя настолько разбитой и уставшей, что отказывалась без отдыха ехать дальше. Последовало объяснение на французском языке, после которого Муравьев возвратился к каравану и распорядился отправить жену в сопровождении камердинера обратно в Якутск, где она вольна возвратиться в Иркутск или же ожидать его возвращения с Камчатки.

И едва была дана команда трогаться, как показалась заплаканная молодая генеральша и стала просить, чтобы ей помогли взобраться на лошадь. Муравьев рассчитал правильно, по-военному: уступил он один раз, такое продолжалось, быть может, каждый день, и все равно супруга не привыкла бы к тяготам путешествия; а тут, переборов себя раз-два, она в дальнейшем уже была весела и сама смеялась над своей слабостью. Испытать же пришлось многое — не только бездорожье, но еще разливы рек, проливные дожди и беспощадные нападения гнуса — мелких комаров, от которых не было никакого спасения, несмотря на различные приспособления и ухищрения.

25 июня генерал-губернатор прибыл в Охотский порт, где был встречен начальником порта И. В. Вонлярьским, командиром транспорта «Иртыш» капитаном второго ранга В. К. Поплонским, тем самым, который два года назад открыл залив Константина, другими офицерами и чиновниками. Порт произвел на Муравьева такое отвратительное впечатление, что он не стал тут долго задерживаться, разрешив своим спутникам лишь немного отдохнуть. А затем молебн, переселение на борт «Ир-

тыша» и... неудачный выход в море. Охотск подтверждал свою дурную репутацию: «Иртыш» выбросило на бар *. Только 7 июля удалось, наконец, покинуть порт.

Переход на Камчатку также не был легким. Тихоход-транспорт еле справлялся с встречным ветром. Особенно трудным оказался переход по проливу между островами Онекотан и Парамушир, когда по выходе в Тихий океан едва избежали крушения у мыса Васильева. Тут же сумели оказать помощь французскому китобой, с которым вместе и добрались до Авачинской губы. «Я много видел портов в России и в Европе, — писал 7 августа Муравьев Перовскому, — но ничего подобного Авачинской губе не встречал. Англии стоит сделать умышленно двухнедельный разрыв с Россиею, чтобы завладеть ею и потом заключить мир, но уж Авачинской губы она нам не отдаст и если б даже заплатила нам миллион фунтов за нее при заключении мира, то выручит его в самое короткое время от китобойства в Охотском и Беринговом морях. Англия, разумеется, никого не пустит в эти моря беспопытно». Оснований для беспокойства было достаточно: и во время плавания на Камчатку, и особенно на обратном пути, вблизи Сахалина, Муравьев и его спутники видели часто иностранных китобоев.

В Петропаловске Николай Николаевич узнал о невероятно смелом, почти доходящем до дерзости, поступке Г. И. Невельского. Начальник Камчатки капитан первого ранга Р. Г. Машин сообщил, что Геннадий Иванович с «Байкалом» прибыл сюда 12 мая, поспешно разгрузил транспорт, некоторое время ожидал обещанной инструкции из Петербурга и, наконец, решил выйти в море лишь с теми заданиями, которые дал ему от себя Муравьев. Иными словами, вышел в плавание, не имея утвержденных царем полномочий. Николаю Николаевичу было известно, что царь утвердил их, но Невельской этого не знал. Генерал-губернатор прекрасно понимал, чем такое может грозить командиру «Байкала». Беспокойство его возросло еще и потому, что вышедший ранее из Охотского порта на боте «Кадьяк» М. С. Корсаков вместе с командиром бота Н. И. Шарыповым в Петропавловске не появлялся. Можно было предположить, что Корсаков ищет Невельского там, где может оказаться транспорт «Байкал»: в Сахалинском заливе или возле Шантарских ост-

* Морской термин — песчаная отмель в устье реки.

ровов. Муравьеву ничего не оставалось иного, как, решив все вопросы в Петропавловске, самому отправиться на поиски неуловимого Невельского.

Перед отплытием Николай Николаевич тщательно осмотрел берега Петропавловской гавани и сам наметил наиболее удобные места для установки батарей. Здесь же решился и вопрос о кандидатуре будущего камчатского губернатора. Он был решен в беседе Муравьева с архиепископом Камчатским и Алеутским Иннокентием Вениаминовым. Вдвоем они пришли к выводу, что наилучшим кандидатом на этот пост будет Василий Степанович Завойко, а не Иван Васильевич Вонлярлярский, который был вначале у Муравьева на приеме. С 25 июля по 2 августа пробыл Муравьев в Петропавловске и окончательно решил вопрос о перенесении российского тихоокеанского порта. А Екатерине Николаевне Камчатка настолько понравилась, что она высказала желание поселиться тут навсегда. «По крайней мере, — добавила она, — после отставки мужа».

Перед уходом в плавание к берегам Сахалина Муравьев послал Л. А. Перовскому письмо-представление, в котором наметил программу преобразований здешнего края. Он предлагал упразднить Охотский порт и перевести его в Петропавловск. Одновременно следовало упразднить также и Охотское приморское управление, а входящие в него округа подчинить: Охотский — Якутскому областному начальнику, а Гижигинский — Камчатскому военному губернатору. Камчатскую область с присоединенным к ней Гижигинским округом возвести в ранг губернии и назначить военным губернатором моряка, причем именно В. С. Завойко, с присвоением ему чина контр-адмирала. Муравьев считал необходимым построить в Аяне порт Российско-Американской компании. Намечал он также переселить на Камчатку и в Охотский край до трех тысяч семейств русских земледельцев, перечислял необходимые меры для укрепления Авачинской губы и охраны прилегающих морей от иностранных китобоев.

Возвращаясь на «Иртыше» из Петропавловска в Аян (а он решил возвращаться не через Охотск, а через Аян, дабы осмотреть и этот порт), генерал-губернатор почти наверняка рассчитывал встретить в море Корсакова на «Кадыке», а может быть, и самого Невельского на «Байкале». Но по выходе из Авачинской губы мореплаватели попали в штиль, который задержал продвижение почти на десять суток. И при этом стояла жестокая мертвая

зыбь, от которой досталось всем, а более всего, конечно, женщинам. Не помогло даже искусство опытного капитана, каковым, несомненно, был В. К. Поплонский, — транспорт качало неимоверно. Уйти от этой качки помог бы только ветер, а его не было.

Затем долго и безуспешно искали встречи с русскими кораблями, но в большом количестве встречали лишь иностранных китобоев. «Кадыка» и «Байкала» нигде не было. Сначала пошли к Сахалину. «Иртыш» лег в дрейф между траверсами мысов Елизаветы и Марии. 22 августа на берег отправились Ваганов, Струве и Штубендорф. Ваганов произвел глазомерную съемку местности, Штубендорф занимался сбором трав, растений, камней, а Струве выменивал у местных жителей гиляков (нивхов) свежую рыбу и расспрашивал о «Байкале», но так и не узнал ничего. После возвращения посланцев на борт «Иртыша» Муравьев приказал идти к Шантарским островам. Там тоже высаживались на берег. Но и на Шантарах Невельского не оказалось, и никто из местных жителей ничего о нем не слыхал.

«Генерал-губернатор был этим очень недоволен, — вспоминал Струве, — и мы вошли в порт Аян в весьма невеселом настроении духа. Это тяжелое настроение еще усугубилось встречей в Аяне с М. С. Корсаковым, который донес о безуспешности своего плавания, и предположением вследствие всего этого, что «Байкал», вероятно, погиб или на пути из Петропавловска, или в Амурском лимане, окруженном, по сведениям В. С. Завойко, опасными банками». Почти двухмесячное плавание Корсакова по Сахалинскому заливу, в районе Шантарских островов и по Тугурскому заливу, во время которого русские моряки неоднократно высаживались на берег, не привело к встрече с Невельским. И Корсаков вынужден был возвращаться в Аян, так и не исполнив своего поручения. Это было в самом начале августа. «Кадык» вскоре ушел в Охотск, а Корсаков остался в Аяне у В. С. Завойко ожидать прибытия Муравьева. Василий Степанович сообщил Корсакову, что он со своей стороны послал навстречу «Байкалу» своего подчиненного Д. И. Орлова на байдарках и поручил ему сообщить его командиру последние известия: Муравьев на Дальнем Востоке, а Невельского ищут, чтобы вручить инструкции.

Генерал-губернатор прибыл в Аян 28 августа. С тревогой он выслушал доклад Корсакова и распоряжение

Завойко относительно посылки Орлова, рассказал о своем плавании. Слишком много было поставлено на карту. Нетрудно понять состояние Муравьева, вынужденного с такими невеселыми мыслями и в полнейшем неведении о судьбе «Байкала» возвращаться в Иркутск. Но и чересчур долго ждать также не приходилось — на отдых после плавания и для сборов к предстоящему конному переходу по Аянскому новому, но не менее трудному, чем старый Охотский, тракту отводилось не больше недели. Не за горами был сентябрь, а Невельскому предписано не позже 10 сентября возвратиться в Охотск. Неужели что-то произошло?

Но вот 31 августа, когда терпение у всех было на пределе, перед входом в Аян показался транспорт. Как хотелось, чтобы это был «Байкал»! Нетерпеливое ожидание продолжалось всю ночь, пока транспорт лавировал у входа. Наутро стало ясно: пришел «Байкал». А там, кстати, сначала и не думали вообще заходить в Аян, предполагая встретить Муравьева в Охотске, остановились же здесь лишь затем, чтобы высадить на рейде Аяна Орлова с его байдарами и алеутов, взятых в плавание в Петропавловске.

Старший офицер «Байкала» Петр Васильевич Казакевич писал сестре: «...мы хотели высадить находящихся у нас алеут и, не заходя в Аянский залив, идти в Охотск, но вышло иначе. Чем быстрее стали подлаживать к заливу, тем яснее увидели транспорт «Иртыш» под флагом Военного генерал-губернатора Восточной Сибири Николая Николаевича Муравьева. Нам этого-то и нужно было».

Было еще раннее утро, но все в Аяне были на ногах. Когда уже ни у кого не оставалось сомнений, что пришедшее судно действительно «Байкал», навстречу ему со свитой устремился на двенадцативесельном катере Муравьев. Едва катер поравнялся с «Байкалом», до Муравьева донеслись усиленные рупором слова Невельского: «Сахалин — остров, вход в лиман и реку Амур возможен для мореходных судов с севера и юга. Вековое заблуждение положительно рассеяно, истина обнаружилась». Радость переполнила всех.

И тут уж было не до инструкций и не до «ослушания» — великое открытие ведь совершилось фактически без позволения царя. Невельской никаких царских инструкций не получал, и его действия могли расцениваться как самовольные. Но это все потом — будь что будет, а пока они победители: губернатор и отважный мо-

реплаватель! И общая радость. Радость безмерная. Застолье, устроенное Муравьевым по этому поводу, длилось долго. Разговорам, казалось, не будет конца. Больше всего пришлось говорить Невельскому, которого заставляли снова и снова повторять самую важную новость — о южном проливе. Шутка ли: ошиблись Лаперуз, Браутон, Крузенштерн, Гаврилов, а Невельской доказал свою правоту.

ОДИССЕЯ НЕВЕЛЬСКОГО

Не дождавшись в Петропавловске инструкций, Невельской собрал офицеров корабля, объявил им о своем решении выйти в море, чтобы осуществить давно задуманное, и заручился их поддержкой. Опись почти неведомых берегов началась с побережья Сахалина. Были исправлены неточности карты Беллинсгаузена, который в составе экспедиции Крузенштерна производил тут первую морскую съемку. Затем, обогнув северную оконечность острова, транспорт вошел в залив, названный Гавриловым заливом Обмана, а у Невельского получивший имя «Байкала», и встал на якорь в преддверии лимана Амура. Оттуда начались исследовательские работы.

На опись — ее производили со шлюпок — поочередно посылались все офицеры. Честь войти в устье Амура и подняться по нему до мыса Чныррах досталась Казакевичу. Сахалинский фарватер исследовали Гейсмар и Гротте. Где только можно было успеть, работал штурманский офицер Л. А. Попов. А затем, когда карта северной части лимана обрисовалась совершенно четко, Невельской, оставив за себя на «Байкале» Казакевича, с тремя офицерами на трех гребных судах 15 июля утром отправился на юг. Идя от мыса Пронге «до 26-го числа, не спуская глубин, пользуясь попутным ветром, спустились вдоль берега лимана чрез Южный пролив в широту $51^{\circ}45'$, т. е. около 5 миль за предел исследования капитана Бротона (Браутона. — А. А.), и возвратились к мысу Погоби. Определили выход из лимана к югу, астрономическое положение мысов Пронге (южный входной мыс в устье Амура. — А. А.), Муравьева и Погоби (мысы на материке и на Сахалине в Южном проливе, который назван был затем проливом Невельского. — А. А.), и широты селений Мый и Чоме; описали и осмотрели берега лимана и его окрестностей с юга на этом пространстве и обследовали устья рек, впадающих в лиман при селениях Уси,

Мый и Чоме. Затем, промерив Южный пролив, определив ширину его, до 1 августа следуя вдоль берега Сахалина к северу, не упуская глубин, описали и осмотрели восточный берег лимана, определили астрономические положения мысов Погоби и Халезова и широту селения Наньо, обследовали устья рек Пыски и Пыйде и, определив соединение Южного фарватера с Северо-Западным (ныне фарватер Невельского. — А. А.), 1 августа возвратились на транспорт».

И тут перед Невельским встала дилемма. Главная задача была решена, а времени оставалась еще много. Если бы теперь появились посланцы Муравьева, то, вероятно, удалось бы освободиться от обязанности исследовать залив великого князя Константина и всю эту часть побережья Охотского моря. В этом случае он смог бы вторично исследовать Южный пролив, но теперь уже на «Байкале», а не на шлюпках, обогнуть таким образом весь Сахалин и доказать всему миру, что Сахалин — остров и что пролив между ним и материком вполне проходим морскими судами. Но никто, однако, не показывался вблизи «Байкала». Приказание генерал-губернатора было необходимо исполнить. Пришлось отправиться для проведения предписанных исследований.

На этом пути и был встречен Орлов, разыскивающий «Байкал». Только сейчас Невельской узнал, что к нему направлен Корсаков с долгожданными инструкциями. Из письма Муравьева, посланного из Якутска (его тоже доставил Орлов) стало ясно, что генерал-губернатор может оказаться в Охотском порту на обратном пути с Камчатки. Но встреча с Орловым произошла в тот момент, когда все работы были уже завершены, а «Байкал» направился в Аян, где должны были остаться находившиеся на его борту алеуты. Неожиданная встреча с правителем края как бы венчала триумф осуществившихся замыслов.

Из Аяна Муравьев со всеми документами о своем путешествии и об исследованиях Невельского не ехал, а буквально мчался, словно на крыльях летел в Якутск. Даже трудный переход через хребет Джугджур показался легким. Планы были великолепны и казались близкими к осуществлению: перенести порт в Петропавловск, начать широкое освоение далекой Камчатки, открыть плавание по Амуру, организовать экспедицию по исследованию Амурского края, основать там поселения, возвратить стране исконно русские земли по Амуру. Неизбежные дорож-

ные осложнения на Аянском тракте не задержали надолго путешественников, и 22 сентября губернаторский караван прибыл в Якутск. Невельской же благополучно доставил транспорт в Охотск, сдал его местному начальству с командой, а сам с офицерами отправился в долгое путешествие по суше в столицу. Прибыв в Якутск 3 октября, он застал тут еще Муравьева со свитой, ревизовавшего область. В ожидании зимнего пути генерал-губернатор прожил тут более месяца, не только в деталях вникнув в управление областью, но и составив описание Якутского казачьего городского полка.

Но сразу после своего приезда в Якутск, воспользовавшись тем, что еще можно было проехать летником, он срочно направил с докладами в Петербург М. С. Корсакова. Муравьев писал по этому поводу Меншикову 28 сентября: «Встретившись с Невельским в порте Аяна, я получил от него 1 сентября рапорт об исполнении возложенного на него поручения и запечатанные донесения для доставления к Вашей светлости. Важность дела не позволяет мне отправить этих донесений с почтою; и я спешаю... командировать для доставления оных к Вашей светлости состоящего при мне для особых поручений капитана Корсакова. Из рапорта Невельского и карты, ко мне представленной, я вижу, что Невельской превзошел все наши ожидания и исполнил данные ему инструкции с тою полнотою, точностью и самоотверженностью, которые только можно ожидать от глубокой, беспредельной преданности престолу и отечеству и от истинно-русского смысла. Сделанные Невельским открытия неocenенны для России; множество предшествовавших экспедиций в эти страны могли достигать европейской славы, но ни одна не достигла отечественной пользы, по крайней мере в той степени, как исполнил это Невельской».

И еще о славном мореплавателе: «Приемлю сказать здесь несколько слов о Невельском: мне много случалось ходить на судах военного нашего флота и видеть много смелых и дельных офицеров, но Невельской превосходит в этом отношении все мои сравнения...»

Отважный капитан-лейтенант, осуществив свою заветную мечту, сделал первый и самый важный шаг к возвращению Приамурья. Это высоко оценил Муравьев. Он отлично понимал, какие перспективы открывали перед Россией и перед ним — представителем высшей власти в этом крае — исследования Невельского. И он немедленно принялся за осуществление возникших планов. Му-

равьев со свитой уехал тотчас же по наступлении зимнего пути. 20 ноября он был уже в Иркутске. Невельской и его офицеры на некоторое время еще задержались в Якутске, заканчивая окончательные отчеты и составляя подробные карты путешествия. В столицу Восточной Сибири они прибыли несколько позже. Теперь можно было отправляться в Петербург, отстаивать свои открытия и оправдываться перед царем за превышение полномочий.

В Иркутске к генерал-губернатору явился задержанный по его распоряжению Н. Х. Ахте и требовал разрешения продолжить экспедицию. И пришлось Николаю Николаевичу объяснять подполковнику Генерального штаба, что нет никакого смысла изучать несуществующую границу, которая проведена лишь на бумаге. Он поручил экспедиции Ахте заняться исследованием территорий, лежащих между рекой Удой, Амурским лиманом и Охотским морем.

Документы по амурскому вопросу Муравьев отправлял с Невельским. Усердно работали все. И когда бумаги были готовы, а аргументы оговорены, губернатор, еще раз повторив — какие вопросы ставились перед экспедицией, — в своем официальном рапорте А. С. Меншикову писал, что Геннадий Иванович «разрешил все эти вопросы и, сверх того, открыл близ самого устья Амура на северном берегу гавань, названную им гаванью Счастья, куда суда наши, плавающие по Охотскому морю, могут входить, спокойно стоять и из этой гавани иметь внутреннее сообщение с тем пунктом реки Амура, где, по моему мнению, мы должны утвердиться, т. е. у полуострова Константина. Но важнейшее из всех открытий его есть Южный пролив из лимана и беспрепятственный по оному вход из Татарского залива, судами самого большого размера, прямо в реку!» В отрывке делового документа угадывается торжество генерал-губернатора, разделяемое им вместе с Геннадием Ивановичем. Для начала дела Муравьев «полагал бы, в лето 1850-го же года необходимым отправить часть Охотской адмиралтейской команды с небольшим числом из самого экипажа, всего 60 человек, и годовым продовольствием и строительными инструментами в гавань Счастья, откуда им, прошедши в устье Амура, устроить зимовье в удобном месте, близ полуострова Константина (так назвал это место Невельской во время своего путешествия к Южному проливу, вблизи современного Николаевска-на-Амуре. — А. А.)». В рапорте содер-

жалась просьба перевести Невельского в распоряжение генерал-губернатора Восточной Сибири с правами начальника порта: «При всех его достоинствах, как опытный морской офицер, он мне будет совершенно необходим при всех предстоящих преобразованиях в Охотском крае». Совершенно определенно Муравьев написал: «Конечно, занятие устья Амура должно иметь последствием и свободное плавание наше по этой реке из Нерчинского округа, и самое владение левым берегом этой реки...» К рапорту было приложено описание открытий Невельского, а также карты и планы.

КРАЕУГОЛЬНЫЙ КАМЕНЬ НА ВОСТОКЕ

Канун нового, 1850 года в Иркутске был отмечен многими приятными событиями. Целый «отряд» талантливых людей получил назначение на службу в Восточную Сибирь — А. И. Заборинский, Б. К. Кукель, Н. Д. Свербеев, А. И. Бибилов, И. С. Мазарович, Ф. А. Беклемишев, Д. В. Молчанов, В. И. Якушкин, Н. П. Похвиснев, А. Н. Шалашников, Н. П. Моллер, князь А. Е. Енгалычев. Оказался в их числе и окончивший Иркутскую гимназию сын декабриста Михаил Сергеевич Волконский. Сам генерал-губернатор был произведен в чин генерал-лейтенанта. Это стало ответом всем его недоброжелателям и утвердило его самого в правильности избранного курса. Хорошее настроение принесли все эти отрадные вести в Иркутск: «Столица Восточной Сибири радостно праздновала возвращение главного начальника края из дальнего путешествия; долго иркутское общество помнило, как весело оно проводило зиму 1849—1850 года», — свидетельствовал Струве. Отметили рождество, радостно и с большими надеждами встретили Новый год. Сразу после встречи Невельской отправился в столицу.

Между тем пришло решение правительства о переносе Охотского порта (от 2 декабря 1849 года). Муравьев немедленно отдал все нужные распоряжения губернатору только что образованной Камчатской области В. С. Завойко, приказав начать его уже в навигацию 1850 года, а завершить — в следующую. Докладывая обо всем этом в Петербург, генерал-губернатор особо подчеркнул бедственное положение местных жителей, страдающих от непомерных **поборов** и от развращающего влияния купцов, нечистых на руку: «Жители этой страны охотно обращаются в купеческих прикащиков и подторговцев для

коммерческого преследования несчастных тунгусов, у которых они за бесценок выменивают дорогие звериные шкуры, развращают их и сами себя, оставляют большую часть их в нищете, в долгах купцам и в недоимке казне». И твердо, решительно дописал: «К возможному прекращению этого зла генерал-губернатором приняты все меры, которые только дозволены законом».

Невельской в столице успешно справился со всеми возможными осложнениями. За свои действия без утверждения царем инструкции он отделался сравнительно легко — был лишен полагавшегося за открытия пенсiona. Но в чин капитана второго ранга произведен сразу же. А после того как на основании просьбы Муравьева его перевели служить на Камчатку, он получил и чин капитана первого ранга. Позже Геннадий Иванович вспоминал с улыбкой, что даже не покупал эполеты на второй ранг. Несмотря на яростное сопротивление противников освоения Приамурья во главе с Нессельроде, Меншикову удалось добиться решения, суть которого сводилась к тому, чтобы на первый раз ограничиться устройством зимовья в гавани Счастья или в другом близком к устью Амура месте для распространения торговли с местными жителями. Этим же решением Охотская флотилия переходила в распоряжение Муравьева, а Российско-Американская компания обязывалась обеспечивать финансовую поддержку организации поселения в заливе Счастья.

Деятельность Невельского получила полнейшее одобрение в Иркутске. И теперь он, уже офицер по особым поручениям при генерал-губернаторе Восточной Сибири, наделенный большими полномочиями и имеющий высокий чин, поспешил в Аян приводить в исполнение все предписанное свыше и уточненное Муравьевым. В Аяне выяснилось, что, получив решение правительства, Российско-Американская компания отправила к устью Амура еще в феврале уже знакомого нам Д. И. Орлова на собаках, с тремя проводниками и шестимесячным запасом продовольствия, для наблюдения за вскрытием Амура и установления контактов с местными жителями — нивхами, или, как их тогда называли, гиляками.

Дождавшись прихода «Байкала» в Аян, Невельской поспешил выйти в море. 21 июня транспорт бросил якорь в заливе Счастья. Здесь находился Орлов, который рассказал Геннадию Ивановичу о своих исследованиях и передал в его распоряжение составленную им карту побе-

режья от Аяна до устья Амура с указанием сухопутных путей, ведущих от полуострова Константина к заливу Счастья и с указанием всех местных названий. Все это в дальнейшем очень помогло Невельскому. 29 июня он вместе с Орловым заложил на косе, отделяющей залив Счастья от Охотского моря, русское селение.

Оставив там Орлова и топографа Петра Попова с небольшой командой, Геннадий Иванович поспешил в Аян за основной командой, которая должна была зимовать во вновь заложённом селении на Амуре. Из Аяна Невельской писал Корсакову: «Сейчас пришел из залива Счастья. 17-го еще числа (июня. — А. А.) я туда из Аяна на «Байкале» отправлялся. Все идет прекрасно сверх всякого ожидания. Орлова нашел здоровым и благополучным. Прямое сообщение реки Амур на севере с Охотским морем открыто... В заливе Счастья 29 числа заложили первое русское селение в преддверии Амура, во имя угодника этого дня и в память Великого Петра я назвал Петровским. Наконец, камень краеугольный на востоке положен».

Вместе с письмами Невельской отправил подробное донесение Муравьеву, а затем уже на «Охотске», поскольку «Байкал» использовался для перевозки портового имущества в Петропавловск, во главе команды мастеровых 46-го флотского экипажа и казаков Якутского полка, вернулся в Петровское. Оттуда на вельботе в сопровождении шлюпки под командованием Петра Попова направился вверх по Амуру, дошел до мыса Тыр и, спускаясь обратно, задержался у устья Амгуни, поднявшись по ней на 15 верст. Возвращаясь, Геннадий Иванович основал Николаевский пост на мысе Куегда полуострова Константина, подняв здесь русский флаг. Для охраны поста он оставил Петра Попова и команду из десяти человек. 22 сентября в письме к Корсакову, с которым успел познакомиться Невельской, восклицал: «1 августа при свистке боцманской дудки взлетел флаг русский на берегах Амура. Да будет он развеиваться на вечные времена во славу матушки России!»

В Петровское Геннадий Иванович добирался сухим путем, через горы. Там уже строились казарма, дом начальника, офицерский флигель, баня, часовня, лавка. Орлов распоряжался умело, со знанием дела. Он знал, что он останется тут зимовать и что ему поручается начальствование обоими поселениями: тут и в Николаевском посту. А возвратившись в Аян, Невельской еще раз отпра-

вил «Охотск» под командованием П. Ф. Гаврилова в залив Счастья. Население Петровского теперь увеличилось вдвое и было обеспечено продовольствием и снаряжением на зимовку.

10 сентября 1850 года деятельный пионер освоения Приамурья выехал из Аяна в Иркутск. Он отнюдь не без оснований считал возможным и впредь рассчитывать на дальнейшую помощь и поддержку Николая Николаевича, сознававшего великое историческое значение открытий, сделанных экспедицией. Искренне преданный Отечеству, но мало искушенный в закулисных махинациях, офицер плохо представлял себе, что власть генерал-губернатора отнюдь не беспредельна, и наивно думал, что у такого сильного человека не могло быть опасных и серьезных врагов. Геннадий Иванович ошибался. И очень скоро почувствовал это на себе.

ДЕЛА СТОЛИЧНЫЕ

Николай Николаевич Муравьев, хотя и занятый текущими губернаторскими обязанностями, настойчиво бил в одну и ту же точку: всеми возможными путями влиять на положительное разрешение амурской проблемы, всячески поддерживать действия Невельского хотя бы и вопреки «высочайшей» воле, добиваться расширения масштабов деятельности в низовьях Амура и создания специальной экспедиции для всестороннего изучения Амура. В письме к Нессельроде, боявшемуся, что инициатива Невельского помешает отношениям России с Китаем, Муравьев отмечал, что «Охотское море так ныне наполнено китоловами всех Европейских наций и английские военные суда так учащают исследования свои в те страны, что наши скромные торговые предприятия с гиляками едва ли могут обратить какое-нибудь внимание китайцев, разве англичане же (что и вероятно) станут их возбуждать против нас...».

Муравьев обращался к царю, говоря, что пора предъявить китайцам виды, «основанные на общих пользах обоих государств, для которых никто, кроме России и Китая, не должен владеть плаванием по Амуру...» В другом своем «всепоподданнейшем рапорте» от 27 ноября 1850 года он, напоминая о недавних открытиях, настойчиво повторял: «Особенно важны действия капитана 1-го ранга Невельского и доставленные им сведения: до некоторой степени они уже оградили нас от угрожавшей

опасности беспрепятственного занятия устья реки Амура иностранцами; а вместе с тем доставленные им сведения указывают во всех отношениях возможность и необходимость усугубить наше внимание и средства на этих прибрежьях, составляющих древнее достояние России».

В конце концов Муравьев получил разрешение прибыть в Петербург, чтобы лично доложить обо всех делах. К тому же обострилась его давняя болезнь. Участились вспышки нажитой в прежних походах лихорадки, и требовалась помощь знающих медиков. Заболел он еще весной и в марте сдал дела по гражданскому ведомству В. Н. Зарину, а по военному П. Н. Заневскому, но работать не прекращал и ждал хотя бы временного облегчения, чтобы отправиться в столицу. А для того чтобы быть в курсе событий и подготовить почву для своих действий в Петербурге, он отправил туда в начале мая Б. В. Струве с предписанием рассказать все в подробностях министру внутренних дел Л. А. Петровскому, осмотреться и ждать его приезда.

До Петербурга Муравьев добрался в ноябре. На аудиенции у царя в Царском Селе рассказал монарху о действиях Невельского на Амуре, о сведениях, собранных им относительно независимости проживающих там гиликов, об основании Николаевского поста и прочих событиях недавнего времени. Тогда же в Петербург приехал Корсаков из Камчатки с сообщением о переносе порта из Охотска, а также Невельской с рапортом об амурских делах, которые в основном были уже известны правителю края. Размноженная записка Муравьева была доведена до сведения членов специально созданного под председательством канцлера Нессельроде комитета, в который вошли военный министр А. И. Чернышев, министр финансов Ф. П. Вронченко, князь А. С. Меншиков и ряд других сановников, а также сам Муравьев. В представленной комитету записке содержалось ходатайство помочь освоению Приамурья, оставить пока все в том виде, как сделал Невельской, и подготовить плавание по Амуру, предварительно послав по этому поводу письмо в Пекин.

На заседание комитета был вызван и Геннадий Иванович. Большинство голосов было решено упразднить Николаевский пост, а торговлю с местными жителями производить только из Петровского зимовья, не касаясь лимана и устья Амура. За самовольные действия Невель-

ского был заготовлен проект указа о его разжаловании. Муравьев, Меншиков и Перовский остались в меньшинстве и вынуждены были просить повторной аудиенции императора. Тот распорядился Особому комитету собраться вновь, но уже под председательством наследника. Что касается поступка Невельского, то, как он позднее вспоминал, царь «изволил отозваться, что поступок мой находит молодецким, благородным и патриотическим, и изволил пожаловать мне св. Владимира 4-й степени... На этот раз монарх руководствовался здравым смыслом, а не подсказками канцлера.

Сразу две награды получил и Муравьев: 6 декабря за действия на Амуре орден святой Анны 1-й степени, а 31 декабря в традиционном новогоднем приказе — орден Георгия 4-й степени. Струве передает, что, когда после первого заседания и доклада царю Муравьев покидал Зимний дворец, его остановил наследник и сказал, что амурское дело повелено рассмотреть вновь, теперь уже под его председательством, добавив при этом, что «будем работать и трудиться вместе». Муравьев почувствовал, что именно в этот момент решен амурский вопрос. И оказался прав: повторное заседание комитета состоялось 12 февраля 1851 года и завершилось постановлением, подтверждавшим все действия Невельского. Николаевский пост сохранялся. Утверждалась также Амурская экспедиция, во главе которой был поставлен Г. И. Невельской. Все действия экспедиции и руководство ею, как гласило постановление, «в пределах настоящего высочайшего повеления осуществляются под главным начальством генерал-губернатора Восточной Сибири». На Главное правление Российско-Американской компании возлагалось снабжение экспедиции всеми видами довольствия. В первую очередь следовало твердо обосноваться на Амуре — об этом не уставал твердить Муравьев своим помощникам, и в первую очередь Невельскому и Корсакову. Обосноваться сперва в устье, а оттуда совершать экспедиции-командировки по обширному краю и на Сахалин. Базой для Амурской экспедиции было избрано Петровское, куда этим же летом предстояло привезти матросов, казаков и вольнонаемных мастеровых с семьями из Охотска. Одновременно требовалось значительно укрепить Николаевский пост. И конечно, подумать об офицерах и чиновниках, которые могли бы принять участие в амурском деле. А найти подходящих для этого людей было не так уж просто.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ИРКУТСК

В Иркутске, разумеется, с волнением следили за всеми петербургскими перипетиями. Ждали Муравьева, а дождались Невельского и Корсакова: 21 февраля 1851 года они покинули Петербург, а 27 марта Невельской уже появился в восточносибирской столице. Корсаков успел зимним путем уехать отсюда в Якутск, а Невельской по случаю женитьбы на Екатерине Ивановне Ельчаниновой, племяннице иркутского губернатора В. Н. Зарина, задержался до весны.

Кстати, о В. Н. Зарине. Он был назначен на должность курского губернатора. Были произведены и другие перемены: губернатором в Иркутске стал генерал-майор К. К. Венцель, а Запольский получил назначение на пост военного губернатора Забайкальской области и наказного атамана Забайкальского казачьего войска. Должность же гражданского губернатора Иркутска после отъезда Зарина была вообще упразднена, так как, по сути, она и вводилась специально для него.

Но прежде чем назначить Запольского на его новую должность, предстояло решить множество вопросов с образованием новой области и казачьего войска. И еще многое требовалось согласовать в Петербурге: систему продажи вина в губерниях и областях Восточной Сибири, порядок обращения приписных крестьян Нерчинских заводов в казаки. Нуждалась в усовершенствовании древняя Кяхтинская торговля, пора было начинать готовить плавание по Амуру. Словом, забот и хлопот у правителя обширного края, вынуждавших его откладывать свое возвращение из столицы, хватало в избытке. Причем большая часть затруднений упиралась в одно — в отсутствие средств. И приходилось Муравьеву убеждать, просить, доказывать, требовать — в зависимости от обстоятельств, важности темы и сговорчивости собеседника. Все это требовало времени, и возвратиться в Иркутск Муравьев смог лишь 12 августа.

Зато результаты восьмимесячного пребывания Николая Николаевича в Петербурге превзошли все ожидания: он добился благоприятного для себя решения всех вопросов и сумел несколько поправить свое здоровье. Теперь Забайкальская и Якутская области получали самостоятельность и не подчинялись Иркутской губернии; для улучшения Кяхтинской торговли, которой прежде ведал второстепенный чиновник, учреждался пост кяхтинского

градоначальника. Почти сразу же после возвращения из Петербурга Муравьев совершил объезд вновь образуемой Забайкальской области и своими глазами убедился в жизнеспособности тамошнего областного управления.

Важнейшим событием в жизни далекого края стало открытие Сибирского отдела Русского географического общества, сосредоточившего в своих руках все научные работы, проводившиеся здесь. Открывая первое заседание, Н. Н. Муравьев подчеркнул, что общество это является не только географическим и не только ученым, но прежде всего русским и патриотическим. Если три века тому назад наши славные предки, говорил Муравьев, «завоевали Сибирь в вечное достояние России», то ученому отделу предстоит ныне «приобрести страну эту для России в ученом отношении...».

Больше всего затруднений доставляла генерал-губернатору деятельность министерства иностранных дел и, в частности, его азиатского департамента. Он не раз жаловался и возмущался таким положением, согласно которому вся переписка с Пекином проходила через его руки, но в запечатанных пакетах. О содержании переписки ему становилось известно лишь через несколько месяцев. Муравьев стремился добиваться права самостоятельно обращаться в Пекин от имени царя. Это было, как совершенно справедливо считал он, жизненно необходимо при сложившихся обстоятельствах, когда активизация действий представителей России на Амуре могла привести к необходимости быстро и на месте принимать то или иное решение.

Было бы крайне трудно в небольшом объеме этого очерка рассказать подробно о деятельности Амурской экспедиции в 1851—1855 годах. И потому придется остановиться лишь на отдельных ее этапах, ближе связанных непосредственно с Муравьевым. В течение 1851—1854 годов в состав экспедиции вошли офицеры и чиновники, оказавшиеся в большинстве своем талантливыми исследователями и умелыми администраторами. Освоение Приамурья и даже шире — всего русского Дальнего Востока — обязано многим людям, таким, как участники экспедиции — Дмитрий Иванович Орлов, Николай Константинович Бошняк, Николай Матеевич Чихачев, Алексей Иванович Воронин, Александр Иванович Петров, Григорий Данилович Разградский, Николай Васильевич Рудановский, Николай Вильгельмович Буссе, Алексей Пав-

лович Березин, Петр Федорович Гаврилов, Александр Васильевич Бачманов, Никита Ильич Шарыпов, Воин Андреевич Римский-Корсаков. Их трудами был во всех отношениях изучен лиман Амура, Сахалин, побережье Татарского пролива вплоть до Императорской (ныне Советской) Гавани, весь бассейн Нижнего Амура, включая всю речную и озерную сеть, в частности, озера Чукчагирское, Чля, Эворон, Кизи. В эти же годы их стараниями рос Николаевский пост, превратившийся позже в город Николаевск-на-Амуре, основаны Константиновский пост в Императорской Гавани, Александровский в заливе Чихачева (бывшем Де-Кастри), Мариинский на берегу озера Кизи, Ильинский на западном побережье Сахалина и Муравьевский пост (ныне город и порт Корсаков) на юге острова. На северном Сахалине начались разработки крупных месторождений каменного угля. На все эти районы были составлены подробные карты. По лиману Амура в его устье, в Николаевский пост, стали входить паровые и парусные суда. Но самым главным достижением многолетней деятельности Амурской экспедиции, несомненно, следует считать установление дружественных отношений с местными жителями, которые прониклись чувством глубокого доверия к русским людям.

В составе экспедиции были офицеры флота и армейских частей, чиновники Российско-Американской компании, рядовые и урядники Якутского и Иркутского казачьих полков, матросы и нижние чины Охотской флотилии. Многие, особенно вольнонаемные мастера — с семьями. Среди участниц экспедиции были не только жены нижних чинов, но и офицеров — Д. И. Орлова и А. В. Бачманова. Безвыездно пробыла все эти годы в экспедиции супруга Г. И. Невельского Екатерина Ивановна. Сначала Петровское, а затем Николаевск являлись средоточием русской жизни на Амуре. Но все нити управления вели отсюда в Иркутск, к генерал-губернатору самой восточной части российских владений.

О влиянии Муравьева на деятельность Невельского хорошо сказал более века назад историк П. В. Шумахер: «Патриот в душе, ободряемый настойчивостью генерала Муравьева, он с твердостью шел вперед и, не взирая ни на какие противодействия, основал несколько военных постов в устье Амура, в гаванях Татарского берега и на острове Сахалине». А советский историк Дальнего Востока М. Г. Штейн обобщил действия обоих: «Понадобился отважный капитан Невельской и решительный Муравь-

ев, чтобы так называемый «амурский вопрос» сдвинуть с мертвой точки».

И это действительно так. Сам Г. И. Невельской, подводя итоги работы Амурской экспедиции, с полным правом и понятной гордостью писал, что все изложенные им факты «весьма знаменательны в истории Приамурского и Приуссурийского краев, ибо они составляют последний краеугольный камень в незыблемый фундамент, воздвигнутый Амурской экспедицией к признанию Амурского и Уссурийского бассейнов с островом Сахалином за Россией».

Всячески поддерживая Геннадия Ивановича, иногда осторожно его поправляя и даже выговаривая ему за его запальчивость, вызванную неосведомленностью в дипломатических тонкостях, а подчас и просто за невыдержанность, которые могли навредить делу, правитель края тщательно и продуманно готовил плавание по Амуру. Он видел, что Амурской экспедицией проделана труднейшая предварительная работа, на основе которой можно приниматъ дальнейшие решения. Но это оказалось делом отнюдь не простым. Еще в начале 1852 года Муравьев просил разрешения снарядить осенью специальную команду, чтобы, спустившись по течению Амура, она послужила бы для укомплектования морских сил в его устье и в заливе Де-Кастри. В ответ из Петербурга пришел отказ и внушение — «вследствие объяснения канцлера графа Нессельроде» — о необходимости крайней осторожности и «неспешности» в этом деле. Муравьев терял почву под ногами. В дополнение к проискам давних недругов генерал-губернатора подал в отставку после одиннадцатилетнего пребывания на своем посту его единомышленник, министр внутренних дел Л. А. Перовский. Тем самым Муравьев лишился существенной поддержки. В такое время особенно ценной оказалась помощь великого князя Константина. Но даже и генерал-адмиралу многое было неподвластно. Николаю Николаевичу оставалось одно — снова ехать в Петербург. Получив из столицы разрешение, он отправился туда в начале 1853 года.

Но еще задолго до того, в 1851 году Муравьев командировал военных моряков Петра Васильевича Казакевича и Александра Степановича Сгибнева, а в 1852 году и корабельного инженера Михаила Петровича Шарубина на реку Шилку, в Сретенск, для постройки судов — первого на Амуре парохода «Аргунь», а также барж, баркасов, лодок и плотов для того, чтобы осуществить задуманный

сплав. Распоряжался всем Казакевич. Он же вместе со Сгибневым делал промеры реки и составлял карты для плавания на Шилке. А инженер был занят строительством. Во всем этом предприятии был немалый риск для генерал-губернатора, которого нетрудно было бы обвинить в самоуправстве и превышении власти.

Трудно сказать, сколько мытарств пришлось бы перенести Муравьеву в Петербурге, если бы не связанное с неминуемо приближавшейся Крымской войной осложнение международной обстановки в целом и в частности — на Дальнем Востоке. Оказавшись в столице в конце марта 1853 года, Николай Николаевич немедленно представил императору особую записку, в которой настойчиво призывал ввиду ожидаемого разрыва отношений с некоторыми странами Европы принять безотлагательные меры на Дальнем Востоке, привлекавшие алчные взоры других держав, не говоря уже об отдельных мелких хищниках — китобойцах, купцах и т. п.

Муравьев рассказывал потом, что царь согласился с необходимостью защиты Дальнего Востока, однако подвел его к карте и сказал, показывая на устье Амура: «Все это хорошо, но я ведь должен посылать защищать это из Кронштадта». На что Муравьев, проведя рукой по течению реки, ответил, что можно те края и ближе подкрепить. «Сами обстоятельства указывают этот путь», — добавил он. На что царь отвечал: «Ну так пусть же обстоятельства к этому и приведут, поождем».

Ждать пришлось год. Но зато все другие представления Муравьева были утверждены. В частности, новые штаты Амурской экспедиции. Она освобождалась от зависимости Российско-Американской компании и становилась правительственной экспедицией. Было разрешено занять озеро Кизи, залив Де-Кастри и остров Сахалин. Вопрос же о сплаве по реке Амур войск, запасов, оружия и продовольствия передавался на рассмотрение особого комитета. Со всеми этими распоряжениями Муравьев послал в Иркутск поступившего к нему на службу майора Н. В. Буссе, а сам взял четырехмесячный отпуск и уехал за границу излечивать лихорадку. Путешествовал по Франции и Испании, принимал воды в Карловых Варах, проехал через Германию, побывал и в Англии. В Петербург возвратился 6 октября.

Тотчас по приезде пришлось вновь приступить к дальневосточным делам. Энергичного и деятельного губерна-

тора возмущала и раздражала медлительность в принятии решений, равнодушие к его представлениям. Брату Вальерьяну он с горечью писал, что «в Петербурге мы знаем не много больше, а толков и пересудов в городе без конца, но правды ни от кого не узнаешь, — таков Петербург, таков точно и Иркутск, только оттуда пишут на меня доносы сюда, а отсюда некуда доносов писать». Муравьев был готов к худшему — отставке, «а потому, — продолжал он в письме к брату, — если не поедем обратно (т. е. в Иркутск. — А. А.), то уедем куда-нибудь в глушь, где бы можно было и жить с нашими малыми средствами; на этот случай я храню мою заграничную штатскую одежду, которой будет достаточно на первый случай».

Но надевать штатскую одежду Муравьеву было еще рано. Международная обстановка стремительно обострялась не только в Европе, но и на Дальнем Востоке. Оставшийся на Амуре Невельской в середине мая 1853 года получил от великого князя Константина предупреждение о готовящихся двух военно-морских экспедициях Северо-Американских Штатов. Было известно и об особом, повышенном интересе Англии, Франции и США к бассейну Тихого океана, и в том числе — к той его части, которая прилегалa к российским владениям.

Усиление активности англичан, американцев и французов на Тихом океане не могло пройти мимо внимания России, так как грозило пагубно сказаться на судьбе Приамурья, Приморья и Сахалина. Одним из первых мероприятий русского правительства стала отправка в сентябре 1852 года на Дальний Восток эскадры в составе фрегата «Паллада» и винтовой шхуны «Восток» под флагом вице-адмирала Е. В. Путятина. К ним уже на месте присоединились корвет «Оливуца», посланный туда еще в 1850 году, и барк Российско-Американской компании «Князь Меншиков».

Невельской, получив в развитие предписаний великого князя Константина распоряжение генерал-губернатора о мерах, которые надлежит принять в связи с ожидаемым появлением в дальневосточных водах экспедиций коммодора Мэтью Перри и капитана Кэтвалдера Рингольда, действовал предельно быстро и четко. Уже летом 1853 года в Александровском, Константиновском, Маринском и в только что выставленном в заливе Анива на Южном Сахалине Муравьевском постах были назначены команды с опытными офицерами — Бошняком, Разградским, Петровым, Буссе и Рудановским — во главе,

Затем последовало известие о готовящемся сплаве по Амуру. Распоряжения Муравьева по этому важному вопросу привез из Петербурга М. С. Корсаков. Сам же губернатор только и делал, что обивал высокие пороги в столице, доказывая необходимость быстрее принятия мер по его представлениям. Ему наконец удалось добиться своего, 11 января 1854 года царь утвердил положение, которым генерал-губернатору предоставлялось право «все отношения с Китайским правительством о разграничении восточной нашей окраины вести непосредственно». Об этом немедленно было сообщено в Пекин, а к Муравьеву в штат зачислен секретарь по дипломатической части и переводчики китайского и маньчжурского языков. Вслед за тем было «высочайше» разрешено «плыть по Амуру». Подписывая 6 февраля 1854 года это разрешение, Николай I собственноручно прибавил: «но чтобы и не пахло пороховым дымом».

ВНИЗ ПО АМУРУ

Заполучив необходимые документы, Муравьев не ждал в Петербурге и лишнего часу. 10 февраля он выехал в Иркутск, а прибыл туда 13 марта. Началась энергичная подготовка к сплаву, в которой участвовали Корсаков, Казакевич, Сгибнев, Дейхман и Шарубин. К весне все суда и плоты каравана нужно было спустить на воду и подготовить к загрузке войсками, вооружением, продовольствием. Задача оказалась не из легких. Даже распоряжение царя не освобождало Муравьева от больших хлопот. И ему с большим трудом удалось изыскать материальную базу для намеченного похода. Генерал-губернатор распоряжался умело и решительно. По его приказанию Невельской готовил лес для строительства помещений в Николаевске-на-Амуре и в Мариинском посту, куда ожидалось прибытие большого количества войск и всяких грузов. Николай Николаевич писал, что надеется быть у озера Кизи между 20 и 25 мая и просит Невельского его встретить.

Муравьев уже знал, что война, которая так долго назревала, началась. После блистательной победы П. С. Нахимова над турецким флотом в Синопской бухте Англия и Франция ввели свои флоты в Черное море и объявили войну России, войну, которая вошла в историю под названием Крымской. Прозорливый и дальновидный Николай Николаевич еще до ее начала предвидел неизбежность такого развития событий. Он писал Невельскому, что летом

1854 года англичане и французы придут на Дальний Восток. Теперь его предположениям предстояло в скором времени осуществиться.

19 апреля Муравьев со свитой выехал из Иркутска и 7 мая прибыл на Шилкинский завод, где сосредоточивалась непосредственная подготовка к операции. На выстроенный пароход «Аргунь», 13 барж, 29 плотов, 18 баркасов, 8 плашкоутов, 6 лодок и 4 вельбота грузилось все имущество и снаряжение, лошади, пушки, заряды, продовольствие и, конечно же, сами участники плавания — всего до тысячи человек. Верховное руководство осуществлял сам губернатор. Флотилией командовал Казакевич. А под руководством Корсакова был так называемый десант, в который входили батальон пехоты, сотня казаков и 14 музыкантов. Свиту Муравьева, прислугу и его штаб составляли в общей сложности 30 человек.

К 12 мая весь караван выстроился на фарватере Шилки. Возглавлял его пароход «Аргунь» под командованием А. С. Сгибнева. Флотилия растянулась на две версты. 14 мая после необычного артиллерийского салюта из старинной пушки, стрелявшей еще при обороне Албазина, флотилия отправилась вниз по реке. Зрелище было великолепным: впереди шел пароход под генеральским флагом, затем наперегонки неслись три офицерские лодки, за ними вереницей двигались плоты, баржи и плашкоуты. Но поскольку их команды состояли из солдат и казаков, не имевших опыта в управлении судами, они довольно часто садились на мель или прибывались течением к берегу.

Через четверо суток, 18 мая, флотилия вышла в Амур. Под звуки гимна Муравьев зачерпнул стакан амурской воды и поздравил всех с началом плавания по великой реке. Громовое «ура!» огласило живописные, но пустынные берега. Лишь на Усть-Стрелочном посту русские солдаты ликовали вместе с плывущими. При прохождении древнего Албазина флотилия пристала к берегу. Был объявлен привал на сутки. Первым сошел на берег генерал-губернатор. Все устремились к тому месту, где когда-то стоял форпост Отечества, героический город.

«Я съехал с парохода на берег, — вспоминал впоследствии А. С. Сгибнев, — и обошел весь вал, облежавший крепость с трех сторон и сохранившийся до настоящего времени. Вал этот обнесен рвом и имеет форму правильного четырехугольника, каждая сторона которого длиною до 60-ти сажен. Внутри крепости и за ней видны ямы — сле-

ды бывших здесь жилых зданий, около которых вырыт колодец. Волнистая местность вблизи вала служит явным признаком бывших здесь огородных гряд, а далее, на версту в квадрате, очищенное место от камней, где, по всей вероятности, были пашни албазинцев. В версте от Албазина у небольшой речки была устроена албазинцами мельница, от которой жернова лежали на берегу до нашего прибытия. Общество наше после завтрака на валу разбредлось во все стороны. Каждый старался отыскать себе что-нибудь на память. Рыли ямы и вал кольями. В ямах находили черепки глиняной посуды и железные наконечники от китайских стрел, а в валу ядра и пули. Эти остатки боевой славы албазинцев невольно наводили на мысль о их прошлом, и я ходил около вала, возобновляя в памяти историю Албазина, пока не подан был сигнал к отплытию экспедиции». Корсаков в своих записках рассказывает, что испытал те же чувства и сообщает, что «взял для памяти вырытый из земли кирпич и горсть почерневшей, уцелевшей от времени пшеницы».

Дальнейшее плавание проходило успешно. Плыли мимо мест, навечно связанных с памятью о русских первопроходцах. Проходя мимо Кумарской скалы, вспомнили, что в 1652 году здесь был поставлен Кумарский острог, выжженный затем маньчжурами. Пройдя «щеки», флотилия вскоре подошла к устью Зеи, откуда Муравьев направил вперед, к Айгуну, нарочных с извещением о прибытии русской флотилии. И когда пароход «Аргунь» в сопровождении четырех лодок встал у города, то его уже встречал амбань (губернатор). Сперва сановник пытался воспрепятствовать дальнейшему плаванью, ссылаясь на то, что не получал от своего правительства никаких указаний. Но это делалось скорее для виду. Чувствовалось, что амбаню хотелось, чтобы огромная, как ему казалось, русская флотилия поскорее покинула пределы его города.

Ветеран-казак Р. К. Богданов, много служивший с Муравьевым, оставил любопытные воспоминания о том, как проводил свое время в походе деятельный генерал-губернатор: «Каждый день генерал вставал чуть заря, никогда никто его не будил, почти до солнечного восхода пил чай, больше на палубе, носил серую армейскую шинель, подбирая подол кверху, на пуговицы, изображая из солдатской шинели сюртук. С орденом на шее или в петлице, любил орден за выслугу 25 лет. По выходе утром на палубу здоровался с каждым, спрашивал, была ли вчера каша. Утрами и вечерами, наипаче в дождливое время, ходил осмат-

ривать ближние ночлеги, как останавливаются и отчаливают сплавные суда отряда или осматривал луговые места...»

Обычно Николай Николаевич брал с собой кого-либо из сопровождавших его офицеров, чаще других Моллера, Хилковского и Венюкова. Если они простуживались после таких прогулок под дождем, а чаще всего это случалось с Моллером, Муравьев ехидно посмеивался над ними. Дальнейший распорядок Р. К. Богданов описывает так: «До 12 часов дня почти все время находился на палубе; после закуски отдыхал, не более часа, а затем опять выходил на палубу, здоровался и разговаривал с солдатами на баркасе или с теми, кого обгоняли из отряда... Обедал около 4 часов, а после обеда опять выходил на палубу». Как свидетельствует ветеран, Муравьев много плавал на лодке во время стоянок, ел солдатские щи и кашу с ржаными сухарями. Ложился спать позже всех, любил сидеть один в темноте на палубе. Примечателен характер взаимоотношений генерала с подчиненными, о котором Богданов рассказывает в таких словах: «Солдат любил, как братьев, а они его тоже любили и уважали, а с офицерами был грубоват, требовал благоразумия и энергии, наипаче с своих свитских. Терпеть не мог «точно так» и «не могу знать».

5 июня флотилия пришла к устью Уссури. Амур разливается здесь широко и разделяется на многочисленные протоки, в которых иногда становилось трудно разобраться. Муравьеву казалось, что где-то близко Мариинский пост: по описаниям место было похоже. Во всяком случае, он думал, что до поста не более двухсот верст. Никаких карт этой части Амура еще не существовало. Ориентироваться приходилось по общей, генеральной карте Азии, весьма приблизительной и неточной. К тому же на беду налетевший 9 июня неожиданный штормовой ветер нарушил ритмичное продвижение экспедиции. Многие суденышки и плоты потопило или прибило к берегу, разбросало по протокам. Подмокли продукты и одежда, надо было сушиться, кое-что пришлось спасать. В общем, произошла непредвиденная двухсуточная остановка.

Муравьев был раздосадован. Чтобы не задерживать намеченную встречу с Невельским, он уже на следующий день, отдав необходимые распоряжения, ушел вперед на пароходе. Верстах в двадцати от места злосчастного происшествия встретили шлюпку, на которой оказался мичман Г. Д. Разградский, посланный Невельским на-

встречу каравану. Мичман вручил генералу письмо своего начальника, в котором тот убедительно просил сразу же выставить посты на устье Уссури и на устье Хунгари. Сообщал также, что он сам поднялся по Амуру на 500 верст от Мариинского поста, но тут его нагнал гонец с известием о прибытии в воды Дальнего Востока эскадры вице-адмирала Е. В. Путятина. Волей-неволей Геннадий Ивановичу пришлось возвращаться к океану.

Пришла очередь удивляться Муравьеву, узнавшему, что до Мариинского поста еще идти и идти. И он уже с пониманием читал дальнейшие строки письма, в которых откровенно звучало недовольство пионера амурской эпопеи медлительностью подготовки и хода славя. Не удержался Геннадий Иванович и от почти что шутливого генерал-губернатору: «Помня это (то есть желание как можно скорее все сделать и обещанные сроки прибытия к Мариинскому посту. — А. А.), я нарочно спешил встретить генерала выше городка Кизи (то есть Мариинского поста. — А. А.), где должны быть оставлены люди, тонув по горле в воде, оставил больную жену с ребенком...» Надо сказать, что положение в семье Невельского было действительно критическим: 2 апреля родилась дочь Ольга, а первенец, Катя, тяжело болела. Неудорова была и их мать. Он покидал Петровское с невеселыми думами, а тут пришлось тратить время на пустые ожидания...

Пока Муравьев знакомился с письмом Невельского, сам он был уже далеко. Расставшись с Разградским, Геннадий Иванович, невзирая на сущую распутицу, добрался до залива Чихачева, где застал транспорты «Байкал», «Иртыш» и «Двину», а также шхуну «Восток», входившую в эскадры Путятина. Командир ее В. А. Римский-Корсаков передал Невельскому пакеты с официальными документами и рассказал о плавании эскадры. Шла она на Дальний Восток вокруг мыса Доброй Надежды и 10 августа 1853 года прибыла в Нагасаки. Здесь к фрегату «Паллада» и шхуне «Восток» присоединились корвет «Оливуца» и барк «Князь Меншиков», то есть все произошло именно так, как и было задумано. Вероятно, уместно напомнить о некоторых обстоятельствах, связанных с плаванием «Паллады». Ее офицеры с командиром фрегата И. С. Унковским произвели гидрографические работы у берегов Кореи, существенно изменившие представления о береговой черте полуострова, его берега и подходов к нему. В результате работ появилась новая навигационная карта восточного берега Кореи, а также несколько карт и планов, бухт, гаваней

ней, проливов, островов, мест якорных стоянок. Красочное описание всего плаванья дал в своей замечательной книге «Фрегат «Паллада» секретарь экспедиции, будущий великий русский писатель И. А. Гончаров.

Путятин особенно интересовался Сахалином с тех пор, как узнал, что президент США приказал коммодору Перри и капитану Рингольду создать на месте открытых там каменноугольных залежей топливные базы для пароходов, курсирующих между Сан-Франциско и Шанхаем. Поэтому он и предупреждал русское правительство об опасности захвата американцами Сахалина. Для предотвращения такой опасности он предлагал настаивать на границе между Россией и Японией по проливу Лаперуза, то есть, иными словами, владеть всем островом, а не только Северным Сахалином. Но начало переговоров в Японии умышленно затягивалось японской стороной.

Переговоры были прерваны в связи с открытием военных действий: началась Крымская война. В посланном Путятину 16 января 1854 года предписании великого князя Константина говорилось: «По нынешним обстоятельствам государь император повелевает Вам итти немедленно при первой же возможности в гавань Де-Каэстри близ устьев Амура и находиться там со всеми вверенными Вам судами в распоряжении генерал-губернатора Восточной Сибири, от которого получите дальнейшее назначение».

Строптивый Путятин, послав все корабли в соответствии с предписанием, сам с «Палладой» остался в Императорской гавани ожидать генерал-губернатора, который спускался по Амуру и на встречу с которым теперь уже вторично, после свидания с Римским-Корсаковым, спешил Невельской. Адмирал-дипломат был уверен в том, что обороняться от англо-французов нужно именно в Императорской гавани, которая не одного его пленила своеобразием, а в особенности многочисленными бухтами, а потому распорядился строить батареи на берегах бухты Постовой, где располагался Константиновский пост.

Между тем шедший далеко впереди всего сплава пароход «Аргунь» с Муравьевым на борту 12 июня прибыл в Мариинский пост. За неделю до этого по пути Николай Николаевич наметил место для будущего города. На месте слияния Усури с Амуром он увидел высокий, густо поросший вековым лесом правый берег. «Вот где будет город», — сказал он, указывая рукой на отдельную, выступавшую из общего очертания берега, скалу. И действительно в 1858 году тут был заложен город Хабаровск.

Караван достиг Мариинска 15 июня. А накануне в семи верстах от поста состоялась встреча Муравьева с Невельским. Ни участники встречи, ни современники не оставили подробностей беседы двух главных деятелей той эпохи на Дальнем Востоке, однако совершенно ясно, что разговор был нелицеприятный и откровенный. Невельской получил приказ: сосредоточить все силы Амурской экспедиции в устье Амура, доступ к которому не был известен английским и французским морякам. Муравьев настаивал также на укреплении Петропавловска-Камчатского. Невельской хотя и был против, но безупречно распоряжался отправкой войск и снаряжения на Камчатку. С этой целью от озера Кизи, то есть от Мариинского поста, до гавани Де-Кастри проложили просеку, по которой отправились 350 человек, предназначенных для усиления Камчатского гарнизона. Туда их доставили транспорты «Иртыш» и «Двина» под командой капитана I ранга А. П. Арбузова. Конная казачья сотня и батарея горной артиллерии оставались в Мариинском, а полторы сотни казаков ушли в Николаевский пост.

Муравьев с Невельским прибыли в гавань Де-Кастри утром 19 июня. Тут их встретили Н. М. Чихачев, Н. В. Буссе и начальник поста Я. И. Купреянов. В. А. Римский-Корсаков доложил о готовности шхуны «Восток». Вот каковы были его впечатления о генерал-губернаторе: «В половине первого показался из северной бухты вельбот, который вскоре пристал к берегу. Из него бодрою поступью выскочил на берег человек небольшого роста, крепкого сложения, с лицом, которое с первого взгляда мне не понравилось. Ласково приветствовал он Буссе, Чихачева, Купреянова, ожидавших его вместе со мною на берегу, и, приняв мой рапорт, протянул руку. Таково было мое первое свидание с этим замечательным человеком, который своими энергическими и дальновидными распоряжениями в короткое время двинул Сибирь во всех отношениях так, что заставил всю Россию обратить на нее внимание.

В доме начальника поста немедленно состоялся совет, на котором и было принято решение шхуне идти в Императорскую гавань, «Двине» и «Иртышу» с десантом — в Петропавловск, «Байкалу» — в Аян. Тут же приняли решение и о том, как оборонять Приамурье и Петропавловск. 20 июня рано утром «Восток» отправился в путь. Его командир отметил в своем дневнике любопытные черточки характера Муравьева: «Он бойко поздоровался

с командую, и приветствие его ясно показало, что он умеет говорить с солдатом... Генерал весь день был очень разговорчив, весел и любезен. Он хорошо рассказывает, логически доказывает и в обращении очень прост, свободен и привлекателен. В разговорах касательно войны он выказывает пылкий и, даже можно назвать, мечтательный патриотизм и большую уверенность в храбрость и искусство русских войск. Это в нем доходит до пренебрежения к таким войскам, как английские и французские. Он немало путешествовал в последнее время по Европе, преимущественно по Франции и Испании, и рассказы его об этом приятно слушать».

Шхуна пришла в Императорскую гавань 21 июня, где и произошла встреча генерал-губернатора Восточной Сибири с командующим Тихоокеанской эскадрой вице-адмиралом Е. В. Путятиным. Между ними сколько-нибудь серьезных разногласий не оказалось, и совещание по-деловому быстро завершилось. Было принято решение укреплять устье Амура, Муравьевский пост на Сахалине временно снять, но продолжить переговоры в Японии, имея в виду весь остров. На следующий день Муравьев на шхуне «Восток» ушел в Петровское. Ему хотелось своими глазами взглянуть на лиман Амура, на места, о которых так много рассказывал Геннадий Иванович, пройти по открытому Невельским проливу. Римскому-Корсакову, который однажды — летом 1853 года — уже водил шхуну по лиману до самого устья, ничего не оставалось делать, как доставить такое удовольствие высокому гостю.

Частые туманы, а с ними и неизбежные посадки на мель задержали возвращение в Петровское до второго июля. Зато Муравьев сам убедился, что по лиману вполне можно плавать. Надо только ограждать фарватеры и постоянно поддерживать в порядке навигационное ограждение. На следующий день в Петровском появились Невельской и Казакевич. Шхуну генерал-губернатор 4 июля отправил в Аян. С распоряжениями, письмами и докладами в Иркутск выслали Корсакова и Буссе, а также Свербева. С ними вместе отправился получивший отпуск Бошняк. Муравьев же со свитой и в сопровождении Невельского и Казакевича на оленях выехал в Николаевский пост. Он стремился везде побывать, все осмотреть, все испытать, чтобы иметь право говорить — «я видел сам». 7 июля караван оленей появился в Николаевском посту: Правителя края и его спутников встречал начальник поста мичман А. И. Петров.

О том, как прошли последующие дни, можно узнать из дневника мичмана: «Во всю бытность Муравьева в Николаевске время прошло хотя хлопотливо, но приятно. В восемь часов утра пили чай, в час дня был обед и кофе, в шесть часов чай, а в девять часов ужин, в полном смысле русский. После ужина до одиннадцати часов и позднее Муравьев и мы с ним гуляли по мосткам. Шуткам не было конца... Муравьев в Николаевске ходил в статском коротеньком пальто, я и другие в сюртуках без эполет...»

Наступила пора возвращаться в Иркутск. Но генерал-губернатор ожидал возвращения пихуны из Аяна. Ей предстояло еще сойти на Сахалин за углем, лишь после этого Муравьев со свитой 8 августа покинул Николаевск. Переход оказался трудным, пришлось пережидать непогоду в заливе Счастья. 15 августа бросили якорь в Аяне. А на следующий день В. А. Римский-Корсаков получил приказ идти в Петропавловск с почтой и предписанием правителя края фрегату «Аврора» зимовать в Петропавловской гавани. Здесь, в устье Амура, еще никто тогда не знал о нападении англичан и французов на Камчатку...

ВОЙНА У ВОСТОЧНЫХ ГРАНИЦ РОССИИ

Из Аяна Муравьев, озабоченный предстоявшим продолжением переговоров с Японией, писал Путятину 18 августа: «В отношении переговоров с Японией я считаю долгом повторить здесь мое мнение, что лучше оставить пограничный вопрос в неопределенном но-прежнему положении, чем утверждать за ними хоть самую малейшую часть Сахалина... О неразделенности нашего владения Сахалином я получил с последним курьером из Петербурга весьма положительное мнение, но не из Министерства иностранных дел; а потому и не считаю себя вправе сообщить об этом Вашему Превосходительству официально, а передаю как бы на словах, тем более что однажды изъясненная высочайшая воля о том, что Сахалин наш, не может подлежать изменению».

В тот же день Муравьев, Казакевич и сопровождающие генерала лица* отправились в Иркутск и далее в Петербург с докладом правительству. Действительно, положение на Дальнем Востоке осложнилось до предела. Ни англичане, ни французы не знали истинного географического

* В их числе был и И. А. Гончаров, возвращавшийся в столицу после завершения своей миссии при адмирале Путятине. (Примеч. авт.).

положения в районе лимана Амура. Они не подозревали о наличии существования проходов туда со стороны не только Охотского, но и Японского моря, не знали о возможностях плавания в лимане. Если бы все это было известно, они, наверное, не преминули занять Сакалин, тем самым запереть устье Амура и поставить под угрозу все сибирские и дальневосточные владения, судьба которых непосредственно зависела от того, в чьих руках левый берег и устье Амура.

По-иному разворачивались события на Камчатке: англо-французская эскадра 18 августа вошла в Авачинскую губу и до 25 августа бомбардировала Петропавловск и находившиеся там русские корабли. Неприятель дважды высаживал на берег десант. Гарнизон Петропавловска во главе с камчатским военным губернатором и командиром Петропавловского порта В. С. Завойко, усиленный подоспевшим на фрегате «Аврора» и транспорте «Двина» пополнением, успешно отразил все атаки противника, который, потеряв несколько офицеров и до 350 матросов, 27 августа ушел в открытое море. 7 сентября В. С. Завойко отправил с лейтенантом Д. П. Максутевым подробное донесение генерал-губернатору о героическом сражении.

В Петровском и в Николаевском о нем слышали значительно раньше, от В. А. Римского-Корсакова. При входе в Авачинскую губу 26 августа он встретил бот № 1 под командованием ботмана Х. И. Новотрабленного, от которого узнал о стоявших в бухте неприятельских кораблях и о славной победе. Пришлось изменить курс плавания. На Курильских островах из-за обнаруженной сильной течи шхуне пришлось остановиться на ремонт в одной из бухточек острова Шумшу. По пути туда «Восток» встретил транспорты «Иртыш» и «Байкал». Римский-Корсаков предупредил их командиров об опасности. На «Байкал» была передана вся почта. Транспорт доставил ее в Большерецк, откуда она и попала к В. С. Завойко. Шхуна же «Восток» смогла попасть в Большерецк только 23 сентября. Связавшись с Завойко, Римский-Корсаков узнал подробности сражения. 10 октября он возвратился в Петровское.

Реакция на Петропавловское сражение во всех общественных кругах России была самой восторженной. Знамя английского Гибралтарского полка морской пехоты — почетный трофей сражения — произвело огромное впечатление в Петербурге, участники битвы получили награды. Донесение В. С. Завойко доставил к Муравьеву в Ир-

кутск лейтенант Д. П. Максutow, который, отправившись из Петропавловска 7 сентября, уже 8 ноября был в столице Восточной Сибири. Отдохнуть после трудной дороги офицеру не пришлось — генерал-губернатор немедленно отправил его в Петербург, куда он и прибыл 26 ноября — рекордные сроки по тем временам.

Вражеские корабли в 1854 году в Авачинской бухте больше не появлялись. Впрочем, даже если бы и появились, то, вероятно, были бы с не меньшим позором изгнаны. Уже 20 ноября 1854 года Завойко писал Корсакову: «Мы таких ныне настроили батарей, что ежели бы Николай Николаевич немедленно сделал распоряжение выслать к нам на тендере и шхуне хотя 8 пушек с принадлежностью и человек 50 отборных людей, и пороху 200 пуд, и офицера артиллерийского, одно горное орудие с упряжью, то прийди какой хочет неприятель — не допустим его стать на русскую землю».

Такие же письма Завойко посылал и другим адресатам, прежде всего, конечно, Н. Н. Муравьеву. Николай Николаевич горячо поддерживал все, что касалось укрепления Камчатки. И на сей раз он пообещал прислать необходимую помощь. Одновременно генерал-губернатор обратился к главнокомандующему флота великому князю Константину с соображениями об обороне Камчатки в следующем году, когда наверняка можно было ждать нового нападения неприятеля.

В ответ на свое представление Муравьев получил совершенно неожиданный ответ. По-видимому, в решении генерал-адмирала отразилось мнение Невельского, с которым Константина связывали юношеские воспоминания о совместных учебных плаваниях. Геннадий Иванович неизменно ратовал за Амур и выступал против укрепления Камчатки. Вот что написал Муравьеву великий князь: «Ваше превосходительство полагаете укрепить для будущего Камчатку, для чего потребуются большие усилия и неимоверные труды, результат коих еще сомнителен... Здесь мы приняли за правило защищать упорно в будущем году только те пункты, которые мы действительно в состоянии защищать... В Сибири сильный пункт, в котором может найти убежище весь тамошний флот наш и который мы в состоянии защищать, если соединим в нем все усилия наши, есть не Камчатка, а Амур, и потому не сочтете ли благоразумным с открытием навигации не посылать в Камчатку военные силы, а напротив, оттуда вывести оные, снабдив только жителей продовольствием, ко-

торое спрятать внутри края, и затем безоружный город или местечко оставить в гражданском управлении. Собственно порт и морские учреждения упразднить, суда и экипажи вывести и все военные способы сосредоточить на Амуре. Мысль эту я докладывал государю, и она удостоена предварительного одобрения его величества».

Письмо это написано 3 декабря 1854 года, а уже 27 декабря Муравьев отправил на него ответ, писать который было, наверное, нелегко своему генералу. Он прекрасно почувствовал, с какой стороны подул ветер. Верный и, как казалось Муравьеву, преданный исполнитель его начертаний Невельской, правда, много шумевший и с пеной у рта защищавший перед ним приоритет освоения и защиты Амура, теперь подал свой голос. А глава морского ведомства прислушался к суждениям опытного морского офицера и пренебрег мнением представителя верховной власти в Сибири. И все-таки Муравьев стоял на своих позициях до конца, подчинившись только приказу: «Из всех предшествовавших донесений моих, — писал он, — Ваше императорское высочество изволите видеть, что мысль эта не входила в мои соображения, я считал необходимым защищать это место до последней крайности...» Изложив далее свои соображения, Муравьев продолжал: «По всему этому я не только не смею противоречить мнению Вашего высочества, ...но, принимая в расчет время возможности получения по сему приказаний в Камчатке, мне остается безотлагательно отправить соответственные распоряжения к г. Завойко...»

Такие распоряжения были немедленно посланы с нарочным — есаулом Н. Мартыновым. Завойко получил их своевременно и сумел организовать дело таким образом, что весь гарнизон Петропавловска еще до начала навигации был погружен на корабли, которые по пропиленным во льду каналам, буквально под носом у крейсировавшей у берегов Камчатки англо-французской эскадры совершили смелый и дерзкий переход в устье Амура. Благодаря стараниям Невельского войска и гражданские лица смогли разместиться в Мариинском посту и в Николаевске. Часть войск осталась в гавани Де-Кастри и успешно отразила атаку пришедших сюда кораблей противника.

Еще раньше, чем были отданы распоряжения об эвакуации Петропавловска, Муравьев писал Завойко, чтобы тот всеми силами укреплял город и порт, и обещал ему, что весной по Амуру тронется второй сплав. Генерал-губернатор решил построить 60 новых плашкоутов и новый паро-

ход. Предстояло перебросить к устью Амура сто тысяч пудов муки, пятьсот голов скота, артиллерийские орудия и не менее двадцати тысяч пудов боевых припасов, доставить туда определенное количество войск и — самое интересное — взять первых крестьян-переселенцев для размещения их на левом берегу Амура. Последним делом занимался юный князь М. С. Волконский. Готовили сплав Корсаков, Шарубин, Сеславин. Казакевича в августе 1854 года Муравьев отправил в командировку в США, чтобы закупить там три парохода и различное оборудование для устройства мастерских и «пароходного завода» в Николаевске. И все это предстояло сделать в течение нескольких месяцев.

Между тем Петербург чествовал защитников Петропавловска, восторгался умением и прозорливостью Завойко и Муравьева. Биограф Муравьева писал: «Итак, не спрашивая даже предварительного разрешения государя, Н. Н. Муравьев решился оставить Петропавловск и перевести эскадру и все учреждения на Амур. Вследствие такой замечательной находчивости неприятель, как мы увидим далее, был чрезвычайно озадачен, не найдя нашей эскадры ни у берегов Камчатки, ни у берегов Татарского пролива. Это действие ярко обрисовывает характер Муравьева, который, зная хорошо государя Николая Павловича, осмелился, не спросившись его, взять на свою ответственность такую важную меру, как бросить на произвол судьбы целую страну, чтобы спасти то, что должно было спасти. Это решение его можно назвать поистине героическим».

Так думали многие. Но сам-то Муравьев хорошо знал, что это все ложь. Однако признать во всеуслышание правду было выше генеральских сил. Гораздо легче оказалось убрать подальше тех, кто осмелился перечить ему. И он начал изгонять людей, благодаря которым нажил немалую долю своего авторитета и популярности. Сначала выпущен был уйти Зарин, его правая рука в Иркутске, теперь Муравьев стал проявлять неудовольствие по отношению к Запольскому, им же самим выдвинутому на пост губернатора Забайкалья и атамана тамошнего казачьего войска. А затем наступила очередь Невельского. 25 февраля 1855 года в письме к Корсакову генерал-губернатор выразил резкое недовольство тем, что Невельской осмелился строить батарею не там, где показал Муравьев, а на другом месте. И вывод, как выстрел: «Он оказывается так же вреден, как и атаман: вот к чему ведет честных людей излишнее самолюбие и эгоизм!» К чину контр-адмирала

своевольный офицер был уже представлен. Так что теперь, не теряя лица, можно было спокойно обдумать и способ избавиться от него.

Но пока еще Геннадий Иванович был нужен. Второй сплав состоял из трех отрядов, или отделений. В апреле 1855 года они начали свое плавание по Шилке и Амуру. С первым отделением, которое возглавлял сам Муравьев, на 26 баржах было доставлено основное продовольствие и часть войск. Второе отделение под руководством полковника Назимова состояло из 64 барж со 150-пудовыми крепостными орудиями — самая тяжелая и самая хлопотливая часть сплава, замедлявшая его продвижение частыми посадками на мель. Третье, порученное М. С. Волконскому, включало 35 барж, на которых располагались первые русские поселенцы на Амуре — иркутские и забайкальские крестьяне. Им предстояло освоить земли на левом берегу реки между Мариинском и Николаевском. И действительно, летом тут возникли пять русских сел, или, как еще их тут называли, станиц: Иркутское, Богородское, Михайловское, Ново-Михайловское и Сергиевское. Всего переселилось 51 семейство, общей численностью 481 человек. Со сплавом следовала и экспедиция Сибирского отдела Русского географического общества во главе с натуралистом Р. К. Мааком.

По пути к устью Амура в Мариинском произошла встреча главы русской власти на востоке с представителями Китая. Предложение русской стороны сводилось к тому, чтобы «провести границу по левому берегу Амура и вдоль всего течения реки от Горбицы до впадения ее в море, оставляя вам все населенные вами места на правом, кроме занятых нами мест и Приморского края, во избежание споров». То есть Муравьев уже тогда, в сентябре 1855 года, сформулировал основной тезис, по которому установление «естественной границы между Китаем и Россией по линии Амура могло бы полностью, ко взаимной выгоде, покончить с вековой неопределенностью». Именно эти положения легли три года спустя в основу Айгунского договора.

Несомненно, что все эти мероприятия проводились с «высочайшего» ведома. Уже в июне 1855 года царь признавал необходимым «утвердить за Россией весь левый берег Амура». Было принято решение вступить в прямые переговоры с Китаем. Представлять российские интересы на них должен был генерал-губернатор Восточной Сибири. Продумано было и новое административное устройство

Амурского и Приморского краев. Преобразование устраняло необходимость Амурской экспедиции, которую столько лет бессменно возглавлял Г. И. Невельской.

И когда Муравьев прибыл со вторым сплавом в Мариинский пост, он послал оттуда в Николаевск к Невельскому мичмана К. Ф. Литке (сына известного мореплавателя и ученого) со следующим предписанием:

«1. Амурская экспедиция заменяется управлением Камчатского губернатора контр-адмирала Завойко, местопребыванием которого назначается Николаевск.

2. Вы (то есть Невельской. — А. А.) — назначаетесь начальником штаба при главнокомандующем всеми морскими и сухопутными силами, сосредоточенными в При-Амурском крае.

3. Все чины, состоящие в Амурской экспедиции, поступают под начальство контр-адмирала Завойко.

4. Главную квартиру всех наших войск назначается Мариинский пост».

Каждому было ясно, что такое назначение являлось, по сути, устранением Невельского от активной деятельности и предвляло его фактическое удаление с Дальнего Востока. Так оно и случилось. Как уже говорилось, перемены в отношении генерал-губернатора к мореплавателю наметились еще в 1854 году. И это тотчас заметили окружающие их люди. Характерно в этом отношении письмо Н. В. Буссе своему полковому товарищу М. С. Корсакову от 14 декабря 1854 года. «Ты уже знаешь, — писал он, — что Н. Н. (Муравьев. — А. А.) хочет перевести Завойку на устье Амура. Тебе я прямо высказываю свои мысли. Невельской не годится теперь для Амура, его время прошло. Теперь надо человека положительнее (значит, Невельской уже считался «отрицательным» в близких к губернатору кругах. — А. А.). Завойко хорош. Я уже давно тебе говорил это. Но еще есть край, о котором надо озаботиться, — это Забайкальская область. От нее много зависит успех на Амуре. Запольского не знаю, но, кажется (видите ли, Буссе кажется! — А. А.), он плох. Послушай, Миша, скромность в сторону — ты должен быть Забайкальским правителем, все равно под каким именем».

Можно сказать, что Буссе оказался почти что пророком: Корсаков стал войсковым атаманом и губернатором Забайкалья, а сам Буссе — первым губернатором образованной (многие шутили — специально для него образованной) Амурской области. Вот так, келейно, почти по-до-

машинему решались вопросы огромного политического значения, так раздавались губернаторские и иные должности даже при таком незаурядном человеке, каким все же, несомненно, являлся Н. Н. Муравьев. Умный и решительный политик и вместе с тем — облеченный огромной властью савонник Муравьев, естественно, чем дальше, тем больше не выносил людей, чрезмерно, по его мнению, проявляющих инициативу или недостаточно четко проводящих в жизнь его предначертания. Такими стали Невельской, а вскоре и Завойко. Обоих он решил убрать отсюда, но, разумеется, отнюдь не доводя дело до скандала. И потому Муравьев сначала с почетом провожает Невельского, а уж затем находит способ сделать то же самое с Завойко — тот понял сам и попросился уехать по болезни.

Генерал-губернатор откровенно делится намерениями со своим родственником и приближенным Корсаковым в письме от 25 февраля 1855 года: «Для успокоения Невельского я полагаю назначить его при себе исправляющим должность начальника штаба; Завойку начальником всех морских сил, а тебя — всех сухопутных, разумеется, по прибытии твоём в Кизи, для дел же будут при мне дежурный штаб-офицер по морской части Оболенский и по сухопутной не знаю еще кто. Таким образом Невельской с громким названием не будет никому мешать и закончит свое там поприще почетно (подчеркнуто Муравьевым. — А. А.)». Муравьев достаточно тонко провел задуманную «операцию». Возле него остались только достаточно послушные люди. К таким в первую очередь относились Корсаков, Буссе, Кукель, Венцель и каким-то чудом уцелевший Казакевич — видимо, чтобы управлять Приморским краем, все-таки желательно было держать там настоящего моряка.

Уезжая 19 октября из Аяна, куда он добирался из Николаевска на американском паруснике «Пальметто», дважды благополучно избежав опасности попасть в плен (англо-французская эскадра продолжала крейсировать у наших берегов), Муравьев еще раз напомнил в письме к Завойко, «чтоб Невельского никаким делом не обременять, а иметь его в виду как частного человека, проживающего в Мариинском посту, которому мы обязаны оказать всякое содействие... он у нас только в гостях на эту зиму...». Дело в том, что и Невельской и Завойко не сумели своевременно уехать: шхуна «Восток», на которой они намеревались попасть в Аян, не смогла выйти из Мариинского и там зимовала. В итоге Невельской остался

«частным лицом», числясь начальником несуществующего штаба, поскольку Муравьев-то уехал, а Завойко волей-неволей пришлось еще целую зиму исполнять в Николаевске обязанности губернатора. Он ждал на смену себе Казакевича, но тот был все еще в Америке. Притом ни для кого не было секретом, что назначение свое он принял весьма неохотно и оговорил его срок — не более чем на два года.

Генерал-губернатор возвратился в Иркутск в конце декабря 1855 года. К этому времени по его представлению правительство утвердило образование Приморской области, в состав которой вошли прежняя Камчатская область, Охотское побережье и Приамурье. Центром области стал Николаевск, а первым военным губернатором утвержден Казакевич. Именно в это же время из состава Забайкальской области была выделена Амурская область, губернатором которой, как уже говорилось, стал Буссе. Все произошло так, как и было задумано.

Муравьев отправился в Петербург, где за это время произошли большие перемены: на трон вступил вместо умершего в феврале 1855 года Николая I его сын Александр II. В столице появился возвратившийся из Америки Казакевич, который был очень нужен генерал-губернатору. Темой их бесед стала организация Приморской администрации, устройство в Николаевске механических мастерских для ремонта кораблей, очередной сплав по Амуру. Его предстояло возглавить Корсакову. А Казакевич должен был воспользоваться этой возможностью для того, чтобы попасть в Николаевск. Кроме того, в связи с заключением 30 марта 1856 года в Париже мирного договора, знаменовавшего собой окончание Крымской войны, возникла необходимость возвратить в Забайкалье войска с устья реки. Обременительно стало содержание войск и на Камчатке. Одновременно надо было продолжить переселение крестьян, открыть по Амуру зимнее почтовое сообщение, организовать по нему пароходное движение летом и наладить переброску в Николаевск различных грузов.

Таковы были главные задачи сплава 1856 года, в котором Муравьев не принимал участия. После Петербурга он побывал в Карябаде (ныне Карловы Вары), где ему предстояло заняться лечением своей застарелой лихорадки, приступы которой все чаще давали о себе знать, а потом оттуда — во Францию, в По, где уже ожидала его Екатерина Николаевна. Но за границу Николай Никола-

евич — и это характерный штрих — уехал не прежде, чем было получено известие о мире. 19 марта он писал из Петербурга Корсакову, который оставался за него: «Отправляю к тебе, любезный друг Михаил Семенович, нового адъютанта моего подполковника Моллера, одного из храбрейших кавказских офицеров (притом родственника — отец Муравьева был женат вторым браком на дочери адмирала Моллера. — А. А.) — он везет в Иркутск новости о подписании в Париже мира, вчерашнего, т. е. 18-го числа, пробудет в Иркутске не более одних суток и отправится потом прямо туда, где ты находишься (то есть где-то на Амуре со сплавом, который Корсаков возглавлял. — А. А.). ...Главное дело, чтобы войска наши пораньше оттуда возвратились...» Напоминая Корсакову, как ему вести себя с китайцами, Муравьев подчеркнул: «Не сомневаюсь, что ты сумеешь обойтись с китайцами согласно высочайшей воли и даже если бы они выдумали загородить тебе дорогу своими джонками, то продолжай идти безостановочно, не делая им никакого вреда: а если они станут стрелять, то скажи, что будут отвечать за это перед своим правительством, и письменно объяви об этом в городе».

В следующем письме, от 29 марта, как бы оправдываясь, что он не в Иркутске, генерал-губернатор пишет: «Странно мне отправлять Амурскую экспедицию без меня, но я очень хорошо сделал, что остался здесь до мая, во-первых, ожидал окончательных сведений о заключении мира, а во-вторых, буду свидетелем всех тех перемен, которые должны совершиться в течение будущего месяца: Нессельроде уходит, Долгорукий тоже, Брок тоже, все это говорит положительно...» Все упомянутые в письме перемены были связаны с коронацией, которая предстояла в Москве летом. Из-за нее Муравьев не слишком долго пробыл за границей. В августе он возвратился в Петербург, а к концу 1856 года был в Иркутске.

ГРАНИЦА НА АМУРЕ

Сменивший небезызвестного К. В. Нессельроде на посту государственного канцлера А. М. Горчаков, опытный и дальновидный дипломат, полностью разделял взгляды Муравьева на амурский вопрос. Он понимал, что благодаря деятельности восточносибирского генерал-губернатора фактически создана возможность установления границы страны на берегах Тихого океана в районе устья Амура и

в Приморье. Наступало время, когда решительными мерами можно было завершить столь успешно начатое Муравьевым и Невельским несколько лет назад дело.

21 марта 1857 года в Иркутск приехал Путятин, уполномоченный вести переговоры с Китаем. Муравьев хотя и желал ему успеха, но в душе остался недоволен тем, что прислали кого-то завершить то, что начинал он. Китайцы, однако, не приняли Путятина, и тот вынужден был вернуться назад на пароходо-корвете «Америка», закупленном Казакевичем в США. Муравьев все лето провел в Усть-Зейском посту, готовый в любой момент прийти на помощь послу.

Генерал-губернатор возвратился в Иркутск лишь в августе, откуда снова уехал — сперва в Петербург, а потом за границу. В декабре его вызвали в столицу. Под Новый год Муравьев стал генерал-адъютантом *. Хотелось бы отметить, что награда эта стала для Муравьева как бы ответом на его просьбу об отставке. Докладывая о действиях — своих и Путятина, генерал-губернатор пылко, соответственно своей натуре, высказал много накипевшего. Кое-что, разумеется, было преувеличено, но иное справедливо. Но он не мог не рассказать и о том, как изменился левый берег Амура, где каждый год появлялись все новые русские селения. Он отмечал, что «очевидно и положительно, что Китайское правительство молчанием своим признало за нами право владения и обязанность защиты устья реки Амура и острова Сахалина, в систему коей входит залив Де-Кастри и Императорская гавань, которые заняты и укреплялись нами с того же времени». И следовательно, пора решительнее браться за дело. Впрочем, прошение об отставке он все-таки подал.

Теперь же, по возвращении в Петербург, когда стало известно о пожалованном ему звании и об отказе в отставке, Николай Николаевич несколько изменил тон: так, сообщая в одном из писем к Корсакову о своих новостях, он бодро заявлял, что придется еще несколько лет провести на востоке, чтобы завершить начатое, а потом уж передать дело в надежные руки Корсакова. Не последнюю роль здесь, по-видимому, сыграло то, что именно ему бы-

* Звание генерал-адъютанта считалось весьма почетным. Его обладатели имели право устно передавать волю монарха. Письменного ее подтверждения при этом не требовалось. Существовали и другие привилегии генерал-адъютантов. Знаком принадлежности к их числу был «шифр» — императорский вензель на погонах или эполетах. (Примеч. ред.)

ли даны царем все полномочия для ведения переговоров с Китаем.

Сразу после детальной подготовки нужных документов ободренный генерал-губернатор выехал из столицы зимним путем. Пренебрегая риском, по льду он переправился через Байкал, проехал Читу и 26 апреля оказался в Сретенске. Тут уже все было готово к сплаву. Муравьев шел по Амуру в третий раз. В Айгуне начались переговоры с представителем Китая. Муравьев вел их умело и тонко. 16 мая был подписан Айгунский договор. В первом пункте его говорилось, что левый берег Амура от реки Аргуни до морского устья составляет принадлежность России, а правый до реки Уссури принадлежит Китаю. Договор констатировал: «От р. Уссури далее до моря находящиеся места и земли, впредь до определения по сим местам границы между двумя государствами, как ныне, да будут в общем владении».

На следующий же день русская флотилия покинула Айгун и отправилась в Усть-Зейский пост, который 27 мая был переименован в город Благовещенск. В лаконичном приказе Муравьев писал: «Товарищи! Поздравляю вас! Не тщетно трудились мы: Амур сделался достоянием России!» Во время плаванья были основаны также новые поселения — Хабаровка (будущий Хабаровск) и Софийск.

Николай Николаевич отчетливо представлял себе важные последствия своего успеха. 11 июля 1858 года он писал великому князю Константину: «Смею думать, что после Айгунского договора мы не только имеем право, но и обязаны отстранять все иностранные притязания на земли общих или неразграниченных владений наших с Китаем и Японией». Эти слова стали основой всей его дальнейшей политики. Не допустить вмешательства посторонних держав в вопросы, которые подлежали юрисдикции только лишь России, Китая и Японии, — вот в чем заключалась ее суть.

Свое письмо великому князю Муравьев писал в тот момент, когда до него еще не дошли сведения о заключении Путятиним 1 июня 1858 года Тяньцзиньского договора. В его девятой статье говорилось: «Неопределенные части границы между Китаем и Россией будут без отлагательства исследованы на местах доверенными лицами от обоих правительств, и заключенное ими условие о граничной черте составит дополнительную статью к настоящему трактату».

— Еще ранее этого Муравьев отправил капитана М. И. Венюкова в экспедицию, поручив ему обследование путей, ведущих от Уссури к морю. Для более тщательного изучения местности и определения границы была образована другая экспедиция во главе с подполковником К. Ф. Будогосским. А сам генерал-губернатор вознамерился будущим летом побывать в южных гаванях. Несколько позже он сообщал великому князю Константину: «Главнейшие предметы этого плавания моего будут: предъявить в Хакодате мое уполномочие на переговоры (речь идет о переговорах с Японией. — А. А.); в Суйфунском заливе встретить обер-квартирмейстера Будогосского, который продвигает сухопутную границу между вершинами реки Уссури и морем; свезти карты новых наших границ в Печелийский залив, где передать их в Пекин для утверждения, чрез нашего уполномоченного. Из Печелийского залива я должен возвратиться для переговоров в Японию и от продолжительности оных будет зависеть, успею ли я возвратиться вверх по Амуру водою».

Но все это было потом, весной 1859 года, — мы забежали немного вперед. Конец же счастливого для Николая Николаевича года ознаменован сплошными празднествами. В Чите и в Иркутске его встретили восторженно: обеды, молебны, приемы сменяли друг друга. 26 августа последовал царский рескрипт о возведении Муравьева в «графское Российской империи достоинство» с присоединением к его фамилии названия «Амурский». Одновременно он был произведен в чин генерала от инфантерии. По этому поводу Муравьев 2 октября 1858 года издал приказ, в котором есть и такие слова: «Благодарю вас, любезные товарищи — пожалованных мне государем императором наград я удостоился вашими трудами, и название Амурского оставит в душе моей навсегда воспоминание о славном времени, которое я с вами служил!»

Всего было награждено 198 человек, принимавших непосредственное участие в Амурской экспедиции, в сплавах по Амуру, в основании селений по ее берегам. Получили награды Невельской, Казакевич и Корсаков — очередные ордена * и пожизненную пенсию. Такую же пенсию и ор-

* В дореволюционной России ордена, за исключением ордена святого Георгия и святого Владимира, давались в строго определенной последовательности их «старшинства». Это в какой-то мере стирало разницу между наградой за подлинные заслуги и, скажем, просто за выслугу лет. (Примеч. ред.)

ден получил директор Российско-Американской компании В. Г. Политковский, внук одного из ее основателей — Г. И. Шелихова. И вышло, что великая заслуга перед Отечеством первого исследователя Амура — Невельского — как бы сравнялась с куда более скромным вкладом многих рядовых участников освоения Приамурья. Сообщая о награде Невельскому, находившемуся в это время в гостях у родных, в Смоленской губернии, Муравьев отметил: «Отечество никогда Вас не забудет, как первого деятеля; создавшего основание, на котором воздвигнута настоящее здание».

Несмотря на вынужденное признание роли Невельского в амурских делах, Муравьев до конца жизни так и не смог преодолеть чувства раздражительности и даже некой зависти к отважному мореплавателю.

Последовавшие после заключения Айгунского договора годы вплоть до 1861-го, когда Муравьев окончательно распростился с Дальним Востоком, были наполнены заботами по заселению Приамурья и освоению Приморского края. В 1859 году генерал-губернатор проводил до Кяхты видного дипломата Н. П. Игнатьева, отправлявшегося в Китай завершать переговоры, а сам на пароходо-корвете «Америка» осмотрел южные гавани и наметил места для основания постов Новгородского и Владивостока. Во время этого плавания была открыта бухта, которую Муравьев назвал Находкой.

В ходе экспедиции Будоговского появились новые посты — по сухопутной границе, по реке Сунгача и по озеру Ханка. В 1860 году было образовано Амурское казачье войско. Его создание имело большое значение — ведь казаки не только несли службу, но и прочно обживали край. Всего же через два года после заключения Айгунского трактата было основано около ста населенных пунктов, в которых поселились свыше 15 тысяч человек. Существовали уже города — Николаевск и Благовещенск, прежние посты на Амуре превратились в поселки: Мариинск, Софийск, Хабаровка, а на побережье залива Петра Великого возникли Владивосток — будущий центр Приморья и Новгородский пост.

Таков результат деятельности Муравьева. Он сам прекрасно понимал ее значение и не без злой иронии писал 29 августа 1860 года Е. П. Ковалевскому: «Жив ли г. Несельероде и Сенявину, а также и Любимов (канцлер и его коллеги по министерству иностранных дел до Горчако-

ва. — А. А.), если живы, то надо бы им послать Айгунский договор с моим портретом, как единственную месть за доброе их к этому делу расположение».

15 февраля 1860 года Муравьев опять в Петербурге, где представил свои соображения о новом разделении Сибири. Он предлагал — и в дальнейшем его предложение было принято — отделить от Восточной Сибири Приморскую область, военному губернатору которой дать особые права в осуществлении внешней политики России на Дальнем Востоке. Из Петербурга 19 марта он уехал за границу, думая пробыть там полгода, но возвратился раньше: 15 июня генерал-губернатор уже снова в Иркутске. Как раз в это время ушел в отпуск его будущий преемник Корсаков.

Вскоре в столицу Восточной Сибири пришло известие о том, что 2 ноября 1860 года в Пекине заключен договор, по которому неразграниченная ранее территория отоходила к России. Тем самым было окончательно признано и закреплено право нашей страны на Амур и Уссурийский край. Заключение Пекинского договора явилось огромным шагом вперед к установлению точной и постоянной границы между Россией и Китаем. Положен был конец вековому спору о Приамурье и неразграниченных землях. Деятельность Муравьева-Амурского во многом предопределила этот блистательный успех мирной русской дипломатии. Окончательный размен пограничными картами и описаниями между Россией и Китаем стал возможен в результате деятельности экспедиции К. Ф. Будогосского в 1859—1860 годах. Комиссаром от правительства России при размене был назначен П. В. Казакевич. Местом переговоров стал пост Турий Рог. Завершились они 16 июня 1861 года.

Но эти события проходили уже без Муравьева. Он приготавливал себе замену — Корсакова в качестве правителя всего края, Буссе и Казакевича — губернаторами областей. В январе 1861 года вернулся из отпуска Корсаков, и Муравьев сразу же стал сдавать ему дела. Хлебосольные иркутские жители в течение нескольких дней устраивали всевозможные званые обеды, на которых произносились речи, читались стихи, прославляющие деятельность необыкновенного губернатора. Обеды давали чиновники, купцы, члены Совета главного управления Восточной Сибири, губернаторы областей. Затем дал прощальный обед сам виновник торжества.

В Петербурге Муравьев-Амурский подал официальное прошение об отставке. Она была принята. Он получил продолжительный (без указания срока) отпуск для лечения за границей. Но и покинув службу, Муравьев живо интересовался делами Сибири и Дальнего Востока. Он вел обширную переписку с Корсаковым, Кукелем, Венцелем и многими другими прежними сослуживцами, писал ходатайства, просьбы «сильным мира сего», его постоянными адресатами были военный министр Д. А. Милютин, министр просвещения А. В. Головнин, канцлер А. М. Горчаков. Нередко писал он ученым — русским и зарубежным.

Если в письмах Муравьева к Буссе, Корсакову, Казакевичу чувствуется оттенок привычного тона руководителя, то в обращениях к министрам и сановникам порой звучат просительные-доказательные нотки, особенно в тех случаях, когда речь идет о поощрениях его любимцев. Так, например, велико его участие в судьбе Болеслава Казимировича Кукеля. В свое время Муравьеву не удалось добиться для него генеральского чина. И теперь он всеми силами поддерживает представление Корсакова. В том, что Б. К. Кукель стал, наконец, генерал-майором, немалую роль сыграло письмо Муравьева-Амурского Милютину. Здесь, быть может, следует напомнить, что и Болеслав Кукель, и его брат Бронислав — достаточно заметные фигуры в истории Дальнего Востока. Последний, в частности, принял участие в основании Владивостока. Что касается Корсакова, то Муравьев и в 1861 и в 1862 годах всякий раз просит Милютина быть к нему благосклонным. Подобные просьбы об участии в жизни того или иного деятеля Сибири своего сибирского соратника повторяются чуть ли не в каждом письме графа Амурского. Все они сыграли немалую роль в судьбах сподвижников Н. Н. Муравьева.

Но с конца шестидесятых годов, когда все его сподвижники так или иначе сходят со сцены (умерли Корсаков и Буссе, получил новое назначение — в Кронштадт — Казакевич), постепенно ослабевают связи Николая Николаевича с Сибирью и с Дальним Востоком. Это, разумеется, не означает какого-то отхода от России и ее проблем. Хотя отставной губернатор живет в основном за границей, в Париже, он несколько раз предлагает царю свои услуги на любом поприще, достойном его опыта и знаний. Но неизменно ему дают понять, что ему луч-

ше ограничиться ни к чему серьезному не обязывающим званием члена Государственного Совета.

Даже и в русско-турецкую войну 1877—1878 годов заслуженному генералу не находится применения. А он хочет послужить еще Отечеству. Вот строки из его письма от 5 мая 1877 года А. В. Головнину: «По званию моему генерал-адъютанта я не вправе назначить себе место, но разумеется, что в настоящее время я не могу ни от чего отказываться, что благоугодно будет государю мне назначить делать». Любопытно, что в этом же письме есть свидетельство причастности Муравьева-Амурского к устройству в Сибири университета: «Вполне сочувствую учреждению Сибирского университета и, разумеется, буду об этом говорить в Общем Собрании (имеется в виду собрание Географического общества. — А. А.), но не разделяю мнения о выборе Омска для этой цели: по моему мнению, должен быть или Томск, или Иркутск». Так проходят годы и дни — последние годы и последние дни человека, продвинувшего свою страну далеко на Восток, к берегам Тихого океана.

В метрической книге церкви при русском посольстве в Париже появляется запись: «1881 г., ноября 18-го дня скончался от гангрены член Государственного Совета, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский, 72-х лет от роду».

У Муравьева не было детей. И поэтому он передал право наследования фамилии и графского титула брату Валерьяну с нисходящим от него потомством.

Сначала Муравьев был похоронен на Монмартрском кладбище в Париже в семейном склепе родственников своей жены Екатерины Николаевны, урожденной де Ришмон. В 1908 году его останки были перенесены в отдельную могилу. Это произошло по инициативе купечества и администрации Хабаровска, Владивостока и Никольск-Уссурийского. Их стараниями на могиле было установлено надгробие и возложен серебряный венок с надписью: «Города Приморской области Хабаровск, Владивосток и Никольск-Уссурийский — графу Муравьеву-Амурскому. 1858—1908».

До конца двадцатых годов в Хабаровске на высоком утесе, том самом, глядя на который Муравьев предсказал тут существование города, стоял прекрасный памятник необыкновенному губернатору работы выдающегося скульптора А. М. Опекушина, автора памятника А. С. Пушкину в Москве, М. Ю. Лермонтову в Пятигорске и ряда

других выдающихся творений. Памятник был установлен в 1891 году. Муравьев-Амурский изображен на нем во весь рост, опирающимся на сваю — символ русской жизни на Дальнем Востоке. В одной его руке сверток с Айгунским трактатом, в другой — морской бинокль.

На гранях постамента перечислены имена соратников первого правителя русских дальневосточных земель.

ПРАВО НА БЛАГОДАРНОСТЬ ОТЕЧЕСТВА

Спору нет, Муравьев был отнюдь не лишен недостатков. Очень хорошо сказал о нем известный сибирский статистик Вагин: «Все хорошее, что было сделано Муравьевым, было результатом его ума, все дурное — его характера». Главным недостатком этого человека, как отметил советский историк П. И. Кабанов, была вера в свою начальническую непогрешимость. Отсюда нежелание объективно проверять результаты мероприятий, предпринимаемых по его инициативе, нетерпимость к критическим замечаниям. И все же тысячу раз прав знаменитый путешественник и общественный деятель П. А. Кропоткин, который писал о Муравьеве так: «Он был очень умен, очень деятелен, обаятелен как личность и желал рабоботать на пользу края».

Кстати, небезынтересно своеобразное участие генерал-губернатора Восточной Сибири в победе М. А. Бакунина из Сибири за границу. Муравьев попросту как бы закрыл глаза на это дело, а открыл их тогда, когда знаменитого бунтаря уже не было в пределах России. И едва ли тут сыграли роль соображения семейные (Бакунин был женат на Наталье Семеновне Корсаковой — двоюродной сестре Муравьева и родной сестре М. С. Корсакова). Совсем не случайно Бакунин впоследствии писал Герцену о Муравьеве: «Это человек в высшей степени современный и просвещенный... Он решительный демократ, как мы сами». А в письме 8 декабря 1860 года Бакунин заметил, что Муравьев «единственный человек, пользующийся силою и властью в России, которого без малейшей натяжки и в полном смысле этого слова мы можем и должны назвать нашим».

Муравьев был совершенно непреклонен в проведении государственной политики на Дальнем Востоке. Если проследить события на Амуре, развернувшиеся в пятидесятых годах XIX века, то невольно приходит вывод, что события эти могли развернуться совершенно в другом на-

правлении, если бы в то время на Дальнем Востоке не оказались два фанатически преданных амурскому делу человека: Невельской и Муравьев. Талантливый и инициативный исследователь-первопроходец и облеченный огромной властью, необыкновенный по тем временам генерал-губернатор. Пользуясь данной ему властью, Муравьев в своих действиях шел порой намного дальше общей правительственной линии, часто ставя правительство перед уже совершившимся фактом. Непоколебимо отстаивая честь и достоинство Отечества, Муравьев сумел использовать сложившуюся на Дальнем Востоке политическую обстановку таким образом, что возвращение России Приамурья и присоединение Приморья произошло мирным путем и получило международное признание. Жизнь показала, что эта политика была правильной.

Отзывы о Муравьеве при всей их противоречивости сходятся в одном — признании его несомненных заслуг перед Родиной. Во многом благодаря его стараниям Приамурье, Приморье и Сахалин вошли и навечно остались в составе нашего государства.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Алексеев А. И. Амурская экспедиция 1849—1855 гг. М., 1974.

Алексеев А. И. Дело всей жизни. Хабаровск, 1972.

Барсуков И. П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский. Кн. 1—2. М., 1891.

Богданов Р. К. Воспоминания амурского казака о прошлом с 1849 по 1880. — Записки Приамурского отдела Русского Географического общества, т. V, вып. III, Хабаровск, 1900.

Будинский П. Гр. Н. Н. Муравьев-Амурский. Соч. И. Барсукова. Рецензия. Спб., 1895.

Венюков М. И. Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, 1970.

Заборинский А. И. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский в 1848—1856 гг. — Русская старина, ч. 6, Спб., 1881.

Завалишин Д. И. Амурское дело и влияние его на Восточную Сибирь и государство. — Русская старина, ч. 9. Спб., 1881.

Кабанов П. И. Амурский вопрос. Благовещенск, 1959.

Муравьев-Амурский В. В. Граф Ник. Ник. Муравьев-Амурский (1809—1909). Варшава, 1909.

Невельской Г. И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. Хабаровск, 1969.

Петров А. И. Амурский щит. Хабаровск, 1974.

Римский-Корсаков В. А. Балтика — Амур. Хабаровск, 1980.

Свербеев Н. Д. Журнал плавания по Амуру в 1854 г. —

Записки Сибирского отдела Русского Географического общества, т. III. Омск, 1857.

Сгибнев А. С. Амурская экспедиция 1854 г. — «Древняя и Новая Россия», № 11 и 12. Спб., 1878.

Сидеснер А. К. Адмирал Г. И. Невельской. Спб., 1914.

Струве Б. В. Воспоминания о Сибири 1848—1854 гг. Спб., 1883.

Штейн М. Г. Н. Н. Муравьев-Амурский. Хабаровск, 1946.

Шумахер П. В. К истории приобретения Амура. Сношения с Китаем с 1848 по 1860 год. — «Русский архив», 1878, № II. Спб., с. 287—342.

Шумахер П. В. Об обстоятельствах, сопровождавших заключение Айгунского трактата. — «Русский архив», 1878, № III. Спб., с. 333—342.

ВОИН АНДРЕЕВИЧ РИМСКИЙ-КОРСАКОВ

РОДИТЕЛИ, ДЕТСТВО, УЧЕНИЕ

В начале прошлого века Тихвин еще не был тем уездным захолустьем, каким стал позже. Реконструкция Мариинской водной системы, доступной для паровых судов, привела к тому, что мелководная Тихвинка осталась в стороне от главных речных магистралей. Захирел и Тихвин, низошедший до третьеразрядного провинциального городишки.

Но наш рассказ относится к тридцатым годам XIX века, когда город еще стоял на оживленном торговом пути. Жил в ту пору на краю Тихвина, в небольшом бревенчатом доме с мезонином, отставной чиновник Андрей Петрович Римский-Корсаков, человек уже немолодой, выходец из старинного, но обедневшего дворянского рода. В молодости служил в иностранной коллегии, а потом в министерстве юстиции и внутренних дел, небезуспешно продвигаясь по службе. В 1827 году сорока лет от роду он получил назначение на должность новгородского вице-губернатора, а в 1831 году стал гражданским губернатором Волынской губернии. На этом посту через четыре года Андрей Петрович и закончил свою карьеру. Как можно судить по дошедшим до нас отзывам современников, это был добрый, гуманный человек, пытавшийся в меру своих возможностей ограничить произвол и насилие власть имущих в губернии. Не нажив на службе состояния и потеряв по житейской своей непрактичности родовое, унаследованное от отца имение, доживал он свой век в уездном деревянном Тихвине на небольшую пенсию.

Переезд семьи Римских-Корсаковых в Тихвин относится, по-видимому, ко второй половине тридцатых годов. Супруга Андрея Петровича — София Васильевна была дочерью орловского помещика Скарятина и крепостной. Знавшие Софию Васильевну характеризуют ее как женщину умную и образованную, оказавшую большое благо-

творное влияние на обоих сыновей, старшего — Воина и младшего — Николая, или, как его называли в семье, Нику, будущего выдающегося композитора. Биографы Николая Андреевича отмечают, что первой его учительницей стала мать. Вероятно, и Воин Андреевич, не чуждый интереса к музыке, получил от Софии Васильевны элементарную музыкальную подготовку.

Андрей Петрович Римский-Корсаков был старше своей жены на восемнадцать лет. Их брак состоялся по любви. Родовитого дворянина не смутило сомнительное, с точки зрения аристократической среды, происхождение невесты. Андрей Петрович оказался выше сословных предрассудков. Кстати, поселившись в Тихвине, отставной губернатор еще оставался владельцем нескольких крепостных семей. Как вспоминает Николай Андреевич Римский-Корсаков в своей книге «Летопись моей музыкальной жизни», отец его, будучи принципиальным противником крепостного права, отпустил одного за другим на волю всех своих дворовых. Они остались в доме Римских-Корсаковых в качестве наемной прислуги. Факт примечательный.

К своему аристократическому происхождению, к истории рода, окутанной самыми фантастическими легендами, Андрей Петрович относился с иронией. Он не одобрял тех людей своего круга, которые кичились действительными или мнимыми пращурами, упоминавшимися в древних родословных.

О происхождении Римских-Корсаковых в свое время существовало немало легенд. Еще в XVII веке его представители назывались просто Корсаковы. Но в конце века трое братьев Корсаковых добились от царя разрешения именоваться Римскими-Корсаковыми, дабы отделиться от каких-то других, не имевших прямого отношения к их роду однофамильцев. Свою челобитную братья мотивировали тем, что их предок Сигизмунд, выехавший на Русь во времена великого князя московского Василия Дмитриевича, сына Дмитрия Донского, был будто бы чешского происхождения, подданным римского императора (Чехия, как известно, входила в состав Священной Римской империи).

Тогда же, в конце XVII века, была составлена легендарная генеалогия рода Римских-Корсаковых, ведущих свое начало якобы от античного мифического героя Геркулеса. Сочинение подобных легенд в ту пору, когда еще не было покончено со всеми пережитками местничества и

каждое семейство пыталось перещегоолять друг друга своими претензиями на знатность и древность, было явлением довольно распространенным.

Лишенный какого бы то ни было чувства сословной кичливости, Андрей Петрович гордился выдающимися представителями своей семьи. Сыновьям он внушал, что долг человека — в честной службе Отечеству и ставил в пример брата своего. Посвятивший себя морской службе, Николай Петрович Римский-Корсаков во время Отечественной войны 1812 года перешел в сухопутную армию и отличился в боях под Смоленском, Бородином и Тарутином. В дальнейшем он вернулся во флот и в 1823—1826 годах участвовал в кругосветном плавании под руководством известного русского мореплавателя и ученого О. Е. Коцебу. Именем Н. П. Римского-Корсакова были названы острова в Тихом океане. Занимая ряд высоких командных постов в российском флоте, Николай Петрович дослужился до адмиральского звания. В последние годы жизни он возглавил морской корпус, сменив на этом посту прославленного Крузенштерна.

К моменту переезда Римских-Корсаковых в Тихвин их первенец и в то время единственный сын Воин, или подомашнему Воинька, был уже воспитанником морского корпуса. К родителям он наезжал лишь во время редких и кратковременных отпусков. Летних каникул в общепринятом смысле этого слова учащимся корпуса не полагалось. В летние месяцы они выходили в учебное плавание.

Домашняя обстановка оказала немалое влияние на формирование характера и кругозора мальчика. Независимость суждений, отвращение к деспотизму и беспринципному карьеризму, честность и прямота, свойственные Андрею Петровичу, могли послужить хорошим примером для сына.

И хотя рано покинул маленький Воинька родительский дом, его тесная духовная связь с отцом продолжалась до последних лет жизни Андрея Петровича, умершего в Тихвине в начале 1862 года. Сохранилось обширное эпистолярное наследие Воина Андреевича. Основное место в нем занимает переписка с родителями. Это ценнейший источник, позволяющий воссоздать многие страницы биографии моряка, наглядно представить историю его нравственного становления. Воин Андреевич писал родителям обширные письма как из корпуса, так и из дальних плаваний, не упуская ни одной из мелочей своей

флотской службы, делясь всеми большими и малыми событиями, самыми сокровенными мыслями. Тон в них неизменно почтительный. Нетрудно убедиться, что переписка Воина Андреевича с родителями свидетельствует об их полном взаимном доверии и уважении. Мнение отца и матери всегда было авторитетно для сына. Он же твердо знал, что любые впечатления из дальних странствий интересны родителям, людям образованным и начитанным.

В уездном «свете» поговаривали об опасном свободомыслии экс-губернатора, о некоторых поступках его, которые вряд ли могли прийтись по вкусу великим мира сего. Еще в бытность новгородским вице-губернатором Андрей Петрович Римский-Корсаков не скрывал своей симпатии к осужденным декабристам. Один из видных участников восстания на Сенатской площади — М. А. Муравьев-Апостол, приговоренный к сибирской каторге, вспоминал о встрече на почтовой станции в Тихвине с местным вице-губернатором. Андрей Петрович Римский-Корсаков сочувственно отнесся к декабристу, следовавшему на каторгу, оказал ему денежную помощь. «Таких добрых людей немного, о них с радостью вспоминаешь», — писал впоследствии М. А. Муравьев-Апостол.

Встречался А. П. Римский-Корсаков и с другими осужденными декабристами, следовавшими под конвоем в Сибирь через территорию Новгородской губернии. В Ладогое произошла встреча с И. Д. Якушкиным, вспоминавшим: «В нашу комнату вошел человек очень порядочной наружности, фельдъегерь хотел было не пустить его к нам, но вполне смирился перед ним, когда узнал, что это был Римский-Корсаков. Беседа с Корсаковым была для нас очень приятна и любопытна. Он сообщил нам некоторые известия о том, что делалось в Петербурге, и известил нас также о проезде Муравьева и Бестужева, с которыми виделся».

Воин Андреевич, разумеется, не мог не знать об этих поступках отца и их последствиях.

Унаследовав многие отцовские качества, он также проявлял независимость суждений и поступков, в той мере, в какой позволяли жесткие рамки флотской дисциплины и субординации. В письмах к родителям Воин Андреевич бывал предельно откровенен и порой давал весьма резкие и нелестные характеристики высокопоставленным сановникам. Наоборот, о простых людях, тружениках Воин Андреевич отзывался обычно с большой теплотой,

будь то дворový или матрос. Еще в ранних письмах, адресованных родителям, он с трогательной заботой вспоминает о няньке и просит отца: «Берегите Дуняшу за то, что она несколько лет за мной ходила». Командуя впоследствии боевым кораблем, В. А. Римский-Корсаков проявлял неустанную заботу о команде, а в своих письмах и записках не забывал упомянуть о рядовых матросах, без которых был бы невозможен успех дела.

Воин Андреевич Римский-Корсаков родился 14 июля 1822 года в имении родных матери, в Малоархангельском уезде Орловской губернии. Андрей Петрович еще служил в Новгороде, когда восьми лет от роду маленький Воин был определен в морское отделение Александровского корпуса в Царском Селе. Как видно из эпистолярного наследия мореплавателя, в корпус он смог поступить не сразу, вероятно, лишь после настойчивых хлопот со стороны отца и дяди. До этого маленький Воин некоторое время обучался в частном французском пансионе. В пансионе мальчик получил неплохие основы начального образования. Об этом можно судить хотя бы по ранним письмам Воина, написанным вполне уверенной рукой.

Определить сына на морскую службу родителей заставили, по-видимому, два обстоятельства. Новгородскому вице-губернатору приходилось заботиться о будущей судьбе сына, который не мог рассчитывать на богатое наследство. Чуждый мздоимству, Андрей Петрович не собирался приумножать богатство свое общепринятыми в чиновничьей среде нечестными методами, да и не очень надеялся долго ужиться с сановной верхушкой. И кроме того, отец хотел внушить сыну веру в необходимость пусть суровой, но честной службы Отечеству. В ту пору традиции российского флота были связаны со славными именами Ушакова, Лазарева, Крузенштерна, Беллинсгаузена и их подвигами в огне сражений или на дальних неизученных меридианах.

Морское отделение Александровского корпуса давало, по существу, начальное образование с некоторым специальным уклоном, обеспечивающим последующее поступление в среднее военно-морское учебное заведение. Отсюда Воин Андреевич поступил через три года в Морской кадетский корпус, размещавшийся в Петербурге на Васильевском острове.

Во главе корпуса стоял тогда (с 1827 года) выдающийся русский мореплаватель контр-адмирал Иван Федорович Крузенштерн, вписавший славную страницу в исто-

рию русских географических открытий. Он немало сделал для улучшения системы воспитания будущих морских офицеров, стремился расширить круг общеобразовательных дисциплин. Значительные суммы тратились на приобретение разнообразных учебных пособий, моделей кораблей, приборов, пополнение библиотеки многими русскими и иностранными сочинениями; были основаны корпусной музей, а также астрономическая обсерватория. Новый директор предпринял серьезную перестройку здания Морского кадетского корпуса на набережной Невы с целью создания лучших условий для занятий и размещения кадетов.

Но в условиях жестокой николаевской реакции все самые добрые побуждения отдельных военачальников не могли существенным образом смягчить общий казарменный дух. Все нововведения Ивана Федоровича Крузенштерна как директора корпуса оказались лишь полумерами и не меняли существа воспитательной системы.

В. П. Одинцов, оставивший свидетельства о корпусной жизни времен И. Ф. Крузенштерна, писал: «Новичкам обыкновенно в первое время плохо приходилось от преследования товарищей». Другой воспитанник корпуса тех лет, А. С. Зеленый, свидетельствовал: «...нравы самих кадет и их обращение друг с другом в мое время были поистине варварскими. И чем старше рота, тем грубее были нравы и обычаи воспитанников... Мы беспрестанно дрались». По его словам, фельдфебели, унтер-офицеры, ефрейторы занимались рукоприкладством. В положении париев оказывались «задорные», которые имели неосторожность пожаловаться офицеру на товарища. Их окружали всеобщим презрением, ими гнушались, как зачумленными, просто старались не замечать. Никто не хотел сделаться «задорным» и предпочитал терпеть самоуправство старших и сильных.

Император Николай I нередко наведывался в корпус или на корабли корпусной эскадры, выходявшие в летние месяцы к Петергофу. Являясь в корпус, он допускал показное панибратство с воспитанниками младших классов.

Случалось, однако, что государь выходил из своей роли доброго «отца-командира» и устраивал всему корпусу жестокий разнос, если находил какие-либо непорядки в строевой службе или оставался недоволен смотром. Этих смотров, проводимых суровым царем, в корпусе боялись как огня. Примечательный и, очевидно, далеко не единственный случай приводит сам Воин Андреевич в пись-

ме к родителям от 7 июня 1836 года. Николай I делал смотр корпусу. Приехал он, будучи не в духе, остался крайне недоволен воспитанниками и разбранил их. «Нас учили целых три недели ружейной экзерциции по 6 часов в день, классов не было, — пишет по этому случаю Воин. — Не знаю, как для других, но для меня это очень было неприятно, тем более что фронтовая служба для меня хуже горькой редьки». Характерное признание. Как правило, Воин Андреевич на тяготы корпусной жизни родителям не жаловался. С жестокими корпусными правами, вечными драками среди воспитанников, культом сильного, постоянной муштрой и вспышками царского гнева Воин Андреевич, по-видимому, примирился как с явлением, в тех условиях неизбежным.

Ряд писем В. А. Римского-Корсакова к родителям, относящихся к периоду учебы в Царском Селе и Петербурге, позволяют судить о том, как формировалась личность будущего морского офицера, расширялся круг его интересов.

Ранние письма маленького Воина очень кратки. Иногда они написаны на французском языке. Мальчик сообщает о прогулках по большому царскосельскому парку, обещает родителям хорошо учиться и вести себя. Встречи с царем для кадета — события первостепенной важности. Воин еще всецело находится под влиянием того легендарного образа «простецкого» и доброго «отца-императора», который искусно создавался самим Николаем Павловичем.

Но по мере того как Воин Андреевич вырослел и мужал, проявления его ребяческих верноподданнических чувств как-то приглушались, стирались. Тон писем к родным становился более критическим. Расширялся круг интересов Воина, его замечания более метки и наблюдательны. Не могли не взволновать пятнадцатилетнего юношу гибель великого Пушкина и отклики общественности на это событие. В письме Воина отцу, датированном 16 марта 1837 года, встречается такая примечательная фраза: «На смерть А. С. Пушкина здесь появилось множество стихов, один из сочинителей гусарский офицер Лермонтов отправлен на Кавказ за некоторые стихи против Двора».

Общий тон писем Воина родителям бодрый. Он не касался мрачных сторон жизни корпуса, кадетских драк, обид со стороны «старикашек», рукоприкладства унтер-офицеров. Однако значительно позже, будучи уже мор-

ским офицером, Воин Андреевич напишет с горечью: «И что всего удивительнее, так это то, что мы следовали нашим добрым побуждениям и сами развивали в себе добрые наклонности, без всякого участия в том со стороны наших начальников, потому что я не колеблясь положу руку на сердце и скажу, что их обхождение с нами было совсем не родительское, как бы следовало с детьми нашего возраста; оно было жестоко и ожесточало нас против них».

Оказавшись на склоне лет в роли директора Морского кадетского корпуса, В. А. Римский-Корсаков приложил много сил, чтобы изменить гнетущую обстановку там и построить систему воспитания на доверии и уважении к воспитанникам.

Хотя вряд ли особенно досаждали будущему мореплавателю, имевшему влиятельного покровителя в лице его дяди Николая Петровича, близкого к корпусному начальству, офицеры-воспитатели. Воин иногда навещался к нему в гости в Кронштадт или писал письма.

Теоретическая подготовка в стенах корпуса дополнялась практикой — плаваниями на учебных судах Корпусной эскадры в летние месяцы. Обычно плавали на четырех плоскодонных фрегатах, каждая рота на своем судне, по мелководной «Маркизовой луже», ближайшей к Петербургу части Финского залива, не удаляясь дальше Петергофа и Кронштадта. Воспитанники старших гардемаринских классов поступали на боевые корабли Балтийского флота или на фрегаты особого учебного отряда. Они выходили в открытое море, преодолевали извилистые мелководные фарватеры, минуя коварные банки, отмели, островки в шхерах финляндского побережья и Моонзундского архипелага, заходили в порты Балтики: Свеаборг, Гангут, Ригу, Либаву. Кроме российских портов, посещали иногда также прусские и датские.

Воспитанники корпуса знакомились с практической службой моряка парусного флота. Они выполняли все основные судовые работы, подымали и крепили паруса, занимались артиллерийскими учениями, решали астрономические задачи. Впоследствии Воин Андреевич писал о летних плаваниях:

«Вспомним, что корпусная эскадра заменила нам каникулы, и хотя в сущности она не приносила нам ни на грош каникулярной свободы, однако довольно было и того, что прекращались все регулярные классные занятия. «Скоро в поход!» — слышалось во всех углах, писалось

мелом и углем на стенах; тетради и записи рвались на тысячу кусков и пускались из окна на дворы и улицы, что даже называлось на кадетском жаргон* «пускать каникулы»; с идеею о походе соединялось нечто более привлекательное, чем корпусные стены. К родным никого не пускали, и, право, никто даже об этом и не мечтал, потому что ничей пример не соблазнил. На неуклюжих, но довольно удобно устроенных фрегатах мы ели деревянными ложками из общей миски поартельно, а солонину и говядину без ножей и вилок и, право, не вздыхали о корпусной зале... Системы в нашем обучении никакой не было, только и было работы, что отдать и поставить паруса при съемке, закрепить их, становясь на якорь, да раз двадцать повторить овер-штаг... **. Тем не менее мигом усваивали мы морской язык, узнавали снасти, приучались бегать по вантам и спускаться по снастям, грести, затверживали румбы компаса и исправление их, наизусть выучивали производство сигналов, артиллерийское ученье... и как увлекались мы этими занятиями! Как ревностно старались обогнать друг друга, бегая по вантам; с каким задором иногда бегали с лопарем браса в руках!»

Это яркое описание учебных плаваний мог сделать лишь человек, горячо влюбленный в нелегкую профессию моряка, требующую большой физической закалки, натренированности, сноровки.

В 1837 году Воин Андреевич был произведен в гардемарины и плавал на фрегате «Прозерпина» по Балтийскому морю. Письма его к родителям содержат много интересных наблюдений о гидрографических условиях Балтики, о посещении балтийских портов и службе на фрегате.

При переводе из старшей кадетской роты в гардемаринскую Воин Андреевич оказался по успеваемости в первом десятке воспитанников, восьмым. Успешно выдержал он и выпускные экзамены, получив по большинству предметов очень хорошие баллы. Не был он удовлетворен лишь своими ответами по начертательной геометрии и статистике, о чем и написал отцу.

Окончание Морского корпуса давало младшее офицерское звание мичмана. Производство в офицеры шестнадцатилетнего моряка состоялось в декабре 1838 года.

* Жаргоне (франц.). (Примеч. авт.)

** Морской термин: такой поворот корабля, когда он, меняя свое положение относительно ветра, переходит линию ветра носом. (Примеч. авт.)

Такое событие было связано с неизбежными и довольно обременительными расходами. Соблюдая общепринятые престижные нормы дворянско-офицерской среды, молодые мичманы или даже лейтенанты обычно не укладывались в рамки более чем скромного должностного оклада. Приходилось экипироваться за свой счет. Но Андрей Петрович Римский-Корсаков, не имевший уже других доходов, кроме пенсии и скромного хозяйства при тихвинском своем доме, не мог баловать сына щедрыми субсидиями. В одном из писем Воин сообщает отцу, что получил от него пять рублей.

Первым боевым кораблем, на котором Воину Андреевичу довелось служить и плавать, был фрегат «Александр Невский». Затем последовало назначение на бриг «Патрокл», выходивший в конце мая 1839 года из Кронштадта для описи финляндских берегов. На корабле юному мичману полагалась собственная каюта, хотя и крохотная — два с половиной аршина* в длину и полтора в ширину. В ней узкая койка, столик да полка с книгами. Перед выходом брига из Кронштадта на «Патрокл» наведался дядюшка Николай Петрович, снабдивший племянника добрыми напутствиями.

Началась самостоятельная флотская служба, беспокойная, суровая, временами изнурительная.

ЧЕРЕЗ ТРИ ОКЕАНА

В летние месяцы плавания следовали одно за другим. Менялись корабли, на которых доводилось служить юному мичману. За «Патроклом» последовали фрегат «Мельпомена», бриг «Нестор», корабль «Кацбах». Но все они выполняли одну и ту же задачу: крейсировали по Балтийскому морю и его заливам.

Когда льды сковывали Финский залив и северную Балтику, экипажи зимовали в Кронштадте или Ревеле. Воин Андреевич, как свидетельствуют его письма, упорно занимался самообразованием — штудировал иностранные языки: французский, английский, немецкий, посещал музыкальные вечера, много читал. Его любимыми авторами становятся Шекспир, Шиллер, Байрон, Вальтер Скотт, Свифт. «Не мешает иметь классиков, их можно читать всю жизнь», — писал молодой офицер родителям.

В Ревеле девятнадцатилетний моряк стал брать уроки

* 1 аршин равен 71,42 сантиметра. (Примеч. ред.)

игры на фортепиано у местного учителя музыки Венига. Воин Андреевич сам признает, что после трех уроков он уже мог достаточно сносно разбирать ноты. Секрет столь быстрых успехов мичмана состоял, по-видимому, в природной одаренности и в том, что зачатки музыкальных знаний маленький Воин получил от матери еще в раннем возрасте.

Кроме классиков мировой литературы, мичман Римский-Корсаков читал много научных книг и статей, русских и иностранных. Его интересовали и навигация, и гидрография, и корабельная архитектура. Не забывал он и о постоянной физической тренировке, занимаясь в периоды стоянок плаванием и верховой ездой. И уже тогда, будучи еще совсем молодым офицером, он выработал четкое представление о долге моряка перед Отечеством. Отвергая честолюбие и славолубие, Воин Андреевич признавался родителям: «Мне случается мечтать о возвышении в чинах, только цель этих мечтаний не та, чтобы удовлетворить своему самолюбию, но неподдельное и искреннее желание быть полезным своему Отечеству. По теперешним моим мыслям, я готов пробыть целый век в чине мичмана, лишь бы мне дали средства быть полезным...»

Но на исхоженных путях Балтики было мало просто-ра и возможностей стать первооткрывателем. Пытливый и дерзкий ум Воина Андреевича стремился к большему. Он вспоминал рассказы дяди Николая Петровича о кругосветном плавании и неведомых островах на Тихом океане, о тайфунах и встречах с полинезийцами и сам мечтал о дальних морях и странах, смелых открытиях. Так, в одном из писем, датированном 24 марта 1845 года, можно прочесть о его стремлении проситься куда-нибудь в отдаленные места, например в Архангельск, или прослужить лет пять в Российско-Американской компании.

Между тем продвижение по службе у старательного офицера шло успешно. В 1843 году служивший в то время на бриге «Нестор» В. А. Римский-Корсаков был произведен в лейтенанты.

В конце лета 1845 года его перевели на корабль «Ингерманланд», уходящий в большое заграничное плавание. Предстояло посетить Копенгаген, Плимут, Гибралтар, Средиземное море. Этот и другие походы в чужие моря и страны давали пытливому, наблюдательному офицеру пищу для критических размышлений.

Позже, в 1851 году, на страницах сентябрьского но-

мера «Морского сборника» Воин Андреевич впервые выступил с серьезной публикацией. Его статья была озаглавлена «Несколько встреч с английскими военными судами». Автор дает высокую оценку выучке и слаженности команд на кораблях британской эскадры, чему он сам стал свидетелем на Мальте. Далее он обращает внимание на рациональную, удобную оснастку кораблей, блестящую опрятность и чистоту помещений. Вместе с тем Воин Андреевич не одобряет показной роскоши офицерских кают, которой щеголяли английские офицеры. Он отмечает и кастовую замкнутость британской военной верхушки.

Литературную деятельность Воин Андреевич сочетает и с работой переводчика. Совместно со своим другом и сослуживцем П. Н. Головиным В. А. Римский-Корсаков во время зимовки в Ревеле в 1847—1848 годах перевел обширное сочинение французского адмирала Жюльена де-ла-Гравьера «Морские войны времен Французской республики и Империи». Книга эта, по словам биографа В. А. Римского-Корсакова Д. Б. Мертваго, стала настольной книгой офицеров русского флота. Моряки дарили ее своим сыновьям, готовившимся к военно-морской службе.

В 1851 году Воин Андреевич впервые выходит в море командиром корабля. Правда, еще далеко ему до того, чтобы командовать трехдечным многопушечным гигантом, фрегатом, корветом или хотя бы бригом. Двадцатидевятилетний лейтенант всего лишь командир небольшого вспомогательного судна — тендера «Лебедь» с малочисленным экипажем. Но все-таки это одномачтовое суденышко всецело доверено его знаниям, умению, опыту моряка. Да и то — разве не завоевал он уже репутацию бывалого морехода, закаленного бурями, штормами и ветрами?

Плывать на «Лебеде» пришлось около двух лет. В эти годы Воин Андреевич в основном ходил в шхерах у берегов Финляндии, исследуя опасные извилистые фарватеры, проникал туда, где не рисковало пройти между островками и отмелями крупное судно. Он наносил на карту вновь обнаруженные банки, уточнял прежние сведения гидрографов, отыскивал пригодные для якорных стоянок места. Опыт, накопленный в шхерах Финского и Ботнического заливов, Аландского и Моонзундского архипелагов, впоследствии весьма пригодился мореплавателю в исследованиях сложных гидрографических условий у берегов Приморья и Сахалина, опасных для плавания фарватеров

Амурского лимана и Татарского пролива. В зимние месяцы командир «Лебедя» не терял времени. Он работал над статьей для «Морского сборника» о военной экспедиции французов в Мексику. И мечтал об океанских просторах.

И вот, наконец, мечта исполнилась. Высшее морское начальство обратило внимание на способного, инициативного офицера, зарекомендовавшего себя в должности командира тендера самым наилучшим образом. Лейтенант заслуживал большего, чем командование вспомогательным суденышком. И его включают в состав участников экспедиции адмирала Ефима Васильевича Путятина, направлявшейся к берегам Восточной Азии и Японии. В начале плавания — от выхода из Кронштадта до прихода к британским берегам — В. А. Римский-Корсаков должен был состоять в числе офицеров фрегата «Паллада». А затем на него возлагалась миссия принять под свое командование закупленную в Англии паровую шхуну «Восток». Шхуна также предназначалась для далекой экспедиции, цель которой состояла в том, чтобы добиться установления торговых, а по существу, и дипломатических отношений с Японией.

Вся эскадра Путятина состояла из четырех боевых единиц: фрегата «Паллада» под флагом адмирала, шхуны «Восток» и еще двух кораблей, которые должны были присоединиться к ней уже в Тихом океане, — корвета Камчатской флотилии «Оливуца» и транспорта «Князь Меншиков». Кроме дипломатической миссии, перед экспедицией ставились и научно-исследовательские цели — сбор сведений о районе Дальнего Востока, и в частности о Сахалине. Эту последнюю задачу Путятин возлагал на В. А. Римского-Корсакова и на экипаж его шхуны.

Подняли якорь 7 октября 1852 года. Еще до выхода в море Воин Андреевич близко сошелся с командиром фрегата капитан-лейтенантом Иваном Унковским, опытным боевым офицером, о котором впоследствии вспоминал с неизменным чувством глубокого уважения. Унковский, служивший под началом известного адмирала Лазарева, много повидал за время своих путешествий по Средиземному морю. Его рассказы о недавно умершем Михаиле Петровиче Лазареве, у которого он почти семь лет был адъютантом, Воин Андреевич слушал с глубоким вниманием и интересом. Командир фрегата, в свою очередь, оценил способности лейтенанта (чин капитан-лейтенанта

В. А. Римский-Корсаков получил уже в ходе плавания, в апреле 1853 года) и возложил на него временное исполнение обязанностей внезапно заболевшего старшего офицера.

Были на фрегате и другие способные офицеры, например лейтенанты Петр Тихменев и Иван Бутаков, представитель большой семьи известных русских моряков. Поселился Воин Андреевич в одной каюте с офицером по особым поручениям при начальнике экспедиции, капитан-лейтенантом Посьетом. С ним также сложились добрые отношения.

Внимание В. А. Римского-Корсакова привлек также один штатский спутник, немолодой уже, располневший человек. О нем тихвинские обитатели узнали из очередного письма сына: «Есть у меня здесь приятный собеседник Иван Александрович Гончаров, человек уже сорока лет, известный в нашей литературе весьма интересным романом «Обыкновенная история». Гончаров, в то время чиновник департамента внешней торговли, был привлечен Путятиным в качестве секретаря и своего рода историографа экспедиции. О плавании фрегата и дипломатической миссии адмирала Путятина Иван Александрович впоследствии поведал в своей книге «Фрегат «Паллада», вошедшей в русскую литературную классику. Гончаров с большой теплотой отзывался в своих очерках о Римском-Корсакове, Унковском и других передовых офицерах, друзьях Воина Андреевича, противопоставляя их некоторым самодурам и солдафонам из путятинского окружения.

С адмиралом у В. А. Римского-Корсакова с самого начала складывались сложные отношения. В его письмах к родным сквозит сдержанная неприязнь к начальнику экспедиции. Воин Андреевич хотел обусловить некоторую самостоятельность в своих действиях, чтобы не зависеть от мелочной опеки и капризов Путятина. Вряд ли это удалось в полной мере.

30 октября фрегат «Паллада» бросил якорь в Портсмуте. В первый же вечер лейтенант Римский-Корсаков отправился посмотреть свою будущую шхуну, понравившуюся ему с первого взгляда. Это было добротное судно с достаточно сильной по тем временам паровой машиной. Команда на шхуну была назначена немногочисленная — всего 37 человек, из них 6 офицеров. Кроме командира — два флотских офицера, лейтенант А. Шлиппенбах и мичман П. Анжу, поручик корпуса флотских штурманов

И. Моисеев, инженер-механик подпоручик И. Зарубин и врач Г. Вейрих.

После утомительного рабочего дня Воин Андреевич любил побродить по книжным лавкам, понаблюдать жизнь оживленного портового города. В гостинице он оставался недолго, перебравшись при первой возможности на шхуну, в уютную, отделанную красным деревом командирскую каюту. Шли последние приготовления к выходу. Загружали трюмы углем, бочонками с питьевой водой, съестными припасами.

Шхуна «Восток» и фрегат «Паллада» вышли из Портсмута 6 января 1853 года. Оба корабля направились в южную Атлантику, огибая Африку. Шхуна была первым русским паровым судном, пересекавшим экватор.

На судне шла своим чередом размеренная и напряженная жизнь, заполненная уборками, авралами, текущей починкой парусов. Командир стремился поддерживать на шхуне непринужденную товарищескую атмосферу, не допуская бессмысленной муштры. Это не мешало ему, однако, сохранять строгую дисциплину, основанную на доверии к матросу, а не на угрозе взыскания.

Спустя три с половиной месяца плавания по просторам Атлантики на горизонте показался мыс Доброй Надежды. 14 марта шхуна бросила якорь в бухте Саймонсбей невдалеке от Капштата (Кейптауна). Фрегат, опередивший шедшую под парусами шхуну, был уже здесь. В продолжение месячной стоянки команды приводили в порядок потрепанные переходом через Атлантику корабли, устраняли повреждения.

От южной оконечности Африки экспедиция направилась в Гонконг. В. А. Римскому-Корсакову адмирал Путятин дал указание зайти на Западную Яву для пополнения запасов воды и продовольствия.

Индийский океан встретил маленькую шхуну неприятливо. Разбушевавшийся шторм швырял ее с одного гребня волны на другой. Но, к счастью, шторм оказался непродолжительным. Дальнейшее плавание через Индийский океан прошло более или менее благополучно.

В ночь с 11 на 12 июня шхуна прибыла, оставив позади Яванское и Южно-Китайское моря, в Гонконг. Фрегат пришел двумя днями позже, сделав остановку в Сингапуре. И опять команды принялись приводить в надлежащий вид суда, потрепанные за время двухмесячного плавания от мыса Доброй Надежды.

Еще до выхода в дальнейший путь «Восток» совершил небольшой переход от Гонконга до китайского города Кантона, где Путятин собирался встретиться с тамошним генерал-губернатором. Знакомясь с окрестностями Кантона, Воин Андреевич испытывал чувство, как будто уже видел однажды эту местность. Казалось, что каждый мыс, каждый островок будит какие-то воспоминания. И лишь потом сообразил, какой причиной такое чувство вызвано. В свое время он заинтересовался историей англо-китайской опиумной войны, прочитал много литературы об этих событиях и по книгам и статьям хорошо представлял театр военных действий. Вот следы крепости, разрушенной англичанами; вот место, где китайцы жгли опиум, конфискованный у английских торговцев-контрабандистов; здесь интервенты уничтожили китайскую флотилию. На подступах к Кантону Жемчужная река суживается. Два небольших острова еще более стесняют ее фарватер. В умелых руках это была бы неприступная твердыня. Но английская эскадра в несколько часов уничтожила все укрепления и батареи, прикрывавшие путь к Кантону.

В чем причина трагедии этой страны древней цивилизации, закабаляемой европейскими агрессорами? Причина отнюдь не в каких-то «особых» качествах китайцев, якобы неспособных постичь современную науку и технику. Воин Андреевич с иронией относился к такому снобистскому, невежественному представлению о китайском народе. Простые китайцы всегда вызывали у него чувство искренней симпатии, а китайской джонкой русский моряк неподдельно восхищался. В письмах к родителям он написал: «На джонку любо смотреть: она хороша, чисто сработана, легка на ходу, опрятно содержится, легко управляема. Паруса у них рогожные, а вид их с непривычки странен нашему глазу. Но эта рогожа сплетена из такой травы, плотна и мягка, как полотно, и парус из нее натянут на легкие бамбуковые трости, как нельзя удобнее складывается, ловко ставится, хорошо везет. Моряки на этих джонках проворный и приветливый народ».

Эти же самые лодочники, а с ними вместе портовые кули, городские ремесленники и крестьяне стихийно собирались в небольшие отряды под знамена смелых вожаков и дерзко нападали на регулярные подразделения английской армии. А генералы-сановники, боявшиеся народной стихии больше, чем интервентов, уклонялись от сражений и готовы были пойти на капитуляцию. Многие из них получили высокие армейские посты по протекции маньчжур-

ского двора или за щедрые взятки и не имели никакого представления о военном деле. Вся феодальная система «Поднебесной империи» во главе с чуждой народу маньчжурской династией Цинь переживала глубокий кризис. Русские моряки видели сказочные богатства мандаринов, живших в роскошных дворцах, и нищету народа. Простые китайцы Гонконга и Кантона жили в убогих лачугах, в лодках, на плотках, а то и под открытым небом. В лавках можно было залюбоваться великолепными изделиями из фарфора, лака, нефрита, слоновой кости, но они были доступны лишь ничтожной кучке местных богачей да состоятельным иностранцам. Вторжение европейцев еще сильнее обострило социальные противоречия.

Знакомясь с Гонконгом, Воин Андреевич обратил внимание, что город стал центром массовой контрабанды опиумом. Отсюда наркотик расходился по всему Китаю, обходя китайские таможни. После опиумной войны и захвата англичанами Гонконга запретный торг утродился в своем объеме, давая английским торговцам отравой баснословные прибыли.

Русские моряки не могли не заметить глубокой ненависти народа к англичанам, позволявшим себе бесчинства и притеснения в отношении местных жителей. Так, однажды вокруг бродячего музыканта собралась небольшая толпа китайцев. Вдруг появился пьяный английский матрос, подошел к толпе и ни с того ни с сего стал тузить кулаками и пинками то одного, то другого. И хотя китайцев было десятка два или три, они не рискнули, наученные горьким опытом, связываться с задирой: ведь в порту, оцетинившись жерлами пушек, стояли британские корабли. «Мудрено ли после этого, что в Кантоне ненавидят европейцев?» — восклицает Воин Андреевич в письме к родителям.

После кратковременного пребывания на островах Бонин-Сима, где на пустынных скалах кое-как прозябало десятка три жителей, преимущественно беглых матросов, отряд Путятина подошел 9 августа к Нагасаки. К тому времени все четыре судна путятинской экспедиции собрались в одну эскадру.

Пребывание русских боевых кораблей у берегов Японии началось с утомительных и долгих переговоров с местными чиновниками по третьестепенным процедурным вопросам. Японские власти встретили экспедицию настроенно и всячески старались поставить русскую сторо-

ну в неравноправное положение, затруднить возможность свободного выезда на берег и даже сношений между кораблями эскадры. 12 августа чиновники-«баниосы» привезли с берега ответ на сделанный накануне адмиралом Путятиным запрос о своем желании встретиться с губернатором Нагасаки, чтобы передать ему послание от министра иностранных дел Нессельроде. Губернатор сообщил через баниосов, что не имеет полномочий вступать в переговоры с русским адмиралом без санкции центрального правительства в Эдо. Однако он просил передать послание министра в руки главного баниоса.

Эти первые переговоры с японскими должностными лицами проходили на юте фрегата. С русской стороны, кроме Путятина присутствовали Унковский, Римский-Корсаков и Посьет.

Миссия Путятина обещала быть трудной и затяжной. Приходилось ожидать всяческих препятствий и проволочек со стороны властей Нагасаки, может быть, прикрывавших преднамеренную медлительность ссылками на неправомерность. Япония все еще придерживалась политики изоляционизма, и ее правительство избегало каких бы то ни было прямых контактов с другими державами. Нагасаки был в то время единственным для страны «окном» во внешний мир — портом, открытым для европейцев. Поэтому Путятин не мог избежать встречи с местным губернатором и запасался терпением и выдержкой.

Рассчитывая надолго застрять в Нагасаки, адмирал не задерживал больше Римского-Корсакова.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ЭПОПЕЯ

18 августа 1853 года по указанию начальника экспедиции шхуна «Восток» вышла из Нагасаки. Ее экипаж должен был произвести гидрографические исследования Татарского пролива и устья Амура, осмотреть западное побережье Сахалина, выявить здесь удобные стоянки для судов и месторождения каменного угля.

Историю плавания шхуны у берегов Дальнего Востока можно воссоздать во всех подробностях по письмам Воина Андреевича родным, его очеркам «Случаи и заметки на винтовой шхуне «Восток», публиковавшимся в трех номерах «Морского сборника» за 1858 год, а также по выдержкам из его дневника, опубликованным в ряде номеров того же издания в 1895—1896 годах. Эти выдержки были подготовлены к печати сыном мореплавателя Федо-

ром Воиновичем. Они существенно дополняют «Случаи и заметки на винтовой шхуне «Восток».

Исследования В. А. Римского-Корсакова были, по существу, продолжением замечательных исследований Геннадия Ивановича Невельского и его сподвижников, способствовавших закреплению России в низовьях Амура. Г. И. Невельской прошел на шлюпке сквозь туманы и штормы до самого узкого места пролива между мысами Лазарева и Погиби, убедившись, что Сахалин отделен от материка проливом. Но доступен ли этот пролив для морских судов? Не рискуют ли шхуна или корвет сесть на мель в неизведанном фарватере? Невельской не успел ответить на этот вопрос.

А тем временем осложнялась международная обстановка. Когда шхуна «Восток» была у берегов Сахалина и Приморья, Россия уже находилась в состоянии войны с вражеской коалицией. Укрепление русских позиций на Тихом океане вызывало тревогу у других великих держав. Можно было ожидать удара англо-французских сил по Петропавловску, основной военной базе России на Тихом океане. Можно ли использовать Татарский пролив для маневров русских военных кораблей в случае столкновения с силами вражеской коалиции? На этот вопрос должен был ответить В. А. Римский-Корсаков. И тридцатилетний капитан-лейтенант блестяще справился со своей задачей.

Выйдя из Нагасаки под парами, шхуна «Восток» взяла курс на север. На двенадцатый день пути на горизонте вырисовались очертания одной из сахалинских вершин. В дальнейшем шхуна следовала Татарским проливом вдоль западного берега Сахалина. Экипаж шхуны тщательно производил промеры глубин, съемки и опись берега. Плавание по неисследованному проливу было весьма трудным для команды. Как пишет Д. Б. Мертваго: «Существовавшие тогда описи Татарского пролива и Амурского лимана требовали проверки, а обстоятельства плавания были далеко не благоприятными: климат суровый, частые густые туманы, отсутствие якорных стоянок и каких-либо предостерегающих знаков. Со всем этим шхуне «Восток» приходилось бороться одной, без всякой надежды откуда бы то ни было получить помощь в случае крайности». Сам Воин Андреевич вспоминал потом, что он пытался сначала вести счет, сколько раз шхуна за время своего плавания садилась на мель. Насчитал 30 раз, а потом бросил.

Командир корабля интересовался не только гидрографическими условиями плавания, но также природой Сахалина и возможностями хозяйственного освоения острова. Он отмечал в дневнике, что в южной части остров покрыт невысокими холмами разных форм, берег состоит из крутых осыпей, нередко рассеченных поросшими лесом ложбинами. Лес часто прерывается пожелтевшими за лето лугами, напоминавшими пожатые нивы. «Почва, видимо, хороша и будет благодарна тому, кто ее обрабатывает, — отметил он в записках, — растительность густа, воды везде много. В лесу можно встретить дуб, березу, сибирский тополь, рябину. По ложбинам стекают к морю журчащие горные ручейки с прозрачной и холодной, словно лед, водой. Местами эти ручейки образуют шумные водопады. Иногда встречаются и более широкие долины, по которым текут довольно значительные реки. По ним можно подняться на шлюпках далеко вверх. Реки то огибают лесистую гору, то извиваются между лугами под навесом раkitника. На каждом шагу новые ландшафты». Воин Андреевич подметил исключительное разнообразие здешнего растительного мира. «Мне случалось встречать на небольшом пространстве такое разнообразие трав, цветов и разных кустарников или вьющихся растений, разумеется, большую часть мне неизвестных, что хоть бы тропикам впору». Во время первого же знакомства с островом мореплаватели встретили на берегу небольшой речки три покинутые хижины да на некотором отдалении заметили медведя.

В очерках и в дневнике В. А. Римского-Корсакова мы встречаем описания селений, жилищ, утвари, быта аборигенов. Эти заметки небезынтересны для этнографа. Командир шхуны старался расположить к себе айнов и нивхов ласковым обращением, подарками. В бухте Де-Лангль моряки увидели айнское селение из десятка или более хижин. Хижины были одинаковой постройки, из плетня, обтянутого рогожей или древесной корой, крытые сухой травой. Пол настлан из досок, вытесанных топором. В некоторых хижинах находилась утварь: лохани, кадки, весла. Наряду с айнскими жилищами в селении оказались большой дом японской постройки, производивший впечатление давно покинутого его обитателями, а также другое строение, склад или магазин с запёртой на замок дверью. Осмотрев эти постройки, принадлежавшие, по всей видимости, заезжим японским купцам, Воин Андреевич пришел к выводу, что японцы не составляют здесь по-

стоянного населения, а наезжают для торга от случая к случаю.

На следующий день, съехав на берег севернее бухты Де-Лангль, моряки увидели двух аборигенов — невысокого роста, чернобородых, в длинных кафтанах из травянистой циновки. Оба айна приветствовали русских, низко кланяясь и складывая над головой руки, и пригласили пришельцев в свою хижину, сложенную из тонких бревен. Свора собак встретила незнакомцев лаем и ворчанием. Хижина состояла из двух помещений: чулана и собственно жилища, где собралась вся семья. Женщины отличались от мужчин плоскими лицами с более явственно выраженными монголоидными чертами. Одеты они были в юбки из грубой синей ткани. Их губы были вымазаны чем-то синим.

Хозяева предложили гостям сесть на разостланную на полу циновку. По наблюдению Воина Андреевича, в жилище не было ни вони, ни «поразительной», по мнению других мореплавателей, неопрятности. Жерди, перекинутые со стены на стену по всем направлениям, служили, вероятно, для копчения рыбы. Вдоль стен тянулись две широкие полки, на которых лежали медвежьи и тюленьи шкуры, рыбы пузыри с жиром, различная утварь, рога-тины с железными наконечниками, вяленая рыба и одежда.

Попытки моряков объясниться с айнами с помощью словарика Лаперуза и Хвостова, прежде побывавшими в этих краях, были малоуспешны. По-видимому, словарь оказался весьма несовершенным. Зато куда лучше пошла меновая торговля. За один ножик удалось выменять у айнов около пуда лососины. Ее хватило на две варки всей команде шхуны. Потом мужчин-айнов пригласили на судно.

Особенный интерес проявлял В. А. Римский-Корсаков к природным богатствам края. Сюрпризы подстерегали здесь мореплавателей на каждом шагу. Об одном таком случае Воин Андреевич написал: «Один из айнов, прежде чем я заметил, поднял с полу и подал мне круглый черный камень, очень твердый, отглаженный и отточенный как бы водой. Я сначала не догадался, что это такое, — он взял его у меня и бросил в очаг. Не прошло и минуты, как послышался запах каменного угля, а вскоре кусочек и пламя дал. Такая находка всех нас взволновала».

Расспрашивая айнов с помощью языка жестов и чертжей на песке, русские моряки узнали, что невдалеке мож-

но найти угольное месторождение. У айнов же узнавали названия поселений, а также границы расселения их и соседей-нивхов, более многочисленной народности коренных жителей Сахалина.

Воин Андреевич отмечает далее, что природа на Северном Сахалине суровее, чем в южной части острова, берег здесь выше и угрюмее, хвойный лес гуще, а лиственные породы встречаются реже, горные хребты круче и зубчатее. Не ушли от пристального взгляда мореплавателя скалы Три Брата, торчащие из волн у мыса Жонкьер, где сейчас находится город Александровск. Здесь обрывалась опись берега, составленная в свое время Лаперузом. В. А. Римский-Корсаков предполагал продолжить опись, а также произвести разведку месторождений каменного угля.

Шхуна бросила якорь в бухте, в которую впадала река значительнейшая, по определению Воина Андреевича, из всех, виденных экипажем на Сахалине. Местные жители — пивхи называли реку Дуи. На берегу моряки встретили покинутое обитателями селение из нескольких летних юрт. С первых же шагов здесь обнаружили следы угля. Вот что читаем об этом в записках В. А. Римского-Корсакова: «Множество кусков его валялось на побережье между дресвою *, а местами в прибрежных осыпях, нашли мы и жилки минерала, хотя незначительные, но обещающие большее. К вечеру, расположившись с чаем на травке у реки, мы имели удовольствие греться у костра из каменного угля и ужин наш изготовили тут же в шлюпочном камбузе, растопленном углем же». По мнению командира шхуны, сахалинский уголь обладал высоким качеством и не уступал ньюкэстльскому.

На следующий день Воин Андреевич организовал три прискоковые партии для разведки угольных пластов. Одну возглавил лейтенант Чихачев **, отправившийся к югу от бухты по морскому побережью. Группа судового врача Бейриха должна была исследовать ближайшие окрестности бухты, а группа механика Зарубина — подняться вверх по реке. Поручик Попов и подпоручик Моисеев тем временем занялись съемками берега и промерами бухты. Эта расстановка сил свидетельствовала о спаянности и дружности маленького экипажа шхуны. Каждый его член

* Между обломками и стволами деревьев (*устар.*). (Примеч. авт.)

** Он заменил в Нагасаки вновь перешедшего на «Палладу» Шлиппенбаха. (Примеч. авт.)

принимал деятельное участие в общем деле. У каждого из офицеров было много обязанностей, не ограниченных прямыми должностными задачами. Доктор и судовой механик могли превратиться в геологов или нести вахту, если этого требовали интересы экспедиции.

Доктор Вейрих обнаружил в одной из окрестных сопок два наклонных угольных пласта, разделенных тонким слоем глинистого сланца, и доставил в лагерь целый мешок с образцами. К сожалению, пласты залегали слишком высоко и не были удобны для разработки. Наилучшие весты привез Чихачев. В четырех милях к югу на самом берегу залегало более двадцати пластов, перспективных для разработки. «Большая часть их подходила так близко к берегу, что стоило только ломать и отваливать куски на побережье, а там, уложив в мешки, подавать с рук в руки на шлюпку», — отметил в своих записках В. А. Римский-Корсаков. Пласты, толщиной от двух до трех футов, лежали горизонтально и были хорошо видны с моря, пересекая черными полосками обвалы желтоватого глинистого сланца. Местами пласты шли наклонно и не только доходили до берега, но и продолжались по морскому дну. Менее удачлив оказался механик Зарубин. Поднявшись на взятой на берегу туземной лодке вверх по течению реки так далеко, насколько позволяла глубина, он нигде не встретил признаков угля.

Пока велись эти поиски, возвратились с промысла хозяева селения — нивхи. Несколько скупых, но метких штрихов, характеризующих нивхов и их быт, мы находим в записках и в дневнике. Нивхи, или гиляки, как их называли в то время, народ, по определению В. А. Римского-Корсакова, скорее бродячий, чем оседлый. Правда, они имеют постоянные жилища, небольшие курные избы, летние — на берегу моря и речек, зимние — в горах, но постоянно скитаются, летом на лодках, зимой на собаках, занимаясь охотой и морским промыслом. Они плавают вдоль всего побережья Сахалина — или на веслах, или бечевой на собаках.

Лейтенант Чихачев, за год до этого зимовавший на Нижнем Амуре, был несколько знаком с нивхским языком и смог объясниться с жителями селения. От нивхов русские моряки узнали о попытках японского проникновения на Сахалин. Японцев они, как и айны, называли словом «снаам». Кроме двух пунктов в южной части острова, никаких японских поселений в ту пору на западном побережье Сахалина не было. Со слов нивхов

можно было понять, что японские торговцы жестоко грабят и притесняют айнов Южного Сахалина. «Сизам спит, — толковали они, — а айно работает для него, рубит лес, ловит рыбу; айно не хочет работать — сизам его колотит». Нивхи не скрывали своего неприязненного отношения к японцам и, наоборот, о русских, с которыми общались на Нижнем Амуре, отзывались хорошо.

В. А. Римский-Корсаков отметил, что для промысла и торгова нивхи совершают довольно далекие путешествия морем и сухим путем и поэтому могут сообщить немало ценных сведений об окрестной топографии. С их слов члены экипажа узнали о большой реке к северу от селения за горными перевалами, которая течет по центральной долине острова и впадает в море на восточном побережье. Речь шла о Тыми. Местные жители сообщили также, что каменного угля везде в окрестностях много. Воин Андреевич отмечает веселый, общительный характер нивхов. Они вовсе не боязливы, как айны, ничьей власти над собой не признают и не имеют между собой никаких старейшин.

Мореполаватель проявил большой интерес к аборигенному населению Сахалина и побережья Татарского пролива, их образу жизни, языку, национальному характеру, обычаям. Воин Андреевич сообщает, что нивхи, расселившиеся в низовьях Амура и по берегам Северного Сахалина, — это люди большей частью плотные и здоровые, с лицами смутлыми и скуластыми, с узкими прорезями глаз и приплюснутым носом. Черную и жесткую растительность на голове и лице они не бреют и не стригут, а на затылке заплетают в небольшую косичку.

У нивхов развита меновая торговля. Есть среди них и относительно богатые люди, правда, отличающиеся от своих сородичей лишь тем, что имеют чулан с товарами. Далее В. А. Римский-Корсаков говорит, что народ этот ничего не сеет и не держит никаких домашних животных, за исключением ездовых собак. Летом нивхи промышляют рыбу под юколу, оставляя запасы на зиму, осенью и весной бьют нерпу, а по первому снегу едут за соболем. По наблюдениям Воина Андреевича, они, будучи людьми общительными и смывленными, легко усваивают русский язык. Мореполаватель полагал, что у нивхов нет никакой религии. Это мнение было ошибочным. Русские моряки попросту не имели достаточных возможностей наблюдать все ритуальные обряды нивхского населения, ознакомиться с их своеобразными и довольно сложными анима-

стическими представлениями. Все же Римский-Корсаков упоминает о так называемом празднике медведя, главном обрядовом празднике нивхов, связанном с их верованиями. «Есть, например, у гиляков и мангунов что-то похожее на уважение к медведю: в каждом селении есть несколько срубов, в которых живут пойманные медведи и кормятся за счет селения, но в весеннюю голодовку их обычно съедают без церемоний».

Если с нивхами Воин Андреевич встречался неоднократно и мог с ними близко познакомиться и общаться, то с южносахалинскими айнами знакомство оказалось более поверхностным. Мореплаватель отмечает поразительную несхожесть нивхского и айнского языков. Язык айнов в отличие от нивхского кажется очень благозвучным, плавным и мягким. «В образе жизни и занятиях они сходятся с гиляками, но показались мне гораздо опрятнее, — писал В. А. Римский-Корсаков об айнах. — Они показались мне характером очень робки и смиренны».

Вообще мореплаватель указывает на исключительную пестроту этнографической карты края, упоминая различные названия местных народов. Они соответствуют современным нанайцам, ульчам, орочам, удэхэ, эвенкам.

7 сентября шхуна снялась с якоря и продолжала свое плавание на север и опись берега. В девяти милях к северу от Дуи моряки заметили утесы глинистого сланца, почерневшие, особенно в тех местах, где видны были следы потоков и ручьев. Очевидно, ручьи проходили сквозь каменноугольные пласты. Мысом Уанда закончился гористый берег, и далее мореплаватели встретили иной пейзаж. «К северу Сахалин, насколько глаз хватает, — читаем мы у В. А. Римского-Корсакова — представляет ровную низменность, на которой, только вдаль уже, по середине острова, синеют редкие прерывистые гористые кряжи — будто отдельные островки на горизонте». Растительность пошла чахлая, тундровая.

При приближении к мысу Лазарева Татарский пролив заметно сузился и стал мельче. Раза два киль стукнул о дно. Пришлось отдать якорь и тщательно промерять глубину вокруг, чтобы отыскать достаточный для шхуны фарватер. Мыс Лазарева, где берег материка наиболее близко подходил к острову Сахалин, прошли благополучно. Шхуна вошла в лиман Амура. Теперь предстояло исследовать самый сложный участок пути, считавшийся до сих пор недоступным для морских судов. Командир шху-

ны был охвачен волнением, размышляя над тем, какие еще сюрпризы преподнесет ему в ближайшие дни плавание. Его результаты должны оказать влияние на судьбу этого обширного и загадочного края.

В полдень В. А. Римский-Корсаков приказал бросить якорь и, пообедав, съехал на берег к нивхскому селению. Решил отвлечься от тревожных мыслей и пособировать бруснику.

Севернее мыса Лазарева условия плавания оказались сложными. В районе Амурского лимана вечные туманы, фарватер извилист, повсюду мореплавателей подстерегают коварные мели. Один местный нивх вызвался быть за лодмана и провести шхуну по фарватеру. Однако с первых же усилий стала ясна его некомпетентность, неумение обходиться с большим морским судном. Оставалось одно: полагаться на собственную интуицию да прибегать к частым промерам глубин, соблюдая все меры предосторожности. Вот как будто бы удалось отыскать стиснутый мелями фарватер с глубинами от 5 до 6 саженей. Но он неожиданно окончился непреодолимой для шхуны отмелью. И приходилось раз за разом возвращаться к прежней якорной стоянке и начинать поиски другого пути. Не раз киль царапал по песчаному грунту, и шхуна содрогалась, готовая, казалось, вот-вот прочно сесть на мель. Невдалеке от мыса Лазарева судно при начавшемся уже отливе все же попало на песчаную отмель. По мере того как вода убывала, шхуна стала крениться. Пришлось ставить подпорки. С приливом шхуна выпрямилась. На сей раз ее удалось более или менее благополучно вывести на глубокое место. Такие и подобные приключения повторялись то и дело. Но все-таки опыт моряка и гидрографа позволил В. А. Римскому-Корсакову обнаружить этот почти неуловимый фарватер и провести шхуну в устье Амура. Труднейшее плавание доказало, что, несмотря на все сложные, неблагоприятные гидрологические условия, Татарский пролив на всем своем протяжении доступен для морских кораблей. В своих записках Воин Андреевич сделал определенные выводы об условиях прохождения Татарским проливом, которыми могли теперь руководствоваться мореплаватели: «...сколько я могу судить из собственного опыта, плавание в Татарском проливе, несмотря на частые, почти беспрепятственные туманы, безопасно и покойно, — писал он. — Гораздо покойнее, чем, например, в Финском заливе».

13 сентября шхуна подошла к мысу Пронге, поросше-

му еловым лесом, перемешанным с березняком и ольховником, и бросила якорь в небольшой бухте. На следующий день Воин Андреевич отправился на баркасе в Петровское зимовье, русский опорный пункт в районе амурского устья.

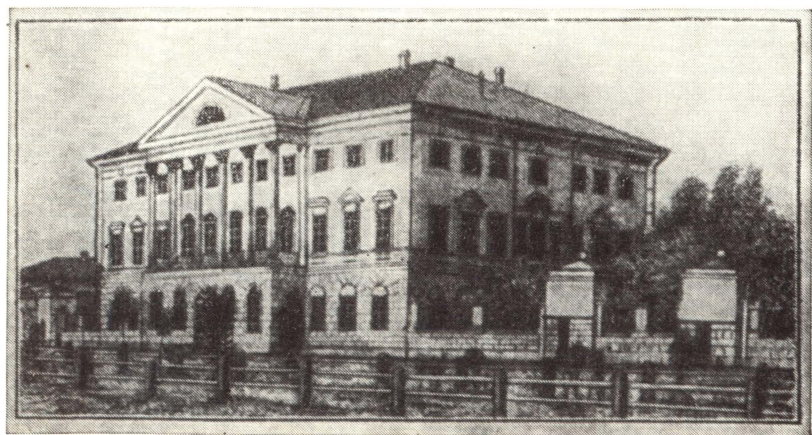
За коменданта зимовья оставался гарнизонный врач. Г. И. Невельской отправился неделю тому назад с судном Российско-Американской компании «Николай» и транспортом «Иртыш» и «Байкал» основывать русские военные посты на Сахалине. По инициативе Геннадия Ивановича некоторое время тому назад были оставлены гарнизоны в бухте Де-Кастри и в Императорской гавани на материковом побережье Татарского пролива.

Петровское зимовье было основано еще в 1849 году, когда Г. И. Невельской зашел сюда на транспорте «Байкал» для исследования и описания амурского устья. Место для поселения он выбрал на пустынной косе, намытой из песка и мелкого камня и примыкающей к берегу материка, к северу от Амурского лимана. У зимовья коса расширялась до 400 саженей. В других местах она была уже, так что прибой Охотского моря легко перехлестывал через нее в штормовую погоду. От материка коса отделялась узким перешейком и заливом Счастья, у входа в который лежал небольшой продолговатый остров Удд.

Поселение, несмотря на пронизывающий ветер и гулкий шум морских волн, произвело на Воина Андреевича самое отрадное впечатление. Строения были лишены показной роскоши и комфорта, но свидетельствовали об удобстве. Два офицерских флигеля, казармы, домики врача и священника, бани, хозяйственные постройки, навес для гребных судов — все это строилось фундаментально, добротно из прочных лиственничных и сосновых бревен, причем всего за два с половиной года, собственными силами маленького гарнизона. Вытащенный на берег обветшавший бриг «Охотск» служил портовым магазином. Снятые с брига четыре пушки защищали гавань. Во всем чувствовалась твердая хозяйская рука, энергия неутомимого Геннадия Ивановича. По его внушению обитатели зимовья развели огороды на продуваемой сквозными ветрами косе. Нелегкие заботы мужа самоотверженно разделяла Екатерина Ивановна Невельская, молодая и миловидная, хрупкая на вид женщина. Воин Андреевич считал своим долгом нанести ей визит и добрым словом помянул эту замечательную русскую женщину в своем дневнике.

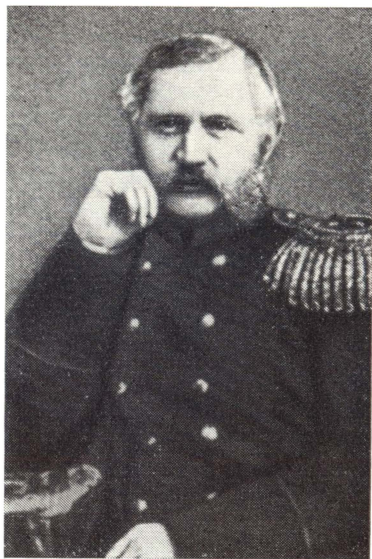
Н. Н. Муравьев
в начале своей
военной карьеры.

Дом генерал-
губернатора
Восточной Сибири
в Иркутске.

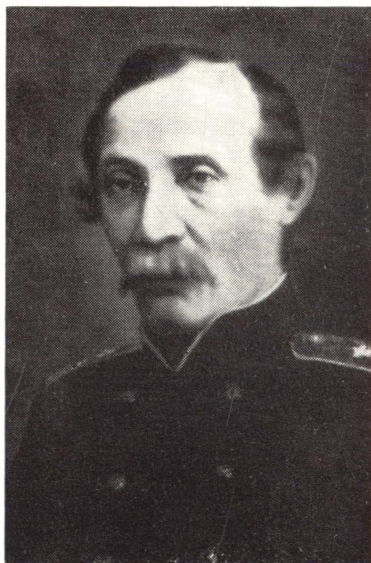
Геннадий Иванович
Невельской.

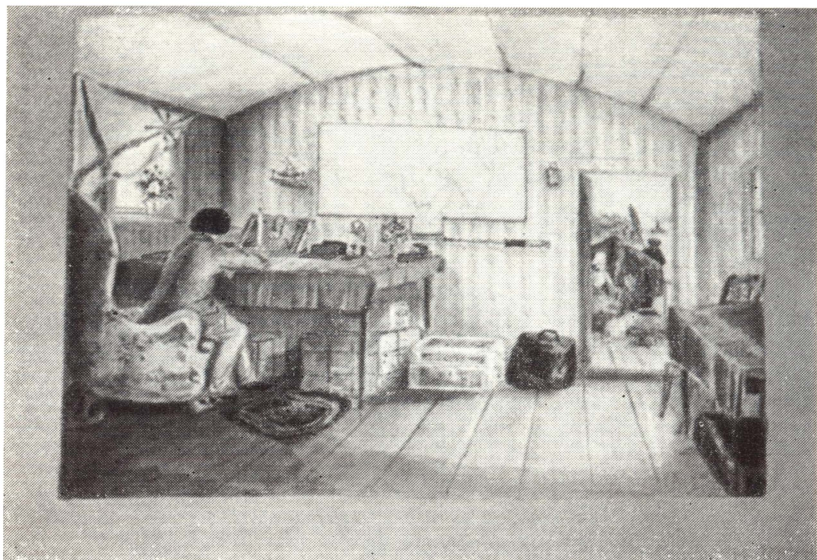
Михаил Семенович
Корсаков.

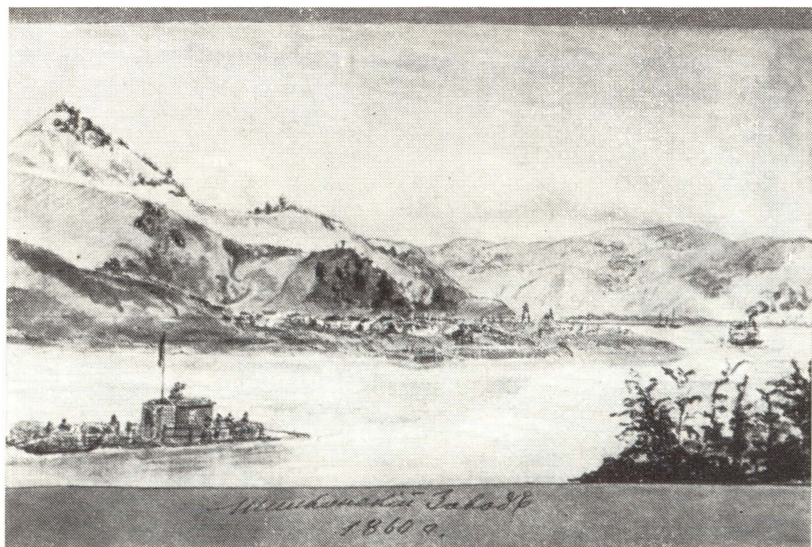
Петр Васильевич
Казакевич.

Ефимий Васильевич
Путятин.

«Плавучая резиденция»
Н. Н. Муравьева.

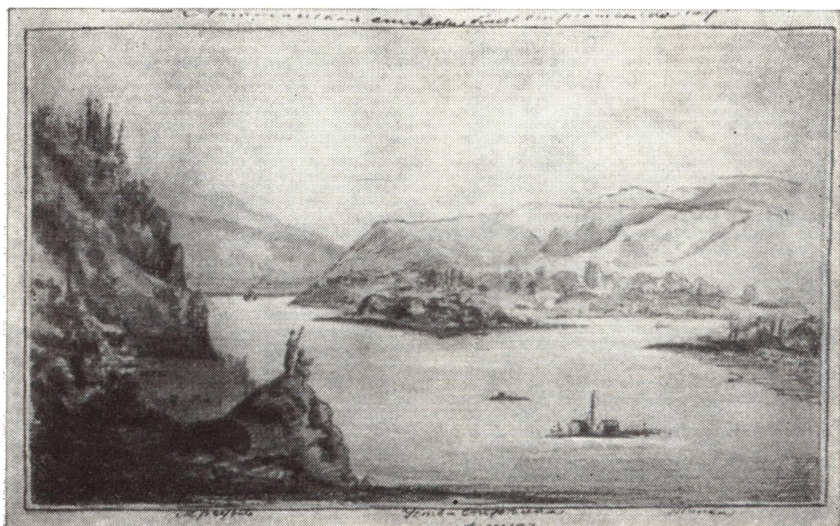

Вид на Амур.

Н. Н. Муравьев
в казачьей форме.

Один из амурских
пейзажей.

Николай Николаевич
Муравьев-Амурский
в последние годы
жизни.

Памятник
Н. Н. Муравьеву-
Амурскому
в Хабаровске
(не сохранился).

Софья Васильевна
Римская-Корсакова.

Андрей Петрович
Римский-Корсаков.

Николай Андреевич
Римский-Корсаков
(композитор).

Воин Андреевич
Римский-Корсаков
в раннем детстве.

Николай Петрович
Римский-Корсаков
в парадном мундире.

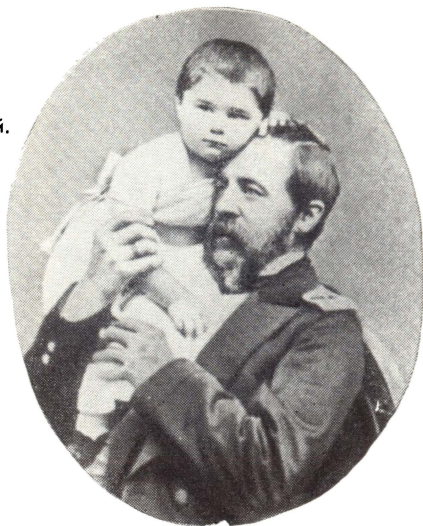

В. А. Римский-Корсаков
(рисунки).

Здание Морского корпуса
в Петербурге.

В. А. Римский-Корсаков
с дочерью Александрой.

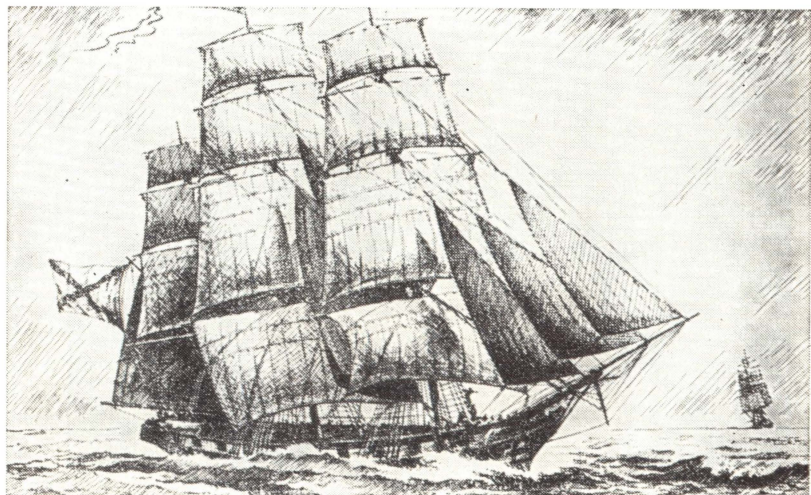

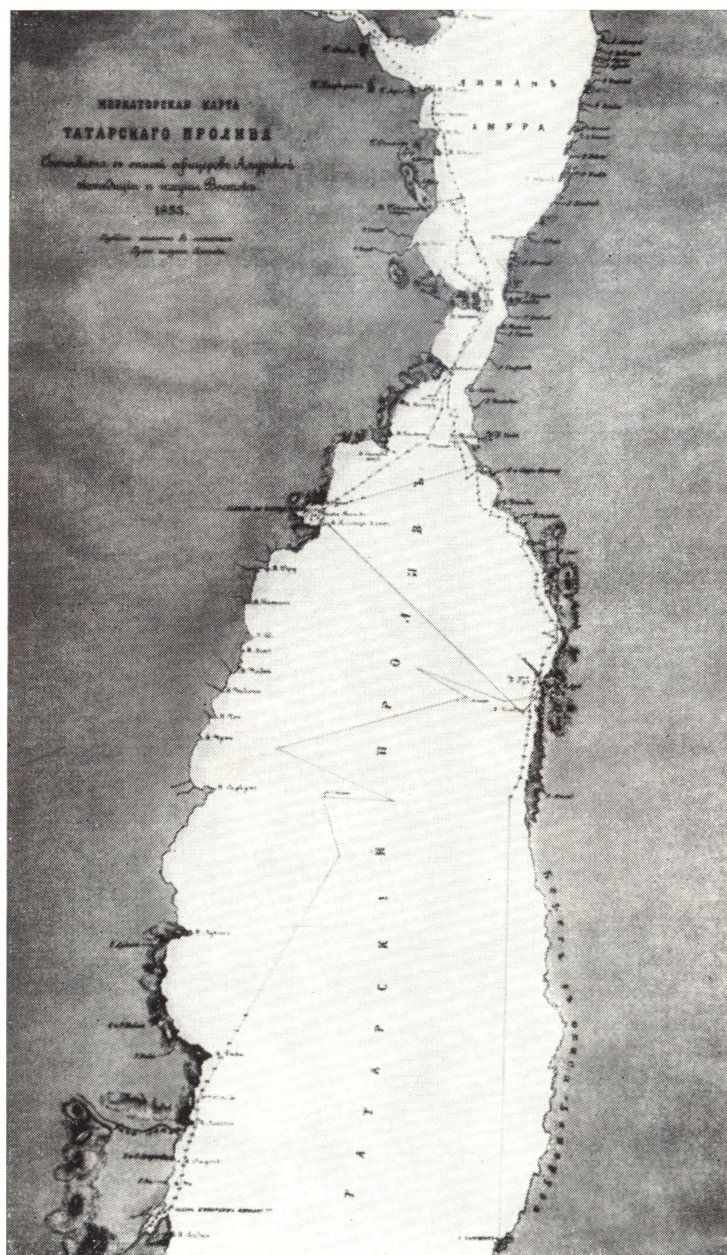
Фрегат
«Паллада»
(модель).
Центральный
государственный
военно-морской
музей.

**В. А. Римский-Корсаков
в последние годы
жизни.**

Корвет «Оливуца».

Академик
Алексей Павлович
Окладников.

◀ Карта Татарского пролива
и устья Амура
с маршрутом плавания
шхуны «Восток».

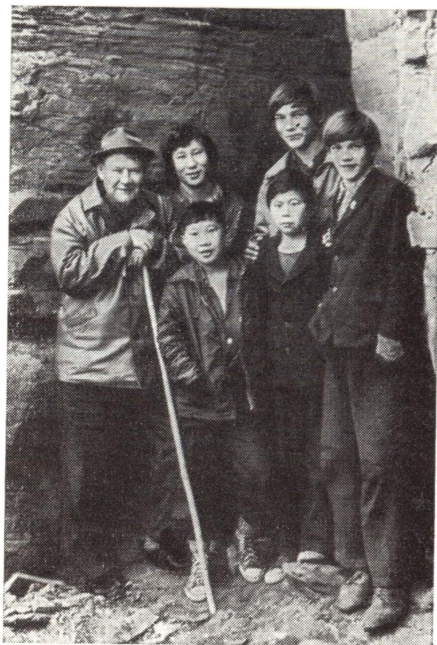
**А. П. Окладников
на раскопках в селе
Макарове (верхняя
Лена), 1971 г.**

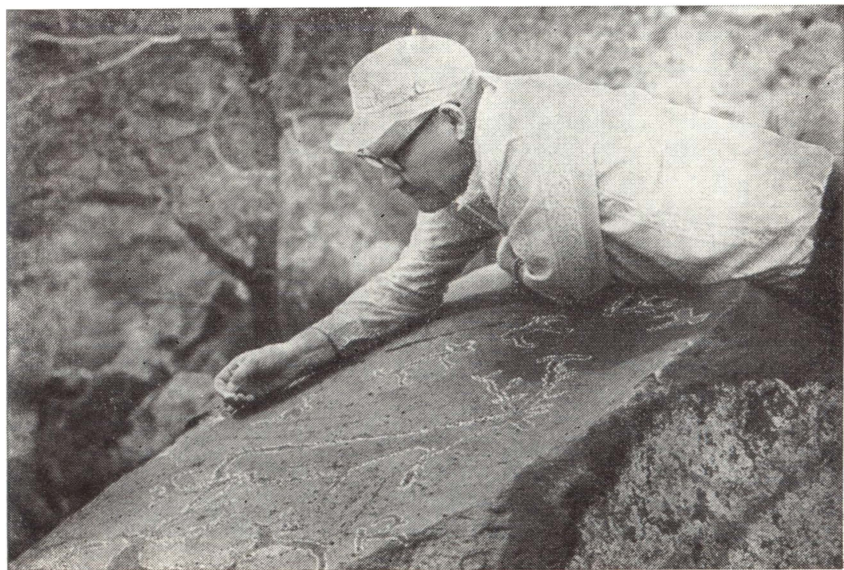
**Ученый среди
экспонатов музея
в Горно-Алтайске,
1974 г.**

Прославленный археолог
со своими юными
помощниками из села
Обкой (верхняя Лена),
1976 г.

Наедине с шедевром
древнего художника.
Наскальные рисунки в МНР,
1978 г.

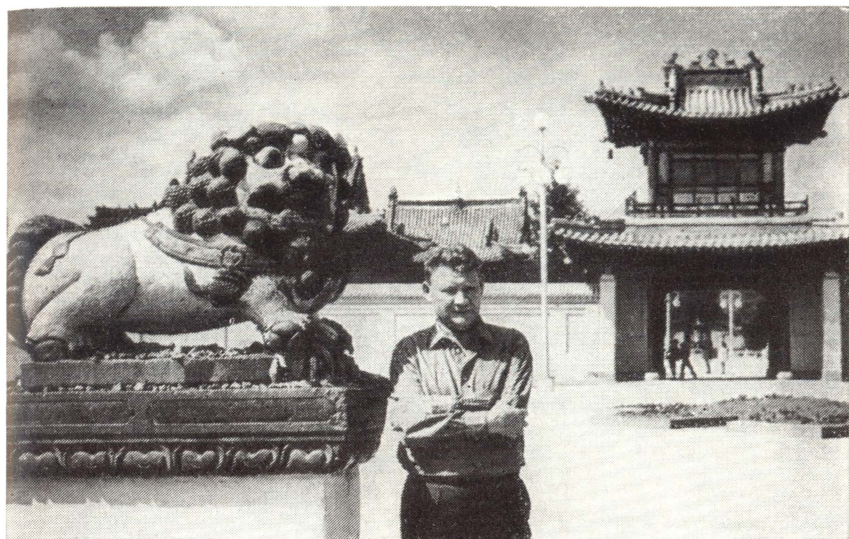

Алексей Павлович
Окладников в своем
рабочем кабинете.

Ключ к загадкам
древних культур
Приамурья —
неолитическое
изображение
в Сакачи-Аляне.

Богата памятниками
истории гостеприимная
земля Монгольской
Народной Республики.
Улан-Батор, 1971 г.

Одна из последних
экспедиций
А. П. Окладникова.
Алтай, 1980 г.

Маски-личины,
созданные
фантазией
первобытного
художника,
привлекли
внимание
пытливого
исследователя.

Алексей Павлович
Окладников
с Верой
Дмитриевной
Запорожской —
женой,
преданным другом
и помощником.

В зимовье В. А. Римский-Корсаков встретил дружный, слаженный коллектив энтузиастов, подвижнически переносивших трудности. Каждый здесь поневоле становился мастером на все руки. Палубный матрос мог превратиться в плотника, бомбардир — в рыбака или заготовителя дров. Офицеры выполняли обязанности научных исследователей и организаторов-хозяйственников. «Утешительно видеть среди безжизненной природы, за 13 000 верст от России, человек 50 удалых ребят, которые на все руки горазды: мигом срубят вам избу, застрелят нерпу или сивуча, одинаково ловко прокатят вас и на собаках, и на оленях, и на дощатой гилияцкой лодке», — писал мореплаватель.

Петровское зимовье официально считалось факторией Российско-Американской компании. На флагштоке развивался компанейский флаг. Компания располагала в этом крае монополией меховой торговли с туземным населением и была обязана доставлять сюда для русских поселенцев необходимые съестные припасы. Вместе с тем зимовье продолжало служить главной базой Амурской экспедиции Г. И. Невельского. Отсюда Геннадий Иванович рассылал во все концы края своих сподвижников для научных исследований и описей.

Воина Андреевича Римского-Корсакова можно поставить в один ряд с такими неутомимыми исследователями-подвижниками, окружавшими Невельского, как Бошняк, Рудановский, Петров, Попов и другие. Их исследования способствовали делу закрепления устья Амура и Сахалина за Россией. Заслуга командира шхуны «Восток» состояла в том, что он впервые, командуя морским судном, прошел весь Амурский лиман и проник в Амур у мыса Пронге. Прежде в Амур пытались войти бриг «Константин» в 1846 году и транспорт «Байкал» в 1849 году, но безуспешно.

Открытие Римским-Корсаковым доступности Татарского пролива и устья Амура для морских судов имело неопценимое практическое значение. Когда вскоре англо-французская эскадра напала на Петропавловск, русская эскадра под прикрытием тумана незаметно ушла Татарским проливом в устье Амура.

Пробыв в Петровском зимовье всего лишь три дня, Воин Андреевич возвратился на шхуну. Обратный путь до мыса Лазарева был не менее сложным. Коварные отмели вновь подстерегали судно. В дальнейшем шхуна «Восток» не раз проходила этим путем, и экипаж усвоил систему,

облегчавшую плавание. По всему пути штурманы замечали створы береговых предметов, определявших фарватер и нанесенных на карту. Впоследствии эта система створов вообще была принята при обозначении фарватера Амурского лимана.

Шхуна «Восток» сделала заход в залив Де-Кастри, где недавно был поставлен русский военный пост, названный Александровским. На берегу белели две бревенчатые избушки. В одной жил начальник поста — мичман, в другой — небольшая команда.

Воин Андреевич приметил, что залив образует удобную гавань, которая может сыграть роль в развитии торговли и оживлении Приамурского края. В непосредственной близости от залива лежит большое озеро Кизи, соединяющееся протокой с Амуром. Моряки узнали, что амурские нивхи предпочитают перетаскивать свои лодки волоком из залива в озеро, пользуясь, таким образом, кратчайшим путем из Татарского пролива в Амур, нежели плыть через Амурский лиман.

Здесь В. А. Римскому-Корсакову было вручено письмо от начальника Амурской экспедиции Г. И. Невельского к адмиралу Путятину, а также другое, адресованное «командиру русского военного судна». В нем Невельской просил распечатать письмо к адмиралу и ознакомиться с его содержанием. Речь там шла о важности Амура и Сахалина для России, об Императорской гавани, о причинах, побудивших начальника Амурской экспедиции спешить с занятием стратегически важных пунктов края. Невельской также выражал желание встретиться с кем-либо из офицеров путятинской экспедиции. Ему часто приходилось действовать на свой страх и риск, сообразуясь со сложной международной обстановкой, не дожидаясь санкций из Петербурга. Поэтому Геннадий Иванович хотел, ставя в известность о своих действиях Путятину, облеченного большими полномочиями, заручиться его поддержкой, взаимодействовать с ним. Ведь включение в состав государства Приамурья, Приморья и Сахалина, установление дипломатических и торговых отношений с Японией и определение русско-японской границы — то, чего добивался Путятин, — было важной составной частью дальневосточной политики России.

В бумагах, с которыми командир корабля смог познакомиться, обращалось внимание на район бухты Виахту на сахалинском берегу. Там в прошлом году лейтенант Бошняк обнаружил якобы залежи угля.

Бухта Виахту соединена с Татарским проливом неудобной протокой. Но все-таки В. А. Римский-Корсаков принял решение обследовать этот район. Шхуне требовалось пополнить запасы угля, а в закрытой бухте это сделать было удобнее, чем на открытом берегу у Дуи. Несмотря на все принятые меры предосторожности, «Восток» врезался в мягкий илистый грунт неизведанной протоки. Пришлось поставить крепкие подпоры к моменту отлива. При малой воде судно оказалось лежащим на подпорах, накренившись на 18 градусов. Вся команда во главе с командиром прилагала энергичные усилия, чтобы снять шхуну с мели и вывести ее из бурной протоки. Лишь через неделю, когда прилив был особенно сильным, удалось это сделать. Не обошлось без жертв. В протоке утонул один из матросов команды. Командир шхуны распорядился поставить ему с воинскими почестями большой деревянный крест на негостеприимном берегу. Угольных пластов в районе протоки не обнаружили. Однако на низменном песчаном берегу были разбросаны куски угля. В. А. Римский-Корсаков предположил, что они, вероятно, были выброшены на берег вместе со льдом, скатываясь на него там, где пласты выходят наружу. Удалось набрать несколько мешков угля. Он плохо разгорался в камине и плите камбуза и не походил на тот сорт, который был обнаружен в районе Дуи. По-видимому, это был бурый уголь.

Чтобы запастись хорошим топливом, Воин Андреевич принял решение вернуться к Дуи, к «Чихачевской ломке» (так он назвал прибрежное каменноугольное месторождение, обнаруженное лейтенантом Чихачевым). Здесь удалось наломать и погрузить 25 тонн высококачественного угля. Такого количества топлива шхуне хватало примерно на 10 дней. Следует подчеркнуть, что это была первая заготовка сахалинского угля для нужд российского парового флота. В. А. Римский-Корсаков предвидел значение угольных месторождений острова для обслуживания кораблей и других нужд. Он замечает в одном из писем, что европейский уголь везут в Китай и продают там по тридцать долларов за тонну. Какой доход могло бы давать стране интенсивное использование сахалинского угля! Разве не понадобится этот уголь будущему российскому паровому флоту на Тихом океане? Впоследствии на западном побережье был заложен ряд угольных шахт. Добыча каменного угля ведется здесь и сейчас.

В записках и дневнике Воина Андреевича неизменно

звучит доброжелательный тон по отношению к подчиненным, не только офицерам, но и рядовым матросам. Трехбательный начальник, он вместе с тем был заботлив и внимателен к команде, умел ценить простых тружеников и при случае считал необходимым упомянуть об этом. Например: «Не могу не вспомнить... с каким особенным рвением и удовольствием занималась моя команда ломкою угля, этой грязной и тяжелой работой, казалось бы, неспособной внушить одушевление».

Середина октября ознаменовалась непогодой. Барометр не переставал понижаться. Дождь сменился снегом. Всю палубу занесло снежными сугробами. Командир шхуны нес вахту наряду с другими офицерами. Потом барометр пошел кверху. К полдню на солнце таяло, но в тени было морозно, а к ночи температура падала до — 9 градусов. У берега прибой гремел словно водопад.

Воин Андреевич интересовался причинами суровости климата в районе Татарского пролива и Сахалина, его влияния на местные географические условия. В своем дневнике мореплаватель дает подробное объяснение этому явлению, излагая, по существу, целую теорию, подкрепленную практическими наблюдениями.

Пополнив запасы угля, шхуна зашла в Императорскую гавань, расположенную в удобной бухте Константины, огибаемой высоким горным кряжем. Лишь недавно здесь был основан русский военный пост. Гарнизон составляли 23 матроса под командованием лейтенанта Николая Бошняка, одного из самых замечательных сподвижников Невельского. Кроме постовой команды, в гавани расположились на зимовку два судна: военный транспорт «Иртыш» и корабль Русско-Американской компании «Николай».

Воин Андреевич застал здесь строительный аврал. Плотники рубили две казармы, офицерский флигель, баню. Спешили управиться к зиме. У селения бухта уже покрылась крепкой коркой льда. Работами распоряжался Бошняк, энергичный и деятельный офицер лет двадцати. Он сразу понравился командиру шхуны. После того как была закончена краткая опись берега в районе бухты, шхуна снялась с якоря и вышла в море, взяв курс на Нагасаки.

Прошло два с половиной месяца трудного плавания. Срок по тем временам как будто бы и небольшой. Но с какими ценнейшими для морской науки и практики сведениями возвращался В. А. Римский-Корсаков! Сописями

неизведанных берегов, с гидрологическими исследованиями Татарского пролива и Амурского лимана и промерами фарватера, с практическим доказательством доступности устья Амура для морских судов, с открытием ценных угольных месторождений и, наконец, с письмом адмиралу от Геннадия Ивановича Невельского. Россия утверждала свои позиции на Дальнем Востоке прочно и уверенно.

Ефим Васильевич Путятин, отбросив обычное высокомерие, забыв все трения с самолюбивым капитан-лейтенантом, сам отправился на гичке в сопровождении Посыта навстречу шхуне. Проворно избежал по спущенному трапу на палубу судна. Встреча адмирала с командиром шхуны была теплой. Ефим Васильевич расцеловал Воина Андреевича по-простецки, увлек в кают-компанию. Обстоятельный доклад В. А. Римского-Корсакова порадовал Путятину. Адмирал признался, что приход шхуны избавил его от тяжелого беспокойства. Ведь он уже почти перестал надеяться на благополучное возвращение экипажа. Мало ли какой трагический случай мог произойти в неизведанных водах, какие непредвиденные встречи с недругами могли случиться? Ведь международная обстановка продолжала обостряться.

Дипломатическими успехами адмирал похвастать пока не мог. Переговоры с японцами не сдвинулись с мертвой точки. Из Эдо не было никаких вестей. Не поступало никаких положительных ответов и от губернатора. Правда, губернатор Нагасаки соблаговолил наконец дать аудиенцию адмиралу и принял из его рук письмо Нессельроде. Аудиенция была обставлена со всей возможной торжественностью, но ни к каким практическим сдвигам не привела.

А тем временем была пробита брешь в традиционной системе изоляционизма, которой придерживалась феодальная Япония. Страна, управляемая некоронованным правителем-сёгуном из могущественного дома Токугава, переживала глубокий кризис. Ревнивое ограждение Японии от внешнего мира не оправдало себя и не могло предотвратить краха всей системы. Назревала буржуазная революция. Слишком очевидна была военная слабость страны, ее научно-техническая отсталость. На вооружении армии западных держав стояло уже скорострельное нарезное оружие, а японские солдаты еще пользовались луками со стрелами. Повсюду бросались в глаза вопиющие противоречия между архаичным феодальным укладом и пробивавшим себе дорогу капитализмом. Назревала своя

специфическая японская революция, непохожая на известные доселе западноевропейские буржуазные революции. Ей суждено было произойти в конце шестидесятых годов под знаменем восстановления власти императора и свержения узурпатора-сёгуна. В обстановке сложных внутренних противоречий, охвативших Японские острова, окружение сёгуна панически боялось иностранного вмешательства и не хотело связывать себя какими-либо официальными соглашениями.

Западные державы спешили воспользоваться военной слабостью Японии и силой оружия открыть эту страну для своих товаров и капитала. Японию ожидала участь Китая, уже столкнувшегося с иноземными поработителями. Первыми преуспели в этих экспансионистских устремлениях американцы. Правительство Соединенных Штатов направило к Японским островам мощную военную эскадру commodора Мэтью Колбрайта Перри, рыцаря агрессии и экспансионизма. Под угрозой крупнокалиберных корабельных орудий, нацеленных на мирные японские города, Перри добился «открытия» Японии. Правительство сёгуна было вынуждено в 1854 году подписать с Соединенными Штатами первый в истории своей страны неравноправный договор.

Когда В. А. Римский-Корсаков возвратился в Нагасаки, дело шло к подписанию договора с американцами. Путятин мог порассказать командиру шхуны о разбойничьих действиях commodора Перри, но сам продолжал терпеливо увещевать японскую сторону, не выходя за рамки дипломатического такта и не рассчитывая действовать по примеру воинственного американца. Долготерпение и такт русского адмирала все же были оценены японской стороной. Власти Нагасаки молчаливо согласились с тем, чтобы шлюпки с русских кораблей свободно плавали по всем рейдам, кроме внутреннего, и выходили в море. Эскадра получила возможность закупать свежие продукты, правда, через голландскую факторию. 7 ноября к Путятину явились баниосы и объявили, что едут полномочные особы из Эдо, назначенные для переговоров. Возможно, что это был маневр, который японцы берегли уже давно, все еще выигрывая время.

Только неделю и пробыл экипаж шхуны «Восток» в Нагасаки. За время кратковременных стоянок в этом порту В. А. Римский-Корсаков смог узнать о Японии немного. 11 ноября шхуна вышла из Нагасаки, сопровождая фрегат «Палладу» в Шанхай. Целью этого плавания бы-

ла необходимость произвести текущий ремонт и получить почту из Европы. В Шанхае шхуна стала в док для устранения повреждений. Необходимо было сменить сломанную мачту.

Обстановка в городе и его окрестностях стала тревожной. Шли упорные бои между императорскими войсками и повстанцами, выступившими против феодальной монархии.

Из сообщений гонконгских газет узнали, что Турция объявила войну России, а соединенная англо-французская эскадра вошла в Босфор. Со дня на день можно было ожидать вступление в войну и Англии с Францией. В Шанхае стояли английские и французские корабли. И хотя командир шхуны обменялся с командирами других иностранных судов визитами вежливости, приходилось опасаться любых неожиданностей. Поэтому Путятин поспешил отдать распоряжение о выходе в море. Уже на ходу на шхуне крепили паруса и приводили в порядок такелаж.

Японские власти в Нагасаки встретили эскадру Путятина новыми хитростями и уловками. Но вот 31 декабря 1853 года долгожданные переговоры начались. Японские сановники произносят пространные и ни к чему не обязывающие речи. Происходит обмен подарками. Возникают новые осложнения и споры с японской стороной по второстепенным процедурным вопросам, отвлекающие от главной цели. Японцы намекают — пусть русская сторона не стремится ускорять ход неизбежных событий и даст время на размышления. Ведь нынешнему порядку Япония следует уже более двухсот лет. Легко ли сразу отступить от него?

Пока договаривающиеся стороны топчутся на месте, адмирал два раза посылает «Восток» в Шанхай за известиями из Европы. Во время второго рейса шхуна столкнулась в устье Янцзы с английским разведывательным кораблем и вынуждена была отрываться от погони.

Доставив шанхайскую почту Путятину, шхуна вышла по его предписанию в Императорскую гавань для соединения с другими кораблями эскадры и 22 апреля была в Константиновской бухте. Там уже стояли на якоре «Меншиков» и корвет «Оливуца». От поселенцев Воин Андреевич услышал мрачный рассказ о минувшей зимовке. Команда военного поста, а также экипажи «Николая» и «Иртыша» перенесли голод и цингу. Десятки человек умерли. Командир транспорта «Иртыш» Гаврилов был

при смерти, и только прибытие корвета с врачом и медикаментами спасло его. Были признаки цинги и у Бошняка, хотя он легче других переносил болезнь. Причинами бедствий были недостаток съестных припасов, особенно свежих, сырость наспех возведенных строений, суровость климата. В январе морозы доходили до —35 градусов. Дорого обошлась русским поселенцам неласковая Императорская гавань. Воин Андреевич молча поклонился могильным крестам.

Путятин на фрегате «Паллада» также прибыл в Императорскую гавань. Среди служебной корреспонденции, доставленной из Шанхая на имя Ефима Васильевича, была шифрованная депеша от генерал-адмирала, великого князя Константина Николаевича. В связи с назревавшей войной с вражеской коалицией управляющий морским ведомством предписывал сосредоточить все суда путятинской эскадры в заливе Де-Кастри, куда уже отправлены для соединения с ней фрегаты «Диана», «Аврора» и корвет «Наварин», находившиеся в тихоокеанских водах. Там надлежало дожидаться дальнейших приказаний от генерал-губернатора Восточной Сибири. Однако Путятин принял решение оставаться с эскадрой во Владимирской бухте у Императорской гавани, более удобной, чем Де-Кастри. К тому же Императорская гавань располагалась несколько ближе к Нагасаки, куда Ефим Васильевич еще надеялся вернуться, чтобы завершить свою дипломатическую миссию.

Были приняты меры по укреплению бухты. С борта фрегата, обращенного к берегу, сняли 16 орудий и использовали их в качестве береговых батарей. В. А. Римский-Корсаков должен был по поручению адмирала составить записку о сравнительных качествах Императорской гавани и заливе Де-Кастри, чтобы оправдать нарушение повеления великого князя.

Вскоре «Восток» отправился в залив Де-Кастри для встречи генерал-губернатора Восточной Сибири Муравьева, которого ждали там со дня на день. Так Воин Андреевич имел возможность встретиться с этим выдающимся государственным деятелем*.

Не любивший долго засиживаться на одном месте, Николай Николаевич пробыл здесь только сутки и на шхуне вышел из Императорской гавани в Петровское зимовье.

* Н. Н. Муравьеву посвящен отдельный очерк, помещенный в настоящем сборнике. (*Примеч ред.*)

С момента встречи с Муравьевым В. А. Римский-Корсаков выполнял уже его распоряжения, а не Путятину.

Из амурского устья судно двинулось в Аян за почтой, взяв на борт пассажиров — офицеров и нижних чинов да красноярского купца Кузнецова. Купец прибыл с Муравьевым, чтобы завязать здесь торговые сношения с местными жителями и устроить снабжение Амурской экспедиции.

Аян, в то время один из главных русских портов на Тихом океане, был довольно оживленным поселением. К моменту прихода шхуны здесь оказался компанейский корабль «Ситха», салютовавший выстрелами. Местоположение аянской бухты Воин Андреевич нашел очень живописным. Окрестные холмы, поросшие березой, тополем и елью, чередовались с острыми зубчатыми утесами, похожими на готические развалины. В селении компания держала большие запасы товаров, предназначенных для торговли с аборигенами края и снабжения Амурской экспедиции. Дома начальника порта и других служащих выглядели внушительно и капитально. Отсюда, из Аяна, шла выючная тропа через тайгу и горные перевалы до селения Нелькан на бурной реке Мае, притоке Алдана. Из Нелькана можно было добраться речными путями до Якутска, верховьев Лены, связанных трактом с Иркутском, столицей всей Восточной Сибири. Зимой по скованной крепким льдом Лене прокладывали почтовый тракт. В середине прошлого века здесь проходил основной путь, связывавший страну с ее восточными окраинами. По нему шли почта и товары, двигались подкрепления гарнизонам, добирались к месту далекой службы чиновники. Путь был изнурительным и долгим. На него уходили многие месяцы. Для России назрела острая историческая необходимость освоить другой, более удобный выход к Тихому океану. Таким выходом мог быть полноводный Амур.

Дождавшись почты из Иркутска, В. А. Римский-Корсаков возвратился в Петровское зимовье. Непоседливого Муравьева он уже не застал. Николай Николаевич вместе с Невельским несколько дней назад выехал в Николаевский пост, оставив командиру шхуны приказание идти туда же.

16 июля шхуна, обогнув мыс Табах, вошла в Амур. Фарватер указывали два местных лодмана-нивха, оказавшиеся на этот раз весьма сведущими. Фарватер был широким, глубина его доходила местами до 12 саженей. В. А. Римский-Корсаков убедился, что низовья Амура

доступны для плавания самых крупных по тому времени морских кораблей. В тот же день вечером шхуна бросила якорь вблизи Николаевского поста. Таким образом «Восток», войдя в прошлом году первым в Амур, был на этот раз и первым русским военным судном, поднимавшимся по реке до Николаевского поста.

Н. Н. Муравьев радушно встретил Воина Андреевича и, приняв от него почту из Аяна, направил шхуну с новым поручением в Императорскую гавань. В. А. Римский-Корсаков должен был взять у берегов Сахалина полный запас угля и узнать, нет ли в районе Татарского пролива фрегата «Диана», покинувшего в мае Сандвичевы острова. Муравьев беспокоился о судьбе этого корабля. Фрегат был встречен в проливе. На нем оказались Иван Бутаков и другие старые друзья Воина Андреевича по прежним плаваниям. Они привезли новые тревожные вести. В водах Тихого океана рыскали английские и французские военные корабли. В перуанском порту Кальяо стояли английский 50-пушечный фрегат и французский 60-пушечный. Было очевидно, что союзники замыслили крупные военные операции против дальневосточных рубежей России.

Пополнив запасы угля у «Чихачевской ломки», В. А. Римский-Корсаков возвратился на шхуне в амурское устье. Здесь уже стояли на якоре «Паллада» и «Диана». Муравьев принял решение укрыть сравнительно слабые русские военно-морские силы, которыми он располагал, в низовьях Амура. Это было более безопасное укрытие, чем открытые бухты Татарского пролива. Вряд ли вражеские корабли отважатся пойти неизведанным фарватером, считавшимся недоступным для морских судов. После исследований В. А. Римским-Корсаковым российский флот мог уверенно входить в устье Амура, подыматься в низовья реки.

Командиру шхуны было велено вновь подняться в Николаевский пост, взять на борт Муравьева с офицерами его штаба и идти с ними в Аян. Из Аяна генерал-губернатор направлял в Петербург курьера с подробным донесением об обстановке на Дальнем Востоке и о своих действиях, а В. А. Римский-Корсаков получил новое поручение — доставить почту в Петропавловск на Камчатке.

Поручение оказалось не только весьма ответственным, но и опасным, поскольку столкновение с англо-французскими силами у восточных границ России стано-

вилось неизбежным. И нападения прежде всего следовало ожидать на Петропавловск на Камчатке, тогдашнюю главную российскую военно-морскую базу на Тихом океане.

У входа в Авачинскую бухту шхуна «Восток» встретила с русским ботом, шедшим из Нижне-Камчатска. Командир бота боцман Новограбленный сообщил, что в глубине бухты он рассмотрел четыре неизвестных трехмачтовых судна. Очевидно, это был неприятель. А на одном из мысов у входа в бухту показался пикет английских солдат в красных мундирах, открывших ружейную стрельбу. Это неожиданное известие заставило Римского-Корсакова принять решение взять курс на Большерецк на западном побережье Камчатки, чтобы передать почту тамошнему исправнику. О своем решении он ставил в известность камчатского военного губернатора в письме, которое должен был доставить берегом в Петропавловск Новограбленный.

На пути к Петропавловску находились два наших транспорта — «Иртыш» и «Байкал» — с провиантом для защитников Камчатки. Транспорты не имели вооружения и были беззащитны перед неприятелем. Командир шхуны надеялся встретить их в море, чтобы предупредить об опасности.

Плавание было исключительно трудным. Пришлось испытать шторм, заделывать течь в днище судна. Удалось встретиться с транспортом «Байкал». Командир транспорта подпоручик Шарыпов получил предупреждение об опасности и также взял курс на Большерецк. Римский-Корсаков передал ему камчатскую почту, так как вынужден был задержаться у берега Парамушира для заделки течи. Между винтовым валом и наружной обивочной муфтой образовался зазор, пропускавший воду. Течь с каждым часом усиливалась. Трех помп, которыми располагала шхуна, оказалось недостаточно, чтобы выкачивать из трюма прибывающую воду. Приходилось всей команде браться за ведра. Положение шхуны становилось угрожающим. Командир убедился, что в таком положении до Большерецка не дойти.

Первые попытки заделать течь не увенчались успехом. Килевать шхуну было невозможно: на островах северной части Курил не растет лес, который сгодился бы на подпоры. Проводив транспорт, Воин Андреевич посоветовался с офицерами и принял смелое решение запатить зазор изнутри. Сперва план этот казался неосу-

щественным. Можно ли пролезть в узкое пространство под нижним перекрытием к валу? Но «нужда всему научит», как замечает в своих записках Воин Андреевич. Он приказал прорубить в своей каюте небольшой люк в квадратный фут величиной. Через него к отверстию вала пробрался тщедушный мальчик-кантонист, помощник машиниста. С его помощью обмотали вал густо промасленной полотняной лентой и потом прижали ленту абордажными пиками к зазору. Течь почти прекратилась. Находчивость командира помогла выйти из бедственного положения.

Плавание к берегам Камчатки также описано в заметках Воина Андреевича, публиковавшихся в «Морском сборнике», и в письмах к родным. В них мы находим интересные сведения о Курильских островах, их природе, обитателях, поселениях Российско-Американской компании. При всей суровости природных условий острова Курильской гряды вовсе не казались диким, необжитым краем. Местные жители — алеуты и курильские айны — занимались рыболовством и промыслом морского зверя: нерпы, сивуча, морского бобра. Иногда удавалось поживиться и выброшенной на берег китовой тушей. Между аборигенами и компанейскими служащими сложились добрососедские деловые связи. Поселения Российско-Американской компании были не только форпостами русского влияния на Курилах, но и очагами более передовой культуры, оказывавшей благотворное воздействие на традиционный уклад жизни аборигенного населения. Айны и алеуты приобретали в торговых факториях более совершенные орудия лова, хозяйственные инструменты, домашнюю утварь, перенимали у компанейских служащих навыки огородничества и скотоводства, черты быта. Некоторые из местных жителей легко усваивали русскую грамоту и работали в компании.

Воин Андреевич оставил описание компанейского поселения на острове Шумшу, состоявшего из двух жилых изб, товарного пакгауза и нескольких землянок. Одну из изб занимал управляющий поселением Ферсман, другую — служитель-финн из вольных матросов. В землянках жили писарь из креолов, четыре алеута и четыре курильца. Избы, церковь и пакгауз были привезены из Ситки на Аляске и построены на месте. При достройке использовались стволы елей и тополей, которые в немалом количестве выбрасывались морем на голый берег острова. Священника в поселении в ту пору не было. Поэтому Ферсман сам по воскресеньям читал в просторной, обиль-

но снабженной утварью церкви молитвы. В пакгаузе хранились значительные запасы одежды, обуви, топоров, игл, ниток, чая, сахара, другого разнообразного провианта, доставляемых компанейскими судами. Съестными припасами селение было обеспечено года на три. В условиях военного времени это имело немаловажное значение. Поблизости, в лошине у реки можно было увидеть огороды, засеянные картофелем, редькой и репой. Держали жители и скот — коров и коз.

В жилых землянках оказалось тепло и уютно. Низенькая наружная дверь вела в чистенькую кладовую с разложенной и развешанной на полках и жердях домашней утварью, в числе которой неизменно оказывались самовары и чашки. Из кладовой через другую дверь проходили в просторную горницу, выстланную и обшитую прекрасными травянистыми циновками курильской работы. Через небольшие окна, затянутые пузырем, проходило вполне достаточно света. Тут же виднелись опрятные постели, столики, сундуки со скарбом. Местное население и компанейские служащие хорошо приспособились к климату и почти не знали заболевания цингой. Воин Андреевич отметил в своих записках, что алеуты и курильцы (айны) хорошо одеты и на вид здоровы. Компания скупала у них преимущественно шкуры морского бобра. Сам управляющий доживал в ту пору на Шумшу уже тринадцатый год, был вполне доволен судьбой и считал местный климат здоровым.

Вообще селение на Шумшу производило впечатление вполне благоустроенного и давно обжитого, хотя компания завела здесь факторию не более пятнадцати лет тому назад. Аборигены Курильских островов все говорили по-русски. Особенно хорошим знанием русского языка отличались жители Шумшу и Парамушира. Главными распространителями русского языка, как свидетельствует Воин Андреевич, выступали промышленники-алеуты с Кадьяка и Уналашки, крупнейших компанейских центров Русской Америки. Алеутов компания привлекала на Курилы в определенный сезон для бобрового промысла.

В одном из писем родным В. А. Римский-Корсаков приводит интереснейший рассказ об этих промышленниках, предприимчивых и отважных мореходах, отправлявшихся в далекие плаванья на легких байдарках из сивучьей кожи, натянутой на легкий каркас: «Компанейский приказчик рассказал мне, что ему однажды случи-

лось выехать в море на промысел в довольно свежий ветер на восьми байдарках. Одна из байдарок, довольно старенькая, лопнула и начала тонуть. Это нисколько не смутило остальных. (Алеуты) мигом две байдарки связали вместе, вытащили и посадили к себе двух тонувших верхом, байдарку их вытащили и положили поперек к ним на колени. Те принялись тотчас же ее латать и чинить, а затем тотчас же пустились дальше, нисколько не отставая от прочих. Это одно доказывает, до какой степени эта публика чувствует себя (как) дома на море».

Воин Андреевич беспокоился о судьбе «Иртыша», другого транспорта, направлявшегося к берегам Камчатки, но не встретившегося на пути шхуны. Не столкнулся ли он с неприятелем? Лишь впоследствии стало известно, что «Иртыш» достиг Петропавловска уже после изгнания англичан и французов.

На третий день подъехал с берега на шлюпке коллежский ассессор Лохвицкий, нарочный от военного губернатора Камчатки. Он привез командиру шхуны почту и последние новости. Перед Воином Андреевичем в его каюте сидел живой свидетель обороны Петропавловска, осунувшийся, измотанный нелегкой верховой ездой по горным тропам и перевалам. Хозяин приказал подать рома, чтобы подкрепиться для бодрости, и стал жадно расспрашивать о недавних событиях, о Василии Степановиче Завойко, военном губернаторе Камчатки и командире Петропавловского порта. О нем шла слава как о деятельном организаторе, способствовавшем экономическому развитию полуострова. Оборона Петропавловска оказалась в хороших руках, хотя и маловато было в распоряжении Василия Степановича боевых штыков и припасов. Местный гарнизон, включая флотский экипаж и добровольцев, не насчитывал и тысячи человек.

Воин Андреевич затаив дыхание слушал рассказ Лохвицкого. И перед глазами вставали недавние события, тяжкие, но героические. 17 августа перед Петропавловском появилась англо-французская эскадра — три фрегата, бриг, корвет и пароход. Вход во внутреннюю бухту защищали всего лишь два русских корабля: фрегат «Аврора» и транспорт «Двина», да на прибрежных сопках в районе Петропавловска были установлены шесть батарей береговой обороны. Противник обладал по меньшей мере трехкратным превосходством в количестве артиллерийских стволов, значительным перевесом и в людской силе.

Но защитники Петропавловского порта твердо помнили суворовскую заповедь — «воевать не числом, а умением». Невиданный героизм и упорство проявили русские солдаты, моряки, горожане-добровольцы. Они разгромили и сбросили в море вражеский десант. На десятый день обороны обескровленная союзная эскадра покинула Авачинскую бухту.

Василий Степанович Завойко не собирался благодумствовать на лаврах победителя. Он был почти уверен, что в будущем году союзная эскадра, еще более мощная и лучше подготовленная, повторит нападение, и настойчиво просил Римского-Корсакова доставить до заморозков с Нижнего Амура хотя бы несколько тяжелых орудий и порох.

Воин Андреевич сам проводил Лохвицкого на камчатский берег. На берегу он встретил обитателей Большерецка, человек десять, приехавших к устью за рыбой. Русский склад лица, русская речь, русские имена произвели на бывалого моряка приятное впечатление. Он отметил в своих записках, что все это как-то не пахнет отдаленной, чужой страной. У местных жителей удалось купить мешок прекрасного камчатского картофеля, который оказался большим лакомством для экипажа.

Мореплаватель отметил, что берег у Большерецкого устья — это такое же унылое, безжизненное место, как и Петровская коса. Голая прибрежная низменность лишена всякой растительности. Лишь однажды, когда погода прояснилась, моряки различили вдалеке на востоке снежные вершины горной цепи. Зрелище было эффектным и красочным. При закате солнца горы осветились сперва нежно-розовым цветом, который мало-помалу перешел в лиловый, потом в нежно-голубой, а в сумерки сделался серым.

И здесь, на Камчатке, пытливого исследователя интересовала не только суровая и красочная природа сама по себе, но и в первую очередь возможность широкого хозяйственного освоения полуострова. «Камчатка славится в здешнем краю своей овощью», — отмечает Воин Андреевич в одном из писем. Далее он пишет, что местные жители успешно выращивают картофель, репу, редьку, а из хлеба — ячмень да овес. Только капуста здесь не удается: она не завивается в корне, а растет пучками, как свекла ботва. Говоря о несметных рыбных богатствах Камчатки, В. А. Римский-Корсаков ссылается на слова Крашенинникова: «В одной Камчатке столько пород

съестной рыбы, сколько на всем остальном пространстве земного шара».

Впоследствии, в одном из писем родным Воин Андреевич делится своими мыслями о будущем Камчатки, ее роли в хозяйственном освоении восточной части России. По его глубокому убеждению, лучше взяться за Камчатку, чем за сибирское побережье Охотского моря и за все пространство к востоку от Лены. В Камчатке и соболи лучше, и рыбы больше, и климат благоприятней, а Петропавловский порт — один из лучших в мире. С приобретением же Амура Камчатский полуостров значительно приблизится к средней Сибири в сравнении с портами Охотского побережья. Можно будет наладить бесперебойное снабжение Камчатки сибирским хлебом в обмен на камчатскую рыбу и пушнину. Будущее пароходство по Амуру откроет путь и переселенцам в восточные области страны. Об этом думал тогда мореплаватель, очутившись на пустынном западном побережье Камчатского полуострова.

Шхуна нуждалась в серьезном ремонте. Приходилось опасаться, что возобновится течь. Попытки войти в устье реки Большой и там произвести ремонтные работы не увенчались успехом. Вход в реку преграждал подводный бар, через который перекатывались стремительные буруны. Неудачей закончилась попытка исследовать устье. Высланную со шхуны гичку с матросами опрокинуло в бурунах. Двое гребцов утонуло. Остальным помогли спастись местные жители. Пришлось отложить ремонт до возвращения в Амурское устье и покидать камчатский берег, рискуя вновь попасть в тяжелое положение в открытом море.

В Большерецке серьезно заболел воспалением горла один из офицеров экипажа, мичман Анжу. Для маленького экипажа это была ощутимая потеря. Сам командир шхуны расшиб ногу и не мог ничего надеть, кроме широкого парусинового сапога. Тем не менее он не освободил себя от вахтенной службы. Вахту держал сидя, опустив поврежденную ногу в кадку и окутав ее шинелью, чтобы соленые брызги волн не намочили рану. Командира могли сменить на вахте механик или доктор. Этим двум отважным и достойным своим сослуживцам Воин Андреевич всегда мог поручить такое, что далеко выходило за рамки их прямых служебных обязанностей.

Но вот Камчатка осталась далеко позади. 10 октября

1854 года шхуна бросила якорь в Петровском зимовье, выдержав перед этим жесточайший шторм со снежной метелью у северной оконечности Сахалина.

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ

Суровую зиму экипаж проводил в Петровском зимовье. Шхуну вытащили на берег. Воин Андреевич пребывал в новых заботах и хлопотах. Приходилось заниматься текущим ремонтом и подготовкой судна к будущей навигации, размещением экипажа на берегу, заботиться о продовольственном снабжении. Питались оленьей и амурской рыбой, которую добывали в достатке. Да и в компанейской лавке можно было по умеренной цене приобрести любые продукты, кроме разве что свежих фруктов. Для командира шхуны нашлась в одной из изб просторная комната, впрочем, без всякой мебели. На помощь пришел корабельный плотник, умелец на все руки, смастеривший из сосновых досок все необходимое.

Заботы заботами, а тянуло непоседливого Воина Андреевича к дальним прогулкам, в приамурские сопки, в тайгу. Хотелось поохотиться на рябчиков, просто побегать на лыжах, пополнить свои наблюдения и записи. Очень скоро он убедился, что лучший и незаменимый вид транспорта в здешних условиях — ездовые собаки. Воин Андреевич стал присматриваться к аборигенам, пользовавшимся собачьими упряжками, а потом обзавелся и собственным выездом.

«Я уже описал вам, как при таких случаях необходимы здесь собаки, как мало надежды на лошадей, — написал он родителям. — День ото дня я больше в этом убеждаюсь, и теперь, когда уже собаки во всех упряжках свыклись и приучились, езда сделалась такой удобной и покойной, как лучше желать нельзя».

В том же письме Воин Андреевич сообщает, что всю зиму Амур кормил экипаж свежей осетриной, стерлядью, щукой, карасем и другими породами рыб. Из оленьины повар готовит такие вкусные бифштексы и ростбифы, что можно забыть и о говядине.

Когда широкий Амур оказался скованным крепким ледяным панцирем, В. А. Римский-Корсаков нередко отправлялся на нартах в Николаевский пост, превратившийся теперь в административный центр края, к другу и единомышленнику своему по общему делу Невельскому. Пост

становился довольно многолюдным селением. Плотничьи команды из солдат и матросов рубили все новые избы и амбары. Повсюду белели недостроенные срубы. Пахло смолистой стружкой. Слышался разливистый многоголосьный собачий лай. Возле лавки толпились нивхи, приехавшие сюда из ближних и дальних поселений, чтобы обменять шкурки или мороженую рыбу на табак или хозяйственную утварь. Кроме ближайших помощников Невельского, Воин Андреевич застал в селении немало офицеров с «Дианы» и «Паллады».

Обещавший фрегат «Паллада» доживал теперь свой век в Императорской гавани. Для его охраны оставили небольшую команду, а основная часть экипажа перебралась на Нижний Амур. Путятин же на фрегате «Диана» вновь отправился к берегам Японии. Японские власти назначили новое место для переговоров — порт Симода. В разгар переговоров в районе Симодской бухты произошло тяжкое бедствие: на берег обрушилось вызванное тайфуном цунами невиданной силы. Портовый город подвергся почти полному разрушению. Сорванный с якорей фрегат закружился в водовороте и был серьезно поврежден. Путятин предпринял попытку отремонтировать поврежденное судно. Но в результате повторного тайфуна фрегат затонул. Надо отдать должное японским властям: они оказали немалую помощь русским морякам, оказавшимся в критическом положении, помогли построить небольшую прочную шхуну. Непредвиденные затруднения, с которыми столкнулась путятинская миссия в Японии, а также военная обстановка в районе Тихого океана заставили Ефима Васильевича спешить с заключением переговоров. Японская сторона также в конце концов склонилась к подписанию соглашения, убедившись в миролюбивости русских. Их поведение, дипломатичное и корректное, выглядело резким контрастом с разбойничьими действиями американской эскадры Перри или англо-французских союзников, неоднократно нарушавших в период Крымской войны территориальные воды пейтральной Японии.

26 января 1855 года в симодском храме Гекусэндзи был подписан первый русско-японский трактат. Обе державы устанавливали дипломатические отношения, разграничивали владения, давали обязательства оказывать на своей территории покровительство и защиту подданным другой стороны. Россия получила право учредить консульство в одном из японских портов. Три порта Японии

открывались для русской торговли. Путятин добился мирными дипломатическими средствами и долготерпением своим того, чего американцы добились угрозой интервенции и дулами пушек.

А в Николаевском посту тем временем волновались за судьбу русских моряков в Японии, как и за судьбу защитников далекого Петропавловска. Душою местного общества была Екатерина Ивановна Невельская, гостеприимная, приветливая, обаятельная. Она не только подвижнически делила все тяготы походной жизни Геннадия Ивановича, но и стремилась как могла скрасить суровые и однообразные будни обитателей поста. Немало изобретательности, выдумки проявляла молодая женщина, чтобы сделать новое поселение маленьким культурным центром. Устраивала званые обеды, маскарады и даже любительские спектакли.

«Что вам сказать о нашей пустыне? — писал Воин Андреевич родителям в начале 1855 года. — Пустота в ней не такая страшная, потому что здесь благодаря достаточному числу публики и Катерины Ивановны был на святках трижды домашний спектакль, на котором давали три акта «Ревизора» и «Женитьбы» Гоголя, которые шли очень удачно. Был в новый год у Невельского костюмированный бал, в котором участвовали все без исключения бывшие здесь, а следовательно, и я. Я избрал себе костюм средневекового буржуа, который сам заказал и сочинил...»

Женщин в Николаевском посту было мало или почти не было. Воин Андреевич и его товарищи, пребывая в походах, плаваниях и зимовках, не первый год уже были оторваны от семьи, женского общества, какой-либо реальной возможности обрести любовь, подругу сердца. Неудивительно поэтому, что хрупкая и привлекательная, к тому же умная Невельская вызывала всеобщее восхищение и поклонение офицеров и чиновников. Вряд ли Воин Андреевич, влюбившийся, что называется, «по уши» в Екатерину Ивановну, составлял исключение среди посетителей дома хлебосольных Невельских. О своем чувстве он сообщал родителям с шутиливой иронией. «Я на тридцать третьем году от роду имею несчастье быть в первый раз влюбленным. Это бы еще ничего, но в том беда, что любовь моя пала на замужнюю женщину, да жену моего доброго приятеля, который радушно меня принимал...»

Оставаясь в своем невзыскательном жилье в Петров-

ском зимовье, продуваемом сквозными ветрами и буранами, Воин Андреевич принимался за работу, приводил в порядок и пополнял дневниковые записи, читал или писал пространные письма родителям. В письмах этих мы находим размышления о будущем Камчатки и Приамурья, об использовании их природных богатств, возможностях развития здесь сельского хозяйства и заселения. Из писем видно, что затаенное чувство к Екатерине Ивановне он постарался приглушить, повинуясь голосу разума. Продолжая заниматься и здесь самообразованием, Воин Андреевич не забывает попросить родных прислать нужную ему книгу.

В письмах к родителям он проявляет трогательную заботу и о своем малолетнем брате Нике, его воспитании и будущем жизненном пути, советует, чтобы тот шел по стопам старшего брата и стал воспитанником Морского кадетского корпуса. В строках писем Воина Андреевича угадывается искреннее желание видеть младшего брата продолжателем славного дела морехода-первооткрывателя.

Наступление весны принесло новые тревоги. Ожидали повторного нападения союзной эскадры на Петропавловск, появления английских или французских кораблей в Татарском проливе. Русские силы на Тихом океане были распылены по огромной территории, а связь с отдаленными гарнизонами, прежде всего с Петропавловском, практически прервалась. Генерал-губернатор Восточной Сибири Муравьев принял решение эвакуировать Петропавловский порт и сосредоточить все наличные силы для обороны устья Амура и подступов к нему, приобретающих первенствующее значение. В мае 1855 года Завойко со всей камчатской эскадрой прибыл в Де-Кастри. Он вывез из Петропавловска гарнизон и все припасы и срыл предварительно береговые батареи. После того как Амурское устье окончательно очистится от льда, предполагалось увести все корабли туда. Де-кастринская бухта все же не была безопасным местом. Вскоре после прибытия небольшой камчатской эскадры в бухту вошли три вражеских корабля: фрегат, пароход и парусная шхуна, но были отогнаны меткими выстрелами с корвета «Оливуда».

Командир шхуны «Восток» не терял времени и тренировал экипаж в ружейной стрельбе в цель. Приходилось готовиться к встрече противника и здесь, у Петровского зимовья. Поздний ледоход препятствовал спуску судна на воду. Грозное и величественное зрелище ледохода Воин Андреевич описал следующим образом: «Гулко

шумят льдины, обтираясь одна об другую краями, и там, где фарватер суживается или дает колено, они сначала спираются, потом лезут одна на другую и опрокидываются, обрушиваются, трещат, потом сворачиваются целыми горами по бокам на отмели, а иногда останавливаются, пока напор новых сил сзади не усилится до того, что вытеснит на свободу завязших передовых и так далее. Можете представить, что осталось бы с судами не только такими маленькими, как моя шхуна, но и самым огромным кораблем, если бы ему удалось попасть в этот слом».

Только в начале июня, когда у берега еще держалась ледяная кромка, экипаж спустил шхуну на воду. Первый свой рейс после зимовки «Восток» совершил вверх по Амуру, пройдя уже изведанным фарватером до Николаевского поста. Здесь Воин Андреевич застал внезапные и значительные перемены. За несколько дней до этого на Нижний Амур вновь прибыл Николай Николаевич Муравьев. По Амуру осуществлялся очередной сплав войск, переселенцев и припасов. Генерал-губернатор, облеченный высокой властью, по существу, объявлял о ликвидации Амурской экспедиции, детища Невельского. Ее административные функции переходили к Управлению камчатского губернатора контр-адмирала Завойко, который также становился главным военачальником всех сил, входящих в состав прежней Амурской экспедиции. Хотя Геннадий Иванович Невельской и назначался начальником штаба при главнокомандующем всех морских и сухопутных сил Приамурского края, фактически он отстранялся от дел.

В. А. Римский-Корсаков, успевший сдружиться и сблизиться с семьей Невельских, искренне горевал. По этой причине он с неприязнью отнесся к Василию Степановичу Завойко, поумерил и восторг свой к кипучей энергии генерал-губернатора. Неприязнь к боевому защитнику Петропавловска, немало сделавшему для обороны Николаевска и строительства Николаевского порта, вряд ли была вполне справедливой.

Пора увлекательных исследований и открытий для Римского-Корсакова кончилась. Начиналась малоблагодарная служба командира рассыльной шхуны, заключающаяся в выполнении мелких случайных поручений. Воин Андреевич подумывает о возвращении на Балтику, просит адмирала Путятина, успешно выполнившего дипломатическую миссию, взять его с собой. Ефим Васильевич собирался ехать в Петербург по Амуру, затем через Си-

бирь. Но случилось так, что Римскому-Корсакову пришлось остаться на Дальнем востоке не только до конца навигации, но и еще раз зазимовать.

Корабли бывшей камчатской эскадры, даже тяжелый фрегат «Аврора», благополучно пришли в Николаевск фарватером, исследованным в свое время экипажем шхуны «Восток». Здесь они были в безопасности. Все попытки англо-французских кораблей отыскать и разгромить русскую эскадру оставались безуспешными. Союзники высаживались в Аяне и Де-Кастри, пытались блокировать северный вход в Амурский лиман, но так и не рискнули войти в устье.

Шхуна «Восток» осенью застряла на мелководье в одной из боковых амурских проток у Мариинского поста. Это вынуждало экипаж зазимовать в ожидании весенней высокой воды. Мариинский пост имел важное стратегическое значение. Здесь Амур соединяется протокой с большим озером Кизи, от которого была проложена просека к бухте Де-Кастри. Если бы противнику удалось овладеть побережьем бухты и сделать оттуда наступательный бросок к Амуру, устье реки и Николаевский пост оказались бы отрезанными. Это заставляло держать в Мариинском посту гарнизон. Год тому назад его численность составляла десяток казаков и матросов во главе с офицером. Теперь же Воин Андреевич застал здесь батальон линейных войск и казачий батальон Забайкальского войска — всего до 2000 человек. Командовал гарнизоном подполковник Сеславин, один из адъютантов Муравьева, племянник известного партизана, героя Отечественной войны двенадцатого года. Этот офицер сразу пришелся по душе командиру шхуны. В Мариинском были расселены семьи служащих Петропавловского гарнизона. Здесь же находился и отстраненный практически от всех дел Геннадий Иванович Невельской с женой и маленькой дочерью. Он ожидал возможности уехать с Дальнего Востока.

Благодаря стараниям Муравьева Нижний Амур постепенно, хотя и медленно, заселялся. Прибыло 200 семей, большей частью из крестьян Нерчинского округа. Им предоставлялась возможность выбрать места для поселений между Николаевским и Мариинским постами.

В начале февраля приехал Завойко, учинил смотр гарнизону. Потом собрал офицеров и познакомил их со своими планами. Пока противник не предпринимал серьезных

попыток войти в Амурское устье, не располагая сведениями об извилистом фарватере. Это позволило сохранить в неприкосновенности русские корабли. Наиболее уязвимое место — бухта Де-Кастри. От нее до Амура рукой подать. Ранней весной здесь сосредоточится сильный отряд — до тысячи человек с артиллерией. Командовать отрядом поручалось подполковнику Сеслаину, а его помощником становился Римской-Корсаков. Специфические условия боя с морским десантом противника потребуют знания флотской службы. «А командование шхуной любезной Воин Андреевич сможет передать какому-либо другому офицеру», — закончил Завойко.

Адмирал вскоре уехал. Сеславин сидел над разработкой диспозиции и прикидывал, что будущему помощнику можно, пожалуй, поручить командование полубатальоном на одном из флангов. А Воин Андреевич в очередном письме к родителям пускался в шутливое иронизирование. Ему уже приходится быть не только капитаном судна, но и домостроителем и кораблестроителем. Недостает лишь того, чтобы произвели в кавалеристы и сделали каким-нибудь ветеринаром, а то, пожалуй, и дьячком, поскольку в этих краях мало людей, сведущих в подобных ремеслах.

Давала о себе знать затянувшаяся война. В середине зимы снабжение войск на Амуре стало значительно хуже. В пакгаузах таяли запасы, росла дороговизна. Люди поносились. Какую бы энергию ни проявлял Муравьев, было затруднительно завезти сюда из Сибири, за тысячи верст по бездорожью столько припасов, чтобы накормить, одеть, обуть несколько тысяч солдат, матросов, переселенцев.

Проходили долгие недели, месяцы, пока по трактам, проложенным по замерзшим рекам, горным тропам и перевалам приходила из Иркутска почта и обитатели приамурских постов узнавали о последних событиях в мире и в России. Все же дожидались застарелых новостей. В бревенчатой, занесенной снегом церквушке служили молебен за упокой души «в бозе почившего» императора Николая Павловича и за здоровье преемника его Александра. Молились за павших под Севастополем. Пришло наконец-таки и долгожданное известие о перемирии, а потом о подписании тяжелого для побежденной России Парижского договора. По домам толковали между собой и горевали об ущемленных правах России на Черном море, потере южной Бессарабии. План Завойко об укреплении

Де-Кастри и о превращении командира шхуны в пехотного военачальника отпал сам собой.

«Известие о мире, конечно, нас не могло не порадовать, — писал Воин Андреевич родителям. — Народное самолюбие затронуто за живое. Но вместе с тем нельзя не сознаться, что эта тяжелая война для России — спасительный урок, и нам еще довольно дешево досталось познание той истины что не все то золото, что блестит». Мыслящий моряк и патриот, он не мог не видеть серьезных пороков военно-бюрократической машины, ее технической отсталости, отражавших всю самодержавно-крепостническую систему. Именно она помешала России одержать верх в противоборстве с врагом, куда лучше оснащенным и вооруженным.

Служба Воина Андреевича на Дальнем Востоке подходила к концу. В июне 1856 года, уже после заключения мирного договора, он сдал шхуну и вступил в командование корветом «Оливуца», получив предписание идти в Кронштадт. Но прежде удалось осуществить заветную мечту свою и подняться по Амуру верст на пятьсот вверх от Мариинского поста. Сперва плыл на шхуне, пока позволяла глубина, а потом на «туземной» лодке в сопровождении трех вольнонаемных гребцов. Могучая река и щедрая природа амурских берегов произвели на любознательного моряка неизгладимое впечатление, хотя доводилось ему видеть и суровость Курил, и пышную растительность Явы и Филиппин, и многие другие уголки земного шара. Но здесь перед ним был Амур, река великого будущего. Видел он на его берегах и маньчжурский орех, и заросли дикого винограда, и сочные заливные луга, и неисчерпаемые богатства отменного строевого леса. Это был край великих возможностей для интенсивного земледелия. Широкая, дробящаяся на множество рукавов и протоков река располагала благоприятнейшими условиями для судоходства.

«Река громадная, глубокая, широкая и во всех отношениях благодарнейшая, — писал В. А. Римский-Корсаков. — Русло ее временами расширяется верст на 30, но эти громадные расширения наполнены низменными островами, дробящими его на множество рукавов и проток, так что бури опасны быть не могут, а на берегах, главное — на правом, неисчерпаемые богатства строительного леса. Много от нее будет пользы для России в будущем...»

Возвращался Воин Андреевич с Дальнего Востока в Кронштадт уже капитаном второго ранга и командиром

устаревшего, но все еще добротного боевого корабля. По сравнению с маленькой шхуной «Восток» корвет «Оливуца» мог считаться крупным судном. Его команда насчитывала без малого две сотни человек, в том числе десяток офицеров. Назначение командиром корвета, как и присвоение очередных чинов, и награждение орденом святой Анны второй степени, было выражением признания заслуг моряка.

На корвете отправился в Японию по поручению российского правительства капитан первого ранга Константин Николаевич Посьет. На него возлагалась миссия обмена ратификационными грамотами Симодского трактата, а также передачи японской стороне шхуны «Хэда» — подарка в знак благодарности за помощь, оказанную экипажу погибшего фрегата «Диана». Шхуна строилась в гавани Хэда с участием японских мастеров: кузнецов, плотников, такелажников, получавших тем самым полезные навыки европейского судостроения. Это было обоюдопольное сотрудничество. Перед выходом к Японским островам шхуну тщательно отремонтировали.

В. А. Римский-Корсаков поступал в распоряжение Посьета и как его ближайший помощник становился причастным к выполнению дипломатической миссии.

Константин Николаевич, потомок переселившегося в Россию и обрусевшего француза, был добрым знакомым Воина Андреевича. Он ценил Посьета за образованность, деловитость, спокойный, уравновешенный характер. На фрегате «Паллада» офицеры занимали одну каюту. И на корвете поселились вместе, в командирской каюте. Константин Николаевич получил известность как автор серьезных печатных трудов по военно-морскому делу. За один из них — «Вооружение военных флотов» его отметили весьма почетной тогда Демидовской премией. Посьет оказался незаменимым помощником для Путятина благодаря хорошему знанию голландского языка. На этом языке велись переговоры с японской стороной.

На пути к Японским островам корвет «Оливуца» заходил в Императорскую гавань. Здесь моряки с горечью увидели разрушительные следы войны. Все строения бывшего Константиновского поста, воздвигнутые ценой немалых усилий и лишений, были сожжены дотла. Случилось это после заключения перемирия, даже уже после обнародования мира. Вопиющее нарушение международных правовых норм было делом рук командира английского фрегата «Пик» капитана Никольсона. Того самого

Никольсона, который в предыдущее лето грабил и разрушал компанейские селения на острове Уруп. Это заставило Воина Андреевича гневно написать родным: «Признаюсь, если на моем веку еще случилась бы война с Англией и я командовал бы военным судном, я бы ни с кем так охотно не встретился, как с капитаном Никольсоном». Сам человек отменного трудолюбия, всегда ценивший труд матросов и солдат, возводивших своими руками русские поселения, он негодовал на бессмысленное варварское разрушительство, предпринятое английским пиратом.

27 октября «Оливуца» вошел в бухту Симода, где в позапрошлом году разыгралась трагедия. Месяца за два до прибытия корвета в этом районе вновь прошел тайфун. Его зловещие следы — разбросанные по берегу бухты обломки джонок, сорванные крыши домов, разрушенную пристань — можно было увидеть повсюду.

Примерно через месяц, когда прибыли из столицы правительственные уполномоченные, состоялся обмен ратификационными грамотами. Русская миссия во главе с Посьетом и Римским-Корсаковым съехала с корвета под пушечные залпы. Два рослых унтер-офицера несли увесистый ларец красного дерева с инкрустацией, в который был заключен ящичек сандалового дерева поменьше. Там лежала сама грамота в роскошном бархатном переплете с гербами и в парчовом футляре.

Из письма Воина Андреевича к родителям узнаем, что любознательный моряк прошел верст десять по дороге, ведущей в глубь острова, в сторону Эдо. «Видел японское население, японскую жизнь в том виде, в каком она покуда еще везде в Японии без малейшей примеси чужеземного, какой она существовала сотни лет». Обронив такое замечание, он далее высказывает убежденность, что этот неизменный уклад японской жизни вряд ли останется таковым надолго.

Итак, Посьет с Римским-Корсаковым закрепили успех путятинской миссии в интересах добрососедских отношений между Россией и Японией. Вскоре после обмена ратификационными грамотами друзья расстались.

Дальнейшее плавание корвета оказалось злополучным. В Гонконге пополняли запасы продовольствия, в частности закупали свежий хлеб. Никто не ожидал несчастья, которое тут произошло. Вот что пишет об этом происшествии командир корвета: «Булочник-китаец подложил в хлеб мышьяку, и все отведавшие этого хлеба за завтра-

ком были отравлены, в том числе и я, и бывшие со мной в Гонконге ревизор корвета, лейтенант Геннинг и мичман Бутаков. К счастью, порция яда была так велика, что припадки рвоты обнаружили прежде начала пищеварения и притом всем очень скоро подали медицинское пособие, так что не было ни одного смертного случая, а все отделались только более или менее продолжительным нездоровьем».

Римский-Корсаков пытается объяснить в рапорте причины этой диверсии ненавистью китайцев к англичанам и тем, что подобная ненависть могла в равной мере переноситься на всех белых европейцев. Что ж, и такая версия могла выглядеть правдоподобной, хотя она не исключает и другого предположения. Несмотря на заключение мирного договора, отношения России с Англией оставались натянутыми. Не могли ли поэтому оказаться булочки-китайцы, поставлявшие русским морякам отравленный хлеб, лишь слепым орудием англичан, владевших Гонконгом?

А в Индийском океане среди членов экипажа вспыхнула эпидемия дизентерии. Римский-Корсаков, как это видно из его рапортов, принимал решительные меры, чтобы облегчить участь больных и приостановить распространение эпидемии. Поступки Воина Андреевича характеризуют его как чуткого, заботливого командира. На острове Маврикия в Порт-Луи он с помощью американского консула снял за городом, в здоровой местности помещение, где разместил для отдыха и лечения больных членов экипажа, привлек местного врача-француза. Но избежать надвигавшейся беды не удалось. 21 апреля 1857 года умер матрос первой статьи Гусевский. За первой смертью последовала вторая. Три десятка членов экипажа выбыли из строя.

Корвет продолжал свой путь, миновав мыс Доброй Надежды, пересекая Атлантику. Один за другим умирали от изнурительной болезни матросы. Лишь в середине сентября 1857 года «Оливуца» прибыл в Кронштадт. Ровно год продолжалось тяжелое плавание.

Встречен был Воин Андреевич высшим флотским начальством с почетом. Слишком очевидны были его заслуги перед Россией, флотом российский, личное мужество, проявленное в дальних плаваниях. На корвете побывал сам глава морского ведомства великий князь Константин.

Оказавшись в столице, Воин Андреевич первым делом заглянул в морской корпус, в стенах которого когда-то

воспитывался. Теперь сюда был определен по семейной традиции его младший брат. В этом резвом мальчугане еще никто не мог предугадать будущего великого композитора, гордость русской музыкальной культуры. Пока что он с непосредственным любопытством расспрашивал старшего брата о дальних плаваниях и заморских странах.

Надежда Воина Андреевича сразу же попасть в Тихвин к родителям не оправдалась: пришлось сдавать корвет новому командиру, а самому вступать в командование фрегатом «Илья Муромец».

Только в ноябре 1857 года удалось вырваться в Тихвин, порадовать престарелого отца и мать диковинными подарками, рассказами. Мать, слушая сына, утирала набежавшую слезу и искала случая, чтобы заговорить о другом. Тридцать пять лет сыну. Сколько морщин прибавилось. Женился бы, порадовал внуками. Но лишь несколько дней провел моряк в родительском доме. Вернулся в Кронштадт и принялся за работу над очерками для «Морского сборника», начатыми еще на Дальнем Востоке, но не завершенными. Писал Воин Андреевич медленно, вдумчиво, заполнял листки бумаги мелким каллиграфическим почерком, безжалостно правил написанное, вычеркивал, переписывал. Завершалась история плавания по Татарскому проливу, Амурскому лиману, к берегам Камчатки, озаглавленная автором «Случаи и заметки на винтовой шхуне «Восток» (из воспоминаний командира)».

Очерки, опубликованные в трех номерах «Морского сборника» за 1858 год, — это бесценные свидетельства подвига русских моряков, экипажа шхуны. Четкость и образность языка вместе с глубоким профессионализмом составляют несомненные литературные достоинства очерков В. А. Римского-Корсакова. Их можно с полным основанием назвать ценным дополнением к замечательной книге И. А. Гончарова «Фрегат «Паллада».

НА ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ПОПРИЩЕ. КОНЕЦ ПУТИ

В начале следующей навигации В. А. Римский-Корсаков получил назначение на должность командира учебно-артиллерийского корабля «Прохор» и оставался в ней до начала 1860 года. По отзывам сослуживцев, Воин Андреевич сумел хорошо организовать подготовку орудийных комендоров, переходивших потом на другие суда Балтийского флота. В перерывах между двумя кампаниями на «Прохоре», зимой 1858 года, Римский-Корсаков ездил в

Англию и Францию для знакомства с учебно-артиллерийскими кораблями этих стран и системой подготовки артиллерийских офицеров. Критически относясь к иностранному опыту, он старался подметить все полезное, передовое. Впечатления этой поездки нашли отражение в специальной статье, также опубликованной в одном из номеров «Морского сборника».

В феврале 1860 года Воин Андреевич, к тому времени уже капитан первого ранга, получил новое назначение. Он становится начальником штаба главного командира Кронштадтского порта.

В то время Россия вступала в полосу буржуазных реформ. Готовилась отмена крепостного права. Недавнее поражение в Крымской войне наглядно продемонстрировало несостоятельность громоздкой военной машины Российской империи, оснащенной устаревшей техникой, располагавшей не менее устаревшей системой комплектования и подготовки кадров. Жизнь требовала серьезных перемен и в армии.

За время длительного плавания В. А. Римский-Корсаков смог наглядно убедиться в этом. Он также понимал, что наступал конец истории парусного флота и начиналась эра флота парового, выдвигавшая свои требования.

Воин Андреевич принадлежал к тем передовым деятелям русского флота, которые горячо ратовали за необходимость прогрессивных перемен, отвечавших духу времени, таких, как оснащение военно-морских сил более передовой техникой, коренное улучшение системы военно-морского образования, предоставление доступа в учебные заведения и офицерскую среду не только дворянам, но и разночинным слоям, отмена бессмысленной муштры и сокращение срока службы для нижних чинов. В июньском номере «Морского сборника» за 1860 год была опубликована статья Воина Андреевича «О морском воспитании», суммировавшая передовые взгляды на проблему подготовки морских офицеров.

В. А. Римский-Корсаков считал необходимым с первых же классов воспитывать убежденную любовь к флотской службе, чувство коллективизма, товарищества, самостоятельности. И делать это в море, на учебном корабле. Он писал: «Руководствуясь примером корпусных фрегатов, не мешая, чтобы часы еды и отдыха установлены были по морскому; даже артельная миска и деревянная ложка ничему бы не вредили, а между тем это избавило бы от посудного хлама и убавило прислуги.

Команды на этом судне следовало бы иметь не более того, сколько нужно для содержания всего в чистоте без участия воспитанников. Команда должна бы состоять из бывалых, хорошего поведения матросов, которые при случае могли показать воспитанникам — как управиться со шлюпкой, как закинуть сеть, как вымыть ружье и проч.».

В этом высказывании отчетливо улавливается главная мысль Воина Андреевича. Будущий офицер не должен чувствовать себя на корабле белоручкой, отделенным стеною сословных предрассудков от нижних чинов. Все чины экипажа, офицеры и матросы составляют единый дружный коллектив, разделяющий общие тяготы службы.

Воин Андреевич — противник мелочного и сурового надзора за воспитанниками: «Совершенно без надзора нельзя оставлять мальчиков, особенно в большой массе; но мне кажется, что с терпением и умением можно устроить этот надзор так, чтобы он не тяготел над ними, а именно заставил их самих надзирать за собой». Необходимо, считает Римский-Корсаков, учитывать индивидуальные качества воспитанников, считаясь с их интересами. Серьезное внимание автор статьи обращает на личность преподавателя-воспитателя, обязанного знать свой предмет, расширять кругозор и знания: «Плохо, если он остановится на том, что приобрел однажды в офицерском классе, и, составив однажды навсегда программу своих лекций, будет твердить из года в год одно и то же. Такой преподаватель, значит, не интересуется своею наукой и, следовательно, и не может заинтересовать ею воспитанников».

Интересны соображения автора относительно выпускных экзаменов, которые никоим образом не должны превращаться в формальный акт. Училище, по мнению Воина Андреевича, не выучивает человека окончательно, не делает из него готового моряка. Воспитание и образование должны завершаться в процессе дальнейшей службы. Сам Римский-Корсаков подавал пример постоянной и неутолимой жажды знаний, вечного трудолюбия, продолжая заниматься самообразованием и в зрелом возрасте. Далее автор предлагает, чтобы произведенный в чин лейтенанта держал экзамен на старшего офицера в стенах Морской академии. Успешная сдача экзамена открывала бы наиболее подготовленным и способным морякам путь к старшей командной должности. Это радикальное предложение было направлено против укоренившейся практики, когда

нередко малоспособные, но родовитые, с влиятельными связями лица продвигались в чинах и рангах.

Последние десять лет своей жизни В. А. Римский-Корсаков возглавлял Морской кадетский корпус, преобразованный в училище. В этом главном учебном заведении российского флота мало что изменилось с тех пор, как он сам покинул его стены. Не рискнул на радикальные перемены даже такой из его предшественников, опытный служака и мореплаватель, как дядюшка Николай Петрович. В корпусных коридорах все так же дрались смертным боем кадеты. Сильный истязал слабого. Унтер-офицеры щедро раздавали подзатыльники и зуботычины. Процветала строевая муштра, а общеобразовательная подготовка оставляла желать лучшего.

Будучи директором корпуса, а затем училища, произведенный в 1865 году в контр-адмиралы, В. А. Римский-Корсаков оставил яркий след в развитии русского военно-морского образования. В педагогической деятельности Воин Андреевич смог опереться на свой богатый жизненный опыт, опыт мореплавателя-исследователя. Он стремился дать будущим морским офицерам серьезные и систематические знания, общие и специальные, расширить их кругозор. По инициативе Воина Андреевича в программу учебных занятий включались практика по постройке шлюпок, инструментальные съемки. Для обучения артиллерийским навыкам привлекалась батарея из нескольких орудий. В Центральном государственном военно-морском архиве сохранились любопытные документы, свидетельствующие о том, что директор училища предусматривал для воспитанников учебные экскурсии в музей Горного института, Адмиралтейство, мастерские Петербургского порта, газовый завод, на промышленную выставку, выставку Академии художеств и в Пулковскую обсерваторию.

Стремясь покончить с царившим в корпусе солдафонством и муштрой, В. А. Римский-Корсаков упразднил институт унтер-офицеров и возложил всю ответственность за порядки в ротах на дежурных кадетов. «Неотступный прежний надзор заменен взаимным доверием, и эта система в два года так преобразила кадет, что их узнать нельзя», — писал Воин Андреевич младшему брату. Значительно улучшилось содержание офицеров, служивших в училище.

Несомненно, В. А. Римский-Корсаков оказал прямое влияние на выработку новых правил приема в Морской

корпус, если сам не был их инициатором. До этого корпус был сословно-привилегированным военным учебным заведением, доступным лишь для сыновей потомственных дворян. Теперь же могли приниматься и дети старших офицеров и гражданских чиновников, независимо от их происхождения, а также потомственных почетных граждан. К последней категории могли относиться некоторые категории недворянской интеллигенции. Новые правила несколько демократизировали контингент учащихся и способствовали проникновению в корпус демократических настроений.

В. А. Римский-Корсаков проявлял большую заботу о приобретении приборов, инструментов, новых карт и других учебных пособий, о пополнении библиотеки разнообразной литературой. По инициативе директора для практического изучения морского дела воспитанники стали плавать в течение летних месяцев на судах вновь сформированной учебной эскадры. Он сам руководил этими плаваниями как командир эскадры, используя собственный богатый опыт бывалого моряка, стремясь воспитать в будущих офицерах практические навыки суровой службы, физическую выносливость, инициативу, находчивость, любовь к морю и флоту.

Своим воспитанникам В. А. Римский-Корсаков непрерывно внушал, что только всесторонние знания и отменная закалка помогут моряку преодолеть трудности и невзгоды в дальних плаваниях, в неизведанных морях и землях. И в подтверждение этого рассказывал о плавании на шхуне «Восток» у берегов русского Дальнего Востока, об экспедиции Невельского, делился воспоминаниями. И кадеты понимали — подвиги русским моряком достигались знаниями, трудолюбием, самоотверженностью, героизмом, преданностью Родине, без чего молодой офицер не может быть достойным моряком.

Много внимания Воин Андреевич уделял популяризации славных морских традиций. Он участвовал в организации публичных лекций по истории русского флота, был инициатором установки памятника героям Гангутского сражения, организовал подписку на сооружение памятника Крузенштерну на набережной Невы перед зданием училища и вошел в состав созданного по этому случаю комитета.

В последние годы жизни Воин Андреевич серьезно прихварывал. Семейные предания Римских-Корсаковых объясняют это последствиями гонконгского отравления.

Если даже это не так, то следует вспомнить и трудности длительных плаваний на судах парусного флота и на маленькой паровой шхуне, огромные физические испытания, выпавшие на долю моряка во время его дальневосточной эпопеи. Биограф Д. Мертвого утверждает, что директор училища несколько раз порывался оставить должность, но наступала весна и его снова манило в море. Мысль о перемене снова откладывалась до осени.

Осенью 1871 года В. А. Римский-Корсаков, когда его здоровье совсем ухудшилось, получил отпуск и уехал в Италию лечиться. Его сопровождали жена Мария Федоровна, урожденная Бауэр*, и трое малолетних детей. Но 4 ноября в городе Пизе Воин Андреевич неожиданно для всех близких умер, не дожив и до пятидесятилетия. На третий день горестная весть о кончине начальника пришла в училище. Великий князь Константин распорядился направить лейтенанта Римского-Корсакова, будущего великого композитора, в Италию за телом покойного брата. Распоряжение это сохранилось в архиве.

Николай Андреевич сопровождал тело усопшего брата, доброго своего наставника и старшего друга, в последний путь. Доставленные по железной дороге останки адмирала были с воинскими почестями преданы земле на Смоленском кладбище в Петербурге 30 ноября 1871 года.

Наш рассказ о В. А. Римском-Корсакове был бы неполным, если бы мы ничего не сказали о том месте, которое он занимал в жизни своего младшего брата Николая, о его огромном духовном влиянии на будущего композитора. Биографы Николая Андреевича пишут обычно о его старшем брате походя, рисуя вряд ли точный портрет сурового служака, человека узких взглядов, не знавшего других привязанностей и увлечений, кроме моря, и поэтому не вполне понявшего творческие порывы молодого Ники, который предпочел карьере флотского офицера капризную и изменчивую музыку. Так ли это?

Воин и Николай были, по существу, людьми разных поколений. 22 года отделяло дату рождения первенца в семье Римских-Корсаковых от появления на свет будущего творца «Снегурочки» и «Псковитянки». Рано

* С семьей своего тестя Ф. Бауэра, обрусевшего выходца из Прибалтики, морского врача, В. А. Римский-Корсаков подружился в кронштадтский период своей жизни. Мать Марии Федоровны по отцу, попавшему в Россию с наполеоновской армией и решившему навсегда остаться на русской службе, была испанкой. (Примеч. авт.)

лишившись престарелого отца, младший обрел в лице старшего заботливого наставника, духовного учителя. И если мировоззрение Николая Андреевича сформировалось как мировоззрение представителя передового, демократического направления русской культуры, то в это была внесена немалая лепта и братом Воином, мечтавшим видеть в младшем брате продолжателя своего дела, отважного мореплавателя и исследователя.

Письма Воина Андреевича к брату, хранящиеся в архиве Государственного института театра и кино в Ленинграде, представляют собой интереснейший документ, характеризующий отношение двух членов семьи Римских-Корсаковых. Первые семь писем относятся к детским годам будущего композитора. В них бывалый моряк пытается пробудить у маленького Ники любознательность, интерес к флоту, устройству корабля, объясняет ему значение морских терминов, призывает учиться плавать, закаляться, отмечает успехи мальчика в письме.

Отца уже не было в живых, когда Николай Андреевич окончил Морской корпус, был произведен в гардемарины и совершал заграничное плавание на клипере «Алмаз». Теперь наставления старшего брата становятся более серьезными. Воин Андреевич призывает молодого моряка как можно меньше тратить времени на прогулки, заниматься иностранными языками, расширять кругозор, знакомиться в европейских портах со всем тем, что может пригодиться в запасе знаний будущего морского офицера.

Старшего Римского-Корсакова не на шутку тревожит неослабное увлечение Ники музыкой. Воин Андреевич еще не уверен, насколько это увлечение серьезно. Нельзя забывать, что семья не имеет состояния. У старшего брата теперь свои дети. Ника должен позаботиться о своей карьере сам. Но только пусть это будет нелегкая, полная лишений, но честная карьера флотского офицера. Для нее у младшего брата есть все задатки: природный ум, упорство, семейные традиции. А что может сулить фортуна посредственного музыканта, сочинителя?

В письме, датированном 25 апреля 1863 года, Воин Андреевич пишет брату: «Ты можешь, и не без основания, утверждать, что я ничего не смыслю в музыке, что я не в (состоянии) понять, насколько вредно тебе то насильственное разъединение с музыкальным миром, в каком ты теперь находишься, но ты, конечно, не отвергнешь, что моя жизненная опытность дает мне право судить обо всем таком, что принято называть увлечением, стра-

тью, — твои музыкальные стремления суть не что иное, как страсть. Если бы ты вместо музыки увлекся ботаникою или нумизматикою, словом, чем хочешь, я бы пел тебе точно такую же песню. Всякая страсть сильна, но из этого не следует еще, что она была неодолима».

Старший брат предостерегает младшего от поверхностного, дилетантского увлечения музыкой, от переоценки своих способностей. В письмах Воина сквозит опасение, как бы музыкальные увлечения юноши не нанесли ущерба флотской службе; как бы он, погнавшись за двумя зайцами, не потерял репутацию доброго моряка, не став и серьезным музыкантом-профессионалом. Это была искренняя тревога старого служака. Воин Андреевич, сам отдавший дань музыкальным увлечениям, указывает Нике на недостаточность его музыкальной подготовки.

Содержание этих писем, несмотря на их поучающе-назидательный тон, свидетельствовало о полном доверии и уважении старшего брата к младшему. Воин делится с Николаем самыми сокровенными мыслями, рассказывает о своих нововведениях на посту директора Морского корпуса, о том, что несмотря на свой возраст и высокий ранг, продолжает упорно учиться, посещая популярные лекции полковника Петрушевского по химии. Такой брат не мог не быть авторитетом для молодого гардемарина, хотя они могли придерживаться разных точек зрения по принципиальным вопросам, а порой и горячо спорить. Умный, образованный Воин Андреевич, чуткий к людям и сам не чуждый искусства, понял в конце концов, что не страсть, а призвание руководит его братом Николаем. Не за «двумя зайцами» гнался Ника, сделавший свой выбор!

Весьма примечательно высказывание Воина Андреевича в письме к Николаю Андреевичу от 13 февраля 1863 года. «На море твой характер, как я уже тебе писал, сформируется определеннее и прочнее, нежели под влиянием музыкальных стремлений, которые ежели и исчезнут, то их нечего жалеть, потому что самая непрочность их покажет, что они были только иллюзиями, а не существенной потребностью. Если же и после двух, трех годов плавания эти стремления в тебе удержатся, это будет тебе свидетельствовать, что они не поддельные, не напускные, а настоящие, свойственные и самому организму твоему, и тогда, на здоровье, принимайся снова приобретать музыкальный механизм и прочее».

Это было, по существу, признанием за младшим бра-

том права выбирать путь служителя музыки. Признанием, оговоренным, однако, братским предупреждением — тернистым будет сей путь, а поэтому, мол, не спеши, любезный брат, с окончательным решением. Убедись в серьезности твоего выбора, прежде чем сделать решающий шаг.

Композитор Римский-Корсаков впоследствии в известной автобиографической книге «Летопись моей музыкальной жизни» напишет: «Воин Андреевич требовал с меня службы и плавания. Те начатки сочинения, которые были у меня в то время, казались ему недостаточными для того, чтобы рискнуть на первых же порах бросить карьеру моряка. Моя фортепианная игра была настолько далека от виртуозности, что и с этой стороны я не представлялся ему как обладающий призванием к искусству со сколько-нибудь блестящей будущностью. Он был тысячу раз прав, смотря на меня как на дилетанта: и я был таковым».

Оба брата обладали одинаковым упорным трудолюбием, упрямой настойчивостью и целеустремленностью. Эти качества помогли Николаю Андреевичу, человеку без систематического музыкального образования, овладеть вершинами музыкальной культуры, стать композитором, музыкальным теоретиком мирового масштаба.

Во взаимоотношениях Воина Андреевича с братом, в его письмах-наставлениях проявились те же качества мудрого и заботливого педагога, какими была проникнута вся его деятельность директора корпуса, офицера-воспитателя своих подчиненных во время плаваний. Поэтому, воссоздавая более или менее правдивый и всесторонний образ мореплавателя, нельзя не сказать о нем как о ярком педагоге. А эта грань характера Воина Андреевича с особой наглядностью проявилась в его отношении к брату.

* * *

Вернемся же теперь к оценке личности В. А. Римского Корсакова. Мореплаватель и гидрограф, писатель и педагог, реорганизатор системы военно-морского образования, Воин Андреевич был человеком широких взглядов, большой внутренней культуры, незаурядного научного и литературного дарования. Меткую и справедливую его характеристику мы находим в «Общем морском списке», публиковавшем в дореволюционные годы подробные сведения о прохождении службы русскими военно-морскими

деятелями: «В. А. Римский-Корсаков принадлежал к числу тех личностей, которые одинаково были на месте как на военно-морском, так и на педагогическом поприще. Моряк не по профессии только, но и в душе, он с самых молодых лет имел возможность, через продолжительные дальние плаванья и знакомства с иностранными флотами, особенно с английским, усвоить себе правильный взгляд на морскую службу во всех ее деталях, а при всестороннем изучении этой службы, при твердом энергичном характере, В. А. заслуженно пользовался на флоте репутацией отличного моряка и лихого командира».

Биограф Воина Андреевича Д. Б. Мертваго называет жизнь его «образцом неуклонного исполнения долга».

Имя мореплавателя увековечено на географической карте мира. В честь его названы острова в Японском море, в заливе Петра Великого. И хочется надеяться, что этот очерк поможет тому, чтобы в сердце читателя нашлось место для страстного патриота, истинного слуги своего Отечества, отважного и скромного русского человека — Воина Андреевича Римского-Корсакова.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Алексеев А. И. Сподвижники Невельского. Владивосток — Южно-Сахалинск, 1967.

Героическая оборона Петропавловска-Камчатского в 1854 г. Петропавловск-Камчатский, 1979.

Демин Л. М. Римский-Корсаков старший. — «Дальний Восток», 1972, № 7.

Коргуев Н. Обзор преобразований в Морском кадетском корпусе. Спб., 1901.

Краснов Н. В. Тихвин. Л., 1971.

Кротков А. С. Морской кадетский корпус. Спб., 1901.

Мертваго Д. Несколько слов в воспоминание Воина Андреевича Римского-Корсакова, контр-адмирала, начальника Морского училища. — «Морской сборник», 1872, № 3.

Римский-Корсаков В. А. О морском воспитании. — «Морской сборник», 1860, № 7.

Римский-Корсаков В. А. Случай и заметки на винтовой шхуне «Восток». — «Морской сборник», 1858, № 5, 6 и 12. (Римский-Корсаков В. А.) Из дневника В. А. Римского-Корсакова. — «Морской сборник», 1895, № 10, 11, 12; 1896, № 1, 2, 5, 6, 9.

Римский-Корсаков В. А. Балтика — Амур. Повествование в письмах о плаваниях, приключениях и размышлениях командира шхуны «Восток». Хабаровск, 1980.

Римский-Корсаков Н. А. Летопись моей музыкальной жизни. М., 1955.

АЛЕКСЕЙ ПАВЛОВИЧ ОКЛАДНИКОВ

Первый раз встретиться с Алексеем Павловичем Окладниковым мне довелось в 1961 году. Многие начинающие археологи мечтали попасть в экспедиции к известному ученому, и когда нас — троих студентов Благовещенского педагогического института — пригласили в комитет комсомола и спросили, хотим ли мы работать в руководимой им экспедиции, мы сразу же дали согласие, а затем с нетерпением стали ждать его приезда. Хорошо помню 2 сентября. В кабинете директора краеведческого музея — небольшой сумрачной комнате, выходящей окнами в сквер, заросший кленами и тополями, отдыхал, укрывшись спальным мешком, Окладников. Когда мы вошли, он быстро встал, тепло, с мягкой улыбкой поздоровался, и сразу началась беседа.

Прошло много лет. Мне посчастливилось работать с Алексеем Павловичем в Сибири, на Дальнем Востоке, Курилах, Сахалине, в Средней Азии, Монголии, Корее, на Аляске и Алеутских островах. Но первую встречу память хранит ярко и бережно.

Как только таял снег и прилетали первые вестники весны — грачи, начинались сборы в экспедиции. И уже ничто не в состоянии было удержать Алексея Павловича в кабинете. Человек, привыкший к путешествиям, он стремится быстрее выехать из города, пройти еще не пройденными маршрутами, после трудного дня полюбоваться закатным небом, погреть озябшие руки у костра, выпить чашку крепкого чая, заваренного духмяными степными травами, послушать шепот ярких звезд, а утром, поднявшись вместе с первыми лучами солнца, разжечь потухший за ночь костер. С раннего утра до позднего вечера на машине, моторной лодке, пешком он с удивительным упорством, преодолевая трудности и неустрашен-

ность быта, стремится попасть в новые, еще не обследованные места.

Нещадное солнце, противный морозящий дождь, тучи комаров, гнуса, непролазная тайга — таковы привычные для археолога условия его работы. Но зато как радостно бьется сердце, когда наконец удастся открыть новый памятник прошлого, уводящего исследователя в манящую глубину давно ушедших времен и эпох. Ведь это — страница, а может быть, и глава в летописи человечества. Но ее нужно еще прочитать. И начинаются раскопки, которые с каждым новым ударом лопаты археолога открывают безмерную сокровищницу знаний о нашем прошлом.

...Неуемный дух предков Окладникова — звероловов, охотников и следопытов ленской тайги — прекрасно переплотился в нем в ценнейшее качество ученого-археолога — открывателя и исследователя древних культур обширнейшего региона Азии. Вся жизнь его — неустанная работа в поле, камеральной лаборатории, за письменным столом. И он любил и ценил в жизни именно работу, возможность каждую минуту узнавать и создавать новое.

Родился Окладников 3 октября 1908 года в небольшой деревушке Тыште, надежно упрятанной среди тайги в верховьях Лены, в семье сельского учителя. Долгими зимними вечерами он мог часами слушать рассказы своей бабушки. В железном светце трепетал огонек лучины, освещающий только огромную русскую печь, а по углам жались косматые тени. Слушая старинные сказки, народные предания, легенды, он уносился в своих мыслях добывать вместе с Иванушкой-дурачком Свинку Золотую Щетинку, Утку Золотые Перышки и Оленя Золотые Рога. Позднее в одной из своих ярких и увлекательных книг, «Олень Золотые Рога», Окладников напишет: «Много лет спустя, когда бабушка давно уже спала на деревенском погосте, мне снова встретились в сборнике Афанасьева сказки о чудесном олене с золотыми рогами. А еще позднее, когда начались мои путешествия по Центральной Азии, передо мной вновь появился романтический образ Оленя Золотые Рога. Он пришел в своем быстром беге от причерноморских скифов к их восточным сородичам, азиатским скифам-сакам, поднялся на высоты Памира, а оттуда отправился в далекие монгольские степи. Я снова встретил скифского солнечного оленя на Оленних камнях и на скалах святилища бронзового века в Их-Алыке на Толе.

С тем же сказочным оленем-солнцем мы не раз встречались и в сибирской тайге, и в тундре. Погоня за Оленем Золотые Рога привела меня и на берега Амура, где, однако, рядом с ним оказались совершенно новые образы и невиданные ранее сюжеты древних наскальных изображений. В них раскрывался совершенно новый мир художественной фантазии и своеобразных мифов, так же непохожих на мировоззрение и эстетические каноны степных племен Азии, как непохожа и природа этой области, овеваемая страстным дыханием муссонов и тайфунов Восточной Азии, на природу сибирской тайги и степей Монголии.

Оказалось, что рядом друг с другом тысячелетиями развивались и складывались большие миры древнего искусства, каждый из которых вносил в художественное развитие человечества свой собственный оригинальный и неповторимый вклад».

Многое взял Окладников от своих предков, с риском для жизни добывавших пропитание в тайге. Главное же — неукротимую страсть к путешествиям, силу духа, неутомимость и непритязательность — качества, столь необходимые в любой экспедиции. Позднее академик часто вспоминал о своем детстве:

«Вижу как сейчас: в караулке школы, где моя мать, жена учителя, была сторожихой, я таскал вязанками дрова в ненасытные школьные печи, а за столом сидели уса-тые мадьяры с саблями. Это были интернационалисты, наши защитники. Мы поили их кирпичным чаем и кормили шаньгами.

Я помню, как мать моя за уши вытаскивала меня, тринадцатилетнего парнишку, из комсомольской ячейки. Бандиты по ночам стреляли в упор из обрезов по коммунистам и чоновцам. А голодные и оборванные люди — коммунисты 20—30-х годов — строили новую деревню, новую жизнь.

Мне не забыть и то, как плакала моя мать на чужом, кулацком поле о своей вдовой судьбе. И совсем еще недавно на руке у меня один ноготь рос не так, как остальные: по нему прошлись зубья серпа (не все теперь знают, каково было жать серпом ломкий ячмень, нагибаясь до самой земли от восхода и до захода солнца)».

Многие черты матери, простой русской женщины, унаследовал сын. И прежде всего — доброту души и хорошее отношение к людям. После долгих экспедиций в Монголию или по Байкалу мы часто приезжали в Иркутск, где

жила она в небольшой однокомнатной квартире со своей дочерью Зоей Павловной. Для каждого из нас, пропыленных и усталых, находилось приветливое слово, теплая улыбка и стакан горячего чая. С особой материнской любовью она долго разглядывала (уже в те годы у нее начали сдавать глаза) сына, расспрашивала его о делах. И сколько ласки звучало в ее голосе, когда она говорила: «Алеша», как-то особенно, по-матерински, произнося это имя.

Школьные годы будущего ученого прошли вначале в селе Бирюльском Качугского района, а затем в селе Анге. В школе Алексей пристрастился к чтению. Больше всего ему нравились книги по истории, и постепенно им полностью завладел интерес к прошлому народов.

Окладников вспоминал, что одной из первых книг, купленных в его жизни, была книга знаменитого ученого Михаила Ивановича Ростовцева о роскопках на юге России. Ее он читал много раз с увлечением. В школьном библиотечном шкафу оказались «Илиада» и «Одиссея». Гомеровский эпос потрясал красочностью описания нравов и обычаев древних греков. Алеша мог часами перечитывать чарующие строки о Гекторе и Ахиллесе, о Елене Прекрасной, Агамемноне и многих других героях греческих преданий. Лучина догорала, и не вечерние сумерки — ночная мгла вползала в маленькую комнату, а мальчик продолжал путешествие вместе с Одиссеем по бурному Эгейскому морю...

В Ангинской школе, директором которой был Иннокентий Трофимович Житов — превосходный педагог и увлеченный историк, работал краеведческий кружок, активным участником которого, а потом и председателем стал Алексей Окладников. Летние месяцы он проводил в тайге, обследуя окрестные места в поисках археологических памятников.

В селе Бирюльском школьник-краевед испытал незабываемое ощущение: счастье первого открытия. Неподалеку от села он нашел черепки глиняной посуды и каменные орудия — неоспоримое свидетельство жизни древнего человека в местах, где сам он родился и вырос. Это чувство Окладников сохранял в себе всю жизнь. Позже ему посчастливилось сделать сотни интереснейших открытий в самых различных уголках нашей страны, но первые находки перевернули его представления: они убеждали, что и ленскую тайгу человек заселил уже настолько давно, что даже легенды и сказания, которых он так много

слышал в своем детстве, не сохранили память об этих далеких временах.

В 1925 году по рекомендации окружного отдела народного образования Алексей Окладников поступил в педагогический техникум, а затем перешел учиться в пединститут в Иркутске. Здесь, в городе с давними научными и культурными традициями, успела уже сложиться целая школа археологов. Ее достижения тесно связаны с именем известного ученого, талантливого педагога Бернгарда Эдуардовича Петри. Ученик академика В. В. Радлова и Л. Я. Штернберга, с конца девятых годов он прочно, а затем и навсегда связал свою судьбу с Сибирью, переехав с берегов Невы, где он работал в музее антропологии и этнографии имени Петра Великого, в Иркутск, на берега Ангары. Широко образованный, хорошо владеющий методикой проведения археологических и этнографических исследований, Петри по праву может считаться основателем целой школы этнографов и археологов в Восточной Сибири. С момента создания в 1918 году Иркутского университета здесь была создана кафедра первобытной культуры (этнографии). При ней сразу же образовался студенческий научный кружок краеведения. Кафедру и кружок с первых дней возглавил Петри. У него была редкая и завидная способность — обрастать талантливыми и энергичными людьми, преданными науке. Он умел замечать у молодых воспитанников ростки таланта и с большим тактом возвращал эти ростки.

Окладников привез с собой в Иркутск большую коллекцию каменных орудий, собранную им в окрестностях села Анги. Коллекция заинтересовала Петри, и Окладников становится активным и деятельным членом кружка, участники которого выступали с рефератами, вели работу по обработке коллекций.

В эту дружную семью молодых энтузиастов-единомышленников, горячо любящих науку, входили совсем еще молодые тогда Хороших, Дебец, Герасимов, Попов, Сосновский, Ксенофонтов, Ходукин, ставшие позднее крупными учеными — антропологами, археологами, этнографами.

В 1926 году, когда Алексею Окладникову было восемнадцать лет, в записках студенческого кружка краеведения выходит его первая научная статья о неолитических стоянках на Верхней Лене — обобщение наблюдений и сборов в школьные годы. В этом же году, по поручению Петри, он выезжает в первую самостоятельную научную

экспедицию в низовье реки Селенги на территорию Кабанского района. Экспедиция оказалась на редкость удачной — в окрестностях Кабанска, около деревень Бильчир и Ньюки, а также в окрестностях Фофанова он нашел ряд никому не известных археологических памятников, проливающих новый свет на практически неизученные вопросы истории и быта племен позднего неолита и ранней эпохи бронзового века, живших в этом районе три-четыре тысячи лет назад. В последующем находки были обобщены и опубликованы в двух журнальных статьях. Но Окладникова постоянно влекло на Лену, в родные места, которые он часто с тоской вспоминал длинными зимними ночами в Иркутске.

Лена! Вот тот район, где находятся еще неведомые богатства неолитической культуры, где можно отыскать новые могильники каменного века, не менее, а то и более важные для доистории Сибири, чем прославленный Глазковский, открытый на Ангаре иркутским краеведом-археологом Михаилом Павловичем Овчинниковым. К такому выводу пришел Окладников после раскопок в верховьях Лены на Хабсагайском холме.

И еще важнее был другой вывод: в каменных кладках, открытых на Хабсагайском холме молодым ученым, наука получила драгоценную путеводную нить, надежный ориентир, который повел последующие поколения археологов к подземным сокровищам. Сколько раз, быть может, археологи ходили раньше над захороненными в земле костяками с их богатым погребальным снаряжением, но не могли об этом догадаться. Ведь не могут же они видеть «сквозь землю». А такие колдовские приборы, которые могли бы показать спрятанные на глубине хотя бы даже десяти-пятнадцати сантиметров нефритовые топоры и черепа неолитических охотников и рыболовов, и сейчас еще не изобретены.

Так началась охота Окладникова за погребениями и стоянками первобытного человека. Но уже и в то время он проявляет большой интерес к этнографии народов Сибири и их фольклору, заселению Сибири русскими и формируется как историк широкого кругозора. Этому способствовала и его работа в музее — заведующим этнографическим отделом.

Внимание молодого ученого привлекают архивные материалы конца XV — начала XVIII веков, связанные с общественно-экономической историей Восточной Сибири — прежде всего с историей русского крестьянства и

западных бурят Приангарья и Ленского края. На основании чудом сохранившихся документов он пишет подробную историю ленского села Бирюльского. В судьбе столь, казалось бы, незначительного села отразились важные события, связанные с заселением и освоением Сибири русскими, бунтарский дух крестьян, боровшихся против притеснений со стороны властей, становление того специфического душевного склада, который выражается в слове «сибиряки». К сожалению, эта большая работа, оставшаяся незаконченной, была утеряна во время блокады в Ленинграде, и только материалы о западных бурятах Окладников опубликовал в 1937 году в большой монографии «Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII—XVIII вв.)».

Каждое лето Окладников выезжает в археологические экспедиции. В постоянных скитаниях по Лене, Ангаре, Селенге молодой археолог все более и более расширял район своих исследований. И каждый год приносил новые удивительные открытия.

Долгие годы верным и надежным спутником в его нелегкой экспедиционной жизни была Вера Дмитриевна Запорожская — жена и опытный, знающий помощник. Она и после смерти мужа ведет важную работу по изданию того, что он не успел опубликовать.

В 1935 году А. П. Окладников поступает в аспирантуру ведущего в то время археологического учреждения страны — Института истории материальной культуры. Научным руководителем у молодого, но уже прошедшего суровую школу сибирской археологии ученого был П. П. Ефименко — известный советский археолог, создатель школы исследователей древнейшего прошлого человечества — палеолита. Окладников полюбил Ленинград всей душой, всем сердцем, полюбил и шумный Невский проспект, где жил долгое время, и Дворцовую набережную, где размещался институт, и пригороды с пушистыми елями и стройными соснами, так напоминавшими ему сибирскую тайгу.

В Ленинграде, продолжая лучшие традиции отечественной школы археологов и востоковедов, формировалась советская археологическая наука. В то время здесь работала целая плеяда многих выдающихся представителей науки: Н. Я. Марр, И. А. Орбели, В. В. Струве, В. И. Равдоникас, лекции и семинары которых с большим интересом посещает молодой ученый. Вскоре Окладников был избран членом ученого совета Института вос-

токоведения. Встречи и дискуссии с маститыми и с молодыми коллегами — Б. Б. Пиотровским, Н. П. Третьяковым и другими — рожают много интересных мыслей. Наряду с плодотворным, творческим обобщением уже накопленных материалов, Окладников каждое лето ведет неустанный поиск новых памятников...

В 1936 году — открытие в устье Сухой пади, неподалеку от села Верхняя Буреть, уникального палеолитического поселения Буреть, в 1937 году — выход на большую Ангару, от Братска до устья, где были найдены десятки совершенно новых памятников, свидетельствующих о своеобразии в развитии древних культур этого района. Новые памятники, новые открытия, новые идеи — все это находит завершение в фундаментальной сводке — двухтомной монографии «Неолит и бронзовый век Прибайкалья», первый вариант которой принес со временем Алексею Павловичу ученую степень кандидата исторических наук.

Каменные кладки, о существовании которых не подозревали многие исследователи, были теперь прослежены по обоим берегам Лены, начиная от Качуга и до устья реки Илги, а затем и на Ангаре.

Вопреки ожиданиям Бернгарда Эдуардовича Петри Ангара оказалась не только не беднее, но, может быть, даже и богаче Лены. Куда бы ни приходил со своей лопатой Окладников, он снова и снова находил скопления камней, а под ними — неолитические костяки и захоронения людей каменного века. Нужно было только зорко следить жадным неумным глазом охотника-следопыта за каждым камнем на высоких речных берегах, особенно там, где в Ангару или Лену впадала какая-нибудь маленькая речка, а порой совсем ничтожный по размерам ключик.

Костяк за костяком, комплекс за комплексом — так складывалась стройная и неожиданная по богатству фактов историческая картина жизни древних охотников и рыболовов сибирской тайги: открылось, вернее даже, распахнулось окно в неведомый исчезнувший мир далекого прошлого. Недаром же так любил это слово — «окно в неведомый мир» — сам Алексей Павлович. Он и на самом деле хотел увидеть за грудой вещей живой конкретный мир человеческих страстей и переживаний. Да, именно переживаний, а не только типы вещей или общие контуры хозяйственной жизни и уклада древнего человека.

Проходили годы. Ученому приходилось работать в раз-

личных районах страны, за рубежом. Но Лена и Ангара постоянно манили к себе ученого.

Так было в пятидесятые годы, когда началась эра строительства крупнейших гидроэлектростанций ангарского каскада. Алексей Павлович возглавил в этом районе большую экспедицию, которая вела исследования в зоне затопления Иркутской ГЭС, затем в еще больших масштабах — в зоне затопления Братской ГЭС.

В последние годы Окладникова вновь неодолимо влекли Ангара, Лена и красавец Байкал, хранящий еще тысячи тайн прошлого. А как ни напряжен бывал летний период экспедиционных работ, Алексей Павлович непременно возвращается в места, где он делал свои первые раскопки, где пролегли его первые археологические тропы, превратившиеся в широкую дорогу к новым открытиям в истории человеческого общества.

Десятки, сотни исследованных памятников, тысячи новых фактов, обобщенных Окладниковым, позволили ему написать яркие страницы той жизни, которую вели охотники и рыболовы, расселившиеся на бескрайних таежных просторах Восточной Сибири. Вместе с работами других ученых из Иркутска, Ленинграда, Новосибирска, Читы, Улан-Удэ, они раскрыли многое в своеобразном и оригинальном прошлом народов Прибайкалья на протяжении тысячелетий, начиная с эпохи, отдаленной от нас на 35—40 тысяч лет назад, а может быть и гораздо больше, с тех времен, когда эти самые первые «землепроходцы» проникли в бассейн Енисея, Лены, Ангары и на берега Байкала.

Наиболее яркое представление о жизни и быте человека, жившего в Сибири в то время, дают раскопки двух палеолитических памятников: Буреть — открытого и исследованного Окладниковым, и Мальта — исследованного его другом, крупнейшим антропологом профессором Герасимовым.

Древние обитатели Мальты и Бурети, подобно современным эскимосам, строили постоянные или сезонные деревни вдоль берегов Ангара. Так же как нынешние эскимосы и чукчи, они сооружали большие дома из костей животных, но только давно вымерших — мамонтов и носорогов, причем жилища их имели углубленные в землю основания — наподобие тех, что делают эскимосы, а сверху покрывались куполообразной легкой крышей, опиравшейся на эластичный каркас из жердей и рогов северного оленя.

Первоначальное освоение человеком севера Азии, совершавшееся в конце ледниковой эпохи, стало возможным лишь после того, как первобытные охотничьи племена Восточной Европы создали в борьбе с суровой природой эту самобытную арктическую культуру. И уже затем они могли подвигаться все дальше и дальше: сначала к Уралу, потом еще далее на Восток, пока, наконец, не достигли берегов Байкала. Но первобытные охотники не остановились и здесь.

Продолжая неудержимо двигаться вслед за стадами диких животных, они шли в новые области, богатые дичью. Такими областями, наиболее удобными для расселения охотничьих племен, оказались долины реки Лены, Алдана, Зеи, Амура. Далее их путь шел по древнему мосту, соединявшему Азию с Америкой. И племена охотников перешли в Новый Свет, став предками его коренных жителей.

Историческая заслуга первых обитателей Сибири и Дальнего Востока бесспорна. Именно они, пионеры Севера, в погоне за мамонтами и носорогами, за стадами северных оленей и быков открыли эту совершенно новую для человека страну, протоптали на ее девственной почве первые тропы и разожгли свои очаги, заложив основу дальнейшего развития культуры и завоевания человеком необозримых пространств Севера.

Человек в то время создал не только оригинальную культуру охотников на мамонта и северного оленя, но и оставил после себя первоклассные образцы первобытного искусства. При раскопках на Ангаре были обнаружены удивительные скульптурные и резные изображения животных, змей, птиц, а также статуэтки женщин и украшения, которые поражают исследователей мастерством и живостью исполнения.

Искусство палеолитического населения Сибири, судя по его образцам, найденным в Мальте и Бурети, было в основе реалистическим, наполненным отзвуками окружающего мира. Так же как эскимосы, оседлые чукчи и коряки недавнего прошлого, древние обитатели Мальты и Бурети, жившие в суровых арктических условиях, имели, очевидно, достаточно пищи зимой и свободного времени, чтобы тратить его на художественную резьбу. В зимнее время, когда кругом бушевала пурга и лежали горы снега, эта работа могла служить им развлечением и отдыхом. Кроме того, в их распоряжении в изобилии был первоклассный материал для резьбы: бивни мамонтов и кости живот-

ных, а также мягкий камень, который сам словно «просился» в руки мастеров.

Древние обитатели таежных просторов Сибири были не только прекрасными скульпторами, но и графиками-живописцами. Замечательные открытия искусства каменного века связаны с исследованием Окладниковым «писанных» скал у старинного русского села Шишкино на Лене.

Весной 1929 года ранним солнечным утром два юных путешественника, оба — комсомольцы, одинаковые романтики в душе, столкнув с берега утлую деревянную лодку, сплутую ивовыми ветками, поплыли по бурливой, проснувшейся от зимней спячки реке. Родившаяся в горах, она медленно набирала силу от бесчисленных впадавших в нее ручейков. Сливаясь, они давали начало одной из самых величественных рек Азиатского континента — Лене.

Дни проходили за днями, надежды сменялись разочарованием. Наконец за очередным поворотом показалось село Шишкино. За старой мельницей, где река вплотную прижималась к скалам, путешественники решили высадиться на невысокой террасе. Первые минуты — и первые удачи. Из обрыва под камнями торчали кости. Не зная усталости, исследователи разбирали слой за слоем, пока не открыли полностью древнее захоронение охотника. Рядом с ним лежали тщательно выструганные наконечники стрел из камня, вкладные лезвия для костяного кинжала, изготовленные из полупрозрачного халцедона.

Некрополь древних подарил много неожиданных открытий. Самое интересное — захоронение двух детей в одной могиле. Возможно, это были братья. В руки им были положены костяные шилья, на ребрах лежали костяные ножи с вставленными в пазы острыми кремневыми клинками. «Над общей могилой малышей, казалось, все еще незримо стояли тени их близких, в глазах которых застыла печаль разлуки» — так охарактеризовал позже Окладников свое впечатление.

Местные жители часто приходили посмотреть на раскоп, интересовались, что делают приезжие молодые люди. Они с интересом слушали увлекательный рассказ юноши со светлыми выющимися волосами, который к тому же оказался земляком, своим, ленским. Перед их глазами вставали давно забытые времена, когда охотники кремневыми копьями и стрелами с каменными наконечниками

добывали себе пищу. Пытливому уму погребения многое могли открыть о верованиях и обрядах, бытовавших несколько тысяч лет назад. Раскопки еще продолжались, когда однажды кто-то из местных жителей сообщил, что неподалеку на скалах есть какие-то рисунки. Решено было посмотреть их. Когда археологи вскарабкались по крутому склону, поросшему кустарником, перед ними открылись вертикальные стены темно-красного песчаника. Точной, умелой рукой на поверхности камня были нанесены изображения животных, птиц, рыб. Им, казалось, не было ни счета, ни конца. Не обращая внимания на колющий кустарник и клубки рассерженных змей — щитомордников, Окладников со своим товарищем словно зачарованные шли вдоль скал и любовались удивительными сценами из жизни первобытного человека. Вспоминались пожелтевшие от времени листы из знаменитых портфелей Г. Ф. Миллера, где приводилось несколько рисунков с Шишкинских скал. «Отец сибирской истории», как называли академика Герарда Фредерика Миллера, был послан в Сибирь в качестве руководителя первой Камчатской экспедиции, над проектом которой работал еще Петр I. В течение нескольких лет ее участники вели исследования на Камчатке, в Якутии, Восточной и Западной Сибири и собрали исключительно интересный материал по истории и этнографии народов Сибири, по истории освоения этого края русскими. Часть материалов была опубликована Г. Ф. Миллером и другими участниками экспедиции, но большая часть хранилась в архиве Академии наук. Спустя почти двести лет рисунки были вновь открыты Окладниковым.

В 1941 году во время своей второй экспедиции на Шишкинские скалы, проходя в очередной раз мимо них, Алексей Павлович заметил на потрескавшейся и побелевшей от времени поверхности скалы еле видимую в лучах вечернего солнца красную полосу. Краска от времени, дождей и снега настолько выпцвела, что ее мог обнаружить только опытный глаз, да и то при определенном освещении. Окладников, сдерживая волнение, смочил водой место, где показалась линия, и четко увидел лошадиный хвост, широко распущенный и даже слегка волнистый. Сомнений не было — это рисунок. Сомнений не было и в том, что он выполнен, судя по его состоянию, гораздо раньше, чем все другие изображения на Шишкинских скалах. Тщательно осматривая плоскость скалы и смачивая водой ее поверхность, ученый проследил весь

рисунок. Хвост переходил в широкую, плавно очерченную кривую полосу — линию спины и крупа животного. Внизу отчетливо выступало отвислое брюхо и две короткие ноги с копытами в виде ступни. Морда у лошади была короткая и массивная, горбоносая, с мягко обрисованным ртом. Ниже изображения лошади древний художник нанес горизонтально зигзагообразную линию и другие схематические условные знаки, которые, несомненно, были связаны с основным изображением.

Долго пришлось «колдовать» у этого рисунка, прежде чем археологи не убедились в том, что вся композиция, нанесенная много тысяч лет назад, восстановлена полностью. Обведя ее контур мелом, Окладников отошел на несколько шагов назад. Перед ним, освещенное ярким июльским солнцем, предстало уникальное и, вероятно, самое древнее на всем протяжении Шишкинских скал изображение дикой лошади.

Сравнивая его с другими доисторическими рисунками, Алексей Павлович отметил поразительное сходство с теми, которые были обнаружены в Пиндале и Костильо (Испания), Фон-де-Гом и Ляско (Франция). О древности шишкинской находки свидетельствовала реалистичность в передаче внешности животного и манера исполнения. Древний художник изобразил лошадь почти в натуральную величину скупой контурной линией, точно так же, как делали это в ледниковом периоде палеолитические художники Испании и Франции. Все другие рисунки лошадей на Шишкинских скалах, относящиеся к более позднему периоду, выполнены в совершенно другой манере. Глубокую древность находки подтверждало еще и то, что поверхность скалы, где было сделано изображение, настолько выветрилась и пострадала от времени, что побелела и вздулась пузырями. Сама скала треснула и нижняя ее часть сильно осела, от чего несколько сместились линии самого рисунка. Изображение было выполнено светло-красной краской, изрядно вылинявшей от времени. Окладников был уверен, что ленский рисунок входит в круг образцов древнейшего искусства человечества, первых первобытных художников. И в будущем этот вывод был подтвержден новыми открытиями.

Прошло шесть лет, и в ближайшем соседстве с первым изображением при тщательном обследовании скалы Алексею Павловичу удалось обнаружить еще один рисунок лошади и изображение быка.

Открытие рисунков ледникового периода на Лене со-

вершенно по-новому осветило историю искусства Сибири. Оказалось, что глубинные районы Сибири были не просто заселены человеком в неожиданно раннее время, но что древним людям, расселявшимся в тайге и лесотундре, были свойственны чувство прекрасного и уже развитый художественный вкус. В то время уже были свои художники и скульпторы, которые оставили после себя неповторимые шедевры первобытного творчества, внесли свою толику в мировое искусство на заре человечества. Находки в Мальте, Бурети, рисунки в Шипкине еще раз подтвердили важную мысль, что для человеческого общества были характерны одни и те же законы развития мышления и сознания, независимо от того, где расселялись популяции: в степных и лесостепных ландшафтах Испании или Франции, на невообразимых просторах Центральной Азии или в Сибири. Человек, оторвавшись от животного мира, медленно, постепенно, но уверенно делал свои первые шаги в искусстве, которые затем воплотились в бессмертные шедевры античных времен, Возрождения и последующих эпох вплоть до нашего сегодняшнего дня.

Вопросы происхождения искусства постоянно интересовали и волновали Окладникова. На эту тему им написано много интереснейших работ. Особое значение имеет его книга «Утро искусства», изданная в 1967 году. В ней с подкупающим лаконизмом и красочностью языка дана интереснейшая панорама истории первобытного искусства от первых шагов и предпосылок художественного творчества до скрупулезного анализа всех известных памятников эпохи палеолита. Особенно важно, что ученый не только внес большой вклад в теоретическую разработку проблем первобытного искусства, но и значительно раздвинул своими открытиями в Сибири, а затем и в Центральной Азии географические границы происхождения и становления искусства, открыв миру новые великолепные образцы и шедевры художественного творчества.

Яркие и своеобразные тенденции в развитии духовной и материальной культуры не исчезали и в более позднее время, а особенно ярко проявились в неолитическую эпоху на Ангаре. Пять-шесть тысяч лет назад в Восточной Сибири происходит формирование оригинального комплекса охотников и рыболовов, отличного от мира оседлых рыболовов и земледельцев Дальнего Востока.

Продолжает развиваться реалистическое искусство, анималистическое в основе. В неолитических захоронени-

ях встречаются изображения рыб, в том числе плоские костяные, вероятно, служившие шаманскими амулетами. Имеются и изображения лосиных головок, представляющие собой навершия шаманских жезлов-тростей типа бурятских шаманских конных тростей.

Но наиболее многочисленны в ряду памятников искусства, оставленных древними племенами ангарской и ленской тайги, петроглифы, охоте за которыми Окладников посвятил многие годы своей жизни.

Первая встреча с первобытным искусством народов Сибири потрясла его. «Охваченные глубоким волнением, — пишет Окладников, — как зачарованные, переживали мы на Шишкинских скалах волнующие часы встречи с первыми художниками человечества. Перед нами пробивался маленький, но уже чистый и звонкий ручеек искусства, которому предстояло в будущем стать могучей полноводной рекой. Оставалось только идти все дальше и дальше, по изгибам этого ручья, навстречу последующим тысячелетиям: от искусства палеолита к неолиту, от неолита к бронзовому, а затем и к железному веку».

Наиболее ярко и полно искусство неолитического периода представлено на Ангаре, на знаменитых Каменных островах. Первая встреча с петроглифами Ангары произошла у Окладникова в 1935 году, когда только намечалось строительство будущих электростанций на этой реке-труженице.

Спускаясь по Ангаре на небольшой рыбацкой лодке, вблизи деревушки Егоровой, остатки которой теперь уже давно залиты Братским морем, путешественники увидели величественные контуры первого Каменного острова. Угрюмые, круто обрывающиеся к воде скалы, сложенные плотным песчаником, отполированным водой и ветром до блеска, вызвали у первобытных людей суеверное чувство страха и из поколения в поколение о них передавались предания и легенды. За первым Каменным островом встает второй, еще более неприступный и величественный, за ним — третий. Так стояли словно стражи, охраняя входы в большую Ангару, три Каменных острова. А над скалами, словно зеленый венец, шумели вековые сосны и ели. Стояли... потому что сейчас над ними бескрайняя гладь Братского моря. Сокровища Каменных островов сохранились только в иллюстрациях и описаниях, опубликованных в книгах Алексея Павловича. Правда, часть уникальных рисунков была выпилена заботливыми руками сотрудников Братской комплексной археологиче-

ской экспедиции, которой он в течение многих лет руководил.

На Каменных островах были десятки, сотни прекрасных рисунков. Одни — выбитые точной и упорной рукой мастера, другие прорисованы краской, то темной густого тона, то светлой и нежной. Рядом с законченными изображениями животных как бы эскизные наброски, по какой-то причине так и оставшиеся незавершенными. Возможно, древнему художнику достаточно было нанести часть рисунка, чтобы мысленно представить всю композицию. Многие рисунки становились заметными лишь при определенном освещении. Особенно четко и рельефно они выступали на восходе, когда первые лучи солнца прорывались из-за горизонта и освещали, словно прожектор, композиции, выполненные древними художниками несколько тысяч лет назад, а также на закате, когда под косыми лучами из глубины скал как бы выплывали четко очерченные, ясно видимые. Но проходило несколько мгновений — и вместе с закатившимся солнцем исчезали и некоторые рисунки. Потом приходилось прилагать немало терпения, чтобы вновь проследить ту или иную композицию.

Внутренний мир древних художников был удивительно богат. Вот перед вами задумчиво стоит красавец лось. Тяжелая голова его низко опущена. Усталость животного подчеркивает низко опущенная голова, отвисшая нижняя губа и грузность туловища. Несколько шагов вперед вдоль скалы — и новая композиция. Вверх по склону бесшумно мчится стадо лосей. Бег их стремителен и мощен. Сколько экспрессии в этом непреодолимом движении вперед! А рядом совсем удивительное изображение головки лосихи. Любовно очерченный контур. Длинные уши напряжены, и создается впечатление, что они сейчас нервно вздрогнут, чутко вбирая лесные шорохи. Но самое удивительное — глаза. Сквозь тысячелетия они внимательно и настороженно смотрят на вас словно живые. В них столько выразительности, красоты и грусти. Недаром этот рисунок был назван «Лесной Мадонной».

Вот еще один рисунок. Странные волнообразные полосы. Они извиваются, сплетаясь в какие-то замысловатые клубки. Мгновение — и на конце каждой такой линии обозначаются змеиные головки. Конечно же, это изображения змей. Гибкие жгуты их как бы сплетаются друг с другом и снова расплетаются.

Когда припекает жаркое прибайкальское солнце, де-

сятки змей выползают из расщелин на горячие камни и сливаются такими же клубками. Любой человек с каким-то непреодолимым суеверным страхом всегда старается подальше обойти эти скопления. Точно так же, очевидно, трепетали перед ядовитыми гадами, боялись и чтили их первые поселенцы Каменных островов. Змея была для них священна и неприкосновенна.

На скалах Каменных островов много рисунков своеобразно стилизованных человеческих фигур, изображений рыб, загадочных, фантастических знаков. Смысл иных композиций разгадать уже невозможно. На многие десятки метров протянулась эта удивительная картинная галерея каменного века, где нередко одни рисунки налегали на другие. Конечно же, наскальные изображения Каменных островов были созданы не одним каким-то талантливым художником и, возможно, даже не одним племенем и народом. Десятки поколений древних людей сменялись у этих скал и оставляли своим потомкам все новые произведения.

Но древние рисунки на скалах вместе с тем не просто «картинная галерея». Она воссоздавала различного рода магические и колдовские обряды. Окладниковым отмечено, что среди десятков рисунков лосей человек изображен всего один раз, схематично и в особой позе. Это мужчина, он стоит с согнутыми ногами, как бы танцуя, руки его подняты вверх к небу. Окладников пришел к выводу, что в древних безмолвных рисунках как бы застыли молитвы охотников тайги, их просьба о помощи, обращенная к неведомым грозным силам природы. Писаницы были своего рода священной книгой тысячелетий. Прочтению этой книги ученому во многом помогли легенды и сказания таежных племен.

На многих скалах Лены, Ангара и в других местах Сибири наскальные композиции отражают магические мистерии каменного века. Подтверждением этого являются изображения лосей во время гона, сцены, символизирующие размножение. На писанице в устье реки Синей, протока Лены, можно видеть сцену охоты людей, вооруженных луками, на лося.

В писаницах нашли отзвук не только обряды, связанные с охотой на дикого зверя, но и космогонические представления древних людей. Это изображения солнечного лося, змей и другие рисунки, которые хорошо расшифровываются на основании легенд и преданий коренных народов Сибири. Племена каменного века так же, как и они,

пытались понять тайны окружающей природы, заглянуть в будущее.

Десятки статей, ряд блистательных книг посвятил Алексей Павлович древнему искусству народов мира, но, пожалуй, самые увлекательные и выстраданные им страницы относятся к творчеству народов Сибири, где известно множество таких рисунков, распространенных в самых различных ее местах: по утесистым крутым берегам таежных рек, начиная от предгорий Урала и до Амура, в бескрайних степях Забайкалья, Тувы и Минусинской котловины, на Алтае, а также на скалах вдоль «Внутреннего моря» глубинной Азии — Байкала. Почти все известные галереи каменного века Северной Азии — и не только Северной, но и Центральной, и Средней Азии — изучались Окладниковым. Каждая такая большая группа, а иногда и отдельные местонахождения сибирских писаниц имеют свой собственный неповторимый облик, неразрывно связанный с историческим прошлым, культурой и конкретными событиями в жизни того древнего населения, которым они были оставлены.

Один из крупнейших исследователей первобытного искусства народов мира профессор Герберт Кюн, получив две монографии о петроглифах Ангары, написал автору: «Я многое видел в жизни и, казалось, все знал о древнем искусстве, но ваши книги потрясли меня. Я никогда не предполагал, что в далекой Сибири, в тайге, могло возникнуть такое чудо. Ваше открытие стоит целой эпохи в нашей науке. Я счастлив, что на закате своих лет смог познакомиться с таким удивительным искусством».

Так родилась в трудах Алексея Павловича неожиданная яркая страница древней истории народов Сибири в каменном веке — охотников и рыболовов, художников и философов.

Эта летопись прошлого племен Сибири была прослежена не только в Приангарье и в верховьях Лены, но и в Якутии и на северо-востоке Азиатского материка, где Окладников проводил работы в течение многих десятилетий, начиная с предвоенных годов и вплоть до недавнего времени. Им были открыты палеолитические памятники далеко на севере, изучались неолитические поселения за Северным полярным кругом, на Чукотке и Охотском побережье.

Исследования ученого не прерывались и в военные годы. Условия были суровые. Не хватало продуктов. Обходились в основном тем, что удавалось добыть на месте.

В летнюю пору немалым подспорьем в рационе служили знаменитые якутские карасы, ягоды и прочие дары природы. Передвигаться приходилось на лодке, часами ворячая тяжелыми веслами, на оленях и пешком. Частые штормовые ветры загоняли путешественников в бухты, и порой приходилось ждать неделями, пока установится погода и можно будет отправиться в дальнейший путь.

В 1944 году в Якутске состоялась встреча Окладников с крупным американским востоковедом О. Латтимором, советником президента Рузвельта. Тот сопровождал вице-президента США Уоллеса в Москву. При перелете с Аляски они сделали остановку в Якутске. Окладников и Латтимор хорошо знали друг друга по работам, но прежде никогда не встречались. Американский профессор подробно расспрашивал о раскопках в Якутии. Он заинтересовался якутской юртой, которая находилась во дворе краеведческого музея, и Окладников обстоятельно рассказал о камельке, внутреннем убранстве, интерьере юрты. Латтимор, как оказалось, был хорошо знаком с юртами монголов. В двадцатые годы он, чтобы изучить монгольский язык, более двух лет путешествовал по Монголии. Кочевал вместе с аятами — монгольскими пастухами, познакомился с их обычаями и религией. В разговоре он заметил: «Это замечательно, что в трудное военное время не прекращается работа историков Якутии». Для многих американцев это было большой неожиданностью. Им трудно было поверить, что в такое тяжкое для нашей страны время правительство не забывает и об исследовательских раскопках в Заполярье. Во время новых встреч с Окладниковым уже в 60-е годы Латтимор часто вспоминал знакомство и беседы в Якутске.

Многолетние работы в Якутии позволили Алексею Павловичу открыть самые ранние этапы истории огромного края. Позднее обработанные материалы составили три тома «Ленских древностей» и первый том трехтомной «Истории Якутии». В своих работах Окладников проследил прошлое якутского народа с глубочайшей древности — первого появления на этой территории человека — и вплоть до прихода в Якутию русских. В основу его работы были положены не только археологические и этнографические материалы, но и богатейший фольклор якутского народа.

Прошли многие годы, но материалы раскопок Окладникова в Якутии и на Охотском побережье и высказанные им идеи не потеряли своего значения и до настоящего

времени. Работы, начатые ученым в этих районах, продолжили его ученики и коллеги — Р. С. Василевский, Н. Н. Диков, Ю. А. Мочанов, С. А. Федосеева и многие другие. С каждым годом все полнее раскрывается древняя культура народов Якутии, Северо-Восточной Азии и сопредельных районов — Аляски, Канады, Гренландии. Огромный район, где развивались древние и самобытные культуры в глубокой древности, обнаруженные впервые Окладниковым, продолжает волновать ученых не только нашей страны, но и зарубежных.

Не только Сибирь увлекла Окладникова своими открытиями. Многие годы ему пришлось работать в Средней Азии, где с его именем связаны удивительные находки, обогатившие советскую и мировую науку.

В начале 1938 года из Ташкента пришло письмо в Институт истории материальной культуры Академии наук, где в то время работал Алексей Павлович. Известный советский ученый, профессор Михаил Евгеньевич Массон — блестящий знаток и исследователь древних культур Средней Азии — ставил вопрос о необходимости исследования каменного века в Узбекистане.

К тому времени благодаря трудам русских ученых-востоковедов академиков Бартольда, Веселовского, археологов Вяткина, Массона, Пампелли, Якубовского, Толстова и других исследователей Средней Азии открылся удивительный мир земледельческих цивилизаций.

На юге Средней Азии у Туркмено-Хорасанских гор были открыты поселения анаусской культуры. Они представляли собой небольшие деревушки и крупные поселки — многолюдные селения — центры больших и могущественных племен. Анаусцы были земледельцами и скотоводами. Так постепенно начинает развиваться в Средней Азии древнейшая городская цивилизация. Народы Средней Азии принимали на протяжении многих тысяч лет активное участие в исторических процессах. Саки и массагеты попали на страницы «Истории» Геродота, который довольно подробно описал войну массагетской царицы Томарис с тщеславным персидским царем Киrom. Горы и долины Средней Азии были свидетелями гибели Кира и торжества Дария, могущества великого македонца — Александра и трагедии Спитамена. Много интереснейших страниц древней истории среднеазиатских племен удалось написать археологам и востоковедам к концу 30-х годов. Но в основном это были памятники, относящиеся к сравнительно позднему времени: наиболее древ-

ние анауские племена расселялись на юге Средней Азии около 5 тысяч лет назад. А что было до них? Совершенно очевидно, что древние культуры и государства должны были иметь более ранние этапы, на основе которых и развивалась в последующем среднеазиатская цивилизация. Встал вопрос о поисках каменного века.

Возглавить работы по изучению ранних этапов истории народов Средней Азии было поручено Окладникову. Вместе с ним долгие годы в Средней Азии работала и Запорожская.

Сибирякам было особенно тяжело вначале. Они привыкли работать в условиях Сибири, где главное бедствие — комары, мошка — знаменитый ангарский гнус, дожди и холодная осень. А здесь постоянно мучила жара.

В первый день Массон, отправляя их в разведочный маршрут, выделил на двоих фляжку воды. «Выпьете утром, в обед — зеленого чаю, он хорошо утоляет жажду, и в третий раз — вечером», — предупредил он. Но как можно не пить, если нещадно палит солнце и от песка веет, как от раскаленной русской печи? Уже через час воды не осталось, и весь день, переходя с одного бархана на другой, археологи вспоминали Ангару, ее ледяную живительную воду, от которой сводит скулы и ломит зубы. Стоило закрыть глаза, как слышался шум сосен над головой и плеск воды далекой холодной реки.

Работы по изучению каменного века было решено начать из долины речки Турган-Дарьи, над которой поднимались вершины гор, покрытые белоснежными шапками снега. Отсюда начался долгий и утомительный путь вверх, в горы, где охотникам за дикими козлами издавна были известны таинственные пещеры. Вот в них-то и мог жить древний человек в то время, когда он еще не научился строить искусственные жилища. Предстояло перевалить через Сары Шато. За ним лежала Мачайская долина. Именно там, в местности Каттакурган, директор Сурхандарьинского музея Парфенов нашел несколько обработанных рукой человека камней. Для обследования пещер Мачайской долины и направилась небольшая экспедиция под руководством Окладникова.

Долгих восемь дней карабкались путешественники с проводниками, пастухами из поднебесного кишлака Юкары-Мачай по крутым, извилистым тропам, по узким карнизам над зияющими внизу жерлами пропастей и ущелий.

Временами вверху проносились гонимые ветром тучи.

А чаще пылало и обжигало все вокруг беспощадное среднеазиатское солнце. Изредка путешественники приникали губами к маленькой лужице, стоявшей как прозрачный кристалл в природной сталагмитовой чаше. И снова шли вперед, навстречу новым пещерам, где надеялись найти следы первобытных обитателей этой суровой и вместе с тем невыразимо прекрасной горной стороны, от которой веяло прохладой не тающих летом снежных шапок на могучих вершинах пиков. На высоте двух тысяч метров над уровнем моря зелень арчевников вплотную подступила к вечным снегам высокогорного пояса. Отсюда на сотни и тысячи километров простиралось царство горных козлов и снежных барсов. Выше поднимались только орлы!

Наконец вдаль показалось темное отверстие в скале. Это и был таинственный грот Тешик-Таш, «камень с щелью», куда археологов привели на восьмой день скитаний проводники. В нем было светло, просторно и даже сухо, несмотря на прохладу подземелья, столь драгоценную в это жаркое время. Только с потолка в самой середине грота медленно и ритмично падала капля за каплей чистая прозрачная вода.

Там, где падали капли, образовалась ямка глубиной не более двадцати сантиметров, а в ней, на самом деле, лежали кости животных. Кости были раздроблены человеческой рукой. Они давно пожелтели, но еще сохранили твердость. Однако ясно было с первого взгляда, что кости эти не нашего времени, что они лежали в земле не одно тысячелетие, пока их не обнажили капли, падающие с потолка. Самой же замечательной из здешних находок оказался кусок камня, безусловно, обработанный той же человеческой рукой, которая когда-то дробила найденные рядом кости. Он, этот кусок камня, принес археологам не только радость открытия, но и успокоение: теперь, наконец, они знали, что найдено пещерное поселение человека, и притом неожиданно древнего!

Сразу же появилось убеждение, что, судя по характерным приемам обработки камней, это поселение мустьерского человека, жившего 80—60 тысяч лет назад.

Конечно, это довольно-таки смелое определение: до сих пор еще никто не находил ни в Средней Азии, ни в соседних с ней областях Азиатского материка, если не считать Индии, отгороженной от Средней и Центральной Азии высокой стеной Гималаев и Тибетским нагорьем, следов культуры мустьерского времени, а тем более костных останков самого человека — мустьерца, за которым

в науке утвердилось наименование неандертальца, поскольку первые находки разрозненных остатков его скелета были сделаны в 1856 году в долине Неандерталь близ города Дюссельдорфа в Германии.

В первые минуты никто не верил, что именно им, впервые попавшим в этот грот, выпало на долю обнаружить первый в этой части Азии памятник культуры такого отдаленного времени.

Но это было еще не все. Прошло несколько дней. В пещере заложили раскоп и начали очень осторожно разбирать слой за слоем. И вот однажды нож одной из сотрудниц экспедиции наткнулся на какую-то необыкновенную кость, явно принадлежащую не животному. Тут уж даже сам Окладников побоялся предположить, что она принадлежит человеку — древнему обитателю грота. Он взял нож, кисть и с крайней осторожностью, сантиметр за сантиметром стал снимать слой земли. И тут показался череп... Череп человека! Он находился в необычном положении, опрокинутый сводом вниз, а зубами вверх.

Алексей Павлович принимает решение, которое подсказали мудрость и опыт, выработанные поколениями археологов: «Не спешить!» Поспешность может испортить все. Решено было оставить всю эту часть пещеры нетронутой до конца работы, до вскрытия всех культурных слоев. А их здесь было пять.

Прежде нужно осторожно и постепенно снять вокруг черепа все пять слоев, слой за слоем. Только потом можно было уверенно сказать, к какому точно слою относится череп — иными словами, когда жил и умер этот человек. Ведь он мог быть захоронен долгое время спустя после того, как пещерные люди покинули свое убежище.

Никто не знал, что ждет археологов под этими двадцатью сантиметрами пещерных отложений. Ведь во всем мире до сих пор обнаружено было не более двадцати останков людей мустьерского времени, а в Советском Союзе всего лишь два. Причем в одном случае в пещере Киик-Коба в Крыму уцелел костяк ребенка, настолько плохо сохранившийся, что слово «уцелел» применимо к нему условно и относительно. От второго же костяка из Киик-Кобы сохранилось, к великому сожалению ученых, тоже слишком мало: всего лишь кости голени и стопа, а также кисть руки и более ничего.

А тут лежал полный, только лишь раздавленный тяжестью земли, череп. Если это был неандерталец, то они

наткнулись на первый в Союзе череп неандертальского человека...

Прошли долгие томительные дни ожиданий и размышлений. Раскопки подходили к концу. Дошла очередь и до поразительной находки. Теперь уже всем было ясно, что она находится в мустьерском слое. И, следовательно, найден первый на территории Советского Союза череп неандертальского человека, вернее, почти полностью сохранившийся скелет.

Тщательный осмотр скелета подтвердил: обнаружен неандерталец! Найден первый и до сих пор единственный в Советском Союзе череп человека среднего палеолита: мустьерского охотника на горных козлов — сибирских козерогов. Как же не поделиться радостью открытия с верными друзьями, с рабочими, которые делили с археологами свои лепешки — «нон», вместе пили из кожаного бурдюка чистую воду пещерных родников? Это их сильные руки выгребали наружу из пещерной тьмы влажную глину, это их гибкие пальцы старательно очищали ножами и кисточками пыль тысячелетия с каменных орудий и огромных рогов горного козла.

Не раз приходилось археологам удивляться мужеству и ловкости горцев, рабочих экспедиции. Перед ними высилась отвесная стена ущелья; нужно было сделать немалый крюк по узким карнизам скал, чтобы обогнуть кажущуюся неприступной скалу, обогнуть с немалым трудом и риском. На каждом шагу внизу — темная пропасть, заглянуть в которую и хочется и страшно: того и гляди — выскользнет камень из-под ног, загрохочет лавина, увлекающая за собой и человека. И вдруг смотришь: на каковой-то, невидимый снизу, ничтожный выступ скалы взбирается проводник. Разматывает чалму и бросает ее конец вниз. Там узкую ленту ткани ловко ловит другой. Хватается за чалму, тянется вверх. А первый скалолаз, цепкий и гибкий, уже взбирается выше. За ними — третий и четвертый, тем же способом, непостижимым для непривычных... Но вся эта группа победителей скал — не чемпионы, а просто охотники, пастухи. В недоступной, казалось бы, высоте обнаруживаются вдруг на фоне ярко-синего, почти темного неба их фигуры.

Как же не рассказать им, героям скал Гиссарского хребта, эту повесть об их предках, о мальчике, который появился перед нами из темной глубины тысячелетий?

Тридцатые годы еще были тревожными в Средней

Азии. Небольшая экспедиция, затерянная далеко в горах. Бесхитростные, трудолюбивые охотники и пастухи, впервые попавшие на раскопки. Неожданное открытие. Так тесно переплелось далекое прошлое и настоящее. Сколько умения, выдержки требовалось тридцатилетнему ученому, чтобы завоевать сердца своих помощников, не нарушить их обычаи и сохранить верность и дружбу. Потом будет не одна сложная, почти приключенческая ситуация с транспортировкой находки, пройдет еще много дней и недель, пока коллекцию в целостности и сохранности не доставят в Ленинград, а уникальный череп не будет торжественно и бережно упрятан в огромный институтский сейф.

Когда ученый мир облетело известие о замечательном открытии в Средней Азии, к Окладникову пришли десятки писем и телеграмм. В 1949 году вышла в свет книга «Тешик-Таш», в которой тщательно и скрупулезно были проанализированы факты, связанные с раскопками и обнаруженным скелетом. Обвалившаяся со свода грота глыба раздробила череп на десятки мелких кусочков, но благодаря ювелирной работе антропологов он был полностью восстановлен. Советские ученые Синельников и Гремяцкий подробно описали в монографии детский скелет и череп. Они вместе с Окладниковым были удостоены Государственной премии за свое выдающееся открытие. Известный скульптор и антрополог Герасимов, давний друг Алексея Павловича еще по иркутскому археологическому кружку, на основании разработанной им методики восстановления лица по черепу в 1942 году сделал первую реконструкцию неандертальца из Тешик-Таша, сперва вдвое меньше настоящего размера. Позднее Герасимов выполнил фигуру в натуральную величину. Это был мальчик, испугавшийся змей.

Сейчас это уже давняя история науки. Но в то время существовало множество реакционных расистских теорий, согласно которым народы делились на исторические и внеисторические, на те, которые способны к творчеству, и на отсталые в своем развитии. К таким относили реакционные ученые и обитателей Средней Азии. Открытие захоронения неандертальского мальчика в этих краях полностью перечеркивало подобные теории. И не менее важным было то обстоятельство, что передовая методика раскопок и последующие тщательные исследования позволили реконструировать сам обряд захоронения, свидетельствующий о паличии уже в то время, на неандер-

тальской стадии в развитии человеческого общества, сложного мировоззренческого комплекса.

Люди, жившие в гроте Тешик-Тапа много тысяч лет назад, занимались охотой на горных козлов: свидетельство тому — кости, обнаруженные в пещере. Охотились неандертальцы не только на молодых животных, но и на опытных самцов-«кииков», о чем убедительно говорят гигантские рога из разных слоев грота. При примитивном охотничьем вооружении мустьерского времени решающее значение, по мнению Окладникова, имели коллективные способы охотничьего промысла.

В холодные дни неандертальцы надевали на себя одежды из шкур животных и согревались у костра из арчи. Здесь же, у костра, первобытные мастера изготавливали и каменные орудия: скребла, скребки для обработки шкур и изделий из кости и дерева, остро-конечники, грубые ножи и другие необходимые инструменты.

Раскопки в Тешик-Таше позволили установить, что скелет не был останками случайной жертвы какой-нибудь катастрофы, вроде горного обвала или же трупа, просто брошенного в гроте. Здесь сохранились следы настоящего, вполне намеренного захоронения.

Прошло много лет... 1974 год. Группа советских ученых в уютной лаборатории профессора Колумбийского университета Ральфа Салецкого. Тишина. Всегда шумные коридоры одного из крупнейших американских университетов сегодня пустыньны. 4 июля — день независимости Америки, и во всем университете только шесть человек: хозяин — Ральф Салецкий, который увлеченно рассказывает о своих замечательных раскопках в пещере Шанидар в Ираке, и пять советских ученых. В Шанидаре американскому археологу удалось раскопать несколько неандертальских погребений, в том числе одно совершенно уникальное: захоронение старика с ампутированной в детстве одной рукой, калеки по рождению. Захоронение, как показали спорово-пыльцевые анализы, было засыпано сверху цветами. В середине рассказа профессор, обращаясь к Окладникову, воскликнул: «Если бы не ваши уникальные открытия в Средней Азии, ученый мир еще долго смотрел бы на неандертальцев как на животное. А вы в числе немногих увидели в нем прежде всего человека — человека со сложным комплексом чувств и переживаний...»

Много полевых сезонов провел Окладников в Средней

Азии. Он изучал памятники палеолита, мезолита и неолита. Работал в Фергане и отрогах Гиссарского хребта, в Прикаспии и Таджикистане. Многочисленные его ученики продолжают начатое им изучение древнейших этапов в истории человека в Средней Азии.

Не только исключительное трудолюбие и энциклопедические знания помогали Алексею Павловичу открывать новые главы в истории прошлого человечества, но и редкая интуиция, и счастье полевого исследователя. Именно Окладниковым было начато и поразительно много сделано по изучению древнейшего прошлого народов Центральной Азии.

В 1949 году в Монголии начинает работать советско-монгольская историко-археологическая экспедиция под руководством члена-корреспондента АН СССР С. В. Киселева. Она развернула исследование археологических памятников от палеолита до эпохи Чингисхана.

В первый же год ее создания в ней принял участие Окладников в качестве руководителя специального палеолитического отряда. С этой поры ученый полюбил бескрайние монгольские просторы, мудрых и гостеприимных аратов, готовых всегда, когда нужно, прийти на помощь или хотя бы просто от души угостить чашкой монгольского сутэ-цай, чая с молоком, хорошо освежающего и утоляющего жажду.

Алексея Павловича влекли к себе тайны глубинной истории Центральной Азии, проблемы становления здесь человеческого общества. Была ли Азия прародиной человека? — эта загадка, давно волновавшая ученых, могла быть раскрыта многолетними исследованиями в самых разных районах Монголии.

Он часто вспоминал свою первую встречу с Монголией: «Ранним весенним утром 1949 года наш самолет опустился на аэродроме в Улан-Баторе. Спустя два дня, под грохот грозы и в блеске молний, мы подъехали к Эрдени-Цзу, где у монастырской стены толпились просторные войлочные юрты археологической экспедиции. За высокой каменной стеной стояли древние храмы с причудливыми фигурами драконов и мифических зверей: перед золотым колесом преклонили колени две лани — символ победы учения Будды.

А еще через два дня наша машина, крытая брезентом, остановилась у высокой плиты, воздвигнутой когда-то рядом с могилой древнего воина и вождя тюркских

племен — князя «Голубых тюрков» принца Кюльтегина. Над могилой синело, как и в незапамятные времена Кюльтегина, Бильге-хана и мудрого советника Тоньюкука, оставивших в память потомкам свои каменные летописи, то же самое «вечное синее небо», о котором рассказывали полуистертые временем надписи на могильных камнях».

Окладникова влекли сюда не только эти замечательные, но уже известные ученым памятники. Еще больше его манила широкая долина Орхона с такими же, как и в Сибири, древними террасами-уступами, на которых в глубокой древности горели костры охотников на мамонтов и других животных ледниковой эпохи. Эти террасы могли многое рассказать опытному и знающему исследователю о формировании рельефа, об истории ландшафтов и климата на протяжении многих десятков тысяч лет. Мощные напластования, словно страницы книги, которую создавала трудолюбивая природа, возможно, хранили и остатки деятельности самого человека. Важно было нащупать, найти ту ниточку, которая привела бы археологов к пониманию древнейшей истории народов Центральной Азии. Открытие палеолита на Орхоне было бы первым и, может быть, главным шагом к решению проблемы, которая уже так давно привлекала внимание ученых многих стран мира.

...Рано утром, когда солнце только позолотило юрты сомона, в котором остановилась экспедиция, Окладников вышел на берег Орхона и зашагал вдоль реки, внимательно вглядываясь в обнажения террас. В этот день он решил пройти пешком, тщательно обследуя берега реки, где особенно рельефно выступали террасы, перерезанные многочисленными оврагами.

Утро выдалось прохладное и свежее, и было приятно идти вдоль реки, сознавая, что каждый камень, каждый поворот русла хранит здесь бесчисленные тайны истории. Часто по берегу попадались могильные памятники бронзового века и средневековья. В водах Орхона много раз поили своих коней загадочные гунны, на его берегах раскидывали златоверхие шатры тюрки и воины Чингисхана. На этот раз все внимание Окладникова было направлено на береговые обрывы. Ученый без устали то спускался в глубокие овраги, то поднимался по крутым откосам на двадцатиметровую высоту, чувствуя, что каждую минуту очередной уступ может не выдержать, и тогда он покатится вниз, увлекая за собой подмытые

весенними потоками нависшие над рекой мощные пласты земли, перемешанные с галечником.

К обеду Окладников почувствовал усталость. Солнце стояло в самом зените и пекло нещадно. Вспомнилась Средняя Азия. Особенно жарко и душно становилось на верхних площадках террас. Во все стороны расстилалась ровная степь, поросшая душистыми травами. Кругом ни души. Только орлы-стервятники высоко парили над головой, выискивая добычу. Хотелось лечь на теплую землю, закрыть глаза и дать отдых уставшему телу. Но впереди была еще дальняя дорога.

За это время Алексей Павлович нашел только одну стоянку бродячих охотников неолитического времени. Несколько тысяч лет назад небольшое племя остановилось на берегах Орхона, и там, где стояли их легкие, переносные жилища, Окладников подобрал несколько наконечников стрел, ножи, скребочки для обработки шкур диких животных, резцы, которые тщательно и любовно выделывали из неподатливого кремня и халцедона мастера каменного века. Но это только начало. Памятники такого рода давно известны в Монголии.

Окладников спустился к реке. Холодная вода освежала тело, банка сгущенного молока придала новые силы. Предстояло пройти еще около пятнадцати километров до основной базы экспедиции. И снова овраги и террасы. Одежда перепачкана глиной. Руки исцарапаны в кровь о кустарник и колючки, через которые много раз приходилось продирается, поднимаясь к заветному уступу, обещавшему, как казалось, удачу. Но увы!

К вечеру набежавший ветерок сгустил тучи. Стал накрапывать дождь, который скоро перешел в ливень. Укрыться было негде. Окладников прижался к одинокому вязу, чудом уцелевшему на краю обрыва. Потоки воды на глазах подмывали берег, обнажая могучие корни. Налетевший ветер сотрясал крону. Молнии, словно огненные стрелы, прошивали черное небо. Тревожила мысль, чтобы одна из них не попала в дерево. Но опасность пришла неожиданно и совершенно с другой стороны: мощный порыв сотряс вяз, закрипели корни, и дерево стало валиться под откос. Окладников успел отскочить от падающего дерева, только одна ветка больно хлестнула, оставив на лице красный рубец.

Ливень кончился неожиданно. Снова выглянуло солнце, и поникшая трава вокруг заиграла тысячами маленьких радуг. Идти стало труднее. Ноги вязли в жидкой

глине. Часто, поскользнувшись, приходилось сползать с откосов. От мокрой одежды шел пар, от холода тело бил мелкая дрожь.

Уже к самому вечеру, когда солнце клонилось к закату, Окладников добрел до высокой террасы. Она сразу привлекла его внимание: в древности здесь можно было устроить хороший охотничий лагерь. Из земли бил чистый и прозрачный источник — «аршан». Над ним склонились несколько кустиков, среди которых особо красовалась отцветшая черемуха. На ветках висели пучки конского волоса, кусочки кожи, разноцветные лоскутки. Вода источника, видимо, славилась далеко вокруг, а место считалось священным и пользовалось особым уважением. По древним монгольским обычаям, в дар охранявшим его добрым духам привязывали тряпочки к ветвям те, кто находил у ключа покой и отдохновение.

В ста метрах от ключа стояло несколько юрт, они манили к себе теплом и уютом. Там можно было согреться, выпить чашку горячего сутэ-цай. Но, словно магнит, притягивала к себе опытный глаз археолога сама терраса. Карабкаясь вверх, Окладников вдруг увидел кремнь, явно обработанный рукой человека. Это был нож или, может быть, наконечник копья. Алексей Павлович внимательно осмотрел склон. За первой находкой последовали другие. Скоро удалось собрать десятка два обработанных человеческой рукой камней. Характер обработки, древность отложений не оставляли сомнений: открыт памятник, возраст которого около 10 тысяч лет.

Удача придала новые силы, и, несмотря на усталость, Окладников зашагал дальше вверх по Орхону — туда, где против белоснежных вершин — «субурганов» Эрдени-Цзу был уже виден лагерь экспедиции. Через несколько сот метров попался еще один источник. В лучах заходящего солнца ученый увидел картину, которая поразила и обрадовала его сердце, уже не раз испытывшее удивительные мгновения открытий: повсюду на широкой ровной площадке у источника лежали обработанные человеком камни. Больше всего было гладких, хорошо окатанных галек, расколотых поперек сильным и точным ударом. Древний мастер в дальнейшем затесывал один конец и превращал его в острое режущее лезвие. Обработанный таким образом камень употреблялся чтобы рубить, резать, тесать не только дерево, но и крупные кости животных. Словом, здесь лежали заготовки в полном смысле слова универсального орудия, употребляе-

мого древним человеком на заре его истории, широко известного во многих районах земного шара.

Рядом с такого рода примитивными инструментами оказались и другие — ножи, большие скребла, скребки, отличавшиеся более совершенной формой и тщательностью отделки. Это большое и важное открытие не могло не взволновать ученого. В Монголии, наконец, найдены бесспорные следы деятельности людей, живших десятки тысяч лет назад. Безуспешные до сих пор поиски многих экспедиций увенчались открытием древнейшей стоянки палеолитического человека на берегах Орхона.

Второй, исключительно важный факт, который подтверждала эта находка, заключался в том, что первобытное население Монголии по своим техническим традициям и мастерству обработки камня было во многом родственно его ближайшим современникам — тогдашним обитателям Сибири. Пульс начальной истории человечества бился в одних и тех же темпах, как на берегах Енисея, Лены, Ангары, так и на берегах Орхона.

...Сумерки сгущались. Окладников поднял брюки с завязанными штанинами, где лежали находки, собранные на этой стоянке, и зашагал к реке. В Эрдэни-Цзу уже засветились огоньки. Надо было торопиться, тем более что предстояла переправа на другой берег. Неожиданно по дороге его догнал всадник-монгол. Увидев одинокого путника, он предложил своего коня, чтобы добраться до экспедиционного лагеря. Алексей Павлович был неважным наездником и не рискнул садиться верхом. Он попросил отвезти находки, что и сделал с большим желанием арат. Место, где была открыта стоянка, по словам монгола, поэтично называлось Мольтын-ам, что в переводе означает «Черемуховая падь». Переплыв Орхон, Алексей Павлович вскоре оказался среди друзей, которые с большим интересом рассматривали находки. Все поздравляли его с блестящим открытием.

Пошли дни за днями, заполненные радостями, огорчениями и заботами экспедиционной жизни. Возвращаясь из очередной поездки по стране, Окладников каждый раз любовался Богдо-Уул — величественной горной цепью, которая украшает столицу Монголии с юга и издревле была местом паломничества монголов. Десятки легенд и преданий связаны с ее ущельями и вершинами. Не случайно именно у ее подножия были построены ламами первые ставки духовных буддийских властителей стра-

ны — ургинских хутухт. Крутые склоны Богдо-Уула поросли стройными соснами и елями, десятки бьющих здесь ключей и небольших ручьев с холодной и прозрачной водой питают зеленый ковер долины своей живительной влагой. В яркий летний день над горной цепью серебрятся легкие облака, в ненастье Богдо-Уул закрывают тяжелые, черные тучи. О приходе зимы сообщают сверканье и белизна снежных шапок на вершинах гор.

В центре горной цепи, у быстрой и звонкоголосой реки Толы, одиноко высится гора удивительной формы. Эта самой природой созданная пирамида похожа на памятник, поставленного ею самой себе. В древности гора получила звучное название «Зайсан-Тологой» — «Царственная голова». На вершине Зайсан-Тологой высится ныне монумент в честь нерушимой советско-монгольской дружбы.

Гора давно привлекала внимание Алексея Павловича красотой своих линий и удобным расположением. Наши далекие предки отнюдь не были равнодушны к таким живописным местам, поэтому древние поселения обычно и встречаются на склонах гор, защищавших жителей от холодных северных ветров.

Карабкаясь по скальным уступам Зайсан-Тологой, Окладников еще раз убедился в справедливости своих прежних наблюдений. Люди облюбовали эти склоны еще в глубокой древности: на вертикальной скальной поверхности виднелись изображения мчавшихся друг за другом, смешно задрав коротенькие хвостики, маленьких козликов. Их контуры были выбиты точками на твердом камне безвестным художником далеких времен начала бронзового века. Рисунки хранили и острую наблюдательность охотника, и радость бытия, и детский наивный оптимизм. Здесь же изображались сцены охоты, поражавшие точностью и психологической выверенностью картины.

Зайсан-Тологой подарил не только встречу с древним искусством. У подножия горы, в удобной седловине, Окладников обнаружил богатейшие россыпи орудий труда, обработанных рукой человека. С волнением брал он в руки и внимательно рассматривал грубые рубящие орудия, древнейшие ножи, скребла, остроконечники — все, чего достиг человек на первобытном этапе своего развития. Сколько труда, смекалки, выдумки было затрачено, чтобы сделать эти, казалось бы, очень примитивные орудия. И в то же время они уже поражали

опытный глаз археолога и совершенством форм и тщательностью отделки. Понадобились десятки, если не сотни тысяч лет, чтобы пройти расстояние между ними и первыми, простейшими орудиями труда. Орудия эти принадлежали человеку современного физического типа, *Homo sapiens* — «человеку разумному».

Крутой южный склон горы охранял котловину от северных ветров. Лучи солнца заливали ее щедрыми потоками. А с вершины Зайсан-Тологой можно было видеть стада животных, бродивших по широкой и привольной долине реки Толы. В древности долина этой реки была густо заселена человеком, так же как долина Орхона и других рек Монголии. Новые открытия следовали одно за другим: в пади Дзалай, в «Академической» пади, у аэропорта, у Шара-Хада (Желтой скалы), на склонах горного массива Худжир-Булак и у впадения речки Улястай в Толу. И с каждым годом все полнее, все ярче раскрывалась перед исследователями дотоле неведомая картина древней истории Монголии.

Вслед за долинами Орхона и Толы, внимание Окладникова в последующих экспедициях привлекли суровые просторы Гобийского Алтая...

Гоби встретила путешественников раскаленным дыханием пустыни. Только веяло жаром не от огромных песчаных барханов, которых тут очень мало, а от разогретого пролювия — мелкого щебня, гальки и песка, продукта разложения горных пород. Из Далан-Дзадагада археологи приехали в гостеприимный Хобд-сомон. В дороге шофер — веселый и общительный монгол — начал обеспокоенно поглядывать на небо, где постепенно сгущались тучи. Уже в сомоне хлынул проливной дождь. Дело шло к осени и непогода могла надолго задержать экспедицию, а впереди так заманчиво высились вершины горного хребта Арп-Богдо. На «военном совете» решили двинуться к хребту в непогоду: дожди расквасят степь, и распутица может всех надолго задержать.

Ехали по бездорожью, и, как ни старался водитель, колеи найти не удалось. В сухое время по Гоби можно ехать спокойно: перед путешественником расстилается ровная, как стол, равнина. Машина шла с трудом: колеса пробуксовывали в вязкой раскисшей глине на «шавах» — глинистых участках пустыни. Наконец, забуксовав всеми четырьмя колесами, автомобиль встал. С трудом, под непрекращающимся дождем, удалось вытащить его из западни. К счастью, теперь водитель увидел ста-

рую, заросшую редкой травой колею. Ехать стало веселее. Быстро надвигалась ночная мгла, и шофер гнал машину, надеясь, что дорога приведет к жилью. Дождь прекратился, но беспокоило другое — куда все-таки ведет дорога? Уже в полной темноте Окладников остановил машину и решил устроиться на ночлег. После чая уставшие путешественники быстро уснули в наспех поставленной палатке.

Всех разбудило жаркое солнце, которое даже в начале сентября не давало забыть, что это Гоби. Выйдя из палатки, Алексей Павлович в изумлении остановился: в нескольких десятках метров открывалось глубокое ущелье (спасло какое-то особое чувство). Неподалеку, из-под нависшей скалы, бил чистый источник, а вокруг все было усеяно кусками красной и желтой яшмы, обработанной рукой человека. Вначале он не поверил своим глазам, но радостные возгласы спутников, которые уже собирали камни, заставили его поверить в реальность увиденного.

Кругом лежали десятки, сотни тысяч изделий из яшмы разной степени готовности, а неподалеку, охристо и малиново блестели после дождя выходы этой породы. Человек в течение многих тысячелетий приходил сюда, чтобы выламывать куски твердого камня и делать из них самые различные орудия труда. На двадцать с лишним километров в длину и на пятнадцать в ширину вдоль горного хребта Арц-Богдо простиралась эта удивительная мастерская древнего человека.

Тысячелетиями здесь работали первобытные мастера-рудокопы Центральной Азии, осваивая сокровища горбых гор. Внимательно рассматривая находки в Мухор-Булаке — так назывался этот счастливый ключ, Окладников поразился одним неожиданным обстоятельством. Среди бесчисленных ядрищ — нуклеусов, использовавшихся в качестве основы для скалывания мелких пластин, рассеянных на поверхности, некоторые носили следы особенно тщательной отделки. Совершенно такими же были так называемые леваллуазские нуклеусы Западной Европы, Передней Азии и Африки. Там эти изделия появились еще в конце ашельской эпохи палеолита и достигли расцвета к ее концу, то есть около 100 тысяч лет назад. Они не только служили надежным индикатором определенного времени, но и свидетельствовали о крупных переменах в трудовой деятельности человека.

Гигантская мастерская, открытая экспедицией, была древнейшей в Центральной Азии. Каменные орудия, найденные здесь, позволяли наметить и район, откуда мог

прийти сюда человек. Многие изделия, собранные у источника Мухор-Булак, удивительным образом напоминали по формам и технике расщепления камня орудия труда, исследованные Окладниковым и другими учеными в Узбекистане, Киргизии и Таджикистане. Так наметилось направление передвижения древнего человека более ста тысяч лет назад: Европа, Кавказ, Передняя и Средняя Азия и, наконец, Монголия — вот тот путь, по которому шло перемещение человека и его культуры.

Мастерская у источника Мухор-Булак оказалась не единственной в районе Гобийского Алтая. Позднее в Гоби, на Востоке и в центральных районах Монголии были открыты десятки памятников, относящихся к палеолиту. Они многое рассказали ученым о древнейших этапах истории человека в Центральной Азии.

Окладникову удалось открыть и изучить в Монголии не только стоянки и мастерские по производству каменных орудий, но и искусство, относящееся к палеолиту. В 1966 году во время экспедиции внимание археологов привлекло известие о загадочной пещере в районе Манхан-сомона в Гобийском Алтае с какими-то необычными древними изображениями. Изображения эти впервые обследовал в 1925 году монгольский ученый, геолог Намнан-Дорж. Результатом открытия Намнан-Доржем пещерных рисунков на реке Хойт-Цэнкер стали не только первые сообщения о них, но и схематические зарисовки некоторых, хранящиеся в экспозиции Кобдосского исторического музея.

Окладников решил побывать в пещере и снять на кальки точные копии, так как те, что вывешены в музее, перерисованы не специалистами, что называется, «на глаз», без точного соблюдения пропорций. Вызывала большое сомнение точность передачи композиций, и поэтому сделать какие-то выводы на основании имеющихся копий было, конечно, нельзя.

Манхан-сомон, довольно крупный по местным масштабам населенный пункт, поразил археологов своими аккуратно построенными каменными сооружениями, зеленым тенистым садом и журчащими в нем арыками. Он расположен на месте слияния трех рек, носящих одинаковое название Цэнкер («Прозрачная»).

Речки вполне оправдывают свое название. Быстрые и шумные, типичные для горных областей, они отличаются чистой и прозрачной водой, текут по просторным, хорошо разработанным долинам с четко террасированными борта-

ми. Знаменитая пещера расположена в 25 километрах на юго-запад от Манхан-сомона. У местных жителей она чаще называется по речке Хойт-Цэнкер Агуй, то есть пещера речки Северный Цэнкер.

На следующее утро, пораньше, выехали к пещере. Машина петляла по крутым горным дорогам. Наконец подъехали к широкой долине речки Хойт-Цэнкер. С обеих сторон долины поднимались красноватые, обожженные солнцем горы с редкими чахлыми кустиками. Ни дорог, ни тропок. Успех экспедиции целиком зависел от мастерства и интуиции шофера. Казалось, машина не ехала, а плыла по штормовому морю: ее бросало из одной стороны в другую, она то кренилась на бок, то взбиралась почти вертикально вверх.

Но вот на правом берегу речки показалось черное отверстие на высоте ста метров от подошвы горы. Добраться туда можно было только по крутому, почти отвесному склону. Понадобилась поистине альпинистская цепкость, чтобы преодолеть эти сто метров.

Пещера образовалась в мощных отложениях известняка и гипса. У входа пол был завален громадными глыбами когда-то рухнувшего свода. Сразу же от входа дно пещеры круто уходило вниз. Потолок поднимался в виде гигантского купола подземного храма, а его крутые карнизы свисали вниз как «сталактиты» древних мечетей Средней Азии. Как только ученые спустились вниз, в воздух поднялось облако ядовитой пыли: на дне пещеры лежали многометровые толщи голубинового помета — гуана, который употреблялся для выделки кожи особого качества — сафьяна. Велоть до недавнего времени эта пещера обеспечивала гуаном кожевников на многие сотни километров вокруг.

Внутри пещеры царствовало безмолвие, которое лишь изредка взламывалось звуком сорвавшегося вниз камня или шумом крыльев голубиной стаи. В середине пещеры виднелась куча глыб, свалившихся с потолка. Эта часть сильнее всего пострадала от позднейших завалов, и поэтому здесь поверхность камня имела наиболее свежий вид.

В глубине пещеры царил непроницаемая темнота. Стали думать — что делать? И тут неожиданный выход подсказал шофер: аккумуляторы! Но затащить тяжелые аккумуляторы на стометровую высоту по отвесному склону не так-то просто. Тем более — разбейся хоть один из них — исследователям надолго пришлось бы застрять в

этом довольно неуютном месте. Аккумуляторы поэтому поднимали с величайшими предосторожностями.

Через два часа все было готово. Включили свет и начались тщательные поиски рисунков. После того как находили какой-нибудь рисунок, все предлагали свою трактовку. Рисунки были нанесены краской, и некоторые места настолько сильно поблекли или затекли, что расшифровать рисунок оказывалось не так-то просто. Поэтому расшифровывали коллективно.

Изображения располагались в своеобразных нишах. Древним художникам, по-видимому, приходилось работать лежа, в неудобном положении. Рисунки наносились преимущественно на ровную скальную поверхность. Из-за ее недостатка они зачастую налегали друг на друга. В некоторых местах глазу представало сплошное переплетение своеобразно стилизованных фигур животных: лошадей, козлов, быков, птиц. Особое внимание привлекла одна композиция, выполненная красной краской. Она состояла из нескольких изображений горных козлов в самых различных позах. Одни фигурки — в стремительном беге, другие — готовы к головокружительному прыжку, третьи — отдыхали в спокойной, свободной позе. Рога животных также изображались по-разному: от еле заметных, показанных короткими, скупыми линиями у одних животных, до спирально закрученных, гордо поднятых у других.

Но особенно поразили ученых в этой галерее каменного века большие птицы с массивным телом и длинной изогнутой шеей, а также могучие животные с хорошо выраженным длинным хоботом. Птицы удивительно напоминали страусов. А животное с хоботом? Ну, конечно, это слон. Однако страусы в Азии, как утверждают палеонтологи, вымерли около миллиона лет назад. Правда, некоторые из них допускают, что эти гигантские птицы на территории Монголии и в Забайкалье жили еще 15—20 тысяч лет назад. Специалисты также считают возможным, что и древние слоны могли расселиться в Центральной Азии в это же время. И вот живое свидетельство, бесспорный аргумент.

Перед глазами древних художников находился обширный мир диких, живущих своей жизнью животных, населявших тогда степи и пустыни Центральной Азии. Мир, на который они смотрели не равнодушным взглядом наблюдателя, а взволнованными глазами охотника.

Лошадь — сюжет классический, постоянный в палеолитических росписях Запада — в Хойт-Цэнкере представ-

лена одним-единственным рисунком, но очень своеобразным: у нее нет головы, но есть второй хвост. При общем совпадении с анималистическими сюжетами западноевропейского палеолитического искусства в здешних росписях обнаруживается и определенное, отчетливо выраженное своеобразие. И еще — ни на одном из рисунков в пещерах Франции и Испании нет, например, верблюдов. Но двугорбый верблюд, бактриан, в пещере Хойт-Цэнкер — вполне естественная и даже необходимая часть ее настенных изображений. А ведь здесь его родина. Начиная с третичного периода, дикий верблюд составляет неотъемлемую часть животного мира пустынных просторов Внутренней Азии. Он также естественно входит в основной набор сюжетов наскальных изображений Центральной Азии и Южной Сибири, как одnogорбый верблюд дромадер, в число самых распространенных тем рисунков первобытных обитателей Синайского полуострова и Северной Африки.

Древние художники могли рисовать только тех животных, которых они видели собственными глазами, вокруг себя. Следовательно, эти рисунки сделаны не позднее 15-тысячелетия и относятся к верхнему палеолиту! Это новое открытие потрясло ученых.

Принято считать, что древнейшие, классические в своем роде памятники искусства первобытного человека — пещерные росписи, оставленные людьми ледниковой эпохи, сосредоточены на сравнительно ограниченном пространстве Западной Европы — во Франции и Испании. Только Запад считался родиной искусства. Здесь жили, по словам одного из известных археологов, Г. Осборна, «греки» палеолитического времени, вдохновенные мастера живописи, гравюры и резьбы.

Никто даже не предполагал до недавнего времени, что и Азия тоже может дать произведения искусства, не уступающие западноевропейским. За последнее десятилетие и на востоке, в Сибири в палеолитических памятниках Мальта и Буреть найдены прекрасно выполненные скульптурные изображения женщин, птиц, мамонта. На Лене Окладниковым были открыты наскальные рисунки этого же периода. На Южном Урале в Каповой пещере Бадером и Рюминым обнаружены великолепные пещерные росписи, где красной краской умелой и талантливой рукой мастера нарисованы мамонты и лошади. И, вот наконец, в Центральной Азии, в Монголии также оказались пещерные росписи.

Все это говорит о том, что и в Азии существовали свои очаги первобытного искусства, были свои Рафаэли. Их творения донесли до нас не только облик вымерших животных, но и благодаря талантливому и выразительно-му исполнению стали в ряд тех бесценных художественных произведений, способных вызвать такое же неподдельное восхищение, которое мы испытываем, встречаясь с подлинным, прекрасным искусством иных, более близких к нам эпох.

Это удивительное искусство, появившееся в Монголии еще в палеолите, не исчезло в более позднее время, обретая постепенную новую силу, свежесть и своеобразие. Рисунки каменного, бронзового и железного века открыты Окладниковым, его учениками и коллегами во многих местах Монголии. На одних писаницах древними художниками сделано всего несколько рисунков, на других их сотни и тысячи. Иные из этих уникальных памятников искусства прошлого еще до конца не изучены и не вошли в научный обиход. Не случайно Окладников заканчивает свою книгу «Олень Золотые Рога» словами: «Здесь я могу, наконец, поставить последнюю точку в своем рассказе об охоте за писаницами. Но сама эта охота, конечно, не закончена. Еще не высохли чернила на последней странице рукописи этой книги, а перед моим взором уже встают новые неведомые дали, возникает целый мир еще никому не известных наскальных рисунков, который ждет своих исследователей и друзей».

Многие годы своей беспокойной, кочевой жизни Окладников отдал изучению Дальнего Востока. Еще в 1935 году по инициативе известного этнографа и писателя Владимира Германовича Тан-Богораза он совершил свою первую экспедицию на Амур.

...Лодку, словно в море, раскачивало на крутых амурских волнах. Незакрепленный конец паруса хлопал при сильных порывах ветра. Их было четверо, молодых, полных веры в свою удачу и оптимизма парней. Окладников хорошо помнил слова Тан-Богораза, сказанные перед отправлением в экспедицию: «Вас ждет нелегкая работа, трудности и испытания, но Приамурье — это страна удивительных возможностей, она открывается только отважным и умелым». И вот первый день путешествия по бескрайним амурским просторам. Впереди еще сотни километров по могучему Амуру-батюшке. Сильное течение гнало лодку все вперед и вперед.

К напайскому поселку Сакачи-Алян лодка пристала на

закате дня. С воды были видны домики «на курьих ножках» — свайный поселок. У шалашей сидели на корточках старики и старухи, курили длинные трубки. От этого мирного вида веяло эпическим покоем и мудростью тысячелетий. Вдали высились деревянные трубы, непонятным образом выраставшие из земли, на расстоянии нескольких метров от дома, а рядом с ними — двускатные крыши нанайских жилищ, которым и принадлежали эти трубы.

В глубокой задумчивости Окладников долго стоял около построек, удивляясь простоте сооружения, в которой заложено многовековой опыт жителей седого Амура. И только позднее ему посчастливилось раскопать жилище раннего железного века, в котором он увидит широкие лежанки, обогреваемые снизу дымоходом, выложенным из плит. Этот древнейший в мире кан, сооруженный две с половиной тысячи лет назад дальневосточными народами. Им позднее будут обогревать свои жилища чжурчжени, одно из амурских племен, создавшее в начале XIII века могущественное государство на Дальнем Востоке. Затем кан перейдет к их прямым потомкам — нанайцам. С Дальнего Востока кан распространится и в соседние страны — Корею, Маньчжурию и далее в Китай.

Размышления Окладникова прервали нанайцы — старик со старухой. Они приветствовали незнакомца и пригласили его в дом выпить чаю. Уже глубокой ночью, после очередной чашки круто заваренного кипятка, Алексей Павлович впервые услышал нанайскую легенду о рисунках Сакачи-Аляна.

«Это было давным-давно. В начале Света жили три человека. У них было три лебедя-ныряльщика. Однажды послали люди лебедей-ныряльщиков на дно реки достать для Земли камней и песка. Птицы нырнули. Семь дней были под водой. Вышли, смотрят: Земля ковром цветет, в реке Амур рыба плавает, тогда три человека сделали человека по имени Кадо и женщину Джулчу. И еще деву по имени Мамилджи. Народ размножался и заселял всю землю по Амуру...»

Старый нанаяец глубоко затянулся дымом из своей трубочки и надолго замолчал. Языки пламени вырывали из темноты лица сидящих у очага людей. Явственно слышался плеск: внизу волны Амура неслышно набегали на берег и, поиграв среди громадных валунов, также тихо откатывались назад. Лицо рассказчика — лицо мудреца, изрезанное глубокими морщинами, было погружено в раздумье. Нет, он вспоминал не легенду, которую помнил

хорошо и много раз рассказывал своим детям и внукам. Он думал о своем маленьком народе, о его прошлом и настоящем.

Наконец постучал трубочкой о бревно и, выбив остатки табака, продолжил:

«Кадо сказал: «Есть три солнца на небе. Жить слишком горячо. Я хочу застрелить два солнца!» И пошел к восходу. Вырыл яму, спрятался в ней. Увидел, как взошло первое солнце, и застрелил его. Выстрелил во второе солнце, но — мимо. Третье — убил. Одно среднее осталось».

Вода кипела — горой стала. Гора кипела — речкой стала. А пока камни не остыли, Мамилчжи нарисовала на них птиц и зверей. Потом камни стали твердыми...»

Так вечным памятником великим делам первого охотника стали древние рисунки, застывшие на гранитных валунах и скалах у нанайского села Сакачи-Алян.

А ранним утром, когда первые лучи солнца позолотили верхушки сосен, старый нанаяц на узкой лодке-оморочке, сшитой из коры деревьев, привез путешественников к тому месту, которое многие сотни лет считалось священным.

Здесь, на берегу могучей реки, громоздились глыбы черного базальта. Много миллионов лет назад они исторглись из недр земли и с тех пор лежат на берегу. Во время шторма, когда серый от пены и брызг, Амур страшен и всесилен в своем буйстве, они грудью отражают натиск волн и ничто не в состоянии сдвинуть с места эти черные громады — символ вечности и покоя.

Века, а скорее всего — тысячелетия, сгладили острые грани глыб, отшлифовали их поверхность, но не смогли стереть глубокие полосы, выбитые рукой неведомого художника древних племен. С одного из валунов на путешественников глядело лицо чудища. С илистого дна реки, из мутной воды, как будто выплывало само подводное страшилище — властитель Амура, «Черный Дракон». Его узкие, по-монгольски раскосые глаза, смотрели на пришельцев с немой угрозой. Образ чудища, выбитый на сакачи-альянском камне, рожден как будто самой матерью-землей, создан ее стихийной творческой силой, той самой, что гонит из своих глубин весенние бурные соки и дает начало всему живому на свете.

Окладников долго ходил среди базальтовых глыб, рассматривая все новые рисунки: изображение масок — личин, змей, животных, птиц. Они поразили его необыч-

ностью сюжетов, смелостью и точностью линий, хотя все изображения выбиты на прочном и твердом камне.

Загадочные рисунки Сакачи-Аляна потрясли Алексея Павловича изобразительной масштабностью и художественной ценностью: «Я вспомнил тогда, — напишет он позднее, — древний греческий миф о детстве вселенной и богов, о порожденных богиней земли Геей чудовищных исполинах, многоруких и змееногих титанах. Вспомнил битву олимпийцев с сынами земли, высеченную на мраморе Пергамского алтаря! Не таким ли изначальным мифом о детстве земли рожден и этот загадочный образ древнего чудовища на Амуре? В самом деле, как ни далек древний Пергам от Сакачи-Аляна, мы еще увидим, что у жителей Сакачи-Аляна до сих пор живет такой же миф о первых днях вселенной, о мифических героях-полубогах, миф, который служит ответом на вопрос — как появились рисунки на камнях Сакачи-Аляна».

Особенно поразительны были антропоморфные маски — личины. Широкая верхняя часть, огромные круглые глаза, раскрытая пасть с двумя рядами больших острых зубов и непропорционально узкий, округлый подбородок создавали картину, поражавшую своей демонической притягательностью. В верхней части некоторые маски окружены ореолом расходящихся лучей.

На одном камне — два рисунка. Глядя на них, нельзя не поразиться, с какой удивительной выразительностью древний мастер смог передать устрашающую силу этих изображений. Глаза не могут оторваться от них, и даже кажется, что чудища отделяются от камня и приближаются к тому, кто дерзнул нарушить их уединение.

Память подсказывает: маски на одежде и обуви нанайцев и ульчей Нижнего Амура удивительно похожи на эти изображения. А рядом с устрашающими личинами на скалах выбиты фигуры лосей, оленей и других животных и птиц. С воздушной легкостью подчеркнуты первобытным мастером гордый развал рогов, стремительность бега и спокойствие отдыха оленя.

Неподалеку, уже на самой скале, выбита фигура змеи в виде широкого зигзага, заполненного внутри тончайшей сеткой. Нанайцы объяснили Окладникову, что этот рисунок изображает гигантскую змею или дракона — «мудур». Мудур в нанайских преданиях могущественное существо, то благодетельное, то страшное — непременный персонаж шаманских мистерий. Неудивительно, что этот божественный змей тоже нашел себе почетное место на священных

скалах Сакачи-Аляна рядом с масками-личинами грозных шаманских духов. Мифический змей высечен был в таком месте, куда можно было добраться только по воде, на легкой нанайской лодке.

Среди изображений зверей особенно поражает экспрессией и тонкостью исполнения образ космического лося на большом камне, который наполовину затоплен, а во время высокой воды совсем скрыт под водой. Продолговатое туловище, длинная шея и маленькая голова с роскошными рогами — все готово к стремительному бегу. Внутри туловища выбито несколько концентрических кругов, знаков, связанных с солнцем. Это не просто обитатель тайги, а лось особенный, «небесный». Тот, который живет в легендах и преданиях многих народов, связанных с охотой на лося и северного оленя. С ним связывали охотники свое благополучие, обилие стад и удачу промысла. Несомненный культовый смысл имели и маски-личины. Не потому ли изображения в Сакачи-Аляне находятся на берегу Амура в месте, окруженном густым лесом?

Конечно, сейчас трудно установить, какое значение имело каждое из них, одно ясно: все фигуры сделаны очень талантливой и упорной рукой мастера.

Но когда? Легенды рассказывают, что это было очень давно, в незапамятные времена, в то время, когда на небе было три солнца и на земле жили три мифических существа.

Окладников вспомнил старый спор двух ученых Л. И. Шренка и Б. Лауфера.

Более ста лет назад академик Шренк собрал коллекцию различных предметов изобразительного искусства коренных жителей амурских берегов. Искусство это глубоко поразило ученого. У маленьких народов, затерянных на крайнем востоке, он не ожидал встретить такого высокого чувства прекрасного, выразившегося в орнаменте на одежде и обуви, в изделиях из бересты, дерева, кости.

Шренк обратил внимание на часто встречающиеся изображения человеческого лица, выполненные в своеобразной стилизованной манере. Они напоминали маски и от них веяло какой-то грозной силой. Часто изображения выполнялись как бы одной непрерывно раскручивающейся спиралью, которая встречалась и на халатах из рыбьей кожи, и на обуви, и на бересте.

Тогда же Шренк подметил одну особенность — вкус к орнаментике и развитие ее в Амурском крае возрастают по мере удаления от китайцев.

Позднее, в 1899—1902 годах, на Амуре в составе Северо-Тихоокеанской экспедиции работал крупный американский ученый Лауфер. Внимание Лауфера также привлекло богатое по содержанию и оригинальное по исполнению искусство амурских народов. Но в отличие от Шренка истоки этого искусства он пытался искать в Китае.

Многие изображения птиц и животных, масок-личин часто встречаются в изобразительном искусстве народов Нижнего Амура, что отмечено в свое время и Шренком и Лауфером. Значит, истоки этого искусства все же не в Китае, а здесь, на месте. И зародилось оно в глубокой древности. Может быть, даже в каменном веке?

Рядом с петроглифами археологи нашли каменные долота, с помощью которых выбивались эти рисунки, сосуды неолитической эпохи и другие предметы, созданные людьми, жившими пять-шесть тысяч лет назад.

Многие годы отдал Окладников изучению древних культур Амура. Им были раскопаны десятки поселений каменного века, и постепенно все более ясно вырисовывалась картина удивительной по своей глубине и своеобразию неолитической культуры племен Амура, расселившихся там несколько тысяч лет назад.

Еще в 1935 году Алексей Павлович впервые побывал на острове Сучу. «Сучу» в преданиях нанайцев означает «брошенное стойбище», «древний поселок». Их на острове оказалось несколько, относящихся к разным эпохам. В 1935 году Окладников начал здесь раскопки большого неолитического поселка.

От жилищ поселка, естественно, уже мало что сохранилось — их разрушило время. Но сохранившиеся, заплывшие уже котлованы достигали глубины трех-четырех метров, а их диаметр превышал десять метров. В древности это были большие помещения, в которых обитало несколько семей. В одной из западин археологи обнаружили сосуды, украшенные спиральным рисунком. Память подсказала ученому, что подобные им есть в фондах Эрмитажа, в коллекции этнографа Шнейдера, собранной в селе Кондоне в двадцатые годы. В последние годы в Кондоне и на острове Сучу велись широкие исследования. Они во многом открывают глаза на жизнь, быт и культуру поселенцев Нижнего Амура.

Кондон — большое нанайское село, привольно раскинувшееся на быстрой речке Девятке. Вокруг, куда ни брось взгляд, на многие сотни километров — бескрайняя тайга, мари и топи. Само село окружено с севера горами.

Зимой они являются хорошей защитой от холодных ветров с севера. Над селом, на левом берегу Девятки, высится скала, круто обрывающаяся у реки. В старинной нанайской легенде рассказывается, что один охотник из рода Самар долго гнал раненого оленя. Он зашел так далеко, что не знал, как найти дорогу обратно. Кругом шумела тайга, и солнце едва проглядывало сквозь стену деревьев. Охотник забрался на скалу. Перед ним открылась чудесная, залитая солнцем долина. На полюбившееся место он привел своих родственников. Так возник здесь поселок. И действительно, в селе все носят имя того охотника. Народ приветливый и дружный, они постоянно оказывали археологам неоценимую помощь во время раскопок.

Поселок каменного века располагался в центре нынешнего на берегу холодного и чистого ручья. Раскопки в селе Кондон велись в течение нескольких лет. Было обнаружено около десяти жилищ.

Эти жилища строились почти вплотную друг к другу. Они не образовывали улицы, а были расположены, как соты в улье, почти примыкая одно к другому. Жилища — полуподземные. Вначале выкапывали котлован глубиной до одного-полутора метров и площадью до ста и более квадратных метров. Землю рыли при помощи каменных мотыг и вытаскивали, по-видимому, корзинами, сплетенными из прутьев. У стен котлована вертикально ставились на расстоянии до полуметра друг от друга столбы, которые оплетали ивовыми прутьями и потом обмазывали глиной.

В земле, заполнявшей котлован, и на его полу, в особенности на самом дне и около стен, ученые обнаружили многочисленные каменные изделия и обломки сосудов. Костей животных и костяных изделий не было. Но кость в древних поселениях Амура из-за влажности и рыхлости песчаного грунта вообще сохраняется очень плохо. Зато здесь, как и в Сучу, оказалось много керамики, в том числе совершенно целые или раздавленные землей, но сохранившие свою первоначальную форму глиняные сосуды. Некоторые лежали на боку, другие стояли, третьи были перевернуты кверху дном. В одном из жилищ оказалось три сосуда, вставленных друг в друга. Кремневые отщепы лежали целыми скоплениями в тех местах, где производилась выделка каменных орудий, своего рода «мастерских». У стен одного из кондонских жилищ уцелела также и кучка пластинчатых наконечников стрел из кремня, плотно сложенных вместе и обращенных острия-

ми в одном направлении. Стрелы лежали, должно быть, связкой или в колчане. Древки их сгнили, а наконечники сохранили свое первоначальное положение.

Изделия из камня поражают удивительно тщательной отделкой. Ножи и наконечники копий выструганы тончайшей ретушью с большой, поистине ювелирной точностью. Большие массивные топоры, употреблявшиеся для рубки деревьев, строительства лодок и других хозяйственных целей, отшлифованы до блеска. Наконечники стрел, проколки, скребочки и прочий мелкий каменный инвентарь отделаны особенно тщательно.

Неолитические мастера Амура обрабатывали орудия труда с изумительной легкостью и изяществом. Это достигалось благодаря великолепному знанию свойств камня, а также тысячелетнему опыту, который вырабатывался в человеческом коллективе и передавался из поколения в поколение. Некоторые орудия труда, особенно совершенные по отделке, применялись, по-видимому, для различных ритуальных целей.

Различные украшения древние амурские мастера делали из нефрита. Из него же изготовлены и блесны — нежного беловатого цвета со светло-зелеными прожилками. Интересна история, связанная с находкой первой такой блесны. В 1961 году на Среднем Амуре у села Новопокровки, на древнем поселении, почти полностью распаханном, Окладников нашел первую блесну. Было много предположений о назначении этого орудия. Но все они по разным причинам отвергались. Непонятный предмет долго лежал у Алексея Павловича на столе. Как-то раз к нему зашел его молодой сосед по квартире — отчаянный турист, аквалангист, спортсмен, художник по специальности. Он взглянул на стол и удивленно воскликнул: «Откуда, Алексей Павлович, у вас такая роскошная блесна?» Это и решило судьбу неизвестной по назначению находки. Немедленно была налита в ванну вода, к «блесне» приделана нитка, и она действительно заиграла в воде точно так же, как играют ее современные сестры — блесны на спиннингах у рыболовов. Радости ученого не было границ. Ведь это была первая в мире блесна! Нигде еще в неолитических стоянках, возраст которых более пяти тысяч лет, не найдено ничего подобного. Но едва ли стоит удивляться, если вспомнить, что основным занятием нижнеамурских племен в неолите было рыболовство. Его развитие в полной мере компенсировало отсутствие земледелия. Рыба была здесь основной пищей, а рыболовство —

главным занятием и основным источником существования.

Неолитические племена Нижнего Амура создали не только самобытную материальную культуру, но и прекрасное искусство.

В жизни встречается не так много дней, события которых мы ясно и отчетливо запоминаем. Пятое сентября 1964 года было для меня одним из таких дней.

Моросил легкий дождь. Земля раскисла, и наша археологическая группа медленно пробиралась вдоль берега Амура, скользя на крутых уступах. Накануне вместе с Алексеем Павловичем и Славой Жалковским — художником, неизменным спутником многих экспедиций, мы приехали в село Вознесенское. Было еще светло и Алексей Павлович предложил сходить к берегам Амура в надежде найти что-нибудь интересное.

Прошло часа два-три, мы успели вымокнуть и хотели поворачивать обратно, но Алексей Павлович решил осмотреть еще высокий берег на излучине неподалеку от нанайского села Хунгари. Он шел по верхнему краю берега, а мы со Славой пробирались вниз. Амур в этом месте во время наводнений размывает берег, и нам стали попадаться каменные орудия. Находили то большой, хорошо отшлифованный топор, то прекрасно отретушированный нож или наконечник стрелы из прозрачного халцедона. Вскоре забыли о дожде и началась увлекательная «охота». Один за другим мы удивленно и радостно кричали: «Ура! У меня копые!.. Скребок!..»

И вдруг я заметил большой глиняный черепок. Когда я поднял его и вытер налипшую грязь, то вначале не поверил своим глазам. Он был покрыт яркой малиновой краской, и на нем виднелся какой-то непонятный орнамент. Не знаю, то ли вид был у меня не совсем обычный, то ли я закричал громче, чем следовало, но Алексей Павлович и Слава сразу же очутились возле меня и стали рассматривать удивительную находку. Скоро мы обнаружили еще несколько точно таких же черепков.

На следующий день, вооружившись лопатами и ножами, мы стали осторожно, слой за слоем, расчищать это место. Крашенные черепки попадались не очень часто, зато встречалось много каменных орудий.

Прошло несколько дней. Утром мы отправлялись на берег Амура, а вечером «колдовали» над черепками, пытаясь их склеить. И вот в один из вечеров, совсем неожи-

данно из черепков, которые подходили друг к другу, собралась маска-личина.

...Сердцевидный мягкий овал лица, глубокий вырез рта и чуть выпуклые губы. Глаза непропорционально большие в виде двух реторт. Очень осторожно выдавлен нос, так, что трудно сказать, где он начинается. Вся поверхность лица, за исключением глаз, была покрыта мелким сетчатым орнаментом. Рядом с лицом — какие-то изображения в виде лап с когтями. Изображение нанесено на верхнюю часть большого слабопрофилированного сосуда.

Позднее удалось найти еще одну маску меньших размеров. В ней глаза показаны в виде глубоких прочерченных кругов.

Очень интересно выражение лиц этих масок. Второе изображение больше похоже на человеческое лицо с широко раскрытыми глазами. В нем больше мягкости и очарования. А первое сильно напоминает сакачи-альянские маски-личины. От него также веет каким-то холодом и угрозой.

Жаль, что Амур унес и похоронил часть этого удивительного сосуда. Несмотря на самые тщательные поиски, нам удалось собрать только несколько фрагментов, из которых трудно вылепить единое целое. Но вполне возможно, что первая маска-личина, находящаяся в верхней части сосуда, у венчика, — какое-то божество.

В нижней части сосуда с двух сторон (нами найдена еще половина личины, аналогичная второму изображению) нарисованы два его помощника, служителя божества. А вокруг — орнамент из кружочков, спиралей, волнистых линий.

Несомненно одно: сосуд был сделан талантливой рукой большого мастера, который сумел не только вылепить изображения, но и вложить в них глубокое содержание.

При раскопках этого поселения были найдены обычные для Нижнего Амура сосуды, украшенные спиральным орнаментом и амурской плетенкой. В Вознесенском найдены такие же, как в Кондоне, каменные топоры, копья, наконечники стрел. Много обнаружено древней посуды. Большинство сосудов покрыто затейливым, резным орнаментом. Но наиболее часто сосуды украшались спиралью. Причем она, опоясывая изделие, не прерывалась: одна спираль точно вписывалась в другую. Часто, прежде чем прочертить их линии, древние мастера-художники покрывали всю поверхность мелкими оттисками штампа в виде гребенки. Такая же спираль, как на сосудах в неолити-

ческих поселениях у Вознесенского и Кондона, прослеживается и среди наскальных изображений у села Сакачи-Аляна. Некоторые личины представляют собой как бы непрерывно раздвигающуюся полосу. Она начинается обычно от правого глаза маски, окружает его, и концентрическими окружностями сплошь заполняет всю личину.

Художники, оставившие рисунки на глыбах у Сакачи-Аляна, маски-личины у Вознесенского и в Кондоне, жили в одно время и были родственны. Они относятся к одной нижнеамурской культуре. У них были те же традиции, та же техника обработки камня, единое, высокое и оригинальное искусство. Как бы в дополнение этому в 1964 году при раскопках на поселении у Кондона, рядом с целой группой сосудов, украшенных спиральным орнаментом, найдена статуэтка молодой женщины. По совершенству техники исполнения и выразительности ее можно считать одним из ярчайших образцов искусства каменного века. Нежная красота, спокойствие и строгость запечатлены искусной рукой древнего мастера в небольшом портрете. Уместно напомнить, что почти все женские скульптуры того же времени в Европе и в Средней Азии передают в основном отличительные признаки женского пола. Их связывают с культом плодородия. Совсем в другом стиле выполнена амурская статуэтка. Основное внимание древний ваятель уделил лицу. Оно юно и одухотворенно. Но это не главное. Главное в том, что это скорее всего индивидуальный портрет. Все черты лица вылеплены тщательно и любовно. Трудно даже предположить, что древние мастера могли одновременно создавать и наводящую ужас маску божества, и образ совсем земной, обаятельной женщины.

Не только думы о завтрашнем дне, о пище и крове беспокоили народы Амура пять тысяч лет тому назад. Помня и остро чувствуя прекрасное, они сумели и выразить это чувство, оставив нам яркие рисунки на камнях, своеобразный орнамент на сосудах и, наконец, воплощение идеала красоты в образе женской фигуры.

У нижнеамурских племен в каменном веке была высоко развита не только духовная, но и материальная культура. Не случайно, что ими изобретена и первая в мире блесна.

Облик лица скульптурного портрета из неолитического поселения в Кондоне оказался удивительно похож на лица нанайских девушек, работавших на раскопе. Но не только внешнее сходство сближает племена, жившие на

Амуре пять тысяч лет тому назад, и современных нанайцев и ульчей. В одежде, резных украшениях на дереве и бересте — всюду можно увидеть спирали, нижеамурскую плетенку и орнамент, напоминающий маски-личины Сакачи-Альяна и сосуды из села Вознесенского.

Истоки искусства малых народов Амура уходят в каменный век. Там зародилась его богатая и своеобразная орнаментика, которая привлекла внимание и Шренка и Лауфера в XIX веке и дошла до наших дней.

Не тысяча, а несколько тысяч лет и сотни поколений сменяли друг друга, развивая и совершенствуя свою материальную и духовную культуру.

«Выявить историческую специфику развития древних культур Амура, — писал Окладников в одной из своих первых работ, посвященных прошлому Приамурья, — проследить исторический путь носителей этих культур — задача увлекательная и захватывающая. Она особенно интересна и тем, что более глубокое изучение своеобразных древних культур Приамурья будет содействовать преодолению ряда традиционных заблуждений, в первую очередь — стремления преувеличивать культурные влияния, которые могли идти с юга, в том числе из бассейна реки Желтой, со стороны древнеземледельческой цивилизации, существовавшей в этом районе со времен неолита».

Работами археологов — Окладникова и его учеников — было установлено, что на Амуре издавна кипела собственная культурная жизнь, шел процесс развития местной, по-своему богатой и оригинальной культуры. Раскрылся новый художественный мир, настолько своеобразный, полный такой могучей творческой силы, что отныне уже нельзя сомневаться в его самостоятельности, в его собственных исторических корнях. А заодно в том, что он занимал около 5000 лет тому назад в мировой истории искусства каменного века свое собственное место наряду с другими, наиболее сильными и крупными в то время культурно-историческими очагами. И кто знает, как далеко и как глубоко распространилось влияние этой местной культуры не только на север, но и на юг?

Глубоко самобытная и оригинальная культура неолитических племен Амура не исчезает бесследно, она продолжается и в последующие времена. В раннем железном веке на обширных пространствах Амура и в Приморье расселяются народы — их называют пальцевскими племенами — потомки людей эпохи неолита, которые оставили после себя многочисленные поселения и своего рода «ху-

дожественные галереи» каменного века. Раскапывая одно из поселений, Окладников обнаружил модель костяного защитного щитка для большого кольца, употребляющегося при стрельбе из лука, миниатюрную модель, имитирующую лодку-берестянку, модель детской колыбели. Все эти изделия почти в неизменном виде существовали у тунгусских народов вплоть до XX века. Это был путеводный луч из далеких веков, который давал четкий ориентир в поисках истоков культуры тунгусов, в том числе и нанайцев. В настоящее время собрано много фактов, свидетельствующих о том, что на рубеже тысячелетий, к началу нашей эры на территории Приамурья и Приморья формируется прочная этническая общность тунгусских племен, которые в дальнейшем выступают на историческую арену Восточной и Северной Азии как мощная политическая сила.

Летом 1954 года Алексей Павлович с группой студентов начал свое путешествие от Сретенска с истоков Амура на большом рыбацком карбасе.

Шилка быстро катила свои воды навстречу голубой Аргуни, чтобы, слившись с ней, продолжать свой бег к океану. Карбас часто приставал к берегу то в одном, то в другом месте, и нередко его пассажиры возвращались с пристойной для археолога добычей. Тогда здесь устраивался временный лагерь и все брались за лопаты. В один из июльских дней карбас причалил в устье реки Половинки неподалеку от деревни Луженки. На склоне береговой террасы сразу же стали попадаться черепки глиняной посуды, халцедоновые пещеры. Наверху террасы были хорошо видны чашевидные западины — остатки котлованов древних жилищ. В одном из них заложили раскоп. Жилище оказалось небольших размеров, прямоугольное, с очагом в центре. На полу лежали остатки сгоревших стен, столбов и нар. Жилище погибло от огня. Найти удалось сравнительно немного: сосуды, наконечники стрел, ножи. Сосуды небольших размеров в виде ваз с налепным по венчику валиком. Этот поселок, уничтоженный пожаром, вначале не обратил на себя особого внимания. Но через несколько дней у деревни Усть-Черной археологи наткнулись на высоком утесе на другой, обширный — он состоял некогда из нескольких десятков полуземлянок — поселок, обнесенный валом и глубоким рвом. При раскопках археологи нашли те же самые, что и в Луженках, сосуды с налепным по венчику валиком. Одинаковыми по конструкции были и небольшие дома с очагом в центральной части.

В шести километрах вверх по речке Черной поднимается «Чудейский утес». Со стороны реки Черной и ее древних стариц он круто обрывается, образуя отвесные склоны. Высота утеса около 30 метров. Внизу раскинулась широкая долина, удобная для хлебопашества. На ровной вершине было выкопано два глубоких рва и между ними возведен высокий вал. Внутри городища — большое количество древних жилищ. Это городище принадлежало одному и тому же народу, что и городище у деревни Усть-Черной и поселок в Луженках. По Шилке и в верховьях Амура найдено было еще много поселений такого же типа.

Прошло несколько лет. Такие же памятники были обнаружены и в Приморье и в Приамурье. Окладниковым было установлено, что в начале нашей эры этот обширный край был заселен племенами, известными в письменных хрониках Японии, Кореи и Китая под названием «мохэ». Они делились на семь больших племенных группировок. Самая сильная и могущественная называлась Чернореченской и расселялась по Амуру.

Мохэсцы занимались хлебопашеством. Землю пахали плугом, для тягла использовали лошадей. Сеяли просо, пшеницу, а в Приморье разводили рис, из которого делали вино и другие напитки. Занимались скотоводством и охотой.

Охотились мохэсцы с луком и стрелами, отравленными ядом. Яды, которые были настолько сильнодействующими, что даже малейшее ранение стрелой было смертельным для человека или животного, готовили осенью.

Жили мохэсцы в небольших жилищах. Свои поселки они строили обычно по берегам озер и рек. В Приамурье известно около сотни мохэских поселений и могильников. На месте погребения они делали навесы, чтобы уберечь его от дождя. Если люди умирали зимой или осенью, то трупы клали на деревья, а рядом ставили капканы на соболей. Такой же обряд долгое время бытовал у многих народов Севера вплоть до XIX века.

Большие мохэские могилы раскопаны на берегу Амура у села Новопетровки, у села Троицкое на Зее и в селе Нейфельд Еврейской автономной области.

Мохэ вели меновую торговлю с соседними странами, в том числе с Китаем и Кореей. В обмен на железное оружие и инструменты, шкуры горностаев, соболей, тигров, медведей, больших мохэских лошадей, панты, они получали яшму, женьшень и другие товары.

У мохэсцев было богатое разнообразное и оригиналь-

ное искусство. В их жилищах археологи часто находят скульптурки животных — лошадей, баранов, свиней. В музеях Дальнего Востока имеется несколько бронзовых всадников на лошадях. Удивительно, что эти рисунки точно копируют изображения, которые нанесены на камнях у нанайского села Сакачи-Алян близ Хабаровска. На огромных валунах рядом с рисунками каменного века выбиты целые сцены из жизни мохэсцев. Здесь и великолепные картины облавной охоты, и стремительно мчащиеся лошади, и реалистически изображенные тигры.

Мохэсцы объединились в военные союзы, имели своих вождей. Среди других племен, живших на Востоке, они были самыми воинственными и сильными. Мохэсцы посылали свои посольства не только в Китай и Корею, но и в далекую Японию. Правители соседних стран пытались задобрить их дарами, чтобы привлечь на свою сторону в борьбе с Китаем. Да и южный могущественный сосед был заинтересован в дружеских отношениях с «воинственными варварами», как называли мохэсцев китайские летописцы. И не раз китайские императоры откупались от них дорогими подарками — своего рода данью.

В седьмом веке мохэские племена ведут большую затяжную войну в союзе с Кореей против Китая. Торговля с другими странами, военные походы — все это быстро обогащало племенную верхушку и к V—VI векам относится интенсивная классовая дифференциация мохэ. Приморские племена мохэ в конце VII века основали первое на территории Дальнего Востока государство Бохай.

...Был тихий октябрьский вечер. На западе медленно догорал закат. Изредка набегавший ветерок срывал с берез пожелтевшие листья, и они еще долго шелестели в побуревшей траве. Мы в безмолвии стояли у подножия знаменитой Горы-Шапки в шести километрах от села Поярково. Сколько легенд и преданий сложено об этом холме! В одной из них рассказывается, будто много сотен лет назад сюда пришел великий полководец и приказал войнам построить большую крепость. Люди носили землю в шапках и насыпали гигантский холм, а потом вершину укрепили глубокими рвами и высокими валами. Отсюда и пошло название «Гора-Шапка».

И действительно, среди скатерти-равнины одиноко высятся холм высотой до сорока и длиной около трехсот метров. А на вершине темнеют грозные валы и рвы, некогда заполненные водой, остатки башен и жилищ.

Первые же шурфы, сделанные на вершине холма, го-

ворили о том, что крепость была разрушена. Кто же смог разрушить эту неприступную по тем временам твердыню?..

В конце первого тысячелетия нашей эры на Дальнем Востоке происходят большие политические события. Вначале расцветает могущество уже упомянутого государства Бохай. Но в конце X века оно пало под ударами империи Киданей — монголоязычных народов, живших на севере и востоке Монголии.

И тут появляются снова мохэские племена, которые расселились по Амуру и не покорились киданям. Постепенно они объединяются и выходят на историческую арену под новыми именами — пюйчженей или чжурчженей.

Непокоренные чжурчжени доставляли массу хлопот киданям, вынуждая держать на границах своих владений многочисленные войска для отражения их набегов.

В XI—XII веках чжурчжени начинают играть важную политическую роль среди тунгусских племен, являясь оплотом их независимости. В начале XII века разгорается ожесточенная война чжурчженей с киданями.

Во главе чжурчженей стоял опытный военачальник и государственный деятель — Агуда, который в 1115 году принял титул императора, а своей династии дал наименование Цзинь — «Золотая». К 1118 году Агуда отнял у киданей Маньчжурию, и государство киданей фактически распалось.

В течение одного десятилетия чжурчжени под предводительством Агуды разрушили грандиозную империю киданей, простиравшуюся от Тихого океана до Монголии. С этого времени начинается период наивысшего расцвета могущества чжурчженей. Китайский император боялся соседства с таким сильным централизованным государством и всеми мерами стремился ослабить его.

В это время в Китае правила Сунская династия, раздираемая внутренней междоусобицей и крестьянскими восстаниями. Чувствуя слабость Китая, чжурчжени начали активные действия.

После смерти Агуды в 1123 году престол занял его младший брат Укимай. Один из его полководцев, Чжаньмоха, окружил главный город провинции Шаньси Тайюань. Другой полководец чжурчженей, Ханьлибу, напал на Пекин и вскоре овладел городом. После падения Пекина чжурчженим открылась дорога в глубь Китая.

В короткий срок они овладели территорией до реки Хуанхэ, перешли ее, окружили столицу Поднебесной им-

перии город Бянь (современный Кайфын-Фу) и продиктовали свои мирные условия. Сунский император должен был признать себя стоящим ниже чжурчженского государя и отныне именовать властителя чжурчженей дядей, а себя племянником.

Китайцы по договору обязались отдать чжурчженям весь Северный Китай вплоть до реки Хуанхэ, а также внести громадную контрибуцию: 5 миллионов лан * золотом, 50 миллионов лан серебром, 10 тысяч голов скота, 1 миллион кусков шелковых тканей. Сунский император согласился на все требования чжурчженей.

Начали собирать золото и серебро, взимая его у жителей столицы, но удалось собрать только 200 тысяч лан золотом и 4 миллиона лан серебром.

Недовольное поборами население собрало армию — 200 тысяч воинов против 60 тысяч чжурчженских. Однако китайские войска были разбиты вновь, и чжурчжени потребовали новую огромную контрибуцию, а затем в 1127 году забрали с собой китайских императоров, отца и сына.

Чтобы унижить Китай, оба экс-императора были объявлены даже не князьями, а простолюдинами. Триста членов императорского дома были связаны рукавами одежды и тоже увезены. Чжурчжени забрали с собой все дворцовое имущество, в том числе государственную печать, жертвенные сосуды, императорские носилки, платье, регалии, музыкальные инструменты, драгоценности, библиотеки, евнухов и мастеровых. И все это было увезено, как предполагал выдающийся востоковед XIX века академик Васильев, в Приморье, в район нынешнего Сучана.

В течение всего двенадцатого века Сунская империя стояла на грани катастрофы. Ничто, казалось, не могло спасти Китай от полного разгрома. Но в это время на севере Монголии вызревала новая грозная сила.

В начале XIII века после упорной и кровопролитной войны среди монголов возвысился Темучин. Расправившись с враждебными ему племенами и их старшинами, Темучин в 1206 году собрал старшин родов и племен и объявил себя ханом. С тех пор он назывался Чингисханом. Объединенные им монгольские племена стали грозной агрессивной силой.

* Старинная китайская денежная единица — слиток, вес которого менялся в различные эпохи. В XIX веке он равнялся примерно 40 граммам.

В 1210 году возник конфликт монголов с чжурчженями. Инициатором его был Чингисхан. Цзиньская империя в это время была ослаблена непрерывными войнами с Китаем. Покоренные народы часто восставали против верховной власти.

Воспользовавшись такой обстановкой, монголы бросили все силы на войну с чжурчженями. Захватчики брали один город за другим, уничтожая население.

В 1227 году Чингисхан умер. Перед смертью он завещал своим преемникам покончить с исконным врагом, уничтожив чжурчженей при помощи Китая. В 1230—1232 годах был предпринят большой поход монголов против чжурчженей во главе с Субудаем. В походе участвовал наследник Чингисхана Угэдэй, его брат Тулуй и сын Мункэ. Этот большой поход окончательно подорвал силы чжурчженского государства, и в 1235 году оно пало. Свыше 25 лет длилась война монголов с чжурчженями.

Монголы жестоко расправились со своими противниками. Так, например, весной 1214 года, возвратившись из похода, Чингисхан приказал умертвить несколько сот тысяч пленных юношей и девушек. Большая часть мастеров и ремесленников была угнана. Многие чжурчжени бежали далеко на север и в непроходимые горы и леса. Некогда цветущий край был превращен в безлюдную пустыню.

О последних днях защиты чжурчженей рассказали раскопки большого города в местности Шайга, произведенные учеником Окладникова, дальневосточным археологом Шавкуновым.

Доменные печи, в которых плавился металл, работали даже тогда, когда монголы уже ворвались в этот город. Кузнецы до последних минут изготавливали оружие: наконечники стрел, копья, кинжалы. Археологи всюду открывали следы пожарищ и разрушений.

Многое о былом могуществе чжурчженей может рассказать знаменитая крепость «Гора-Шапка». Это была когда-то действительно неприступная твердыня со сложной системой укреплений, но и она пала под ударами монголов.

Когда первые отряды русских землепроходцев в XVII веке пришли на Амур, они встретили здесь малочисленные тунгусские народы — дючеров, нанайцев, ульчей — потомков некогда могущественного государства чжурчженей.

Сегодня ясно одно, чем шире будут разворачиваться

археологические исследования в этой новой для археолога стране, открытой Окладниковым, тем определеннее будет выступать самобытность местных культур, тем больше мы будем знать об этих оригинальных и ярких культурах Дальнего Востока.

Более пятидесяти лет каждый год Окладников выезжал в экспедиции. В этом очерке рассказано о немногих его экспедициях. И каждая его экспедиция обогащала науку новыми открытиями. Весной 1981 года, уже больной, он выехал вместе с ленинградскими учеными на стоянку Улалинку, которую открыл и многие годы исследовал, считая ее древнейшей в Сибири и на Дальнем Востоке.

Это была последняя поездка ученого в экспедицию, которые он так любил. В его жизни не было ни одного года, чтобы он не выезжал в поле. В экспедициях проявлялись его лучшие качества человека и ученого. Казалось, он не замечал неустроенность экспедиционного быта и все тяготы и лишения кочевой жизни переносил спокойно и легко. Всегда нас поражала простота Алексея Павловича в экспедициях, готовность его рассказать местным жителям о всем том, что делают археологи.

Более 60 книг, около тысячи статей, рецензий и заметок написано им. Многие его книги и статьи переведены и опубликованы во многих странах мира. Поражает широта эрудиции и интересов Окладникова: проблемы становления человеческого общества, происхождения искусства, история древних культур Центральной, Восточной и Северной Азии от первоначального заселения этих территорий человеком до средневековья, история первоначального заселения человеком Америки. И во всех этих вопросах он был признанным авторитетом не только у нас в стране, но и за рубежом.

За выдающийся вклад в науку Герой Социалистического Труда академик Окладников удостоен двух Государственных премий, ему было присвоено звание заслуженного деятеля науки РСФСР, Бурятской и Якутской АССР. Академии наук Венгрии, Монголии, Британская королевская академия избрали его своим действительным членом.

Окладников был не только прекрасным ученым, но и крупным организатором науки, хорошим педагогом. Долгое время он работал в одном из ведущих археологических учреждений страны — Ленинградском отделении Института археологии АН СССР. А в 1961 году, когда было создано Сибирское отделение АН СССР, Алексей Пав-

лович переехал в Новосибирск и возглавил работу гуманитариев Сибири. Им был организован сначала Отдел гуманитарных исследований, а в 1966 году — Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР, бессменным директором которого он оставался до самой смерти.

Алексей Павлович подготовил десятки учеников, которые работают в различных районах нашей страны и которые продолжают дело его жизни.

Во всех областях и краях Сибири и Дальнего Востока работают археологи — ученики Окладникова или специалисты, которым он оказывал большую помощь и внимание. Будут проходить годы, десятилетия, но многие идеи, высказанные им в статьях и книгах, сохраняют свою значимость и актуальность. Археологи раскопают много новых памятников, откроют новые культуры, но огромный исторический пласт, впервые поднятый Окладниковым, всегда будет занимать достойное место в исторических построениях будущих исследователей.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Окладников А. П. Материалы к библиографии ученых СССР. М., Наука, 1981.

Деревянко А. П. В поисках Оленя Золотые Рого. М., Сов. Россия, 1980.

Ларичев В. Е. Сорок лет среди сибирских древностей. — В кн.: Материалы к биографии академика А. П. Окладникова. Новосибирск, Зап.-Сиб. книжн. изд-во, 1970.

Молодцов И. Человек воскрешает века. — В кн.: Если ты коммунист. М., Сов. Россия, 1968, с. 116—139.

Падерин Г. Н. В зоне неизведанных глубин. — В кн.: Падерин Г. Н. В зоне неизведанных глубин. Новосибирск, Зап.-Сиб. книжн. изд-во, 1980, с. 5—88.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ. А. Яншин	5
СЕМЕН УЛЬЯНОВИЧ РЕМЕЗОВ. Б. Полевой	9
ГАВРИИЛ АНДРЕЕВИЧ САРЫЧЕВ. В. Пасецкий	76
ИННОКЕНТИЙ ВЕНИАМИНОВ. <u>А. Окладников</u> 	130
НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ МУРАВЬЕВ. А. Алексеев	162
ВОИН АНДРЕЕВИЧ РИМСКИЙ-КОРСАКОВ. Л. Демян	230
АЛЕКСЕЙ ПАВЛОВИЧ ОКЛАДНИКОВ. А. Деревянко	294

ИБ № 3603

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

Редактор **А. Иванов**

Серийная обложка **Ю. Арнда**

Художественный редактор **А. Степанова**

Технические редакторы **Р. Сиголаева, Н. Янубова**

Корректоры **В. Назарова, Л. Четыркина, И. Тарасова**

Сдано в набор 16.02.83. Подписано в печать 24.10.83. А05319.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура
«Обыкновенная новая». Печать высокая. Условн. печ. л. 18,48+
+ 1,68 вкл. Учетно-изд. л. 22,0. Тираж 150 000 экз. (1-й завод
75 000 экз.). Цена 1 р. 60 к. Заказ 2330.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типо-
графии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

1 р. 60 к.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ